

Н56
К-50092

Зоя НЕСТЕРОВА

**И мужчины
плачут...**

K-050092

БИБЛИОТЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ЧР

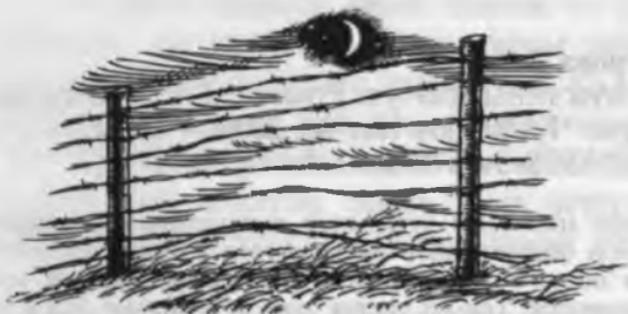
№ п/п	№ документа	Наименование документа	Автор	Год издания	Состояние	Примечания
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						
8						
9						
10						
11						
12						
13						
14						
15						
16						
17						
18						
19						
20						
21						
22						
23						
24						
25						
26						
27						
28						
29						
30						
31						
32						
33						
34						
35						
36						
37						
38						
39						
40						
41						
42						
43						
44						
45						
46						
47						
48						
49						
50						

Зоя НЕСТЕРОВА

ОБЯЗАТЕЛЬНО
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

И МУЖЧИНЫ плачут...

Роман

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2009

ПРОЦ. 0209П
50

УДК 821.512.111
ББК 84 (2Рос=Чув) 6-4
Н 56

И МУЖЧИНЫ
...плачут...

Нестерова З.А.

Н 56 И мужчины плачут: Роман / З.А. Нестерова. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. — 351 с.
ISBN 978-5-7670-1677-8

Роман известной чувашской писательницы о судьбе человека, в силу обстоятельств оказавшегося в фашистском плену. Однако и после возвращения на Родину его беды и мучения не заканчиваются. Только чистая душа и сознание своей правоты, а также сила воли и природная смекалка помогают Васюку Митаеву выстоять в тяжелых испытаниях, выдержать которые под силу не всякому.

УДК 821.512.111
ББК 84 (2Рос=Чув) 6-4

K-50092

© З.А. Нестерова, 2009
© Чувашское книжное издательство, 2009

ISBN 978-5-7670-1677-8

ПРОБЕ, БИО
20 10

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Часть первая

Жизнь моя, что ты еще готовишь мне?

В. Тургай

1

На улице бушует неистовая метель. Укрывая все вокруг белым полотнищем, сыплется сверху снежная крупа, больно бьет в лицо и застилает глаза. Свиристствует пронизывающий ветер, оставляя перед домами высокие снежные сугробы. Не обращая внимания на бушующую погоду, по улице бредет маленький человечек. Это — Васюк возвращается из школы. Он учится во втором классе. Учеба ему нравится, жаль только, школа находится далековато, в селе, что в трех километрах. В хорошую погоду добираться туда нетрудно. Но сегодня метель изнурила. Ветер бьет и толкает назад, холод до боли шиплет лицо. Васюк то прикрывается варежкой, то пытается идти задом наперед, он измучился, увязая в глубоких сугробах... Кажется, уже добрался. Вот показался его дом. Перед воротами возится отец. Он легко раскидывает высокий сугроб широкой деревянной лопатой. Здесь тоже ветер не перестает озорничать, он то сдувает порывами легкий снег с лопаты, то швыряет его обратно.

— Вернулся? — спросил отец подошедшего сына.

Отец Васюка среднего роста, с редкой острой бородкой. Маленький сын знает, что он вернулся с Гражданской войны больным, поэтому такой бледный, часто жалуется на боли в желудке. Несмотря на это, не сидит без дела. Летом хлопочет целыми днями в поле, и зимой для него всегда находится работа в хозяйстве.

— Замерз, сынок? Зайди быстрее в теплую избу, — взглянув на покрасневшее от ветра и холода лицо сына, сказал он. — Подожди-ка... Одежда твоя вся в снегу. Дай стряхну. В такую погоду, сынок, легко заблудиться в поле. Надо было зайти переночевать к тете. Вот говорят, что в будущем году откроют в деревне школу для таких малышей, как ты...

— Папа, меня сегодня похвалил Митрофан Афанасьевич. Поставил мне «отлично», — не удержался Васюк и выплеснул свою радость, прерывая отца.

— Хорошо, сынок, молодец...

— Бог в помощь, Михал Сантарч, — пытаюсь перекричать шум ветра, обратился к отцу проходивший мимо мужчина. Это дядя Микихвер, их односельчанин, дальний родственник. Хотел было пройти мимо, но вдруг что-то надумав, резко повернулся и подошел к ним.

— Зря стараешься! Через час все опять заметет. Смотри, как сыплет.

— Чем сидеть без дела, лучше тереби полу шубы, говорят чуваши. Если заметет, снова расчистим, — шутя ответил отец Васюка и, сняв рукавицы, протянул руку соседу.

— Ну как, пойдешь сегодня на собрание? — спросил дядя Микихвер, потирая широкую черную бороду.

— На какое собрание?

— Разве вы не слышали? Тогда, наверное, гонец еще ходит на другой улице. Скоро до вас добредет. Сегодня приехали начальники из района.

— Не побоялись метели.

— Да уж. Вечером нужно собраться в доме Йаганатова Микулая.

— О чем говорить будут?

— Сказали, про колхоз. Как ты думаешь, придется нам все-таки вступить в колхоз?

Отец Васюка оперся о лопату, помолчал.

— И в прошлом году долго будоражили народ из-за этого. Бились-бились, пытаюсь создать новую жизнь. Один-два месяца продержался колхоз, а как наступи-

ла весна — разлетелся вдребезги. Может быть, и нынче все так же будет.

— Не знаю, — почесал затылок Микихвер. — Говорят, что нужно объединить земли, лошадей и скот собрать в один общий двор. Как же тогда жить? Сейчас я сам хозяин своей лошади. Если вступлю в колхоз, она не будет моей. У кого должен буду спрашивать разрешения запрячь ее?

Пока они беседовали, на улице появился еще кто-то. Оказывается, это Кируков Ванька, живущий по соседству, мужчина крепкого телосложения, лет тридцати. Он в числе бедных крестьян деревни: и дом у него маленький и старый, и скота немного — одна худая лошаденка с выступающими ребрами, две-три овцы и вечно бродящая по улице в поисках корма коза.

— Куда торопишься сквозь пургу, Ванька? — окликнул его дядя Микихвер, когда тот проходил мимо них, увязая в снегу. Тот повернул к беседующим мужикам.

— Из района приехали начальники, расскажут о колхозной жизни. Это они собирают нас, бедняков, в сторожке. Наверное, хотят посоветоваться с нами сначала, до собрания, о том, что делать. Вот и тороплюсь. Надо успеть к назначенному времени.

— Конечно. Топай. Ты теперь деловой. Начальник бедняков, — открыто подтрунивая, сказал Микихвер.

— Председатель комитета бедняков, — гордо поправил его Ванька. — Советское государство принимает и нас, нищих, за людей. Сейчас в почете мы, а не богачи-мироеды.

— Конечно, Ванька, правду говоришь... Иди же, иди. Не подобает начальникам опаздывать, — опять подтрунивая, сказал Никифор, но Ванька, кажется, и не почувствовал этого.

— Не забудьте прийти на собрание. Сегодня все как один должны вступить в колхоз, — сказал он и пошел своей дорогой.

— «Уважаемый человек...» Тьфу! — плюнул сердито Микихвер. — У самого нет дров, чтоб топить. Жена и

дети не могут слезть с печи. Не хватает хлеба. А как работать — не сдвинуть с места. Только бегает туда-сюда. Думает, что в колхозе будет все готовое? Везде надо работать. Не потея, праздно шатаясь, не прокормишься.

— Хочется же стать начальником. Почувствовал себя важным человеком... Э-э, не хочу даже говорить про него, — махнул рукой отец Васюка. — А, ты еще здесь, — заметил он наострившего уши, прислушивающегося к разговору взрослых сына. — Ступай давай. Проголодался, поди. Мать там дома.

Васюк очень хотел было послушать, что говорили двое мужчин о колхозе и о Кирукове Ваньке, но не посмел ослушаться отца. Вскоре он с силой открыл примерзшую дверь и вошел в теплую избу, снял шапку и холщовую сумку с плеча, положил на скамейку, а шубу повесил на гвоздь.

— Что же ты принес сегодня? — спросила тетя Санюк, сидевшая за прялкой возле печки, как только сын прошел вперед.

— Митрофан Афанасьевич сказал, что поставит «отлично» в журнал за стихотворение. Он похвалил меня. Пожелал другим ученикам быть такими же молодцами, как я, сказал: «Вы должны брать пример с Миталева Василия», — радостно сообщил мальчик. (Наверное, нужно заметить читателям, в те годы оценки за знания были: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», «очень плохо».)

— Э-э, вон как. Я-то думала, ты получил «плохо», раз так долго крутился у избы. Не хотела кормить тебя обедом, — ласково и довольно засветились глаза матери.

Она встала, вытерла чисто вымытый стол полотенцем и положила на стол ложку, нарезала хлеб. Потом взяла ухват и вытащила из горячей печки большой чугунок, налила вкусно пахнущий дымящийся суп в глубокую миску и поставила ее перед сыном.

— Кушай. Расти большой, — сказала мать и снова принялась крутить полное веретено, сев рядом с печкой.

«Сегодня мама добрая, — уплетая суп, подумал Васюк, обрадовавшись ласковым словам. — Эх, если бы всегда было так!»

Говорят, зимний день с воробьиный нос. И действительно, только Васюк поел и убрал со стола, в избе начало темнеть. Мать не спешит зажигать лампы — бережет керосин. Чтобы пряхь, ей пока хватает света. Из-за этого и сын пока не приступает к выполнению домашних заданий. К сожалению, сегодня нельзя кататься на санках — все завалено снегом. На улице сейчас утихла метель, только ветер все бушует. Вот полный месяц, окрасив голубоватым светом округу, выплыл из-за туч и заглянул через замерзшее окно, как бы спрашивая, почему люди сидят в темноте. Васюк подошел к своему трехлетнему братишке Коле, игравшему на скамейке. Перед ребенком разные игрушки: выструганные лучины, сучковатая палочка — это соха, осколок кирпича — лошадь, сложенные квадратом лучины — изба, хлев, сарай...

У них нет игрушек, купленных в магазине. «Откуда я найду денег для игрушек? И без них вырастут. И мы так же росли», — говорила мать.

Васюк вытащил из кармана гладкий-прегладкий черный камушек и дал его братику:

— На. Это не камень, а лошадка. И зовут ее так же, как нашу, Звезда. Сейчас мы ее запряжем и поедем к нашему дяде в гости, ладно?

И еще одна вещь есть у Васюка в кармане. Он нашел ее сегодня в школе на полу — половинка сломанного ножика. Не самодельного, а магазинного. Он схватил и быстро спрятал его. Очень хочется поиграть, только боится, что мать отберет. Сразу начнет расспрашивать, откуда взял, зачем на чужую вещь позарился, и начнет требовать, чтобы отнес обратно.

Примерзшая дверь избы открылась со стуком и вошла тетя Тарье.

— Можно к вам? Бог в помощь! — сказала она, переступив порог.

— Добро пожаловать. Проходи вперед, — откликнулась хозяйка, все еще прявшая при свете луны.

Тетя Тарье живет по соседству. Дом у них пятистенный. В передней комнате живут сами с тремя детьми, заднюю комнату сдают сельскому Совету. Поэтому у них часто останавливаются районные работники. Эти не носят, как сельчане, лапти и зипуны. Прошлым летом Васюк даже видел женщину в блестящих туфлях, с завязанным вокруг головы красным платком. А однажды приезжал в сельсовет высокий мужчина верхом на великолепном коне. Сам в зеленой военной форме, справа кобура револьвера.

С наступлением вечера работники сельсовета расходятся по домам. Тетя Тарье моет полы, протирает окна. С различными поручениями от сельсовета тоже ходит она. Поэтому Васюк догадался сразу — она пришла звать на собрание. Наверное, мать тоже поняла, не зря ее голос не приветлив.

— Проходи, — сказала она.

— Я ненадолго. Хотела успеть оповестить до наступления темноты. Не получилось. Выбилась сегодня из сил, утопая в глубоком снегу. А дяди Михали нет дома?

— Куда он пойдет в такую погоду? Наверное, кормит скот. Вон уже заходит.

И правда, в тот же миг послышалось, как хлопнула дверь в сенях. Мать Васюка поднялась, положила прялку и зажгла мигающую керосиновую лампу, подвешенную под потолком.

— Пришла звать на собрание, Михал Сантарч. Районные руководители проводят. Начало в шесть часов. Сказали собраться в доме Йагантова Микулая, — сообщила гонец, как только хозяин дома вошел в избу.

— Я уже слышал, слышал. Опять об организации колхозов, говорят?..

— Не только. Будто бы будет решительный разговор о кулаках. Обязательно приходите. Тетя Санюк, и ты не отставай, — сказала тетя Тарье и ушла.

Когда захлопнулась дверь, в избе наступила тишина, слышно было лишь тихое жужжание веретена.

Васюк знает, кто такой кулак. Детям в школе Митрофан Афанасьевич рассказывает об этом каждый день. Сельские жители разделяются сейчас на три группы: богачи, бедняки и середняки. Богачей немного, только два-три в деревне. Их называют кулаками. Оказывается, кулаки — враги народа. Они разбогатели, угнетая бедняков, заставляя их работать на себя. Поэтому надо отнять у них добро, а самих прогнать из деревни. Для них, пьющих народную кровь, нет места в колхозе. Средняки — неплохие люди. Их не осуждает советская власть, им она доверяет. А бедняки — настоящие друзья новой жизни. В прошлые времена и царская власть сильно притесняла их, и кулаки заставляли много работать, а платили мало. Только рабоче-крестьянская власть даст беднякам счастливую жизнь. Ее они обретут, работая в колхозе... Так объясняет Митрофан Афанасьевич детям в классе.

Васюк поверил словам учителя, ведь тот много учился, много знает. Однако... Может быть, и вправду богатеют кулаки в других деревнях, эксплуатируя бедняков. Есть они и в деревне, где живет Васюк. Одного зовут Керкури Ермолайч. Дом, конечно, у них большой, да и семья не маленькая — пять сыновей и две дочери. Старший сын женился, но еще живет с отцом, в этом году начали строить дом для него. В хозяйстве Керкури Ермолайча даже в летние дни работает только его семья. И жнут, и молотят хлеб, возят солому с поля — все делают сами. Даже их младший сын Усьап, сверстник Васюка, не отстает от полевых работ. Тогда почему же они — враги народа? Почему должны быть изгнаны из родной деревни? Когда Митрофан Афанасьевич говорит о деревенских кулаках, всегда смотрит на Усьапа, который сидит на одну парту впереди от Васюка, отчего в классе некоторые дети постоянно дразнят бедняжку кулаком.

К тому же Керкури Ермолайч — вовсе не угнетатель. В прошлом году как осенью, так и весной они

помогали Кушакову Сепридуна вспахать и засеять участок, поскольку лошадь Сепридуна вдруг заболела и пала. Вот и помог ему Керкури Ермолайч в беде. Лошадь не скоро купишь, нужны большие деньги. Как говорят, долг платежом красен, дядя Сепридун с женой тоже ходили иногда к своим благодетелям выполнять кое-какие работы, помочь в хозяйстве. Оказывается, сейчас Керкури Ермолайча обвиняют из-за этого. Об этом Васюк знает из домашних разговоров родителей. Мать очень не любит, когда говорят, что кулаки обогащаются за счет бедняков.

— Они трудолюбивые люди, создали свою жизнь не лежа на боку, а потом и кровью, — говорит она всегда. — Оказывается, наш сват Керкури разбогател с помощью Кушакова Сепридуна. Тьфу, смех да и только! О времена настали!.. Не к добру это! Наверное, наступает конец света...

Конечно, есть причина так горячиться у тети Саянюк. Двое ее родственников, старший брат Микулай и младший Илья, были знатными людьми в деревне, оба жили богато. Оба трудились со своими семьями без отдыха. Илья держал две мельницы. Каждый год арендовали они землю, пахали, сеяли, жали, убирали. А еще любили выращивать деревья. У каждого есть большой яблоневый сад. Кроме того, сколько ветел посадили и вырастили они в овраге рядом с деревней, около пруда. Однако недолгой была жизнь у дяди Ильи — два года назад он заболел и умер.

— Богоугодно жил Илья. Не обманывал людей, помогал неимущим. Ни одного нищего не отпускал он, не накормив, без куска хлеба, оттого и взял его Бог, пока не нагрянула беда, — говорила мать, когда в деревне начали притеснять богачей.

Второй родственник, Микулай, превосходил по богатству младшего брата. Он держал магазин, там всегда было полно всякого нужного для деревенских жителей товара. Микулай тоже ежегодно арендовал землю, выращивал и продавал хмель. Говорят, аж до Америки возил. Васюк помнит, как в большом амбаре дяди

лежали аккуратные стопки прессованных, тщательно упакованных, фунтовых тюков хмеля. На каждом тюке была фотография семьи дяди — там были изображены он сам, его жена, четыре сына и дочь. И таким образом показать свою славу не был промах Микулай Никифорч. Издалека виднеется его большой кирпичный дом среди покрытых соломой маленьких деревенских избышек. Для выездов и различных поездок он держал красивого коня-скакуна, чтобы всех обгонять. И тарантас, и сани с задком были у него лучше и наряднее, чем у других богачей в округе. И слуг он держал, и, говорят, не стеснялся обманывать при торговле или в расчете с работниками. Несказанное трудолюбие и деловитость брата, его умение из года в год увеличивать и умножать свое хозяйство радовали Васюкину мать. Она гордилась родственником. Однако ей не нравилось, что, стремясь обогатиться, тот работал по воскресеньям, когда Бог велел отдыхать. Также она осуждала обман с целью получения большого дохода. Тетя Санюк и сама была скупа, когда дело касалось хозяйства и денег, но никогда не зарилась на чужое.

Васюк понимает, что его дядя Микулай — настоящий кулак. Несмотря на это, он сочувствует ему. Почему-то сочувствует... Трудно ему, малышу, понять жизнь взрослых, в это мутное время найти истину своим умом. Один говорит так, другой эдак...

Когда захлопнулась дверь за гонцом из сельсовета, некоторое время в избе было тихо. Слова об окончательном разговоре о кулаках заставили мгновенно потемнеть лицо тети Санюк.

— Надо, наверное, пойти на собрание, — поужинав сказал хозяин дома, выходя из-за стола. — Послушаю, о чем будут шуметь сегодня сельчане, что решат. Не пойдешь? — спросил он жену.

— Ну, иди, — тяжело вздохнула Васюкина мать. — А то оштрафуют... Нынче еще пугают этим. Но запомни, не встревай в разговоры о вступлении в колхоз. Как бы ни настаивали, держи язык за зубами.

— Как народ скажет, — неуверенно проговорил глава семьи, надевая шубу.

— Народ... народ... Опять та же песня, — голос тети Санюк стал раздраженным. — Михаил, об этом мы уже толковали с тобой. И сейчас вот говорю, перекрестясь: только вступи в эту антихристову артель, ни на день не останусь в этом доме. Побираться пойду, от голода помру, но душу не продам.

Глава семьи промолчал, надвинул шапку на лоб и вышел из избы.

Васюк закончил выполнять домашние задания, и в его голове опять начали роиться разные мысли. Он убрал учебники в сумку и подошел к прядушей матери.

— Мама, мы тоже богачи?

— И-и, сынок, разве богачи живут как мы?.. Вот дядя Мигулай...

Как дядя живет, Васюк знает хорошо. Но сейчас его волнует другое.

— Кто же тогда мы? Бедняки?

— Слава Богу, до сих пор хлеб ни у кого не занимали, не нищенствовали. Питались тем, что сами сеяли и выращивали. Есть лошадь, и скот всегда держали... До сих пор жили нормально, а что ждет впереди, один Бог знает, — вздохнула мать.

— Мама, а почему ты не хочешь вступить в колхоз? Митрофан Афанасьич говорит, что бедняки и середняки найдут свое счастье в колхозе. В советской стране не будет впредь ни бедняков, ни богачей. Все будут жить одинаково в достатке, все будут счастливы, как он говорит... Если вступим в колхоз... — не успев закончить мысль, мальчик невольно запнулся, увидев, как сердито сверкнули глаза матери.

— А ты не верь всякой болтовне, — сказала мать, подавляя гнев. — Твой Митрахван Афанасьич слишком молод, хоть и учит в школе. Рано ему еще судить о жизни народа, о счастье. Болтун... Мутит детские головы!

Как-то изменилось настроение Васюка после этого. Или неуважительные слова о любимом учителе вы-

звали раздражение в его сердце, или накопело от частых беспричинных сердитых окриков, мальчик и сам не понял. В нем вдруг проснулось незнакомое решительное чувство протеста против несправедливости. Оттого он и не стал скрывать вспомнившиеся слова, хоть и ожидал, что мать очень рассердится.

— И о церкви, — опять промолвил он, — Митрофан Афанасьич говорит: «Бога нет. Его выдумали богачи, чтобы обманывать народ».

Бум! Стукнула мать по голове концом веретена, сверкнув глазами.

— И-и, безобразный язык! Смотри, услышу еще раз такие слова... Сейчас же проси прощения у Бога! Отбивай земные поклоны! Ну!..

К счастью, в этот момент послышался шорох в сенях, примерзшая дверь открылась со стуком, и в избе вместе с холодным паром показалась фигура в черном длинном тулупе.

— Можно к вам? — сказала эта фигура, распахивая ворот тулупа.

— Ой, сношенька, это ты? — воскликнула мать Васюка суетливо. Она вскочила, прислонив прялку к печке, поспешила навстречу гостье. — Как ты не побоялась выйти в такую непогоду под вечер? Целый день мело, дорога, поди, очень плохая?

— В поле еще ничего. Только местами заносы. Хорошо, лошадь выносливая. Сниму-ка тулуп.

Васюк узнал вошедшую женщину сразу. Это его любимая тетя, жена покойного дяди. На ней новая черная шуба, украшенная узорами из разноцветных лент, поверх теплого толстого платка повязан еще один красивый платок с яркими цветками. На ногах — черные валенки.

— Ну раздевайся. Проходи вперед. Как поживаете?

— А-а, о многом надо поговорить. Только лошадь еще на улице. Сначала надо бы ее завести и распрячь, из-за сугробов не смогла открыть ворота.

— Сейчас заведем, — сказала хозяйка дома, снимая шубу с крючка.

— Зятя нет дома?

— Его позвали на собрание... И у вас будоражат народ, заставляя объединять хозяйства? — беседа, они вышли во двор.

Оставшись один, Васюк открыл книгу. Он любит читать стихи. Охотно учит их наизусть. Мелодичное чередование слов и строк в стихотворении напоминает ему и трогательную песню, и журчание чистого ручья, и еще что-то мимолетное, светлое.

Солнышко проснулось,
Глянуло в окно.
Ваньке улыбнулось
Радостно оно.

Это стихотворение раз прочитал внимательно и уже запомнил. Но есть и трудные. Вот сегодня задал Митрофан Афанасьевич новое стихотворение, его нужно прочитать наизусть на уроке через неделю. Оно называется «Стальной корабль», а написал Семен Элкер. Его строки длинные, но привлекательные и очень звучные.

К манящему берегу сквозь волны лихие
Корабль по синему морю плывет.
Он долго боролся один со стихией,
Тернист и мучителен был его путь.

Васюк любит и русские стихи. Хоть значения многих слов непонятны, они журчат и звучат также, рождая в голове различные образы.

Еду-еду в чистом поле,
Колокольчик динь-динь-динь.
Страшно-страшно поневоле
Средь неведомых равнин.

Хорошо учить в тишине. Маленький Коля спит в углу. Никто не мешает. Однако сегодня память его утратила былую внимательность. В смятении не получалось заучивать нужные слова. Зачем же пришла жена покойного дяди Ильи в такую непогоду под вечер? Ведь красивая, белолицая, с большими голубыми глазами тетя считается сейчас кулаком. Знает Васюк: после

смерти хозяина дома она не развалила, а крепко ведет свое хозяйство.

Вскоре женщины вошли. Когда, раздевшись, они подошли ближе к керосиновой лампе, он заметил покрасневшие глаза матери.

— Бедняги... Как только выдержали, когда уезжали? — сказала тетя Санюк и снова всхлипнула.

— Тетя лучше держалась, не показывала своего отчаяния. А Микулай рыдал, упав на пол.

— О Боже! На все воля твоя! Но почему? Почему? Что они сделали такого, за что разграбили все их добро, а самих прогнали из дома, из родной деревни? Куда же увезли их, горемычных?

Позднее Васюк узнал — в то утро еще до рассвета три милиционера проводили дядю Микулая и его семью на подводе на железнодорожную станцию.

Васюк ожидал, что сняв шубу и пройдя вперед, его любимая тетя подойдет к нему, как всегда, ласково похлопает по спине, погладит по голове и даст вкусный гостинец. Но в этот раз она почему-то не заметила ребенка, в ее глазах не было заметно нежности. В них были только огромная тревога и беспокойство. Как будто не зная, что делать, ходила женщина взад-вперед, подняла лежащий веник и прислонила в угол, аккуратно сложила платок на скамейке и только потом увидела устремленные на нее радостные глаза мальчика.

— Ах, как я забыла...

С такими словами гостя вытащила из кармана шубы маленький кулек и положила в ладони Васюка несколько вкусно пахнущих печений. А про ласковые слова забыла. Как только ее рука, огрубелая в трудной работе, коснулась головы мальчика, тут же опустилась без сил. Она подошла к окну и молча стала смотреть в замерзшее окно.

— Анись дома нет? На учебе, поди, — промолвила женщина наконец.

Анись — это сестра Васюка, старше него на пять лет. Прочувшись два года в соседней деревне, она

поступила в школу крестьянской молодежи (еще ее называют ШКМ), что находится в селе, в пятнадцати километрах от их деревни.

— К сожалению, приходит только на выходные, — сказала мать Васюка, помешивая ложкой скворчащую картошку в сковородке. — Далек ходить. Сама захотела учиться, а я не стала препятствовать.

— Учиться не мешает. Молодые должны учиться, — сказала гостья, садясь на скамейку. — А я до сих пор жалею, что запретила Сане ходить в школу. Я ведь считала, что девочке это не обязательно, что не будет помощницы в доме... — И она тяжело охнула, будто это действительно было причиной ее горя.

Хозяйка нарезала хлеба, поставила на стол полную чашку с дымящейся едой.

— Иди-ка, сношенька. Поужинай. Мы поели пораньше, так как Михаилу надо было идти на собрание. Как говорят, поле пройдешь — почувствуешь голод. Даже если не хочется, абай. Не зря говорят, что коли хорошо коня накормишь, то в пути не подведет.

Наверное, чтобы только не обидеть, гостья хлебнула три-четыре ложки и, поблагодарив, вышла из-за стола.

— Не горюй так, не терзай себя, сношенька! Бог поможет, может быть. Ты — вдова. И детей несколько, и старая свекровь на твоём иждивении.

Да, Васюк знает семью дяди Ильи. В прошлом году с мамой у них побывал в гостях. Кроме дяди и тети, у них еще четверо детей. Самая старшая — девочка по имени Саня. Очень симпатичная. Голубоглазая, с длинными льняными волосами. А еще есть Веча. Он на год старше Васюка. Тогда они подружились. Сначала играли в прятки в саду. А еще в их огороде растет волшебная береза. Оказывается, если прижаться ухом к ее стволу, та береза рассказывает сказки. Но Васюку она ничего не рассказала. Потому что он для этой березы — чужой человек, так объяснил Веча...

— Со столькими детьми не будет выгонять из до-

ма, — все еще пыталась успокоить мать Васюка плачущую гостью.

— Не знаю, не знаю... Кто пожалеет нынче чужую детвору? Весь хлеб отвозила я сама. Вручают бумажку и только назначают, в какое время нужно привозить. Только отвезешь — снова вручают бумажку. Опять нагружаешь мешки и отвозишь. Если приберечь на семена из остатков, вряд ли хватит до нового урожая... Мельницы отобрали, одну из двух лошадей увели. Говорят, скоро вывезут весь скот и весь домашний скарб. Затем, наверное, выгонят и нас из пустой избы...

— Боже сохрани, — опасливо перекрестилась тетя Санюк, повернувшись к иконе. — До этого не дойдем. Говорю тебе, ведь ты одинокая женщина. Детей полон дом... Наверху тоже люди сидят, а не звери.

— Почему? За какую провинность, кому мы перешли дорогу? Не воровали, не грабили. Все создавали своими руками, добывали потом и кровью. После замужества никогда не высыпалась. В труде все время надрывалась. Говорят, мы держали слуг, их трудом нажили свое богатство. Никаких работников у нас не было. Это знают все. Приглашали, конечно, двух-трех односельчан во время страды. Но ведь не даром, за все расплачивались. Никогда и ни с кем не было у нас разногласий при расчете за труд. Честен и непреклонен был Илья в этом вопросе. Даже деверя упрекал он за то, что тот имел привычку урвать себе кусок.

— Николай был торговец, — то ли заступаясь за брата, то ли осуждая его, молвила мать Васюка.

— Сам умер, и у него все заботы закончились. Как жить дальше? Как подниму сирот? — женщина загнулась, опустив голову, всхлипнула, затем зарыдала.

— Все в руках Божьих. От судьбы не уйдешь, — сказала тетя Санюк и тяжело вздохнула, — слезами горю не поможешь. Только навредишь здоровью. Надо терпеть... Как дети, здоровы? Береги их... Сколько исполнилось Сане? Не собирается она замуж? — спросила она, чтобы повернуть разговор в другое русло.

— Двадцать исполнилось уже... В прошлом году парень из Килинер настойчиво добивался ее руки, хотел взять замуж, несколько раз сватался. Жених был, что надо. Родители, конечно, небогатые, но порядочные, практичные люди. Почему-то не захотела она за него, а я не стала уговаривать.

— Женихи найдутся. Об этом не надо беспокоиться. Девушка красивая, каждый позавидует.

Засветившееся на миг лицо гостьи снова потемнело.

— Напрасно спрашивала тогда о ее желании, надо было выдать замуж. Кто же знал, что произойдет такое несчастье.

— Что? — спросила мать Васюка, внимательно взглянув на сноху. — Какое еще несчастье?.. Надеюсь, с Саней все нормально?

— Как говорится, беда за бедой. Так уж повернулось все в моей жизни нынче... Ты же знаешь Пасарова Якура?

— Как не знать его, нашего сельчанина? Этого спесивца, этого безобразного лешего? Очень хорошо помню. Женился. Взял красивую скромную девушку. Через два-три года жена высохла. Забил до смерти бедняжку. Вторая жена тоже не выдержала, сбежала. Слышала, что эта третья сама маху не дает.

— Да, живут, как кошка с собакой, днем и ночью ссорятся. Вот этого Якура сын Энтип и положил глаз на Саню сейчас. Домогается, прося выйти замуж. По словам Сани, не дает шагу ступить. Караулит, когда она выйдет на улицу. Боится Саня, уже и из дома не выходит, — сказала гостья, покачав головой.

— Вот тебе на! Этот леший... этот спесивый род... — Мать Васюка сердито сверкнула глазами. — Как он смеет думать о Сане, зариться на нее?

— Год-два назад он бы не посмел... А сейчас уж... Отца нет... И нас людьми перестали считать.

А Энтип — в числе знатных людей в деревне. Кажется, он — председатель сельсовета и комсомолец. Где беспорядок, где нужно кого-то унижить и оскорбить — везде Энтип впереди. Не отвезешь к назначен-

ному сроку зерно или не сможешь заплатить один из множества налогов — его посылают, чтобы навести порядок. А он и рад выполнять такие поручения.

— Значит, одного поля ягода с отцом.

— Его бояться. Попробуй не согласиться, сразу пугает тюрьмой и Сибирью... «Выйдешь за меня замуж — ничего вам не будет. Как жили, так и будете жить. Никто больше не посмеет и пальцем тронуть. Не согласишься — разорим вас, как кулаков, потом отправим всей семьей в Сибирь», — грозитя будто бы Сане.

— Ах, антихрист! Непутевая душа! — сердито проворчала мать Васюка. — Что думаете делать? Что говорит моя мать?

— Неужели я отдам свое дитя этому волку? Будь, что будет... Если и пропадем, то вместе. И мать то же самое сказала, — женщина закрыла лицо руками и тихонько всхлипнула.

— Боже сохрани, — опасливо прошептала хозяйка. — Иди-ка, сношенька, помолимся. Он все видит, все знает. Надейся, верь.

Обе женщины повернулись к красному углу, где мерцала лампада и долго молились, что-то шепча, отбивая время от времени земные поклоны. Гостья долго не поднималась, по ее лицу катились слезы. Заметив это, не стерпел и Васюк, стал то и дело вытирать ладонью глаза. Он жалел тетю. Ему хотелось утешить ее ласковыми словами, но не посмел.

— А ты что не спишь до сих пор? — заворчала мать на сына, отойдя от иконы. — Ах, этот пострел очень любит слушать разговоры взрослых. Марш сейчас же на печку!

Мальчик совсем не хочет спать. Ведь отец еще не вернулся с собрания. А Васюк жаждет узнать, как оно прошло, что там отец увидел и услышал. Но сын не посмел послушаться матери. Все равно бесполезно. Почему-то они не любят — ни отец, ни мать — когда прислушиваешься к их разговорам. Когда вырастет и станет взрослым, Васюк никогда не будет так прогонять детей...

«Все равно не усну, пока не придет отец», — твердо решил он. Долго слушал, глядя в темный потолок, как тетя и мать снова и снова вздыхали и тихо бормотали. Где-то близко скрипит спрятавшийся в щель бревна сверчок, прильнувшая сбоку кошка мурлычет, требуя, чтобы ее приласкали. На улице все также бушует ветер, беспокойно шумит над покрытыми соломой постройками, стучит ставнями, не найдя щели, чтобы проникнуть в дом, протяжно и печально, как будто упрекая кого-то, подвывает. Нет, не дождался Васюк отца. Он и не почувствовал, как сладкий сон осторожно подкрался и закрыл глаза.

2

Кипит сельская жизнь. Проходит собрание за собранием. Две проблемы должны незамедлительно решить сельчане — ликвидировать кулацкие хозяйства и организовать колхозы. Но колесо жизни не хочет катиться по новой колее. Как ни толкают и не тянут его руководители, тащится оно с трудом. Скрипит и буксует. Много на его пути грязи и ухабов...

Несмотря на то, что власти настойчиво требуют, крестьянин раздумывает, не торопится поднимать руку на собраниях, прийти к одному мнению и сказать окончательное слово...

Пусть он кулак и живет богато, но ведь все равно их односельчанин — чей-то сосед или родственник, или вместе крестили ребенка и породнились с его семьей, или пировали за одним столом, или вместе курили табак. Одним словом, издавна рядом живущий человек. Не бандиты же они — те, кого называют кулаками, а настоящие крестьяне. Так почему надо отбирать у них нажитое веками добро и выселять их из деревни? Думает крестьянин... Понимая несправедливость, не спешит он поднимать руку. Однако молчит, потому что нельзя возражать начальству, те сразу начинают придираться: «А-а, оказывается, ты подкулачник, защищаешь врагов народа! За это наложим на тебя штраф!» И заставляют платить. Из-за таких

штрафов в деревне, где живет Васюк, произошел ужасный случай. Живущий крепким хозяйством, середняк Калмыков Усьап, по-другому Усьап Иваныч, не сдержался, наверное, на собрании и высказал свое мнение. Он вступился за кулаков и заявил, что ему не нравится коллективное ведение хозяйства. Очень сильно критиковали его за это, пугали, намекая, что сам он стоит одной ногой на стороне кулаков, в конце концов решили наложить штраф. Сто рублей были тогда большие деньги. Откуда мог достать их крестьянин за короткий срок? Если не заплатить к назначенному времени, ждал страшный суд: самые нужные и лучшие вещи из хозяйства виновного выносили, продавали на торгах. Кто сколько даст. К назначенному сроку Усьап Иваныч не достал денег. Тогда он повесился, оставив пятерых детей сиротами.

— Не вынес, горемыка. Продал душу дьяволу. Да помилует его Бог, — сказала мать Васюка, перекрестившись.

Таким образом выслали из деревни две семьи в Сибирь. Говорили, что было решение выслать и Керкури Ермолайча, но позже разрешили остаться. Отобрав имущество, выгнали из дома. Тогда он стал жить с семьей в соседней деревне у сестры жены, а чуть позже, вырыв землянку, снова переселился в родную деревню.

В те суматошные дни мать Васюка стала часто посещать деревню, откуда вышла замуж. Конечно, сильно волновала ее судьба родственников, считавшихся кулаками. Не только сноха и ее дети. Ведь вместе с ними жила и ее стареющая мать.

Оказывается, по настоянию председателя сельского Совета должны были отправить и их в Сибирь. К счастью, в те дни вышла статья Сталина «Головокружение от успехов». Оттого не смог осуществить свои черные замыслы начальник, решивший отомстить за то, что не получилось стать зятем. Его удержали... Может быть, кто-то заступился. Вдову со старой свекровью и четырьмя сиротами на руках не выгнали из

дома, хоть и отобрали все, что есть в хозяйстве. Но и позднее не давал покоя местный начальник женщине, ставшей ненавистной. Всегда стремился как-то напакостить, навредить. Постоянно отправлял ее с гужевой повинностью в дальние районы, грозил и пугал.

Так выполнили хозяева новой жизни одну из двух поставленных перед деревенскими жителями главных задач — ликвидировать кулаков. Для этого не понадобилось много сил и времени. Что там церемониться с «врагом народа». Требовались только слова «народ согласен и одобряет». Честно сказать, были, конечно, и одобряющие — местные активисты, комсомольцы и некоторые горлопаны и пустословы вроде Кирукова Ваньки.

Исполнение второй задачи — организовать стопроцентные колхозы за короткое время — затянулось. Ведь было нелегко среднему крестьянину, испокон веков в поте лица добывавшему свой хлеб на своей земле, мучительным трудом создавшему все, что есть на ней, принять неизвестную доньше, неслыханную жизнь. Но и власти не дают покоя. Мучается душа крестьянина, крутятся и вертятся его мысли... Коллективное хозяйство... Что это такое? Страшно ведь сунуть голову туда. К тому же, не будешь ли потом сожалеть о том, что сдал в чьи-то руки свою землю и скот свой. Не пошлют ли с сумой по миру? Но куда денешься, если государство само так велит? Может, все-таки, вступить?.. Эй, будь что будет...

Так в тысяча девятьсот тридцатом году организовался колхоз в Васюкиной деревне. Однако, как бы ни звали и ни манили, все равно остались семьи, душой не принявшие колхоз. Немного. Как редкие островки на широко разлившейся реке. Все равно остались. Среди этих «упрямцев», «пережитков», «бестолковых» инхозов была семья Васюка. Нрав у отца, Михала Сантарча, мягкий. «Ничего нет лучше, чем жить в миру, трудно нам будет, если отделимся от народа. Государство не похвалит тех, кто идет про-

тив», — говорил он иногда, но жена ни за что не соглашалась.

— Не вступлю, — отрезала она, сердито сверкнув глазами. — Железной веревкой не заташат меня в эту антихристову артель. По наущению сатаны придумали его. Слуги сатаны распоряжаются нынче везде. Добрых людей открыто грабят и высылают в Сибирь, батюшек и работников церкви бросают в тюрьмы. Лучше умру от голода, но не пойду туда, не вступлю. Бог терпел и нам велел, — так сказала она и ни на йоту не отступила от своего слова.

Правильно сказал глава семьи — не простило государство пытающихся нарушить принятые им порядки. Достаточно мучений и различных трудностей свалило оно на семьи крестьян, не вступивших в колхоз. В тот же год сразу namного выросли налоги.

— Говорил тебе, что будет очень трудно жить таким, как мы, — упрекнул хозяин, вернувшись из сельсовета. — Видишь, бумаги прислали, сколько мы должны сдать нынче государству мяса, топленого масла, яиц, шкур, шерсти, зерна, картофеля... И у колхозников налоги немаленькие, они тоже недовольны. А мы должны сдать вдвое больше. Если и впредь заставят платить такие налоги, как жить дальше? Как кормить-одевать детей? — хозяин дома рухнул на табуретку и тяжело вздохнул.

Как бы подтверждая поговорку «Беда не приходит одна», в те дни возник конфликт в семье. Совершенно не принимавшая новые порядки тетя Санюк пыталась уберечь от них своих детей. Пусть в деревне живут как хотят, хоть вверх тормашками, но в ее доме будет все, как прежде. Такое твердое решение приняла тетя Санюк. Но жизнь идет своим чередом, от нее не скроешься. По воскресеньям тетя Санюк обычно брала с собой в церковь и детей. Маленькому Васюку там нравилось. Везде горят свечи. Звучат песни, в которых гармонично чередуются высокие и низкие голоса. Внутри церкви — пышное великолепие. Везде различные картины. Пользуясь тем, что

мать усердно молится, Васюк внимательно рассматривает их.

— Идем в церковь. Собирайтесь, — сказала утром мать сыну и пришедшей на выходные старшей дочери. Занятая чем-то в переднем углу черноглазая, тоненькая, среднего роста Анись не ответила, продолжая свою работу.

— Ты что, глухая? — сердито окликнула опять мать. — Или еще раз повторить?

— Не пойду, — неожиданно отрезала дочь, не прерывая работу. — Сейчас молодежь не ходит в церковь. Над такими смеются. Больше никогда не зови меня туда...

Вытирая мокрые руки, не торопясь вышла она из переднего угла, потом, как бы подумав, будь что будет, раз начала, скажу все, подняла голову и пристально посмотрела в глаза матери.

— Я вступаю в комсомол... — сказала она.

Тетя Санюк замечала, что Анись ходила в церковь в последнее время как-то без желания, только по принуждению, несколько раз даже повздорили они по этому поводу. Но женщина не ожидала, что дочь заявит так категорично. А последние ее слова... Даже страшный гром среди ясного неба не привел бы тетю Санюк в такое замешательство... Она побледнела, ее посиневшие губы как-то беззвучно шевелились. Какой-то момент она стояла, застыв на месте. «Ну, начнется ураган», — подумал Васюк, с опаской посматривая то на мать, то на сестру. Но тетя Санюк ничего не сказала. Она медленно повернулась, взяла свою одежду с крючка, повязала большой праздничный цветастый платок, не позвала и Васюка, ни на кого не посмотрев, толкнула дверь и вышла.

На какое-то время в избе установилась тишина. Отец с каким-то удивлением посмотрел на неподвижно стоящую у окна дочь. На его лице промелькнула и исчезла какая-то непонятная, то ли осуждающая, то ли одобряющая усмешка. Он ничего не сказал Анись. За то, что она немного дерзко говорила с матерью, не

стал ни бранить, ни хвалить, только посмотрел каким-то пытливым и удивленным взглядом.

Выйдя покататься на санках, Васюк издали заметил возвращающуюся мать. «Ну, попадет Анись», — подумал он и побежал домой предупредить сестру. Но тетя Санюк не показала свой гнев. Или посещение церкви смягчило ее душу, или она не захотела грешить, отпустив на волю чувства после разговора с Богом, — со всеми хорошо и дружелюбно разговаривала, даже пошутила пару раз. Убрав со стола после ужина, Анись поменяла и платок, сняла одежду с крючка и начала одеваться.

— Куда собралась? — спросила, заметив это, мать, которая собралась было вытащить ухватом из горячей печки полный чугунок.

— Сегодня вечер. Будет спектакль.

— Никуда не пойдешь. Чем без толку болтаться по деревне, сядь за прялку, — велела мать вдруг недовольным тоном.

— Ну почему я не должна идти? Вон и Васюк собирается, — сказала Анись немного нерешительно.

Чувствует дочь, знает, хотя до сих пор мать сдерживалась, не ругала ее, за утренний разговор она не скоро простит ее.

— Ты не вали на Васюка. Васюк — это Васюк, ты это — ты.

— Если вся молодежь собирается там, почему я должна сидеть дома? Все равно пойду, — попыталась противиться дочь, надевая шубу.

Терпение матери лопнуло. Последние слова дочери выплеснули наружу и без того еле сдерживаемый гнев. Эх, поднялся вихрь! Эх, закружилось-завертелось, завертелось-закружилось! Какими только словами не ругала, из-за чего только не упрекала мать Анись!

— Попробуй только шаг ступить из дома! — стуча по столу шумела тетя Санюк на беззвучно плачущую дочь. — Даже во двор не впущу. Спи хоть где. Живи у кого хочешь. Покажу тебе, как болтаться с комсомолами, с этими антихристами, гневя Бога!

Только за то, что ходит в школу, не стала она укорять. Образованных людей тетя Санюк уважала. Когда Анись сидела за книгой, мать хоть и ворчала, что много работы, не ругала, не отбирала и не швыряла ее книги, как делали другие, говоря, зачем школа девочкам. То, что дочь хорошо, усердно училась, конечно же радовало ее. Как тут не радоваться, если среди подруг Анись столько неграмотных, а она заканчивает седьмой класс.

Все-таки тяжелый гнев у тети Санюк. Не скоро она простила обидевшую ее дочь. Как только в следующую субботу Анись переступила порог, вернувшись из школы, мать сразу напомнила ей о прошедшем и стала ее укорять.

— Сатана тебя манит, дуру. За ним следуешь безрассудно. Запомни, попробуй только меня послушаться... Сунь только голову в эту бесовскую дыру...

— Что так кипятиться из-за этого комсомола? — неожиданно вступился за дочь отец, плетущий веревку около двери. — Всегда одно на языке — сатана да сатана... Ничего плохого они не делают. Собираются вместе, песни поют, танцуют, читают книги, учат неграмотных. Собирают жителей и показывают свои спектакли. В прошлую субботу я сам посмотрел один, под названием «В деревне». Очень интересно... Недавно в сторожке рассказывал о трахоме сын Мигулаева Керкури Миша, который учится в Цивильске. Слышал, он тоже комсомолец. Сколько людей ослепли в деревне из-за этой болезни. Оказывается, сами виноваты, надо уметь предохраняться от нее. Бороться с ней уже начали, следующее поколение забудет, что означает слово «трахома», как он сказал. А ты... твердишь одно — сатана да сатана...

— Они издеваются над Богом. Слышал, что сказала дочь недавно? Сказала, что не пойдет в церковь, потому что смеются. Ходят слухи, что закроют церкви. Кто делает все это? Все камсамулы. Это они, антихристовы слуги, несутся везде впереди всех. Эх ты... Не говорил бы таких глупых слов перед детьми. Прежде

чем болтать языком, надо бы подумать... А ты, коза легкомысленная, — добавила она, сердито посмотрев на дочь, молча вязавшую кружево. — Сделай только шаг из дома вечером. Закрою в подполе. Посиди там в темноте, подумай. Может быть, тогда поумнеешь.

— Жизнь изменилась, — пробормотал супруг как бы сам себе. — Прошлого не вернешь. Открывают школы. Говорят, в будущем не должно быть в стране неграмотных, все — и девочки, и мальчики — должны учиться. В деревне есть сейчас и изба-читальня. Газеты, журналы и книги там — все на чувашском языке. Было ли такое в нашей жизни когда-нибудь?

— И у нас в школе есть газета. Называется «Голос пионера», — не обращая внимания на недовольство матери, выпалил Васюк.

В тот вечер в дом Васюка пришли две молоденькие девушки с прялками. Это подруги Анись Мархва и Нинук. Пригласила ли их сестра? Или они сами решили посидеть у подруги. Кажется, это не понравилось тете Санюк, которая твердо решила держать дочь дома взаперти, она недовольно посмотрела на дочь и, немного смягчив голос, предложила девушкам пройти и сесть. Что делать? Не выгонишь пришедшего человека. Ведь по давнему обычаю ходят девушки на посиделки друг к другу в долгие зимние вечера.

Сначала они тихо беседовали друг с другом, стесняясь, но постепенно осмелели. Нинук рассказала сказку о богатыре Йаване, они спели песни.

— Давайте загадаем загадки. Кого продать? — спросила круглолицая и острая на язык Мархва, вдруг осмелев. — А-а, знаю, Васюка. Ну, малыш, послушай... Если отгадаешь, будешь молодец, если не отгадаешь, то продам тебя... А-а, продаю тебя Микихверовой Ульке.

Микихверова Улька — старая дева. Она хромая, неуклюжая, глуховатая, к тому же еще некрасивая. Поэтому сердце у Васюка дрогнуло.

— В углу висит не самодельное сито. Ну, скажи-ка, что это? — спросила девушка, весело взглянув на Васюка.

Остальные сидят тихо, Васюк подумал, подумал. Нет не слышал он такой загадки.

— А-а, не угадал, не угадал! — весело подпрыгнула на месте Мархва. — Продала я тебя, продала. Сегодня же пойду и скажу Ульке. Ну, придет она и уведет тебя к себе. Эх, будет свадьба, будем есть пироги, ватрушки, пиво будем пить!..

Хоть и понимает Васюк, что это только игра, все равно страшно. А если Мархва действительно пойдет и скажет? Если Улька и вправду придет за ним?

— Я все равно ее не впущу. Я запру дверь, и она не сможет войти.

— Тетя Санюк откроет ей. И дядя Михал. Ведь они слышали, как тебя продала, — не перестает дразнить Мархва.

— Пусть только придет... Я ее кочергой...

Все скалят зубы, и мать Васюка смеется.

Через неделю, как только наступил вечер, девушки пришли снова. Ну, уже нечего сомневаться — Анись специально приглашает подруг, оттого, что мать не выпускает ее из дома.

— Пойду, посижу в сторожке, о чем там говорят люди, — молвил хозяин дома, как только девушки разделлись и сели крутить веретена. За ним двинулась и мать.

— Хочу оставить вас одних, — сказала тетя Санюк. Сегодня она услышала хорошую новость. Эта негодная девка Анись захотела вступить в комсомол, несмотря на запрет матери. Но, оказывается, ее не приняли оттого, что они не состоят в колхозе. По этой причине ее чуть не исключили из школы. Только из-за того, что директор школы заступился, Анись осталась в школе. Будто бы тот сказал, что она учится последний год и находится в числе лучших в учебе. Спасибо ему. Слава Богу, какие бы беспокойные времена ни были, свет не без добрых людей. Уже третий год учится дочь. Поэтому вся женская работа по дому держится на матери. Нелегко это — пряхсть, ткать, выделывать холсты и одевать семью, ох, нелегко. Если хорошо выучится,

она устроится на какую-нибудь работу с зарплатой. И самой будет легче жить, и немного сможет помочь родным. Трудно крестьянину достаются деньги. Зерно, мясо и шерсть очень дешевые, государство требует многого. С такими думами шла тетя Санюк по вечерней улице в сторону соседей.

Оставшись одни, девушки сразу осмелели, начались веселые шутки, игры и смех.

— Давайте споем. Ту, новую. Как раз о нашей жизни она.

— Давайте...

Поработала чудесно

Я в колхозном поле нашем, нашем, —

зазвучал высокий молодой голос. К нему присоединились сразу другие голоса.

Да, теперь другие времена, другие порядки, другие песни. Молодежь не хочет слушаться своих умудренных жизненным опытом родителей и следовать по их пути. Она ищет свои дороги и тянется к новому. И из-за этого Анись горит желанием вступить в комсомол, как бы мать ни была против, как бы она ни грозилась и не ругалась. Позднее она все равно вступит и в комсомол, и в партию. Некоторое время будет работать в райкоме партии. Пока не опостылело, работала она там с увлечением.

Где посиделки — там молодежь. Скоро пришли несколько парней. С радостными шутками-прибаутками прошли они вперед, заняли места между девушками. Среди них есть и Иван, сын Светлой Сиркунь. Нельзя сказать, что он красивый парень, и телом не крепок, и бледен лицом, к тому же ходит всегда в очках, наверное, плохо видит. Однако его уважают в деревне. Даже люди в годах называют его Иван Сергеевич. «Большой» он человек. Учится в одном из вузов Казани. Сейчас приехал на каникулы. Его родители тоже середняки. Васюк знает: раньше, в царские времена, могли учиться только дети богатых. С этой стороны сейчас хорошо. Говорят, что все — и мальчики, и девочки — должны ходить в школу, потому что так заве-

шал Ленин. «Учиться, учиться и еще раз учиться», — говорил он. В высших школах платят стипендии. После семи классов и сестра Васюка Анись хочет поступить в техникум. И в окружающих деревнях нынче много такой молодежи, кто стремится получить хорошее образование. Но из девушек — только одна Анись.

Оказывается, сейчас не должно быть неграмотных, все, и взрослые тоже, должны уметь читать и писать. Они — большинство из них девушки и женщины — собираются у кого-нибудь, к ним приходят учителя. И тетя Санюк ходит иногда в такие места, но она не стремится получать знания. «Пусть дети учатся, к чему мне это», — отнекивается она.

Немного поговорив, Йаван вытащил из кармана пиджака книжку.

— У меня есть очень интересная вещь, — сказал он, открывая обложку, — давайте, прочитаю. Называется «Нарспи». Ее сочинил чувашский парень из Башкирии Константин Иванов, — сказав это, он поправил очки, подошел поближе к горящей с мерцанием керосиновой лампе и начал читать.

Март прошел, и вот, гляди —

Солнце гонит холода.

В чувашском селе Силби

Уж растаяли снега.

Васюк наострил уши. Какие прекрасные стихи. Как легко и красиво они журчат. Как чистый родник, прыгающий через маленькие камни. Притягивают и волнуют, как красивая песня. Все слушают внимательно. Льются стихи, льются, вызывая в душе разные картины, заставляют забыть окружающую действительность и уводят куда-то. Перед глазами проходит прекрасная девушка Нарспи, звеня украшениями, крепко сложенный Сетнер ждет с нетерпением любимую девушку под широкой ветлой...

Вдруг со стуком открылась дверь, в избу вошла тетя Санюк. Йаван прервал чтение, посмотрел на молодежь, нехотя закрыл книгу и положил в карман. Эх,

не успел дочитать! Понравится ли женщине, не согласившейся вступить в колхоз, держащей дочь запертой за то, что та хотела быть вместе с комсомолом, женщине, постоянно посещающей церковь, то, что молодежь, признавшая негодным прежний уклад жизни, борющаяся против религии, читает в ее доме какую-то книгу? На короткое время стало тихо.

— Нам, наверное, пора, — промолвил один из парней, трогаясь с места.

— Сидите, сидите, — сказала тетя Санюк. — В доме свата Хелепа очень холодно, и я не хотела там мерзнуть. Не буду мешать вам, залезу на печку и лягу, погрею кости.

— Сидите, не спешите, — велела Анись. — Йаван, читай дальше. Очень хочется послушать.

Снова льются прекрасные стихи. Но светлые радостные сцены начинают меркнуть. Нарспи и Сетнера избивают и разлучают друг с другом, прекрасную девушку выдают замуж за старого Тахтамана. Как мучается и плачет она в его доме. Ах почему, почему ее отдали за этого злого, грозного человека?

Вспоминают до сих пор
Горемычную в Силби,
И могилочку водой
Поливают в жаркие дни.

Закончилась книга. Погибли Сетнер с Нарспи...

— О боже, бедняжка! — застонала Нинук.

Мархва закрыла лицо фартуком и всхлипнула.

— Неужели это и вправду было?

— Конечно, вправду. Мало ли и сейчас насильно выдают девушек замуж... Вон в позапрошлом году в нашей бабушкиной деревне произошел точно такой же случай. И там родители насильно выдали единственную дочь за старого богача. Оказалось, у девушки был в деревне любимый. Потом через несколько недель встретились они случайно на базаре и будто бы немного поговорили. Когда об этом узнал муж, он сильно избил молодую жену. Та не выдержала и повесилась...

— Анись... та книга... которую прочитал Йаван... вы сказали, называется «Нарспи»? Жаль, я не все услышала, — сказала тетя Санюк на следующий день, взглянув на дочь непривычно робким взглядом.

Анись, мывшая посуду в переднем углу, резко повернулась и устремила веселые глаза на мать:

— К сожалению, у меня ее нет. Но я найду и принесу.

И однажды под вечер, когда зажгли керосинку, Анись села за стол, осторожно открыла книгу и начала читать. Остальные тихо слушали. Потом мать посмотрела рисунки, вздохнула и вышла из-за стола. Тетя Санюк совсем не училась в школе, не умеет ни читать, ни писать. Конечно, впервые в жизни услышала чувашская женщина, прожившая в тяжелом труде, грустную историю жизни двух влюбленных. Позднее, когда Васюк читал вслух и учил наизусть эту поэму, она всегда сидела тихо и слушала, после этого ее крутой нрав заметно смягчался.

3

Где лучше работать: в колхозе или в отдельном хозяйстве? Для Васюка — в коллективе. Колхоз большой, там — вся деревня. Оставшихся вне колхоза — только пятнадцать дворов. В коллективном хозяйстве сейчас нет моей-твоей земли. Все вместе. И работу выполняют вместе. В большом котле варят в поле завтрак и обед, вместе садятся и едят. Там шутки, смех и веселый шум-гам. Потому очень хочет Васюк быть вместе с ними. Там и друзей много. Время от времени детям разрешают поиграть. И Анись смотрит с завистью на колхозников, работающих совсем рядом. Но Митаевы — инхоз. Они — единоличники. На своем участке они трудятся только со своей семьей. Иногда не с кем перекинуться шуткой, поговорить, посмеяться. Мать требует постоянно работать и работать. Эх, если бы согласились вступить в коллективное хозяйство... работал бы и Васюк вместе со своими друзьями. И никто не дразнился бы словом «инхоз», «инхоз».

Прежняя пашня Васюкиной семьи находилась недалеко от деревни. Сейчас далеко, долго идти пешком. Родители были очень расстроены и говорили, что земля плохая, твердая, и площадью только в один гектар, ничего на ней не вырастет. Когда сошел снег, они оба трудились с утра до вечера на отведенном им участке — всю большую навозную кучу из огорода перевезли и рассыпали там, вспахали, забороновали, взрыхлили. Говорят, земля любит трудолюбивые руки. Кажется, почувствовала она, с каким вниманием и любовью ухаживали за ней — урожай уже в первый год был неплохой. Так как хозяева не ленились трудиться, земля улучшалась год за годом. «Труд создал жизнь», «Кто не работает, тот не должен есть», — любит поговаривать тетя Санюк. Поэтому сызмальства впрягает она детей в работу. Во время уборки хлеба они выезжают засветло всей семьей в поле. Сладко спящих Васюка и Колю выносят, не будя, и кладут в телегу. Прибыв на пашню, Коля продолжает спать на разложенных снопах, а Васюк должен взять серп в руки и встать перед полосой. Когда срезает сухие стебли, руки болят, ноет поясница, но никто не спросит, не устал ли он, не предложит отдохнуть немного, поиграть, побегать. Лишь когда оставшийся один братишка начинает орать, мать посылает Васюка, чтобы унять его. Он успокаивает братишку, гладит по головке, угощает хлебушком, собирает для него цветы, часто бывает так, что незаметно засыпает и сам. Иногда он вскакивает от сердитого окрика матери, а если засыпает глубоким сном, его будит отец. Он не кричит, не ругает, только ласково потрясет сына за плечо.

После заката, когда начинает темнеть, рабочий день заканчивается. Васюк, еще в телеге погрузившийся в сладкий сон, не чувствует, как его заносят в избу, как раздевают и укладывают. Таким образом проходят летние дни. Но полевые работы продолжаются и после начала учебного года — до холодов.

Как сильно ни душили налоги, семья Митаевых не

нуждалась в первые годы, хлеба ела вволю, держала скот, в зимние дни не было недостатка в мясе. В амбаре хранилось и старое зерно. Кроме того, трудолюбивый хозяин и зимой не теряет времени даром, мастерит упряжь. Раньше он продавал изготовленные вещи на базаре, сейчас обменивает в колхозе на зерно и корм для скота.

Слова о том, что коллективные хозяйства организуются для того, чтобы сделать жизнь крестьян богаче и счастливее, оказались лишь обманом. Многочисленные налоги скоро сделали свое дело. Колхоз платит мало, с крестьянских личных подворьев — дай, дай, дай... В некоторые дома пришла бедность, стало расти число нищих. Васюк видел много людей в тряпье, ходивших с сумой из деревни в деревню, из дома в дом и просивших робким и жалобным голосом кусок хлеба.

Проходят месяцы и годы, но никак не могут деревни стать стопроцентно колхозными. Об этом постоянно напоминают единоличникам, «тянущим жизнь назад». Отца Васюка тоже часто вызывают то в правление колхоза, то в сельский Совет, манят, уговаривают, укоряют. Приходят даже домой — и здесь тот же разговор. Но у тети Санюк всегда одно на языке: «Как жили наши родители, так и мы будем жить». Однако очень тяжело платить в два раза увеличенные налоги, которые и без того были большие. Не все смогли выдержать такое, и число инхозов начало уменьшаться.

Прошло два года. На третий год, весной, пока не началось половодье, к Митаевым зашел их сосед, Кируков Ванька, который при организации колхозов вдруг выбился в знатные люди. Он любил выступать на собраниях, крепко стоял за то, чтобы организовать коллективное хозяйство, был мастер переманивать сомневающихся крестьян в сторону колхоза, бичевал инхозовцев, твердя, что они следуют за кулаками. Короче, не жалел слов, чтобы строить новую жизнь в деревнях. Язык у него был хорошо подвешен. Его

заметили и велели выбрать в члены колхозного правления.

Тетя Санюк очень не любит этих соседей: как Ваньку, так и его жену.

— Лентяи, — ворчит она сердито, как только разговор заходит о соседях. — Оба крепкие, молодые. Сдавали в аренду свою маленькую пашню. Откуда только нашлись, как говорят, муж и жена — одна сатана. Ленятся полоть сорняки в огороде. Картофель у них вечно в бурьяне. Не выращивают даже овощей. Тьфу! Разве это женщина? Оказывается, Ванька твердо стоит за новую жизнь, — никак не может унять свой гнев мать Васюка. — Как не стоять... радуются, наверное, сейчас. Как говорится, дуракам везет, он и землю сдал, нет теперь заботы ухаживать за лошадью и кормить ее. Зато свободно можно драть горло, бичевать и порочить достойных людей. За это его кормят. Кажется, и выпивку находит. Недавно идет мимо нашего дома, размахивая руками, кому-то грозит: «Покажу вам! Теперь наша воля».

Войдя в дом, Ванька медленно погладил окладистую бороду, снял шапку и прошел на несколько шагов вперед.

— Это я пришел, дядя Михал, тетя Санюк. Слава труду! Как поживаете? Чем так усердно занимаетесь?

Кажется, он опять выпивши, слишком оживленно и весело разговаривает.

Открыто намекая, что пришедшему человеку не рады, сидевшая за наматыванием нитки на катушку хозяйка дома встала и перешла в передний угол.

— Проходи. Садись, — промолвил, не поднимая голову, отец Васюка, усердно мастеривший хомут.

— Рассаживаться нет времени, дядя Михал, — высокомерно сказал Ванька, однако взял стул и устроился напротив соседа.

— Только что закончилось заседание правления. Опять подняли вопрос о колхозах. Спрашивают, когда выполните требование государства, когда будут сто процентно колхозные деревни. Наша деревня оказа-

лась на последнем месте в районе по этой части. Ну, хотя в последнее время семь хозяйств вступило, поняли, что нельзя отставать от поступи страны. Все же остается восемь дворов, это много...

Красноречиво говорит Ванька — то посмеивается довольно, то вздохнет и укорит себя за то, что не умел до сих пор жить в согласии со своими соседями, такими достойными людьми. Оказывается, тяжелая крестьянская жизнь причиняет боль его сердцу, он хвалит новые порядки, с воодушевлением говорит о будущей прекрасной жизни. Хозяева дома молчат — Михал Сантарч занимается своим делом, и тетя Санюк не отзывается.

— Жизнь она, дядя Михал, — продолжает Ванька, — не любит топчущихся на месте, вроде норовистой лошади. Ее надо толкать вперед, как мы, колхоз является как раз этой колеей. Только там мы найдем для себя облегчение.

— Ты, кажется, нашел это облегчение... — не выдержав, отозвалась хозяйка с переднего угла. — Нет заботы пахать и сеять, и за лошадью твоей ухаживают в колхозе. Сам не работаешь, но обед для тебя всегда готов.

Ванькины маленькие глазки вспыхнули и сразу погасли.

— Напрасно обижаешь, тетя Санюк, — сказал он с упреком, но прежним кротким тоном. — Я член правления колхоза. Выполняю важное государственное задание. И к вам я пришел по государственному делу, по указанию сверху. Вы мои соседи, поэтому говорю, жалея вас: подумайте, сколько налогов вы платите из-за того, что не вступили в колхоз?

— Какое тебе дело, сколько мы платим налогов? — больше не выдержав, вышла тетя Санюк из переднего угла. — Мы ведь не просим тебя платить за нас, в долг не берем. Даже если и придется просить, у тебя, голодранца, ничего нет. Еще учишь как жить. Был ли ты хоть раз в жизни до рассвета в поле? Работал ли целый день до усталости в поте лица? Ходишь, чешешь языком — и за это, оказывается, должен кормить тебя

трудовой народ. Говоришь — колхоз, колхоз... Вышел ли ты хоть раз поработать в колхозное поле? Мы-то живем, хоть и инхозцы. Есть и хлеб, и мяса в достатке... А ты, лодырь, был вечно нищим, нищим и умрешь...

— Эй ты, кулацкое отродье! Закрой рот! — вскочил Ванька со стула. Затем его горящие ненавистью глаза устремились на стоящую напротив женщину, кулаки сжались: — Восстаешь против колхоза? Вы... Вы... Я знаю вас... Сейчас же, завтра же донесу. За оскорбление бедного крестьянина, колхозного агитатора вас, ваш кулацкий род...

Ванька вдруг запнулся и замолчал, переводя дыхание, немного помолчал.

— Не хвались своей жизнью, тетя, — сказал он уже совсем другим голосом. — Говорят, жизнь прожить, не поле перейти. Жизнь течет неодинаково — сегодня ты богат, завтра — нищий. Если придешь ко мне с сумой, я не пожалею куска хлеба для тебя. Ха-ха-ха!

Когда Ванька ушел, в доме стало тихо.

— Напрасно ты... Неизвестно, к чему приведет твой несдержанный язык, — сказал отец Васюка с упреком. — Если и вправду донесет, то не тебе, а ему поверят, встанут на его сторону. Ты инхоз и кулацкая родня. Знаешь ведь, какое сейчас время.

Прошел один день... Два... Три... Две недели... Никакая милиция не приходила, и из района не вызывали. Жившая ожиданием неприятностей семья начала было успокаиваться...

— Пожар! Пожар! — разрывая криком ночную тишину, бежит по улице крепкий молодой человек. Тук-тук-тук! — постучал он в окно, в котором отражалось страшное пламя, то вспыхивая, то потухая. — Дядя Михал! Тетя Санюк! Скорее вставайте! Ваши хлева горят. Пожар!

Хозяева дома вскочили, как ошпаренные. Увидев, как во дворе полыхает красное зарево, тетя Санюк истошно закричала и, взявшись за голову руками,

сползла на пол. Михал Сантарч бросился к двери избы, открыл... Не только в хлевах, но и в сенах хозяйничает огонь. Он уже успел охватить дверь. Невозможно выйти во двор. Сухие бревна горят с треском. Михал Сантарч вбежал обратно в избу, наклонился над женой, все еще лежавшей без чувств, устремился с отчаянием к окну.

— Животных... — застонала тетя Санюк, шевельнувшись.

Со звоном разбились оконные стекла. Хозяин выпрыгнул на улицу, так как ворота были заперты изнутри, он бросился через забор.

Животные... Лошадь... Скорее... Но он опоздал, ах, опоздал! Крытый соломой хлев полыхает в объятиях огня. Рвущееся ввысь пламя грозно гудит, прыгает и пляшет. Горящие сухие бревна трещат и рушатся, ломаясь и разбрасывая по округе яркие искры. К двери не подойти, наверное, и открывать ее уже бесполезно. В горле запершило, потемнело в глазах. Пропали, весь скот сгорел. И лошадь... Кормилица семьи, помощница и поддержка в жизни...

Разрывая ночную тишину, звучит над деревней набат. Услышав его, вскакивают погруженные в сладкий сон люди. Одно за другим зажигаются темные окна. Затихшая деревня просыпается. Лают и воют собаки. Тут и там слышится, как люди шумят, торопясь, с ведрами и баграми.

— Васюк! Васюк! Проснись-ка. Вставай скорее!

Мальчик открыл глаза. В нос бьет запах дыма. Кроме отца и матери, в доме спуют сельчане — женщины и мужчины, они хватают вещи в избе и бросают их в открытое окно. Не понимая, что случилось, однако чувствуя грозящую опасность, Васюк вскочил и начал проворно одеваться. Кто-то надел на него валенки, кто-то накинул кафтан и понес к открытому окну.

— Держите!

Когда сильные руки поставили его на землю, Васюк оглянулся вокруг и ахнул. Пожар! Горят их дом и надворные постройки. Полыхающий хлев наполовину

рухнул, огонь охватил амбар, ползет над крышей дома, пламя опускается к окнам, разбрасывая вокруг яркие искры, освещает темную округу, тянется ввысь, к блестящим звездам, прыгает, завывает, гудит... Все горит, все рушится.

Кругом множество людей — одни бегом носят воду и выплескивают ее в бушующий огонь, другие зачерпывают талый снег широкими лопатами и бросают в пламень, несколько человек копошатся возле насоса, установленного в телеге, из длинной трубы хлещет вода. Но все тщетно. Разбушевавшийся огонь шипит и на миг меркнет, затем начинает шуметь с новой силой. За короткое время пожар уничтожил все. Дом, надворные постройки, скот — лошадь, корова, овцы, гуси и куры — все пропало в огне. Только сидевшую на яйцах гусыню, постель и некоторый скарб успели вынести через окно.

Долго не расходилась толпа от превратившихся в пылающие угли дома и надворных построек, горячо обсуждала происшедшее.

— Жаль, не успели тушители из соседних деревень. Вместе с ними смогли бы спасти хоть дом.

— К сожалению, сейчас невозможно выезжать на лошади. Как раз в половодье случилось это.

— А во сколько возник пожар?

— Говорят, в два часа.

— Ай-ай-ай! Ведь как раз время глубокого сна.

— Хорошо, что разбудил Кируков Ванька. Иначе сгорели бы ведь и сами.

— Ну, а он как заметил? Эй, Ванька, подойди-ка. Как ты увидел, что загорелось?

— Я, ну... — в который уже раз рассказывает Ванька, вытирая рукой испачканную на пожаре одежду, — я вышел по нужде во двор. Смотрю, около хлева дяди Михала поднялось зарево. Боже ты мой, ведь это огонь! Забежал домой, наспех оделся и побежал к соседям. В окнах нет света. Ну, думаю, значит, не чувствуют, спят. Постучал к ним, разбудил и побежал скорее будить людей, бить в набат.

— Это не случайный пожар, люди. Кто-то приложил здесь руки. Этот человек все продумал основательно, все учел. В два часа ночи все спят. Из-за распутья не могут приехать из соседних деревень пожарные. К тому же и погода этой ночью подходящая — нет ветра, спокойно, нет опасности, что огонь перебросится на соседние дома.

— Кто же это натворил, хотелось бы знать. Такого негодяя самого надо бы бросить в пылающие угли.

— Наверное, какой-нибудь ненавистник. Только как узнаешь, кто. Следов не оставил...

— Это Кируков Ванька... Именно он, больше никому, — с плачем проклинала тетя Санюк. — Пусть Бог накажет его черную душу за наши мучения. Не зря грозился он, что отправит нас попрошайничать.

Нашлось много людей, советовавших не оставлять этого дела и подать в суд. Но кто свидетель, что Кируков Ванька поджег дом соседей? Как говорят, не пойман — не вор. Поэтому и не стали Васюкины родители ходить по судам. Лишь Михал Сантарч сообщил свои предположения в сельском Совете.

Все же и Кируков Ванька получил сполна. Вскоре его выгнали из членов колхозного правления. Кто не работает, тот не ест. Время горлопанов, кажется, прошло. Голод — не тетка, в конце концов Ванька попался за кражей овцы в чужом хлеву.

Самого посадили в тюрьму, жена не долго прожила после этого — заболела и умерла. Двух его детей, попрошайничавших по деревням, колхоз отправил в детский дом. Через несколько лет Ванька снова вернулся в деревню. Пропив дом и надворные постройки, он ушел из деревни, и больше о нем не было ни слуху ни духу.

Не довелось Ваньке порадоваться, увидев, как соседи с сумой на плечах ходят по деревням и просят милостыню. Погорельцев поддержали односельчане и родственники. Их пустили на квартиру, помогли с продовольствием и не дали пойти по миру. Обеспечили семенным зерном и картофелем.

Но пока обзавелись новым домом, надворными постройками, пришлось перетерпеть много невзгод. Отсутствие лошади невыразимо осложнило жизнь. Пашня находится далеко, ее необходимо вспахать, пробороновать. Нужда объединяет людей... Таким образом инхозцы — восемь дворов — стали выполнять самые трудные работы сообща. Вначале еще были два двора с лошадьми, вскоре и они поравнялись с остальными. Впрягается несколько человек вместо лошади, и таким образом пашут и боронуют. Поочередно. Сегодня у одних, завтра у других...

Скоро Михал Сантарч смастерил легкую ручную тележку, все перевозили на ней — хворост из леса для печки, сено и солому, и хлеб для сдачи государству отвозили на ней. Все, что зарабатывали: овощи, зерно, позже и скудное мясо, куриные яйца — одним словом, все, что можно было продать, и за что можно было получить деньги, все уходило на стройку. Со дня страшного несчастья не ели досыта хлеба не только взрослые, но и дети в семье Митаевых. За столом тетя Санюк кладет перед каждым по маленькому кусочку, а остальное запирает в сундук.

В это полное лишений, тяжелое время не раз приходили к Митаевым и предлагали вступить в колхоз. Но тетя Санюк не изменила своего решения. Михал Сантарч, понимая ее, не стал устраивать ссоры и скандалы.

Когда земля подсохла, оставшаяся без крова семья переселилась во что-то похожее на сарай, сколоченный из досок. Две длинные зимы перезимовали в сторожке.

Сторожка — народный дом. В те годы существовал он в каждой деревне. Там работал человек, подрядившийся сторожем. Он охранял противопожарные средства, обходил ночами деревню, в случае беды оповещал народ набатом. В зимнее время там любили собираться деревенские жители, особенно мужчины. Зимой не подгоняет спешная работа. Вечерами свободного времени сколько хочешь. Когда семья Митаевых

жила в сторожке, там всегда был народ. Иногда эта тесная избушка бывает битком набита, не то что сидеть, но и стоять мало места. С давних пор существовал такой обычай: собираться вот так, без причины, поговорить-посмеяться, послушать всякие новости, рассказывать сказки, вместе покурить. Должны же общаться между собой деревенские жители. Лишь к ночи освобождается сторожка. Тогда тетя Санюк стелит постель, укладывает детей спать, проветривает, открыв дверь, клубящийся снизу тяжелый воздух с табачным дымом, скребет косарем пол, моет, убирает.

Именно из-за сторожки произошла в жизни Васюка неожиданная встреча, оставившая неизгладимый след в памяти и душе ребенка.

Однажды с последнего урока Васюка вызвал из класса директор.

— Возьми и сумку, — сказал он. Потом привел удивленного и слегка испуганного мальчика в свой кабинет. Васюк никогда здесь не был. Комната небольшая, на подоконнике справа в глиняном горшке растет комнатное растение. Напротив двери — длинный старый стол и стулья. На стене в большой рамке висит портрет Сталина. Васюк посмотрел влево. Там низкий шкаф. С другой стороны от шкафа стоит незнакомый мужчина — высокого роста, широколицый, около тридцати лет — и смотрит на него. На нем черный пиджак, черные галифе, на ногах — красивые белые валенки. Не домашние. Подошва кожаная, на валенках тоже ровно по центру до верха пришита узкая кожаная лента.

— Ну, не буду вам мешать, — сказал директор школы каким-то робким, суетливым голосом.

Тот молча протянул ему руку и уселся за стол.

— И ты садись. Вот сюда, напротив меня, — предложил он Васюку. — Вон возьми стул. Ну, как тебя зовут? Васюк, значит. Вася, Василий. В каком классе ты учишься? О-о, в четвертом. Директор школы хвалит тебя. Говорит, стараешься, учишься хорошо, — незнакомец вытащил из кармана две конфеты и положил перед мальчиком. — Это тебе от меня гости-

нец, — он чуть улыбнулся. — Возьми, возьми, не стесняйся.

Васюк положил гостинец в карман.

— Ну, теперь поговорим, — мужчина прислонился к спинке стула, его черные глаза устремились на сидевшего впереди робкого мальчика. — Вы погорельцы, поэтому живете сейчас в строжке. Так?

— Так... — подтвердил Васюк, удивившись осведомленности незнакомца.

— Наверняка, много народу приходит в строжку. Не мешают учить уроки?

— Конечно, мешают, шумят.

— О чем же они шумят? Что говорят?

— Обо всем, — ответил Васюк, удивляясь интересу незнакомого начальника, высокопоставленного человека (Определенно, начальника. Он в такой роскошной одежде!) к пустяковым разговорам деревенских мужиков. — Сказки сказывают. Ну еще...

— Что еще? — тотчас подался вперед человек, вперившись взглядом в глаза Васюка. — Что еще? Говори, говори, не бойся...

По телу мальчика пробежал какой-то холодок.

— Ну... еще кто как живет в деревне...

— Например, вчера о ком говорили?

— О том, что Энтриев Хелеп избил жену... И еще о том, что Маркуев Йаван ходил свататься... О войне и о том, как там сражался, кто там был...

Васюк злится на себя. Наверное, этот умный, высокообразованный человек ждет и от него рассказа об умных вещах. А он, глупый, вместо этого болтает о всякой ерунде.

— Однажды вечером приходила глазная медсестра и прочитала газету.

— Наверное, захаживает и Антипов Федор? Он был моим другом, когда-то мы учились с ним вместе.

— Я его не видел. Ведь сейчас он живет в Цивильске.

— Есть ли такие, кто хает советскую власть? Может, о Сталине кто-то...

А-а, Васюк знает одну песню о Сталине... Не ту,

которую учат в школе, другую, смешную. Ее недавно услышал Васюк от деда Савали.

При злом царе Николае,
При злом царе Николае
Двух коров мы доили, доили.
Ах, спасибо Сталину,
Ах, спасибо Сталину —
И козы уж лишились, лишились...

Когда вспомнил это, глаза Васюка весело засверкали, на лице заиграла легкая улыбка. К счастью, наблюдающий человек не заметил этого. Услышав в коридоре за дверью звуки шагов, он встал, подошел поближе и прислушался. «Сказать?» — мелькнула в голове Васюка легкая мысль. «Нет! Нельзя!» — остановил его тотчас непонятный внутренний голос.

— Я таких речей не слышал, — сказал он.

— Ладно, Вася, — ответил наконец незнакомец. — Впредь слушай внимательней. Слушай и запоминай. Я еще приду сюда. Тогда расскажешь. Хорошо? Вот молодец...

— Посмотри, папа, — вынув из кармана вкусные гостиницы, показал Васюк, когда вернулся домой. — Одна Коле, другая — мне...

— Кто дал? — спросил отец, плетущий лапоть.

Васюк начал рассказывать. Услышав песню деда Савали, Михал Сантарч побледнел, кочедык выпал из руки на пол.

— Ах, сынок, — сказал он, у него перехватило дыхание и на некоторое время он потерял дар речи. — Никогда ни перед кем не упоминай эту песню. Забудь ее. Никогда ты ее не слышал... Не знаешь... Понял? Иначе может случиться беда. Не спрашивай, почему. Пока ты мал. Повзрослеешь — поймешь.

Васюк больше не видел того знакомого. В школу он больше не приходил.

Через два года мучений семья Митаевых вселилась, наконец, в новый, пятистенный дом с четырьмя окнами. Может быть, узнав об этом, незнакомец не пришел?..

К окончанию семилетней школы в голове Васюка, начавшего задумываться о будущем, укрепилась одна единственная мечта: он пойдет учиться, он станет учителем в школе. Учитель — в деревне уважаемый и знатный человек. Он учит подрастающее поколение, воспитывает. Даже старики, почтенные мужики, считают за честь поздороваться с ним за руку. Учитель — не крестьянин, ему платят деньги. Поработает два-три месяца, глядишь — он в новом костюме, в красивой рубашке, на ногах — блестящие ботинки. А труженик земли, хоть и трудится с утра до вечера в поте лица, не может есть досыта, на ногах у него всегда лапти. Покупать в магазине красивую одежду у него нет денег. Детей одеть-обуть — денег стоит. Вот и Анись плакала. Она уже выросла, а мать не могла ей купить красивый платок на выход. Слава Богу, она выучилась. Когда огонь смел с лица земли все хозяйство Митаевых, из-за нужды Анись бросила техникум. После того, как вновь построили дом, она вернулась к учебе, родители понимали, что это нужно.

О своем решении Васюк сообщил родителям.

— Учиться не вредно, — одобрил Михал Сантарч, потирая редкую бороду. — Но тебе будет тяжело далеко от дома.

— Подумай вначале, — добавила мать. — Сможешь ли прокормить себя сам. Мы не сможем помогать тебе. И строиться еще не закончили. И долгов куча...

Да, Васюк знает нужду. Он вырос в ней. Одна надежда на государство. Ведь учащимся техникумов платят деньги — стипендию. И Анись смогла выучиться только благодаря ей. Конечно, небольшие деньги, но... Все готов выдержать Васюк, никаких трудностей он не боится. Только бы успешно выдержать экзамены и поступить. Хотя в табеле у него хорошие оценки, на душе все равно беспокойно. Вон сколько их, мечтающих учиться. Говорят, на одно место подано несколько заявлений. Некоторые, как и Васюк, в лаптях и

домотканой одежде... Когда поступят, наверное, купят башмаки.

Как весел и счастлив теперь Васюк! Сойдя с поезда, спешит он домой по узкой проторенной дороге. Что ему стоит пройти восемнадцать километров пешком! Он то идет, то бежит, временами от излишней радости подпрыгивает, подобно молодому ягненку. Хочется быстрее, скорее добраться и порадовать родителей и близких родственников, сообщить односельчанам: ведь он поступил учиться!.. Поступил учиться! Через три года он станет учителем!

Все же дорога в техникум неблизкая. Наверное, больше ста километров добираться туда. Он находится на юге, в русском городе. И граница Чувашской Республики недалеко оттуда. К счастью, ходят поезда. Но на билет нужны деньги. А у него кошелек скудный. Оттого и приходится ему добираться то на крыше поезда, то, как говорят русские, зайцем, а если контролеры выкидывают, и пешком топтать... О других трудностях я молчу, думаю, читатель догадается о них по описанному выше.

Из новых учебных предметов Васюку нравится сейчас больше всего немецкий язык. Незнакомый доньше, чужой, звучащий по-другому язык. И буквы не похожи на наши. Что означают, например написанные здесь слова? Как читаются, как звучат буквы? Все хочется узнать и понять Васюку...

Преподаватель немецкого языка Эльза Францевна, ладно сложенная, голубоглазая женщина тридцати лет, настоящая немка. Усердного студента учительница заметила скоро. Наверное, и самой это нравилось, и чтобы подбодрить Васюка, иногда она ставила «плюс» к оценке «пять».

Так успешно закончился первый курс, начался второй... Когда повернуло к весне, Васюк почувствовал боли в суставах ступней. Болезнь прогрессировала. Скоро перешла в колени, затем охватила поясницу. Ходить стало уже невозможно. Сокурсники отвезли его в больницу.

— Суставной ревматизм, — сказал врач.

Но ни лечение, ни прием разных лекарств не помогли.

— Цинга, — определил неизвестно с какой целью приехавший из Москвы профессор с остренькой седой бородой, осмотрев ноги Васюка. — Покажи-ка зубы.

Десны опухли и кровоточат.

— Цинга, — подтвердил профессор свой прежний диагноз еще раз.

Он сказал, что эта болезнь связана с плохим питанием и необходимы витамины.

Но где их найти? Нет их ни в больнице, ни в аптеке. Там дают отвар сосновых иголок. Он черный, как деготь и очень горький, невыносимо пить. Несмотря на это, Васюк его пьет.

— Если поедешь домой, сможешь достать и есть лук и капусту? — спросил на другой день тот же профессор.

— В деревне, конечно, они есть...

— Тогда напиши родным, пусть забирают тебя быстрее.

— Не могу я сейчас ехать. Я должен сдать экзамены и перейти на третий курс.

— Об этом не беспокойся, — успокоил профессор. — Мы пошлем бумагу в техникум. Они переведут тебя без экзаменов на следующий курс.

И, вправду, Васюк ознакомился в те же дни с приказом директора. Вскоре прибыл и отец. Дома (спасибо профессору) злая болезнь действительно отступила. Боли постепенно прошли, к началу нового учебного года от них не осталось и следа.

На третьем курсе жизнь продолжалась как всегда. Учиться уже осталось немного. Это время убывает с каждым днем. «Скоро закончится эта мучительная жизнь впроголодь», — поговаривал Васюк. Все было нормально. Но весной перед концом учебного года в техникуме произошло ужасное. Однажды — на деревьях тогда начали распускаться листочки — Эльза Францевна не пришла на урок. И еще один урок прошумел

ли студенты попусту. Потом немецкий язык стали заменять другими предметами. Тогда тихо-тихо, очень осторожно распространился пугающий душу, ужасный слух — Эльза Францевна оказалась разведчицей Германии, действовала против советского государства. Поэтому ее арестовали и увезли куда-то ночью... Правда, о том, что злой капиталистический мир ненавидит молодую советскую страну и старается навредить всеми способами и уничтожить ее, что он посылает к нам своих шпионов, что советская власть успешно борется с такими гнусными тварями, Васюк слышал и читал много. Но Эльза Францевна... Женщина, нежно волнующая сердце молодого парня... Светловолосая, голубоглазая, красивая преподавательница. Разумом, хоть и с трудом, он принял эту ужасную весть, а сердце никак не хотело согласиться. Позднее парень многое понял. Но в то время чистую душу Васюка очень ранило и причинило боль то, что уважаемый им от всего сердца, любимый человек оказался таким двуликим и гнусным...

Экзамены прошли успешно. Итак, в июне тысяча девятьсот сорокового года — ровно за год до начала войны — восемнадцатилетнему Митаеву Василию Михайловичу выдали диплом преподавателя начальной школы.

Впереди новая жизнь, новые мечты, новые трудности, новые мученья...

5

Сидящий за широким столом районный начальник, худощавый мужчина лет сорока, предложил Васюку присесть напротив него и начал просматривать его документы.

— По немецкому у тебя «пять», — сказал он не поднимая голову, тихонько постукивая карандашом по столу. Потом почесал голову и посмотрел на сидящего перед ним молодого человека, виновато улыбаясь.

— У нас хватает учителей начальных классов, можно сказать, достаточно. С этой стороны мы не испытываем трудностей. Но плохо обстоит дело с преподавателем иностранного языка. Не хватает кадров. А что если послать тебя в неполную среднюю школу преподавать немецкий язык, согласишься? Там и зарплата повыше, и работать со старшими... ну как бы сказать, почетнее что ли, — добавил он, так как Васюк сразу ничего не ответил.

— Не знаю... Смогу ли?

— Сможешь, сможешь, — несколько торопливо сказал руководитель, радуясь тому, что молодой учитель не отказался. — «Пятерку» не ставят ничего не сообщающим тугодумам. Если захочешь, на следующий год отправим на курсы повышения квалификации. Надеюсь, вовремя прибудешь на место работы.

Заведующий роно черкнул что-то на бумажке и вручил ее Васюку.

— Это отдашь директору. Работай, старайся. Желаю удачи... — сказал он.

Школа находится в семи километрах от деревни Васюка. В первое время он ходил домой каждый день, позже, когда зарядили осенние дожди, начал приходить только раз в неделю. Так прошел месяц. Вот снова Васюк шагает в свою деревню.

— Эй, подожди-ка, не запирай! — услышал он, когда хотел закрыть дверь. Со стороны оврага поднимается деревенский парень Ехем верхом на лошади. Лошадь маленькая, длинные ноги долговязого парня чуть не касаются земли.

— Ну что, отправляемся? — спросил он Васюка, поравнявшись с ним.

— Куда?

— Как куда? В Красную Армию. Разве ты не получил повестку? Нам принесли еще в начале недели. Нас же четверо одногодков в деревне: я, ты, Ипполит, Миша...

— Когда отправление?

— Я должен быть в военкомате второго ноября. Мишу и Ипполита вызвали на два дня позже. Ну, ладно.

Поговорим позже. Придешь сегодня вечером на поделки? — Едем натянул поводья, и лошадь лениво побежала вперед, меся грязь.

Дома сидят за ужином.

— Что-то ты запаздываешь сегодня, — сказала мать. Она вышла из-за стола и нарезала хлеба, собрав крошки положила в рот, затем пошла в передний угол. — Думали, что не придешь и сели ужинать без тебя. Во время подоспел, картошка еще не остыла.

— Не приходила для меня бумага из военкомата? — спросил Васюк, сняв и повесив одежду.

— Нет, никто никакой бумаги нам не давал. А Миша говорил, что его скоро заберут. Позовут, когда дойдет очередь, не позабудут. Можно и не торопиться.

— Если подошло время, нельзя отставать от других, — сказал отец. Он вышел из-за стола и уселся на свое место в углу плести лапоть. — Не знаешь законов или хочешь, чтобы сына забрали за уклонение от службы?

— Дурное не заставляет ждать. Боже сохрани от этого, — опасливо пробормотала мать.

— Прежде всего мы сами должны быть начеку. На Бога надейся, да сам не плошай, говорят. Тогда и Бог сохранит. Надо пойти и узнать. Там объяснят, что делать, — сказал отец и постучал гладкой рукояткой кочедыка.

— Хорошо было бы немного поработать перед отправкой... И одежды достойной нет. Надо купить и костюм, и пальто. Ведь ты учитель, уже больше не крестьянин. И нам было бы легче. В хозяйстве очень нужны деньги. Нужда давит. Ах, эта проклятая жизнь, что и говорить, — сердито ворчала мать, ставя перед сыном дымящую чашку с картошкой.

Отправляться на армейскую службу — почетная обязанность, потому что туда берут только парней с крепким здоровьем. В армии нет места слабакам и болезненным нытикам. Два года это недолго, пролетят незаметно. И успевший повзрослеть молодой человек возвращается тогда в деревню совсем другим челове-

ком — здоровым, крепким, настоящим мужиком. Почет и уважение и от деревенских жителей ему, вернувшемуся из армии красноармейцу. И старики приветствуют его за руку, с удовольствием слушают его рассказы о солдатской жизни, любят вспоминать, где, в каких местах они сами когда-то служили. А мальчишки... Для них только что вернувшийся из армии человек в солдатской форме — полубог. По пятам ходят за ним.

«Не пропустили ли случайно мое имя? — беспокойно думал Васюк. — Или по какой-то причине не прибыла вовремя бумага?»

Васюк вышел на улицу. Осенняя темная ночь. Шумит холодный ветер. Над головой плывут куда-то черные тучи. Только окна домов тут и там светятся слабо. Когда глаза привыкли к темноте, Васюк пошел по улице. Ухабистая, подмерзшая земля стучит под ногами. Прохожих не видно. Лишь шум порывистого бушующего ветра и редкий лай собак нарушает окружающую тишину.

Около крытого соломой небольшого дома шаги парня невольно замедлились, затем он остановился. В сердце ударила нежная, теплая волна. «Дома ли она?» — подумал Васюк, не сводя взгляда от окна. Вот зашевелилась тонкая белая занавеска, приподнялась с одного конца, и кто-то всмотрелся в темную улицу. Васюк узнал ее: Надюш! Горячее чувство разлилось по всему телу, сердце застучало радостно. Для чего она смотрит в темноту? Кого хочет увидеть? Кого ждет?.. Может, она чувствует, что Васюк стоит совсем рядом?

Ах, молодость, молодость! Нет ей покоя. Любви она ждет и ищет счастья. Но где же оно, это счастье? В каком оно месте прячется? Первое нежное чувство проснулось неожиданно, еще когда он учился в техникуме. Глупое сердце весело начинало колотиться, как только он увидит Эльзу Францевну. Когда она нечаянно касалась его на уроке, по телу пробегало сказанно прекрасное чувство. Но для любви нужна на-

дежда, чтобы разгореться. Иначе она вспыхнет, как упавший в пламя хворост, и сразу же погаснет и превратится в пепел. И Васюк сейчас не думает об Эльзе Францевне. Погасло это чувство, не светит и не греет оно больше его сердце. Но Надюш.... Почему он никак не может забыть эту девушку, которая на год младше его? Отчего пылает сердце и болит за нее? В детстве эта острая на язык девочка очень злила Васюка. Когда он проходил по улице, она высовывала голову из ворот и начинала тоненьким, звонким голосом дразниться: «Вася, Вася, по мосту прошелся, в летнюю кухню пробрался, на корточках уселся...» К тому же быстро бежала. Все же однажды Васюк догнал ее и отхлестал крапивой по голым ногам... Детство... Смешно вспоминать. Сколько лет прошло с того времени. Сейчас она превратилась в красивую девушку с каштановыми волосами и голубыми глазами. Давно она нравится Васюку. Но когда начались эти сердечные муки? Когда же проснулась любовь?

Здоровье Васюка, вернувшегося весной с места учебы из-за болезни, заметно улучшилось к тому времени, когда подсохла земля. Силы прибавлялись, тело оживало, десны перестали кровоточить, боли постепенно улеглись. Он уже выходит вечерами на улицу на хороводы, вместе с другими поет, пляшет и веселится. Недавно, когда уже стемнело, зазвучала недалеко на улице какая-то веселая песня:

Когда жердочки вершок,
Когда жердочки вершок,
Когда жердочки вершок сучковат, сучковат,
Ох, не нравится то иволге, иволге.
Когда Васьки, паренька,
Когда Васьки, паренька,
Когда Васьки, паренька, нет на игрище,
Эх, не нравится то Надюшке, Надюшке.

Увидев Васюка около окна, девушки весело засмеялись и, продолжая петь, ушли вверх по улице. В сердце парня засияло солнце. И удивила, и порадовала его эта песня. Отчего упомянули имя Васюка деревенские девушки, эти молодые озорницы? Откуда они

знают, что его сердце тянется к Надюш? Или они хотели только шутя подзадорить его? А может Надюш сама проговорила как-то перед подругами? А они таким образом решили дать знать несмелому парню: «Когда Васьки, паренька, нет на игрище, ох, не нравится то Надюшке, Надюшке...» Когда хоровод разошелся, Васюк последовал за девушкой, чтобы проводить ее в этот вечер. Но то ли Надюш его не заметила — не стала его ждать, зашла домой, даже не оглянувшись. Эх, эта стеснительность! Надо было ее окликнуть, поговорить с ней. Нет, не отважился парень. Сомнения терзали его душу, он думал, что, наверное, он ей не нравится. Конечно, для красивой девушки полно красивых парней. А Васюк ничем не выделяется среди них. Ни телом не крепок, ни одеждой не богат. И при разговоре с девушками его язык заплетается постоянно, как ухабистой дорогой идущие ноги. Еще будет смеяться над ним, когда узнает, что любит. Он жил далеко и редко приезжал в деревню, не мог встретиться с девушкой наедине и намекнуть ей на свои чувства. Но глупое сердце не дает покоя, не хочет оно терять надежду. Эх, если бы Надюш ответила на его чувства! Хотелось сидеть с ней рядом и смотреть в ее веселые глаза, нежно обняв за тонкую талию, говорить ласковые слова, услышать признание в любви... Так, страстно мечтая, но стесняясь открыться, он упускал время. Вот уже призвали в армию...

Долго стоял парень, глядя на слабо освещенное небольшое окно. Напрасно ждал. Занавеска больше не открылась, волнующая его сердце девушка на улице не вышла. Почувствовав холод, Васюк двинулся дальше. Куда пойти? Несколько лет назад люди собирались вечерами в сторожке. Сейчас, после того, как ее сломали, приходят в домик конюхов. И молодежь, когда собирается пойти на посиделки, сначала заходит сюда. Эх, посиделки, посиделки, отрада сельской молодежи! На посиделках встречаются с любимыми, здесь можно присесть рядом, поговорить. На посиделках находят любовь, играют, веселятся, поют... Но

Васюку не удалось увидеть любимую девушку и на посиделках. Не пришла туда Надюш. Почему? Не случилась ли с ней какая-то беда? Оказалось, случилась, произошло неожиданное несчастье. Об этом сообщила ее подруга Анук. Когда Надюша пошла полоскать белье на пруд за деревней, она упала в воду. Поскользнулась на заледенелой доске. С головой окунулась. Какая сегодня холодная погода, как шумел ветер. Добраться до дома тоже неблизко. Говорит, бедняжка совсем замерзла. Не смогла даже открыть ворота, мать выбежала, услышав стук. После того, как истопили баню и попарили, девушке стало совсем плохо. Говорит, бредит и никого не узнает. Тогда отец поехал за фельдшером, живущим в пяти километрах. Сейчас, оказывается, ждут их, не дождутся... Такую недобрую весть сообщила на посиделках Анук. Молодежь ахнула, и разговор перевели на другую тему. Васюка охватила тоска, сердце больно сжалось от острой печали. Значит, парень ошибся, думая, что это Надюш открыла занавеску... Наверное, то была ее мать, или кто-то другой вслушивался в кромешную темноту улицы, нетерпеливо ожидая фельдшера.

Утром в понедельник по дороге в школу Васюк увидел мать Надюш у околицы.

— Говорят, у вас случилась беда? — спросил он, остановив идущую с опущенной головой женщину, — как сейчас здоровье Надюш? Лучше?

— Ах, Васюк, и не говори. Всю ночь мучилась, бедняжка, — сказала женщина, вытирая уголком платка прослезившиеся глаза. — Фельдшер сказал, что воспаление легких, необходимо отправить в больницу. Спасибо ему. Сам молоденький. Даже домой не пошел. Всю ночь просидел у постели Надюш. Отец рано утром запряг лошадь, он и в больницу поехал вместе с ними. Хороший человек. Да поможет ему Бог.

После этих слов вместе с печалью в душе парня шевельнулось какое-то темное чувство, похожее на ревность. «Неужели Надюш было так тяжело, чтобы провести ночь у ее постели?» — неожиданно всплыла

в голове грубая, мрачная мысль. Застыдившись, Васюк прогнал ее тотчас, но она долго не давала ему покоя, кружась, как назойливая муха.

— Да, беда! Неизвестно, как выздоровеет и вернется, — тяжело вздохнула мать Надюш.

Васюк не смог найти слов, чтобы утешить ее, кроме как «Не плачь, тетя, все будет хорошо». Действительно, что скажешь в таких обстоятельствах, чем можешь?

В школе Васюк зашел сразу к директору.

— У меня повестка. Призывают в Красную Армию, — сообщил он.

Почему вырвались у него такие слова, он сам не понял, думал, что все равно придется идти в армию. Попрощавшись, поспешил в районный центр, в военкомат.

— В нашей деревне мои одноклассники давно получили повестку, — сообщил Васюк круглолицему молодому мужчине, который сидел за столом и что-то писал. — Почему-то меня забыли.

— Как забыли? Кто? — устремил тот на парня свои узковатые глаза. — Гм... Забыли его... Не может быть такого в нашей работе... Понятно? Не может быть.

Он встал и вытащил из шкафа большую папку.

— Так... Из какой деревни ты сказал? Как фамилия? Та-ак... Митаев Василий Михайлович... Так... Так... Вот нашел. Мы призываем тебя не нынче, а в следующую весну. Понял? Так что никого не пропустили. Болтаешь попусту. Не подошла еще твоя очередь. Понимаешь?

— Как не подошла? Есть же постановление о призыве выпускников средних школ на год раньше, — возразил Васюк.

— А ты окончил среднюю школу? Здесь ведь стоит девять классов... Документ есть?

— Конечно. Вот...

— Тогда другой разговор... Собирайся, отправляемся...

Районная больница расположена в конце деревни на краю глубокого оврага. Это похожее на общежитие, длинное одноэтажное деревянное здание. Во дворе

стоит запряженная лошадь. Узкая дорожка, вымощенная красным кирпичом, ведет прямо к крыльцу. Поднявшись по ступенькам, Васюк дернул и открыл входную дверь.

— Вам что-то нужно? — подошла к нему молодая женщина в белом халате.

— Корнилова Надежда... Как у нее здоровье? Можно узнать? — волнуясь спросил парень.

— Корнилова? — покачала та головой. — Не помню такую... Чем она болеет? В какой палате лежит?

— Сегодня ее привезли...

— А-а, только сегодня... Да, Корнилова.... Вспомнила. Наверное, ничего. Спит она сейчас...

Слова «воспаление легких» вначале испугали Васюка. Услышав, что она спит, он вдруг успокоился и вздохнул свободно.

— Скажите, пожалуйста, Корниловой, что приходил Василий Митаев и велел передать привет. Пусть скорее выздоравливает.

— Хорошо, передам.

— И еще, — сказал, обернувшись, собравшийся было уходить парень, — еще скажите Надюш: сегодня я получил повестку из военкомата. Через три дня ухожу в армию...

Вечером к Васюку зашел полупьяный Ехем.

— Значит отправляемся в один день, — обрадовался он, прочитав повестку. — Это хорошая новость. И уходить в армию одному не очень-то приятно. В чужом месте, среди чужих людей верный друг — это опора. Ведь так? Я всегда считал тебя надежным другом и считаю. От тети из Синьял передали приглашение. Вот туда и съездим завтра. Мы заедем за тобой, жди.

— Нет, Ехем. Не смогу, наверное, я примкнуть к вашей группе.

— Почему? — холодно спросил Ехем, сдвинув недовольно черные брови. — Что, стал учителем и начал стесняться чувашских обычаев? Или сторонишься тех, кто меньше тебя учился?

Ехем — спокойный, скромный парень. Но когда выпьет, полностью меняется. Размахивает руками, приказывает, ссорится, сердится, упрекает.

— Не говори так, Ехем. Не горячись. Сам ведь знаешь — у нас нет лошади, чтобы кататься... Из-за меня тебя могут осудить в деревне.

— Плюю я на таких, — махнул Ехем рукой. — Пусть только попробуют что-то сказать. Мы — будущие красноармейцы, идем служить в ее ряды по призыву страны... Правильно говорю? То-то... К тому же, мой отец смотрит за лошадьми. Я — призывник. С кем хочу кататься, того приглашаю... Никто ничего не может сказать. Не только односельчане, но и колхоз должен проводить тебя, как и других, с честью. Все. Больше не будем заводить об этом разговор.

— Ну хорошо, — нехотя согласился Васюк.

Тетя Санюк, молча слушавшая разговор парней, вздохнула и встала.

— Тогда буду готовить платки, — сказала она и вышла из избы, надев кафтан.

По давнему чувашскому обычаю призывника провожают торжественно, с почестями. Не только родители, но и родственники, близкие и соседи готовят выпивку и всякую вкуснятину, чтобы его угостить. Призывник разъезжает с друзьями по окружающим деревням, посещая родственников и знакомых. Везде встречают их гостеприимно, с накрытым столом. Хозяйка дома одаривает парня — завязывает полотенце через плечо. Чтобы выезжать покататься, будущему солдату дают быстроногую, хорошую лошадь, запряженную в плетеные дрожки. Ее гриву украшают, вплетая разноцветные ленты, под дугой подвешивают колокольчик. Призывник должен иметь яркие шелковые платки, специально завязанные так, чтобы было удобно держать их в руках. Платки эти занимают у родственников, девушки одалживают. Стоя в тарантасе, рекрут размахивает этими платками и прощается, распевая солдатские песни, с родными местами, деревней и односельчанами.

На следующий день около дома Васюка остановился черный конь, запряженный в тарантас. Молодежь — кроме Ехема еще трое парней — сошла, привязав пританцовывающую на месте лошадь к воротам, вошла в избу.

— Васюк, вот и я. Пришел, как обещал. Ты готов? — спросил не успевший протрезветь Ехем, как только переступил порог.

— Добро пожаловать. Проходите, — хором поприветствовали хозяева дома, идя навстречу гостям.

— Пока отведайте что-нибудь у нас, — выставил отец Васюка на стол непочатую бутылку водки, мать поспешила в передний угол.

— Нет, дядя Михал, нет, тетя. Говорят, скамья застолья широка. Не сядем и ни капли не выпьем, — сказал, как отрезал, Ехем, поправляя сползающую связку платков на плече. — Иначе не сможем добраться сегодня до моей тети. В выпивке нужно знать меру. Правду говорю, дядя Михал?

— Наверное, правду. От излишней выпивки, конечно, нет пользы. Но все же нехорошо, если не садиться за стол.

— К вам я смогу прийти в любое время. А сейчас мы должны идти. Не сердитесь. А вот поплясать немного можно. Ну-ка, Сътапан, растяни гармошку...

Милка слышишь, милка слышишь,
Ходишь просто, аль любя.
Коли ты меня не любишь,
Я отстану от тебя.

Топ-топ, топ-топ-топ, топ-топ-топ, топ-топ-топ, согласно веселой музыке двигаются молодые ноги.

Ткань рубашки — не батист,
Но не хуже, чем батист.
Хоть тут пляшет не артист,
Ведь не хуже, чем артист...

— Фу, устал, — сказал вконец запыхавшийся Ехем. Он вытащил из кармана украшенный вышивкой красивый маленький платочек (наверное, подарок какой-

нибудь девушки), развернул его так, чтобы все видели и вытер им пот со лба.

Тетя Санюк подошла к сыну и завязала через плечо красивое полотенце.

— Это тебе подарок, — сказала она дрожащим голосом, всхлипнув тихо. Вытирая слезы, она вручила ему связку шелковых платков. Михал Сантарч быстро повернулся и прошел в передний угол.

Не горюй, отец, ты так —

Не коня же теряешь.

Обо мне не плачь, мать, так —

Не корову теряешь.

— Ну, пошли!

Гурьбой вышли из дома. Один юноша устроился на козлах и взял вожжи в руки, двое сели в дрожки. Поднявшихся Васюка и Ехема, стоящих на ногах, подхватили сзади, чтобы они не падали.

— Сначала надо объездить деревню, — снова командовал Ехем, развернув в руках платки.

Синим шелковым платком

Рано мне махать пришлось.

Слезы милочке тайком

Рано вытирать пришлось.

6

Солдатская жизнь началась для Васюка очень далеко от родного дома, вблизи железнодорожной станции Сумгаит в Азербайджане. Сейчас Сумгаит — большой город, а в те времена там было только шесть-семь домов из самана. Васюка отделили от Ехема еще в Чувашии, перед тем, как сели в поезд. На больших станциях, когда поезд останавливался, они еще встречались и говорили друг с другом, когда выходили проветриться, но прибыв на место, Васюк не увидел земляка.

Нельзя сказать, что Сумгаит находится в красивой местности. Зеленая равнина, но не видно деревьев. С одной стороны, где-то далеко, за голубым туманом, громоздятся высокие горы, с другой стороны в шес-

ти-семи километрах плещет свои покрытые белой пеной темные волны Каспийское море. Пронизывающий холодный ветер мчится, не зная покоя, и заставляет ежиться от влажного дуновения.

Военная часть небольшая, всего одна рота. Из зданий, кроме двухэтажной длинной казармы, есть еще два-три отдельных жилых дома для старших командиров, склад, чуть поодаль стоят окруженные железной проволокой несколько зеленых брезентовых палаток. Солдат разделяет от внешнего мира забор из колючей проволоки. У входа стоит охрана, склады охраняются днем и ночью. Основная задача роты — охранять зеленые палатки. Что же там такое? Об этом солдатам не говорят, но догадаться несложно — конечно же, там военное снаряжение, какое-нибудь оружие. Ходят слухи среди красноармейцев, что это авиабомбы.

В зоне жизнь течет по давно заведенному порядку. Половина роты на охране, другая половина — на военном деле — марширует, бегают. Ползает на четвереньках, на животе, стреляет, колет, роет окопы и так далее. Короче говоря, учится бороться и побеждать врага при случае войны.

Надо сказать, охранять оружие — довольно опасное занятие. Вокруг столько врагов. Об этом часто предупреждают командиры. И в прессе пишут. Однако Васюк не слышал, что в таком-то месяце или в такие-то годы произошло нападение на склады. И так, жизнь проходит одинаково ровно, без волнений и изменений.

Говорят, солдатская служба трудная. Действительно, красноармеец должен быть всегда сильным, терпеливым, ловким. Потому что ему доверили большую честь — защитить от беды страну и родной народ в случае возникновения опасности. Так считает Васюк. Сам он, выросший с детства в тяжелом труде, познавший лишения и нужду, не чувствует тяжести новой жизни. Он привык быстро вскакивать с постели и одеваться по сигналу дневального по утрам, а иногда

и ночью, одним из первых выскакивать и становиться в строй. Он не ленится ходить и бегать, и никогда не ленился. Что касается питания, то невозможно сравнить здешнюю жизнь с прежней. В техникуме жили впроголодь. В их бедном доме любящая экономить мать радовала домочадцев вкусной, калорийной пищей лишь в большие церковные праздники. В скором времени Васюк почувствовал, как его тело начинает легко двигаться и наливаться силой, кожа становится гладкой и упругой.

Лишь тоска не дает покоя солдату. Слишком однообразно проходят дни. Васюк знает — ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра не произойдет никаких изменений. Те же порядки, те же люди. Вокруг забор из колючей проволоки. Если хочешь выйти, надо спросить разрешения у командира. Куда пойдешь, если и выйдешь? С живущими совсем рядом местными людьми нет сообщения. Через забор Васюк их видит — мужчин, женщин, детей. Но солдатам запрещено ходить к ним, и они сами никогда не подходят. Самый близкий город — Баку. До него тридцать километров. Среди красноармейцев — представители разных национальностей. Чуваш — лишь один Васюк. Он знаком уже со многими. Ссор и конфликтов нет. Никогда не слышал о ненависти и попытках навредить кому-то. Все живут хорошо, в согласии. Нет пока только близкого друга, чтобы отвести душу. Одна отдушина — письма. Оттого и ждут их солдаты с нетерпением. Как только устроились на месте, Васюк написал несколько писем своим домашним. Написал он и Надюш тоже — дружеское, приветливое, немного шутливое, теплое письмо... «Ответит ли?» — без конца волновался парень. В конце концов, они стали приходить, с сердечной тоской ожидаемые, белые прямоугольные конверты. Первым получил Васюк письмо от брата Коли и через два дня от Надюш. Коля вкратце описывает деревенскую жизнь — там все как обычно, нормально, и дома, и в деревне. А Надюш... Ах, молодость! Ах, любовь! Как только открыл конверт и начал чи-

тать, сердце учащенно забилось, по телу пробежал жар, от радости и волнения перехватило дыхание. Затем всплыло и разлилось в душе невыразимо прекрасное светлое чувство, как солнце, его золотые лучи украсили мрачную и печальную округу, наполнили душу незнакомой доньне радостью.

Надюш... Она оказалась смелее Васюка. Девушка пишет о своих чувствах, совсем не скрывая, открыто. Оказывается, она давно любит Васюка и тоже упрекает себя за то, что была очень стеснительна. Обо всем вспоминает любимая девушка — как летним вечером молча следовал за ней Васюк, как она зашла домой, сомневаясь из-за молчания парня, как она очень обрадовалась, когда медсестра передала от него привет, как тайно плакала о том, что не пришлось попрощаться с ним перед уходом в армию. «Жду тебя, Васюк. Мне не нужен другой парень», — заканчивает свое письмо Надюш.

Все приводит сейчас сердце Васюка в восторг — и подтрунивающие друг над другом друзья, и прекрасный украинский парень Володя Миленко, любующийся собой, причесывая перед зеркалом свои пышные волосы, и громко сопя пришивающий пуговицу к гимнастерке Мерзитдзянов, и усердно полирующий бляху кожаного ремня Нырко, который родом из западной Белоруссии, он плохо говорит по-русски, наверное, поэтому больше молчит. Ночью Васюк долго не мог уснуть и ворочался с боку на бок. Над тянущимися в небо величавыми мрачными горными вершинами взошел диск полной луны. Ее матовый расплывчатый свет сверкнул на никогда не тающих белых вершинах, заиграл голубоватым цветом в виднеющейся через окно округе. «Как красиво!» — подумал парень, удивляясь тому, что до сих пор не замечал этого. Да, все радовало и восторгало душу парня сегодня. Как хорошо жить на свете!.. Ах, любовь, любовь, сколько доброй силы в тебе!

Через два дня после принятия присяги сообщили, что красноармейца Митаева вызывает политрук. Ва-

сюк одернул гимнастерку, надел пилотку и поправил ее, вышел из казармы и поспешил к довольно большому одноэтажному деревянному дому. «К чему бы?.. Не случилась ли дома беда?» — мелькнула в голове пугающая мысль. Он вбежал на крыльцо, открыл дверь и вошел. В доме две комнаты: в одной из них — клуб, там проводят разные мероприятия — собрания и политзанятия, показывают концерты. Сейчас там сидят солдаты и читают книги, газеты и журналы. Слева — еще одна дверь. В маленькой комнате около окна стоит политрук роты Ященко и смотрит на улицу. На стенах — два больших портрета — Сталин аплодирует на трибуне Мавзолея, острый пронизывающий взгляд Держинского устремлен на Васюка. Большой тяжелый стол, шкаф и несколько мягких стульев — в комнате больше ничего нет. Войдя и выпрямившись, как того требует военный устав, Васюк доложил о своем прибытии. Политрук сел за стол, перебрал и сложил аккуратно разбросанные перед ним бумаги.

— Садитесь, Митаев, — сказал он немного погодя, показывая на ближайший стул. — Ну, как дела? Привыкаете к солдатской жизни? Нравится?

Ященко — мужчина около сорока лет, с тонким лицом и острым подбородком. Его нацеленные на Васюка глаза кажутся спокойными и добрыми. Однако, когда они время от времени чуть заметно прищуриваются, почему-то по телу пробирает холодок, хочется скорее повернуться и уйти. Политрук расспросил, как живут в деревне, дома, поинтересовался, где и как он учился.

— Мы хотим Вам, товарищ Митаев, предложить пойти учиться в военное училище, — открыл наконец политрук солдату цель своего вызова. — Мы тут посоветовались с командирами о Вашей кандидатуре. Они довольны, говорят, Вы быстро привыкли к армейским порядкам, не нарушаете их, ловкий, смекалый, усердный. Это во-первых. Во-вторых, Вы имеете среднее образование, читаете книги, любите просматривать газеты и журналы. Кажется, Вас интересу-

ет обстановка в стране, — его направленные на молодого человека глаза снова прищурились едва заметно и стали холодными. — Ну, что думаете, товарищ Митаев?

— Я школьный учитель, товарищ политрук. Только выучился — взяли в армию. Мечтаю, отслужив, вернуться домой, снова работать в школе. Душа просится туда же, — сказал Васюк после некоторого раздумья.

— Что в школе, что в армии — одна работа. И там, и тут надо учить и воспитывать молодежь. Ну ладно, не буду уговаривать, манить. Ваша воля. Все же, подумайте основательно. Через неделю встретимся. Тогда скажете свое решительное слово. Теперь можете идти.

Выйдя от политрука, Васюк легко сбежал с крыльца и пошел в сторону казармы. Хлоп! Стукнул в спину снежный комок. Обернулся — стоит солдат Арсений Быстроножков, посмеиваясь, снова лепит, сжимая, влажный снежок. Вот он поднял руку, и белый комок пронесся над головой успевшего наклониться Васюка.

— А-а, ты так? Подожди-ка...

Немного перекинувшись снежками, Арсений подошел к Васюку и почистил, стряхивая и протирая, его испачканную снегом шинель.

— Не хочешь прогуляться? Смотри, какая великолепная погода.

День и вправду очень приятный и ясный. Зима, прогнавшая за одну ночь позднюю осень, накинула и на равнинную окрестность, и на возвышающиеся вдали горы пышную, снежно-белую одежду. В ярко-синем небе нет ни облачка. Лучи солнца переливаются разноцветными огнями, отражаясь на снегу. Посветлела и темная поверхность Каспийского моря, теперь она стала синей. Безудержно бушующий ветер тоже стих, чувствуется только легкое дуновение.

Оставляя следы на мокром снегу, оба солдата шли не спеша вдоль внутренней стороны забора с колючей проволокой. Хоть до сих пор и не были близко знакомы, Васюк немного знает Арсения. Ведь они живут в одной казарме. Быстроножков — не новичок в армии, уже год, как он ходит в солдатской шинели.

Красивый паренек. Его загорелое, чуть вытянутое лицо обветрилось, но выглядит здоровым и светлым. Если глаза — это зеркало души, как говорится, то голубые глаза Арсения постоянно меняются — то они сверкают радостно и восторженно, то светятся спокойно и довольно, то грустно темнеют, иногда становятся злыми и холодными. Он среднего роста, с ловким и упругим телом, любит упражняться на турнике. Он сочиняет песни, иногда и стихи. На вечере прочитал сцены Маяковского «Стихи о советском паспорте». Хорошо читает — с большим чувством, убедительно, впечатляюще. Иногда он говорит о Есенине. «Есть у него хорошие стихи, но много и ерунды. С точки зрения коммунистической морали они только наносят вред советской молодежи», — говорит он.

Вначале они неторопливо прогуливались, все так же весело шутя и толкаясь, затем разговор перешел на солдатские будни, вспомнили о далеком доме, о родных.

— Послушай, Митаев, — сказал Арсений, переводя разговор в другое русло. — Ты, кажется, не русский. Иногда произносишь звуки неправильно. Откуда ты? Из каких мест?

— Издалека, из Чувашии я.

— А-а, знаю, хорошо знаю чувашей, — улыбнулся Арсений. — Сам я родом из Костромы. Мы жили там, в Чувашской АССР, три года. Отец работал начальником на железнодорожной станции — кажется, в Вурнарах.

— Вот как! — приободрился Васюк. — Не думал, что встречу в здешних местах знакомых с моим народом. Каждый день присматриваюсь, даже расспрашивал, но земляков пока не встретил.

— Я был тогда ребенком, чуть старше десяти лет, — продолжил свою речь Арсений, — немного умел говорить и по-чувашски. Помню, на краю глубокого, сухого оврага рос старый вяз, а под ним можно было увидеть много разного тряпья и монет. Мои друзья, чувашки, конечно, не трогали их, и мне запрещали брать. «Заболеешь, можешь и умереть», — пугали они.

Но никто не говорил, почему. Я спросил об этом однажды отца. Он мне объяснил: «В древности у чувашей была своя религия. Они верили, что их боги живут в речках, оврагах и деревьях. При невзгодах и болезнях, если какая-то беда настигнет, у них просили помощи, молились, каялись, приносили монеты и другие дары. Мы, русские, давно забыли богов, которым молились до принятия христианской веры. А чувашаи, как видишь, до сих пор помнят и молятся им. Сильный народ», — так объяснил мне тогда отец. С того времени я особенно зауважал чувашей. И очень рад нашей встрече.

— И я.

Солдаты протянули друг-другу руки и крепко пожали в знак единения. Так началась дружба между ними.

Дружба... Жизнь сделала человека таким. Трудно без хорошего близкого человека рядом. Он необходим, душа просит его. Но эта дружба чуть не привела Васюка к беде. Хорошо хоть... Но об этом расскажу позже, в свое время. А пока его жизнь текла нормально, как и прежде, без изменений. Как и обещал, политрук вызвал к себе Васюка ровно через неделю. В этот раз Ященко был не один. С ним сидел здоровый, симпатичный командир роты Мытишев. Он не вмешивался в разговор, только молча слушал...

— Вася, что это тебя начали вызывать к себе командиры? Хотят повысить звание? — весело пошутил Арсений, когда его друг вернулся в казарму.

— Как раз поэтому. Откуда знаешь?

— Я старый солдат. Все вижу насквозь, — все так же шутит Быстроножков. — Наверное, требуют, чтобы ты пошел учиться в военное училище.

— Не требуют. Предлагают.

— А ты?

— Поблагодарил за честь. Сказал, что хочу быть только красноармейцем, а не командиром.

— Не согласился? — немного удивленно спросил Арсений. — Почему же?..

— Ну, как сказать, — пожал плечами Васюк. — Причины, конечно, нет. Просто сердце не лежит навсегда стать военным... Я мирный человек. Деревенский житель. Душа просится туда же.

— Эх, сделали бы мне такое предложение! — сверкнули глаза Быстроножкова. — Нет ведь. Я закончил только семилетку. Поленился ребенком ходить в школу, глупый. И почему только не бил меня отец, не наказывал за лень? Сейчас вот близок локоть, да не укусишь.

— Очень хочется стать командиром?

— А-а, как не хотеть... Смотришь, идет командир — форма ладная, красивая, чистая. Не только красноармейцы, но и сержанты и старшины вытягиваются перед ним и отдают честь. Мне опротивела эта обмотка. Короче говоря, солдат — не человек, а только тварь, стоящая чуть выше скота. Командиры — начиная с самого младшего и кончая самым старшим — хозяева той твари.

— Ну уж, не так. Ты преувеличиваешь.

— Как не так? Возьмем к примеру ротного командира капитана Мытищева. Боже сохрани попасться ему на глаза... Душу вынет. Скажем, почему-то ты ему не понравился. Знаешь, как он разговаривает с солдатами? — выражение лица Арсения мгновенно изменилось. — «Красноармеец Митаев, ко мне! — сказал он строго. Потемневшие голубые глаза посмотрели на Васюка свысока. — Быстрее! Что там возишься? Смирно! Вольно!.. Можешь идти. Подожди... Почему складка на шинели? Наряд! На уборку нужника... Что ты так весел сегодня? Гауптвахта!..» Вот так... Найдет к чему придраться, чтоб наказать солдата. Никогда не забывает напомнить, что он здесь старший командир.

— Неужели все так?

— Поживешь — узнаешь...

— Но ведь не все похоже на Мытищева. Командир отделения хороший, приятный человек, — возразил Васюк. — Политрук...

— Да. Политрук Ященко совсем другой человек, —

перебил его Быстроножков. — С солдатами разговаривает вежливо, пользуется словами «Вы», «пожалуйста», «садитесь». Не издевается, как ротный командир, не оскорбляет. Но... А-а, хватит о них, — махнул рукой Арсений. Он вдруг замолк и начал насвистывать песню, повернув голову в сторону, затем сменил разговор.

Завязавшаяся дружба становилась все крепче. О чем только не говорили они в свободное время! Разные происшествия в солдатских буднях, любовь, девушки, жизнь и занятия современной молодежи, семья, учеба, стихи современных поэтов и классиков прошлого века, успехи страны, прославленные люди, капиталистический мир, враги советской власти и многое другое — темы для обсуждения находились всегда.

Итак, дни то пролетали стремительно, быстро, то тянулись медленно и тоскливо. Наступил тысяча девятьсот сорок первый год. Жизнь шла по давно заведенному порядку.

— Посмотри, что я сегодня получил, — сказал однажды Арсений, вытащив из кармана аккуратно завернутый в белую бумагу снимок. — Это моя любимая. Нравится? Ведь красивая? — в голубых глазах парня блеснули и светлая радость, и хрупкая нежность. — Если как прежде любит и дождетя, женюсь, когда вернусь. Как мне надоела эта постная мужская жизнь. Кроме солдат в гимнастерках мы же никого не видим. Хоть бы глазом взглянуть, как проходит какая-нибудь девушка или красивая женщина. Вдобавок живем мы, словно преступники, за колючей проволокой. Хоть бы скорее прошли эти последние месяцы! Потом — домой...

Дом... Эх, дом! Но напрасно мечтают о нем Арсений и Васюк. Дорогу им уже перекрыла гитлеровская армия, покорившая многие государства Европы. Только ли им? Да, сколько солдат не смогли вернуться домой, о котором так мечтали, добраться в дорогие родные места, к которым тянулись всей душой. Грозная война безжалостно разрушила и запутала их пути-

дороги, оборвала безвременно их молодые жизни, оставшихся в живых измучила, неся много бед...

После долгих скитаний, встреч со смертью, судьба смогла все же привести Васюка в родительский дом. А Арсений?.. Васюк ничего о нем не слышал. Жив ли он, вернулся ли к родителям?..

Действительно, война уже была близка, прямо у границы. Хорошо подготовленная, сильно вооруженная фашистская армия ожидала лишь приказа своих начальников. Но об этом знали пока только считанные люди в нашей стране. Несмотря на то, что обстановка в мире была беспокойная, и за короткое время фашистские сапоги подошли вплотную к границам Советского Союза, в стране молчали об опасности войны. Потому что Германия заключила с нами десятилетний договор о ненападении. Кто посмеет сказать, что этот договор — только хитроумный обман? Если даже сомневался, кто мог открыто заявить об этом? Наш самый умный, предусмотрительный вождь не может ошибаться. И поэтому пресса и радио перестали в последнее время бичевать «кровожадных, хищных фашистов». Чувство опасности тоже стало постепенно рассеиваться в сознании народа.

А время текло. Оно имеет свои пути-дороги, свои порядки. Прошла вьюжная, снежная зима. Яркое солнце начало подниматься все выше и выше из-за гор. От теплых его лучей стал быстро таять холодный снег. Весенние воды, найдя себе удобные пути, шумно устремились в сторону моря. Земля очистилась от рыхлого, почерневшего снега, скоро исчезли и его последние островки, спрятанные в оврагах и низинах. Влажная земля покрылась муравой, показались первые цветы. Стало слышно пение птиц. Медленно стали темнеть и горы. Только их высокие белые вершины, не замечая окружающих изменений, как всегда величаво тянулись к ярко-синему небу. Потом примчались жаркие летние дни. Даже близость моря и покрытые холодным снегом горы не ослабляют изнуряющий знойный воздух.

— Товарищи! Уважаемые красноармейцы! Друзья! Мне приходится сообщить вам страшную весть... Сегодня, двадцать второго июня, в четыре часа утра, вероломно нарушив мирный договор, фашистская Германия вторглась на территорию советской страны. Сейчас идут тяжелые бои на западе...

Васюк вздрогнул, как будто его кто-то толкнул сзади. Что? Война? С Германией?! Или только послышалось? На вид старший политрук спокоен как всегда, только голос не звучный, как привыкли слышать, не твердый. И не ровный. Он запинается, покашливает.

Стоявшие в строю красноармейцы молчали. Не было видно никакого движения, не было слышно ни звука. Лишь ветер свистел как всегда беспокойно и трепал, склоняя, травы. В своей речи Яценко обличал хищного врага, посмеявшегося разжечь огонь войны на мирной советской земле. Он уверил, что наша доблестная Красная Армия и наш советский народ за короткое время вместе, как один человек, разобьют хитрого, вероломного врага и изгонят с родной земли...

Да, в первые дни той кровавой, бесчеловечной войны многие думали так же, как Яценко. Каждый советский человек привык слышать и верил с детства, что наша армия, наша Красная Армия, действительно очень сильная и могучая, об этом читали в школе стихи, пели песни, говорили на уроках, повторяли в книгах, газетах и журналах. Если молодая Красная Армия боролась против четырнадцати государств в Гражданской войне и победила, то что для нее одна Германия? Так полагали тогда и Васюк, и Арсений Быстроножков, и солдаты, и многие-многие советские люди...

В конце речи политрук призвал красноармейцев быть всегда бдительными, еще лучше и усерднее учить военное дело, не щадя жизни бороться за Родину, за советскую власть, быть всегда начеку, наготове. После него взял слово командир роты Мытищев. Он говорил немного. Прочитал свое заявление с просьбой от-

править его на фронт, предложил и другим последовать его примеру...

Напротив двери у входа в казарму висит большая карта Советского Союза. В западной части с севера до южных границ она утыкана маленькими флажочками, вырезанными из красной бумаги. Это — линия фронта. Такова ее длина. Каждое утро Ященко передвигает эти флажочки на восток... Первая мысль, что война будет идти недолго, наша непобедимая Красная Армия вскоре разобьет немецких фашистов и изгонит их с советской земли, оказалась хрупкой надеждой. Враг мгновенно захватил прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию; Белоруссия и Молдавия перешли в его руки. На большей части Украины хозяйничают немецкие солдаты. И город Ленинград окружен гитлеровской армией. Везде — с севера до юга — враг рвется дальше. Командиры и красноармейцы борются героически, не щадя жизни, на захваченных оккупантами землях им не дают покоя партизаны. Несмотря на это, наши войска оставляют город за городом, отступают и отступают... Вот уже и Киев, и Одесса, и многие-многие другие города во вражеских руках. Фашист рвется к Москве и быстро приближается к ней.

Война... Кровавая война... Какую же судьбу приготовила она Васюку? Смерть? Страшную рану? Плен? Или еще какие-то тяжелые мучения? Нет, не хочет думать об этом молодой солдат. Он гонит мрачные предчувствия. Но они не уходят и, как назойливые мухи, крутятся в голове, терзая душу. Об этом не заводят разговор и другие солдаты. Но Васюк понимает без слов, что такие страшные мысли волнуют всех. Им нет и двадцати, их жизнь только начинается. Кто хочет думать о смерти в таком возрасте?

На первый взгляд, дела в зоне проходят, как прежде: через день нужно стоять на часах около палаток из зеленого брезента. По голосу дневального по утрам вскакиваешь и одеваешься, выбегаешь из казармы и встаешь в строй. Затем физзарядка, завтрак, политза-

нятие, военное дело. Короче говоря, режим солдата такой же, как до войны. Но если посмотреть внимательнее, в маленькой военной части близ Сумгаита тоже заметны многие изменения. Командиры все ушли на войну. Несколько дней назад ушел и Ященко. В роте сейчас другой политрук. Отправляют и красноармейцев. На их место приходят новые. Начали появляться, наряду с молодыми, и мужчины в летах. Короче говоря, никто теперь не знает, где он окажется завтра, в любое время — хоть днем, хоть ночью — могут поставить в строй и отправить на железнодорожную станцию.

Скоро наступил черед и Васюку садиться в поезд. За два дня до этого на зону пришла страшная бумага. До описания дальнейшей жизни Васюка, необходимо, наверное, упомянуть и о ней. Эту весть прочитали на политзанятии. Там сообщалось, что добровольно ушедший на фронт командир роты Мытищев геройски погиб в бою. В жестоком бою его окружила группа фашистских солдат. Оккупанты хотели захватить живым в плен командира Красной Армии, который отважно боролся один против нескольких врагов. «Рус, сдавайс! Хенде хох!» — кричали они, приближаясь к капитану шаг за шагом. Жуткое кольцо сужалось. Отправив последний патрон в сторону врагов, Мытищев приготовился встретить их достойно. Когда немцы подошли совсем близко, он схватил гранату и швырнул ее себе под ноги. Много немецких солдат забрал с собой на тот свет храбрый капитан. Увидев это, красноармейцы поднялись в атаку, они увидели, что вокруг их любимого командира валяется девять фашистских трупов.

Чтобы обсудить новость со своим другом, Васюк пошел к Арсению. В последнее время Быстроножков заметно изменился. Его радостно сияющее, красивое лицо помрачнело, веселые глаза стали угрюмыми, как будто он на кого-то злился. Теперь он смеется редко, мало говорит. И Васюка старается сторониться. Он задумчив, иногда даже хмурит брови, задумываясь о чем-то...

— Скольких красноармейцев измотал этот придиричивый командир роты, замечающий любые недостатки в их одежде, — сухо сказал Быстроножков. — А теперь он — доблестный храбрый воин. Не пощадил свою молодую жизнь в борьбе с врагом... Сложное, ох какое сложное существо — человек! Не зря говорят, что надо вместе пуд соли съесть, чтобы хорошо узнать человека... Вот, скажем, — чуть улыбаясь, пристально посмотрел он в глаза Васюку, — как давно мы дружим с тобой, а ты до сих пор не доверяешь мне. Почему? Не знаю отгадки... Не возражай, не уверяй. Правильно делаешь. В этом обманчивом, лживом мире нельзя доверять никому, даже самому близкому другу. — Арсений не стал больше говорить, повернулся и ушел.

Эти слова долгое время не выходили из головы и смущали разум Васюка. О чем они только не говорили, когда оставались вдвоем. Много проблем в этой сложной жизни. Только о современной политике не любил говорить Васюк. А Арсений затрагивал чаще всего именно эти вопросы. То он говорит с иронией об одномандатных выборах, то шепотом сообщает, как в прошлом году их соседа, достойного, честного человека, увели из-за доноса, то удивляется тому, что руководители нашего государства поверили мечтающему покорить весь мир авантюристу Гитлеру. Васюка не вдохновляли такие речи. В подобных случаях он или переводил разговор на другую тему, или спасался шуткой, или отходил в сторону, найдя какую-нибудь причину. Как говорят, береженого бог бережет. Не только о себе беспокоился Васюк, но и о друге тоже. Люди в верхах очень любят, когда остальные судят об их деятельности даже с некоторым сомнением. Их можно хвалить, кричи хоть на весь мир. Чем больше людей услышит, тем больше тебе чести и уважения. Но критиковать — держи язык за зубами... Однако что же случилось с Арсением в последнее время? Неужели обижается, что он не доверяет? Дурачок! Васюк решил поговорить об этом с другом, но не успел — пришлось отправиться в дорогу.

В начале сентября Митаева Василия и еще пятнадцать-двадцать красноармейцев увела дорога войны с азербайджанской земли в Грузию. Среди попутчиков Быстроножкова не было. И попрощаться не успел Васюк с другом. Но судьба неизвестно с какой целью, может, чтобы придать больше горечи и без того нелегкой жизни, снова свела на короткое время их пути-дороги. Лучше бы не видеть, говорят в таких случаях... Но об этом расскажем не сейчас, а позже, в свое время.

Солдаты подумали было, что их везут на фронт. Но оказалось, что их привезли и разместили в военный лагерь под Кутаиси, в школу младших командиров. Через три месяца, получив звание сержанта, Васюк некоторое время в этом же лагере обучал военному делу молодых красноармейцев. Когда наступил тысяча девятьсот сорок второй год, в середине января в лагерь прибыли из Тбилиси несколько военных — старших командиров. После завтрака солдат построили как обычно на плацу и провели переключку. Потом один из прибывших командиров, высокий, худой капитан, встал перед строем.

— Кто окончил среднюю школу, три шага вперед, — сказал он как-то устало и вяло.

Васюк и вместе с ним еще двое вышли.

— Мало, — недовольно покачал головой капитан.

— Окончившие восемь или девять классов, три шага вперед!

Опять немного. Потом вызвали имеющих семилетнее образование, наконец примкнули и проучившиеся пять классов. Сорок человек построили по четыре и снова повели к железнодорожной станции. Куда? Это стало известно только, когда прибыли в город Тбилиси. Оказывается, их выбрали, чтобы отправить в военное училище, на курсы младших лейтенантов. В двух-трех километрах от города в равнинной местности расположен военный лагерь. В окруженном колючей проволокой большом дворе — разные строения, зеленые брезентовые палатки...

Таким образом, подчиняясь военным законам, Васюку все же пришлось получить звание командира. Какое-то время он служил сержантом, теперь, через несколько месяцев, стали обращаться к нему младший лейтенант. Когда перед началом войны политрук Ященко предложил ему пойти учиться в военное училище, он не согласился. Его не привлекало тогда стать военным до конца своих дней. Но обстоятельства поменялись, и сам Васюк сильно изменился за полгода. Теперь ему безразлично — красноармеец он или командир. Его молодые и светлые желания, заманчивые мечты перекрыла война. Будущее помрачнело. Кровавая война. В ее прожорливом пламени пропадают сейчас сотни и тысячи людей. Скоро и Васюку придется войти в этот огонь. Защищать Родину от вторгшегося врага — солдатский долг. Что бы ни случилось, он не уклонится от его выполнения, не отступит от него. Об этом продумали давно и основательно. Но жить хочется. Очень хочется жить. Эх, была бы эта война только сном!.. Откроешь утром глаза и вздохнешь свободно — нет никакой опасности, никакая смерть не грозит тебе. Жизнь течет как обычно. Как и задумано, пройдет время службы, и ты поедешь домой... Дом... Как они там живут? Как убрали урожай? Пишут, что все хорошо, нормально. Два месяца не было никаких вестей от Надюш. Оказалось, их направили из колхоза на лесозаготовки. Готовить дрова испокон веков было мужским занятием, теперь там надрываются женщины и девушки. Всем сейчас тяжело, не только в армии, но и работникам тыла.

Родная деревня, родительский дом... Доведется ли возвратиться туда? Хоть бы на день оказаться там. Прибыв на железнодорожную станцию в Тбилиси, Васюк услышал неожиданно чувашскую речь.

— Получил письмо из дома? — спросил кто-то прямо за спиной.

Васюк круто повернулся. Разговаривают двое солдат.

— Чуваши? — спросил удивленный Васюк.

— Так точно, товарищ младший лейтенант! — сказали оба, весело взглянув на него. — И вы?

— И я!.. — не выдержав, Васюк рассмеялся от радости. Показалось, он встретил близких родных, поднялось настроение. Познакомились. Ребята оказались из разных районов. Нечаянно встреченные земляки ждут поезда уже два часа целым взводом. Куда же они направляются? Конечно, на фронт. У солдата сейчас одна дорога.

«Удачи им, — подумал Васюк, попрощавшись с ними. — Может, и на фронте будут вместе? В случае несчастья и весточка домой многого стоит». А Васюк вот потерял друга.

Вначале он не очень жалел об этом. Ну что ж, вместо потерянного найдется новый. А теперь скучает. Упрекает себя, что не поторопился поговорить открыто о том, что по недопониманию стали в последнее время отдаляться друг от друга. И письмо он написал. Ответа не было. Арсений... Где же он сейчас? Все еще в Сумгаите? Или ураган войны давно перенес его в другое место? Жив ли еще?

А войне не видно конца. Сколько территории заняли немецкие войска. Уже и Украина в руках оккупантов. В Центральной России они добрались до Москвы! Однако в последнее время их остановили. Как ни рвутся фашисты, не могут продвинуться вперед. И от столицы отогнали довольно далеко. Весть, конечно, хорошая, но не слишком радует. Готовившаяся к войне в течение нескольких лет, покорившая многие страны Европы, гитлеровская армия еще сильна. Хотя пресса и радио шумно извещают, что наша героическая Красная Армия остановила врага и прогнала его в некоторых местах на десятки километров на запад, а на полях битв остаются десятки тысяч фашистских солдат и всякая техника, никогда не слышали, что немецкие войска утратили былую мощь и не смогут бороться и продвигаться вперед.

Говорят, что Тбилиси — красивый город. Но Васюку не довелось побывать там, хоть он жил совсем

рядом и его белые дома были видны из лагеря. Программа в училище большая. По десять-двенадцать часов проходит в учебе. Выходных нет... Война торопит. Скорее... Скорее... Фронту нужны умеющие обращаться с оружием, знающие военное дело командиры...

В таких хлопотах пролетели январь и февраль. В конце марта курсантов-минометчиков школы младших лейтенантов разделили на две группы. Одна осталась на месте. Другую часть, в которую попал Васюк, посадили в товарный вагон и повезли на запад — в город Новороссийск. Почему не дали окончить учебу?..

Новороссийск считается прифронтовым городом. Часто сюда прилетают немецкие самолеты и бросают бомбы на город, больше всего на порт и разные суда в море. В тот же день с наступлением темноты посадили «недозрелых» младших лейтенантов на маленький пароход и отправили в город Керчь. На следующий день прерванные на время занятия продолжились.

Керчь. В прошлом году здесь в течение двух месяцев хозяйничали немецкие оккупанты. Болтающие по-иностранному, одетые в темно-синюю форму солдаты с автоматами прохаживались по улицам города, грабили жилые дома, насиловали, убивали... Так было... Три месяца назад, как раз в новогоднюю ночь, наш черноморский десант неожиданно ворвался и быстро вышвырнул врага из города.

Керчь не была тогда большим городом. Там преобладали выстроенные из камня белые дома. Лишь на главной улице были видны трех-, четырех- и пятиэтажные дома. В мирное время, наверняка, это был красивый зеленый город. Но разрушительная война оставила здесь ужасные следы. Везде — воронки от бомб, полностью или наполовину разрушенные здания, оставшиеся без стекол окна, осколки кирпича, стекла и кучи мусора. Враг недалеко. Часто прилетают самолеты, и тогда слышатся в городе оглушительные разрывы бомб. На полупустых городских улицах редко

появляются прохожие, лишь иногда можно видеть идущие строем группы красноармейцев. Изредка с грохотом проезжают грузовые машины, покрытые зеленым брезентом.

8

Десятого мая неожиданно объявили об окончании учебы и поздравили курсантов с присвоением звания младшего лейтенанта. Новую форму выдать, наверное, не успели... Оказалось, в тот день изгнанные зимой на восток фашистские войска снова начали наступление в Крыму. Ни сном, ни духом не ведавшие об этом вчерашние курсанты, среди них и Васюк, получив на следующее утро приказ садиться по машинам, полагали, что их везут на обычные военные учения. Но в этот раз машина выехала из города и прогромычала на запад. Впереди бесконечная ухабистая, с рытвинами крымская земля. Дорога неровная, ночью прошел дождь, грязно. Вдобавок, часто встречаются воронки от бомб. Колеса скользят и буксуют, но медленно продвигаются вперед. Город уже остался далеко позади. Погода хорошая, тепло. В яркосинем небе плывут пушистые серебристые облака. Дует теплый встречный ветерок. Вокруг открытая зеленая местность. Недалеко простирается, сверкая на солнце, Черное море. Над его поверхностью взмываются большие волны и катятся торопливо к берегу, бьются с грозным грохотом о берег. Вдруг впереди, где-то наверху, послышался рокот. Откуда ни возмись, в небе показались черные точки, движущиеся на восток. Немецкие самолеты! Летят по трое... Машина дернулась и остановилась.

— В овра-аг! В овраг! Быстрее! — заорал громко командир изменившимся вдруг голосом. Вмиг в машине не осталось ни души. К счастью, совсем рядом неглубокий овраг.

— Ложись!

Васюк подбежал к чуть возвышающемуся белому камню и спрятался за ним.

Вот они, вышедшие сеять смерть душегубы с черными крестами, прямо над головой. Вот от одного из них отделилась черная точка и с ужасающим душоем устремилась вниз. Вот она увеличивается и приближается... Васюку кажется, что она несется прямо на него. Невыразимо дикий страх пригвозждает тело к земле. «Господи! Спаси и сохрани!» — невольно шепчут губы.

Ба-а-ах! — больно ударил по ушам невыносимо громкий звук. Красный чернозем вздыбился, рассыпаясь, пронеслась горячая воздушная волна. Слава Богу, живой... Но бомбы все падают и падают, и разрываются с грозным шумом.

— А-а-а! — раздался дикий голос. — Я не хочу умирать!.. Не хочу умирать.

Васюк поднял голову. Грузинский парень Анзор Такварели бегаёт с диким криком туда-сюда. Его испачканное землей лицо кровоточит, в черных глазах безумный блеск.

— Ложись! — прозвучал грозный голос командира.

— Анзор, ложись скорее! — закричали и друзья.

Но он не слышал, не переставал кричать и бегать. Вдруг на месте его отчаянно мечущейся фигуры взметнулся шар черной земли. Васюк вздрогнул и невольно зажмурил глаза. Через миг он увидел распластавшегося у края воронки Анзора... Завершив свое черное дело, самолеты полетели обратно на запад. Командир, молодой лейтенант, подошел к телу неподвижно лежащего солдата.

— Паникер! — сказал он зло. — Нищая душа! Так ему и надо. Таким лучше не жить. В машину!

«Анзор, прости, оставляем твое тело не захороненным. Ты был первым из нас. Больше никаких сомнений: мы едем не на учебу, а на настоящую войну», — объяла ужасная мысль Васюка.

Объезжая воронки от бомб, машина снова устремляется на запад, она тяжело воеет и стонет. Не успели далеко отъехать, в воздухе опять послышался ужасающий рокот. Снова пролетают над припавшими к земле

людьми птицы с черными крестами, снова раздрает душу тонкий свист, разрываются бомбы, сотрясая округу, взмывает вверх черная земля, смешанная с красным пламенем...

Васюк не отводит глаз с вражеских самолетов, сеятелей смерти. Наглецы. Связанные невидимой нитью, они пролетают, не нарушая рядов, по трое. Нисколько не боясь, свободно. Как будто они сейчас хозяева в воздухе. Наших самолетов совсем не видно. Где они?.. Однако, если хорошенько прицелиться, можно, наверное, попасть из винтовки. Но у Васюка нет ружья. Он — минометчик. В тот же миг, как будто услышав его мысли, послышался ружейный выстрел. Затем хлопнул выстрел на другой стороне. Еще и еще... Молодцы, не растерялись! Но что значит винтовка против самолета...

Пока добирались до места, их три раза атаковали эти хищные вороны. Что им? Аэродром рядом. Немного времени надобно, чтоб загрузиться бомбами и вернуться обратно. В поле остались лежать еще три солдатских трупа. По прибытии к месту назначения раненых отправили в медсанбат.

Вот Васюк и на фронте. Окопы тянутся очень далеко. В трехстах-четырестах метрах — вражеская позиция. Сейчас там никого не видно. Только слышится редкий треск автоматной очереди или взрыв прилетевшего снаряда. С нашей стороны то же самое — пострекочет пулемет, бабахнет одинокий оружейный выстрел, разрывая воздух, затем снова устанавливается тишина.

Пока рыли окопы и размещались, день закончился. Укрытые покрывалом ночи холмы перестали различаться. Васюк растянулся на влажной земле. В небе прямо над головой висят тонкие, как кружева, легкие облака. Между ними робко выглядывают там и тут первые звезды. Теплый ветерок, врывающийся изредка в окоп, приносит невыразимо благоуханный запах травы и нежно ласкает лицо. Близко над головой пролетели две птицы. Тишина. Даже не верится, что идет страшная война. Но это только обманчивое чув-

ство. Враг совсем близко. Говорят, в последние дни не было больших боев. Все же, нашим приходится потихоньку отступать. Большая часть Крыма давно в руках врага. Освобожденная в новогоднюю ночь десантниками Керчь тоже сейчас недалеко от фронта.

Уже три раза Васюку пришлось лежать прижавшись к земле под разрывами вражеских бомб. Пока он, слава Богу, жив. Но кто знает, что будет завтра. Такая тишина не может продолжаться долго. Васюк понимает, что несмотря на то, что фашистские войска были изгнаны на несколько сот километров от Москвы, они сейчас очень хорошо вооружены. У немцев самолеты, танки, сильная артиллерия, у их солдат автоматы и мотоциклы. У нашей пехоты — только винтовки. Нет достаточно патронов. Командиры приказывают их экономить. Васюк — минометчик. Во взводе три миномета. До выхода из Керчи каждого снабдили семью минами. Когда добрались до места, командир так и сказал, чтоб не стреляли впустую. Васюк не знает, почему храбро сражающиеся солдаты Красной Армии на линии фронта так бедны, почему их оставили совсем без поддержки. И думать не хочется о том, что ждет впереди — тоска начинает грызть душу.

Так прошло несколько дней. Однажды перед обедом снова появились самолеты, летящие рядами со страшным ревом. Сотрясая землю, взрывались бомбы. Земля, взлетая, сыпалась на лежавших в окопах солдат, над головами пролетали со свистом осколки металла. Как только улетели самолеты, Васюк поднял голову — и, о боже! — из-за выступающих невысоких холмов выползли прямоугольные темно-зеленые машины. Танки!.. Выбрасывая оранжевый огонь, они торопливо ползли в сторону русских траншей. Рев моторов, взрывы снарядов, ужасный звон стальных колес перекрыли затихшую округу. Танков много, они идут рядами. Все ближе и ближе... Кровь застывает от ужаса, глядя на них, разум ослабевает, в эти страшные минуты хочется убежать далеко-далеко, ища спасения...

Неожиданно из окопа поднялся худенький молодой лейтенант. В правой руке он сжимал гранату, левой взмахнул горячо и, показав на приближающиеся ряды вражеские танки, что-то крикнул. Из-за шума Васюк не смог услышать. Наверное, призывал подняться в атаку за Родину, за Сталина. Но в этот же миг он дернулся, развернул руки, затем нагнулся вперед и упал ничком. Ой, что тут началось!.. Люди начали выскакивать из окопов и бежать в сторону города. Сначала по одному-по двое... Преграждая им путь, выскочили командиры — три капитана, два майора. Угрожая автоматами и пистолетами, они грозно кричали, сталкивали, стреляли. Вот упал один солдат, другие стали отступать назад, но набежавшая многолюдная волна вскружила, смешала и спасающихся от смерти, и гнавших их обратно в окопы.

Увидев это, как бы проснувшись ото сна, вдруг зашевелились и три минометчика. Азербайджанец Алимов быстро взглянул на Васюка и на Алешу Хатаковича и помчался за бесконечно бегущими людьми.

— Ахмед! — крикнул ему вдогонку, как бы желая что-то сказать, побледневший от страха Хатакович. Но тот не обернулся. Оставшиеся минометчики поняли друг друга без слов. Они торопливо отправили две мины в сторону врага, и волна людей в зеленой форме захватила-закружила и их.

— Вася, — сказал наконец, задыхаясь, Алеша. — Вот мой домашний адрес, — он вытащил из кармана гимнастерки бумажку и передал ее Васюку. — Твой у меня есть. Останешься в живых — напиши. Я тоже напишу. Может, встретимся после войны?

Алеша — белорус, родом из-под Минска. Белоруссия уже давно во вражеских руках. Ни от кого Алеша не получал писем. Он очень тосковал по своей семье.

Вначале они долгое время бежали рядом, потом Васюк потерял его из виду. (И адрес друга он не смог сохранить. После войны от него тоже не было вестей...)

На пути валялись сброшенные шинели, трупы, раненые. Крики, громкие стоны, мольбы о помощи и

проклятья пронзают в самое сердце. Но нельзя остановиться и помочь. Идущая по пятам ужасная тень смерти гонит людей безжалостно на восток. В тот момент Васюк не думал, что и там нет спасения, что со всех сторон путь им преградило море. Скорее, скорее спастись от ужасающего шума моторов, от снарядов, разрывающихся везде — впереди, сзади, справа, слева.

Пот застилает лицо, катится градом по всему телу. Танки идут совсем близко, прямо за ними. Почему же так медленно они продвигаются? Разве Васюк бежит так быстро, что они не могут догнать? По неровной земле он то устремляется вниз, то карабкается вверх. Он задыхается, уставшие ноги не хотят слушаться, потяжелевшее тело просит хоть немного отдыха, но следующая по стопам смертельная опасность гонит его все вперед...

Потом Васюк заметил, что снаряды стали лететь поверх головы, скоро стал потише и шум моторов, танки повернули в сторону.

— Окружают, сволочи, объезжают, — услышал Васюк совсем рядом. Посмотрел — идет высокий и худой майор. — Все. Жизнь окончена. Мы в плену... Эх! — майор снял и сбросил фуражку с головы оземь и закрыл лицо руками. Послышался всхлип... И мужчины плачут...

Впереди село Камыш Бурун. Некоторые из бегущих повернули туда. Но Васюк поспешил все-таки в город. После того, как вьющаяся над головой смерть на время рассеялась, в душе опять шевельнулась надежда и стала настойчиво торопить. Добраться бы до города. Возможно, он встретится там с кем-нибудь из знакомых... Может быть, поблизости есть партизаны, и ему удастся связаться с ними. Может быть... Может быть... Эх, надежды, манящие беспочвенные надежды. Одна за другой выплывают они перед ним. Такие мысли-мечты волнуют, конечно, не только Васюка. Видишь, сколько военных спешит, бежит в сторону Керчи. Но не видно ни одного знакомого лица.

Где они, его друзья, с которыми он проучился несколько месяцев? Где Алеша? Жив ли? Или догнала его черная смерть? Много, ох, много осталось лежать солдат Красной Армии под вражескими снарядами. Судьба уберегла Васюка и на этот раз. Он жив и здоров. Нет ни царапины на теле. Вот он вошел в город. К счастью, его еще не захватил враг. Пытаясь найти знакомых, солдат шел по городу, переходя с одной улицы на другую. Во дворе одного дома толпится народ. Больше всего красноармейцев, но есть и командиры. Оказалось, там был винный склад — сколько пьяных людей... Одни уже валяются, другие слоняются. Кто-то плачет, кто-то поет, кто-то кричит. Куда ни глянь, валяются солдатские вещи — шинели, котомки, винтовки. От этого вида у Васюка больно сжалось сердце. Эх, где у них человеческое достоинство?.. Эх, жизнь! Он только повернулся, чтобы уйти, как кто-то окликнул его по имени.

— Вася... Митаев, это ты?

— Какой знакомый голос. Неужели?

Васюк резко обернулся. Прислонившись к забору, сидит солдат с грязным лицом, в испачканной одежде.

— Арсений!

— Ага, именно он, — кивнул головой человек. Попытался подняться навстречу, но не смог, снова свалился. — Вот, возьми, — протянул он наполовину опущенную бутылку вина. — Пей. Так легче. Мы пропали, Вася. Нас предали. Не на битву, а на смерть привезли нас сюда... — пьяный солдат покачал грустно головой и вытер набежавшую слезу концом рукава грязной гимнастерки. — Немцы нас поливают из пулемета, с самолетов, давят танками, а мы против них размахиваем только стволами винтовок. Где они, наши самолеты? Где танки? — Арсений поднял потяжелевшую голову и посмотрел вокруг блестящими от ненависти глазами. — «Никем непобедимая Красная Армия...» Ха-ха-ха... Помнишь, Вася, как долбили нам про это политруки вроде Ященко каждый день? Не забыл ведь Ященко?

— Арсений!.. Сеня, не пей больше. Айда, вставай. Мы должны догнать наших. Скоро здесь будут фашисты.

— Наши?.. Где они?.. Там... за морем, — вяло махнул рукой Быстроножков на восток. — Туда нам дороги нет. Мы в капкане, Вася. Мы люди на расход. Не хочешь пить? Тогда иди... если надеешься... Но почему ты без винтовки? А-а, ты же сказал, что стал минометчиком... На вот, свое отдаю. И патроны есть. Оно мне больше не нужно. Ну, до свидания, счастливого пути, — Арсений поднес бутылку снова ко рту, но не стал пить. — А-а, подожди... Надо сказать, — поспешил он остановить собравшегося было уйти Васюка, как будто вспомнил о чем-то. Устремив свой замутненный взгляд на него, Арсений помолчал, как бы сомневаясь. — Вася, увидимся ли еще? — сказал он, наконец, дрожащим голосом. — Наверное, нет... Нет, нет! — решительно отрезал он тут же, отрицательно мотая головой. Арсений тяжело вздохнул, не поднимая опущенную голову, опять не сразу заговорил. — Раньше существовал обычай исповедоваться перед смертью у батюшки о своей грешной жизни, о своих нечестных поступках и покаяться, прося у Бога прощения. Теперь такого обычая нет. Да и ты не Бог и не поп, но все же я хотел бы сейчас очистить перед тобой свою совесть... Слушай, Вася, — сказал Арсений и выпрямился. По мере своей речи он становился трезвее, язык перестал заплетаться, разум засветился в его мутных глазах. — Однажды меня вызвал к себе политрук... — продолжил Быстроножков. — Наступало пятое декабря — День Конституции. Сначала он завел разговор об организации праздника. Вспомнил, что я проникновенно читаю стихи, выразил надежду, что и на следующем вечере буду участвовать активно и порадую красноармейцев своим мастерством. Потом он перевел разговор на обстановку в мире. Капиталистический мир, окружающий молодую советскую страну со всех сторон стремится уничтожить нас, рассылая своих агентов и шпионов, такие могут оказаться и в

нашей воинской части, поэтому настоящий советский человек должен быть всегда начеку, выводить на чистую воду тех, кто пытается навредить Родине, сказал он. Поверил тогда я ему. Он же коммунист, старший командир. Дал слово, что буду всегда внимательным, что буду помогать. Тогда Ященко назвал тебя...

— Меня? — спросил ошарашенный Васюк. — Почему?

— Об этом поразмышляй сам. Я не знаю, — покачал головой Быстроножков. — Я должен был ежедневно докладывать о том, что слышал от тебя, что я знаю о тебе. Вот так.

— А ты? — спросил Васюк, которого бросало то в жар, то в холод.

— Не буду скрывать, вначале очень обрадовался, что сам старший политрук доверил мне такое очень необходимое, важное поручение. Меня вдохновила возможность выследить хитрых врагов, алчущих уничтожить любимую страну. Я старался раскусить тебя, может быть, ты это чувствовал, никогда не говорил лишнего слова.

— Вот как! — будто льдинка попала в сердце Васюка, оно сжалось, холодея. — Были ли у тебя еще такие, как я? — спросил он, сдержав желание резко повернуться и уйти.

— Как такие, как ты? — вдруг осторожно и виновато взглянул на него Быстроножков. — А-а, — неожиданно поняв, кивнул он головой. — Был, Вася, был еще один. Был ли ты знаком с ним, это Ваня Матюшкин. Новенький... В армию его взяли весной перед началом войны. Только успел я познакомиться с ним по приказу Ященко, как завертелось-закружилось все вокруг. За короткое время немец захватил у нас столько земли, подошел вплотную к Москве. Это заставило меня сильно задуматься. Понял я тогда, многое понял. Как глуп я был, всему слепо верил... Я перестал смотреть в глаза тебе спокойно и смело, как раньше, поэтому стал сторониться. В голову пришла мысль, а не следит ли кто-нибудь так же настойчиво за мной? Было ли такое возможно? Конечно, было. И

тогда душа моя опостылела к Яценко. Вернее сказать, меня к тому времени уже перестало вдохновлять его поручение. Даже подумывал предупредить тебя, но не отважился, наверное, побоялся. А сейчас... Я сейчас пьяный... Сейчас могу говорить что угодно, вольный я человек. Скоро отправлюсь на тот свет. Чувствую. А ты живи, живи долго, будь счастлив... Прости меня. Наверное, я ошибался в своей жизни, но не был сволочью, не предал душу... А-а, я, кажется, начал трезветь, — Быстроножков снова припал к полупустой бутылке, с бульканьем стал пить, запрокинув голову.

Васюк не нашел слов, чтобы попрощаться с человеком, которого до недавнего времени считал своим другом, о котором часто скучал. Он круто повернулся и вышел со двора, обходя валяющихся пьяных людей, шинели, солдатские котомки.

Значит, Арсений никогда не был другом Васюку, по поручению политрука он «подружился» с ним. Это открытие заставило помрачнеть Васюка, у которого и без того было тяжелое настроение. Эх, человеческий мир! Почему же ты так непригляден?.. Однако почему не доверял ему политрук Яценко? Какой повод нашел он, чтобы следить за ним?.. Пока он находился в городе, где на каждом шагу ожидала всякая опасность, Васюк не мог основательно подумать об этом. Но позднее, сначала в каменной пещере, затем, когда мучился в немецком лагере, эти мысли часто приходили ему в голову и возмущали разум. Почему? Отчего? Ну... семья его не вступила в колхоз. Но тогда Васюк был ребенком. Потом он жил далеко от дома, учился. К тому же Сталин говорил, что сын не отвечает за отца... Ну, не комсомолец. Не захотел он обидеть мать, записавшись в комсомол, пожалел ее. Ведь и без того пришлось им пережить многое... Что еще? Арестованной, как враг народа, учительнице немецкого языка Эльзе Францевне нравился Васюк за то, что учился хорошо и старательно, она хвалила его, выделяя среди других.. Неужели Яценко мог узнать и об этом? Удивительно. Неужели такой причины достаточно, что-

бы смотреть недоверчиво, следить и проверять?.. Предложил пойти учиться в военное училище. Может быть, хотел посмотреть, как онотреагирует? Может быть, у них так заведено — всех проверять, никому не доверять? И Арсений говорил то же самое...

Такие мысли будоражили голову Васюка часто. А пока он вышел со двора, повесил за спину винтовку, смешался с беспокойно снующими военными и поспешил на восток. Возможно, найдется какой-то способ переправиться на другой берег, в сторону Кавказа... Там нет фашистов, там — наши. Совсем рядом идет высокий худой полковник. Он простоволос, шинель нараспашку. Услышав приближающийся в воздухе вой, полковник остановился, посмотрел, запрокинув голову, на самолеты с черными крестами на крыльях, пролетающие, как обычно, рядами.

— Душегубы. Опять полетели уничтожать беззащитных людей, — послышалось за спиной.

Услышав близко хлопок выстрела пистолета, Васюк резко обернулся. Только что шедший рядом полковник лежит на земле, из маленькой ранки на виске струится на пыльную дорогу алая кровь. Несколько человек заметили и подбежали к нему. Кто-то подобрал лежавший рядом пистолет...

Время клонилось к вечеру. Яркое солнце окрасило красным цветом медленно плывущие в бездонном небе серебристые облака и морскую поверхность. Может быть, это вовсе не солнечный свет? Может, это человеческая кровь окрасила и белые облака, и синие волны? Сколько погибших увидел сегодня Васюк! Много, очень много!..

Грохот боя все еще сотрясает город. В вечернем воздухе раздаются шум моторов, выстрелы из ружья, стрекот пулеметов, разрывы артиллерийских снарядов. Окруживший Керчь с трех сторон враг все прижимает красноармейские части, пытающиеся защитить город, захватывает дом за домом, улицу за улицей.

Говорят, надежда умирает последней. Но теперь и надежда слишком слаба. Похожая на стеклянную иг-

рушку, подвешенную на тонкую подгнившую нить, она может в любой момент сорваться и разбиться... Вот и упала... Вот и разбилась... На окраине города встретились две большие толпы людей. Одни спешат на восток, другие возвращаются обратно в город. Какими усталыми они выглядят. Все молодые, с сутулыми спинами, в их побледневших мрачных лицах нет бодрости, одно бездонное горе... Значит, искать спасения — пустая затея. Итак, дорога на восток закрыта, побережье занято немцами.

Позднее Васюк узнал: в тот солнечный летний день на западном побережье пролива, соединяющего два моря, произошло страшное, жуткое событие. Спасаясь от фашистов, сгрудились в том месте тысячи людей. Среди них было много раненых, горожан и сельских жителей — женщин, детей, стариков. Спасительный восточный берег виднелся совсем недалеко, в нескольких километрах. Может быть сильный, здоровый человек, умеющий хорошо плавать, мог бы и добраться туда. Но сейчас совсем низко над водой летали самолеты с черными крестами и поливали из пулемета плывущих людей, державшихся за наспех сколоченные из подручного материала плоты, бревна, надутые машинные камеры. На столпившихся на берегу людей падали и взрывались бомбы и даже ночью раздавались стоны, крики о помощи. Синие волны морской воды и вправду изменили цвет, окрасившись человеческой кровью. Позднее люди тот берег называли берегом смерти.

Ну а теперь быстро увеличивающаяся группа красноармейцев обсуждала насущный вопрос.

— Надежды нет... С трех сторон море, позади — враг, — слышался безрадостный голос. — Чем попасть в плен и терпеть мучения от фашистов, лучше утонуть в воде... Море наше, оно и вымоет, и почистит, и похоронит. Нет времени ждать. Кто согласен со мной, пошли. Как говорят, на миру и смерть красна.

— Если нет возможности спастись, то и я с вами...

— Да, мы в кольце. У нас мало надежды. Несмотря

на это, пока мы свободные солдаты... Вооруженные солдаты, — грозно сверкнув глазами, отрезал коренастый широкоплечий мужчина. — Кто желает расстаться с жизнью в чистом месте, в морской воде, могут идти. Не будем удерживать. Сам я не доставлю удовольствия врагам, идя на такую смерть. Я буду драться до последнего вздоха.

— Правильно говоришь, старшина! — раздался тут же одобряющий голос.

— Вот это мужское слово...

— Если каждый из нас уничтожит хотя бы одного фашиста...

В этот момент над головами просвистел снаряд и разорвался в тридцати-сорока метрах, взметнув каменистую землю в воздух. Второй снаряд упал еще ближе.

— Заметили, — услышались взволнованные голоса.

— Товарищи, — перед толпой вышел стройный молодой капитан. — В трехстах-четырёхстах метрах от города у моря стоят два здания. По данным разведки, туда еще не добрались немцы. Соберемся там, когда стемнеет. Там обсудим дальнейшие планы. А теперь разойдемся скорее...

Эти два здания Васюк знает хорошо. Во время учебы на курсах младших лейтенантов в одном из них они спали, в другом — столовались.

Южные ночи темные. В покрытом черными тучами небе в ту ночь не появились звезды. И море, и воздух, и городские дома накрыл густой туман. Не видно ни зги. Стих и ветер. Тихо. Лишь морские волны бьются о каменистый берег и беспокойно о чем-то шумят.

— Товарищи, — услышался твердый, звонкий голос. Васюк узнал его сразу — говорит капитан, предложивший недавно собраться в этом месте. — Время не позволяет много говорить. Сейчас дорога каждая минута. Что же мы должны делать дальше? Не поддерживаю тех, кто хочет идти к немцам с поднятыми руками. Враг не встретит нас хлебом и солью. И там двояко — или смерть, или обидная, мучительная жизнь под гнетом. В самоубийстве тоже чести мало. Малыми си-

лами атаковать врага и умереть в бою тоже пока рано.

— Что же тогда делать? Если знаешь, говори скорее! Не томи душу! — крикнул в темноте злой и грубый голос. К нему присоединились еще несколько.

— Кто там кричит?.. Не мешай говорить! — сердито оборвал их другой. — Слушаем, товарищ капитан!

— Мы тут посоветовались и решили вот что, — раздался в тишине тот же твердый голос. — Пользуясь темнотой, мы должны сейчас напасть на немцев. Как десант, неожиданно. Что такое десант, враг знает хорошо. В новогоднюю ночь наши матросы ворвались в город и прогнали его больше чем на сто километров к западу. А наша задача — вырваться из города... Сначала, пока не заметят, постараемся идти тихо. Но разорвать кольцо смерти незаметно все равно не получится. Поэтому, как заметят, сразу кричите во все горло Ур-ра! и мчитесь к окраине города. Там недалеко есть овраг. Где он поворачивает налево, там будем ждать друг друга. Есть надежда вырваться из рук врага... Пока больше ничего не скажу. И вы ничего не спрашивайте. Кто не согласен, кто не верит — не уговариваем. Ваша воля. Думайте.

Васюк взгляделся в сторону города. Укрытый ночной темнотой, он не виден. В этой густой, черной тишине скрываются сейчас и спасение, и смерть. Они ждут... По приказу капитана они быстро разделились на три группы, тихо, осторожно, крадучись двинулись в сторону города. Выйдя к передним, Васюк зашагал рядом с капитаном. Новый командир понравился ему. Благородный, умный, смелый. И разведчики есть у него, и знает обстановку в городе, и сумел рассчитать, как помочь людям, попавшим в беду. Сказал хорошие, проникновенные слова. Понятно, убедительно. Кажется надежным человеком. Все же душу грызет какое-то нехорошее, ужасающее предчувствие... Как только вошли в город, недалеко раздалась автоматная очередь. «Заметили!» — леденя душу, мелькнула мысль.

— За Родину! За Сталина! Вперед!

— Ур-ра-а! Ур-ра-а! — разрывая ночную тишину, прогремел с трех сторон многоголосый, страшный, грозный шум. — Ур-ра-а!

— А-а-а-а! — прозвучало в ночном воздухе. — А-а-а!

Раздались хлопки оружейных выстрелов, автоматные очереди. Недалеко взорвалась граната... Капитан оказался прав. Немцы не выдержали и попрятались. Темная ночь помогла людям, попавшим в беду. Садами и огородами, перепрыгивая через изгороди, Васюк вырвался из города в чистое поле. Вместе с ним — впереди, позади, справа и слева — мчится сонмище людей. Вот овраг. На его изгибе, в назначенном месте, уже ждут несколько человек...

Фашисты быстро поняли, что их обманули. Скоро раздались позади автоматные очереди, разрывы шрапнелей. Но враг опоздал...

— Фу! Спасены! Спасены... — слышались со всех сторон обрадованные голоса.

— Спасены ли? А вдруг погонятся следом?

— Не осмелятся. Ночь темная. Немцы тоже люди. Они тоже боятся смерти. Слышите, уже перестали стрелять.

— Куда же дальше будем держать путь?

— К партизанам, конечно, или присоединимся к частям Красной Армии.

— Ну болтаешь. Где сейчас она, наша армия? Соображаешь? Знаешь, в каком месте Керчь находится?..

— Куда идти дальше, знает капитан. Иначе он не вывел бы нас сюда из немецкого окружения.

Знакомый голос прервал недовольные речи.

— Наверное, все дошли. Тогда пойдем...

— Товарищ капитан, там один красноармеец поранил ногу. С ним еще двое. Подожди немного, они недалеко, сейчас подойдет.

9

Хорошо идти по дну оврага. Он неглубокий, покрыт зеленой травой. «Если идем к партизанам, то где они?» — подумал Васюк. Он хорошо знаком с крым-

ским ландшафтом, они изучали его на курсах. Есть на его земле леса, но они далеко отсюда. Долго надо идти, чтобы туда добраться. Летние ночи коротки. Днем в степи не спрячешься от немцев.

Вот уже новый день, давая знать о своем приближении, заставил порозоветь восток. Густой туман, покрывший окрестность, начал потихоньку редеть. Стали различаться лица идущих рядом. Тогда и увидел Васюк впереди рядом с капитаном человека среднего роста, в примятой фуражке, в черном пиджаке.

«Вот кто нас ведет», — догадался он.

Вскоре мелкий овраг расширился, и его края стали еще положе.

— Стой! Кто идет? — раздался в темноте беспокойный, грозный голос.

— Свои.

— Пароль?

— Звезда.

— Проходите...

Откуда-то из-под земли выскочила перед ними фигура молодого солдата.

«А-а, наверное, это Аджимушкайские подземелья!» — догадался Васюк. Да, он слышал о многокилометровых катакомбах под Керчью. И во время Гражданской войны, и в прошлом году прятались там партизаны. Выскакивая из многочисленных лазов, они нападали на врага и наносили ему всяческий вред. Из-за этого некоторое время фашистам пришлось держать военные части в тылу, вместо того, чтобы отправить на фронт. Как же Васюк забыл об этом?

Вход в катакомбы большой. Свободно проедет и высокая тяжелая машина.

— Идите за мной, — сказал человек в пиджаке и нырнул в темноту. За ним двинулись и остальные. Ступая неторопливо и осторожно, начали спускаться вниз.

— Стой! Кто идет? — снова прозвучал впереди строгий голос.

— Свои.

— Сколько вас?

— Кто их считал? Наверное, где-то пятьсот-шестьсот.

— Проходите.

Спустились дальше и только повернули — увидели свет.

— Тихонравов! Миша! — бросился тут же навстречу к молодцеватому капитану широкоплечий майор с черными усами. Обнял. — Жив... Живой! Здоровый! Не ранен?.. Ну, хорошо, очень хорошо! Откуда ты сейчас? С каких мест?

— Вырвались из Керчи. Смотри, сколько нас...

— Молодцы. Ну, пошли дальше. Там поговорим.

Васюк тоже прошел дальше. Ого, сколько тут народу! Не только военные, есть и женщины, и дети. Многие спят, некоторые прохаживаются, сидят, вполголоса разговаривая друг с другом. Васюк осмотрелся — толстые каменные стены, каменный потолок. Прислушался — снаружи не слышно никакого звука. Это его окончательно успокоило. Невыносимо уставшее тело расслабилось. Он прислонился к сырой стене, вытянул ноющие ноги и заснул, как убитый.

Огромное каменное подземелье вблизи Керчи тянется почти на тридцать километров и выходит на поверхность земли около деревни Аджимушкой. Этот пористый легкий и крепкий камень люди издревле использовали в хозяйстве: вырезали и строили дома, разные здания. Таким образом в течение нескольких веков образовались под землей катакомбы, которые тянутся очень далеко. Их длина достигает тридцати километров, глубина — тридцати-сорока метров. Когда наступали опасные времена, местные жители искали здесь защиты. Говорят, в годы прошедшей Гражданской войны партизаны тоже прятались здесь от врагов.

Хоть и очистил наш морской десант Керчь и ее пригород в начале января нынешнего года от немцев, у него не хватило сил прогнать их далеко. Близость фронта давала возможность вражеским самолетам прилетать и бомбить город, на улицах разрывались артиллерийские снаряды, рушились здания, бушевали по-

жары. Именно поэтому военные склады разместили здесь, в Аджимушкайских катакомбах. Военные штабы работали долгое время под землей.

Об этом Васюк узнал некоторое время спустя. Теперь он проснулся от топота чьих-то шагов совсем близко от себя. Затем все стихло. Слышится только храп спящих людей и громкое сопение. «Где я?» — подумал Васюк. Сквозь шинель почувствовал спиной сырость стены, к которой прислонился, невозможно повернуть шею — затекла, онемела рука. Ощупал вокруг себя. Как только коснулся рукой шершавого холодного камня — перед глазами выступил прошедший сумасшедший день и напомнил обо всем, что случилось. Значит, он под землей. Вот почему не слышно ни звука снаружи. Который час?.. Хочется пить... Опять закрыл глаза и только задремал, как снова рядом раздалось громкое:

— Подъем!

Привыкшие по утрам вскакивать по этой команде бойцы сразу зашевелились. Принялись приглаживать руками помятую форму, одергивая, поправляли ее, потирая, чистили пыльные сапоги и ботинки, причесывали волосы.

— Кто не записался, прошу подойти сюда, ко мне!

На повороте за небольшим столом сидит темноволосяй, черноглазый сержант. Перед ним большая толстая тетрадь, в которую он записывает имена бойцов, подходивших один за другим.

— Митаев Василий Михайлович... — пробормотал сержант, записав имя Васюка, обмакнув ручку в чернильницу. Подняв голову, взглянул мельком на гимнастерку и записал «красноармеец». Васюк не захотел его поправлять. Действительно, какой он командир по сравнению с другими, прослужившими несколько лет в армии? И без того очень укороченные из-за войны курсы младших лейтенантов были закончены досрочно. На форме нет знака, что он командир. Если и сказать — поверят или нет. В случае необходимости, если возникнет беда, он не будет отрицать, что ему присвоили в день ухода на войну командирское звание.

Сержант, записывающий вновь прибывших в толстую тетрадь, сообщил Митаеву, в какое отделение, взвод и роту его определили, назвал фамилию политука и командиров. «Я две тысячи триста тридцать шестой, — подумал Васюк, отходя в сторону. — Оказывается, нас очень много». Действительно, большая сила, способная бороться партизанскими методами — красноармейцы, командиры — начиная от сержанта, кончая двумя полковниками. Васюк увидел их в тот же день. Невольно возник перед глазами застрелившийся вчера на улице города полковник. Свалился навзничь на пыльную дорогу, из левого виска струится кровь... «У нас нет попавших в плен, только трусы», — вспомнились всем известные страшные слова. Вспомнились и заставили похолодеть...

Васюк снова всматривается в каждого человека, но не видит знакомых лиц. Где же они, его сокурсники? Смог ли кто-нибудь из них переправиться через Керченский пролив и присоединиться к нашим? Неизвестно... Есть, конечно, среди них и навеки отставшиеся лежать на поле битвы, и попавшие в плен. Некоторые, возможно, успели, как Васюк, скрыться под землей. Если эта катакомба тянется на десятки километров, то, вероятно, такие катакомбы есть и в другом месте.

Хочется пить. Но здесь нет колодца, он снаружи. Недалеко, всего в десяти-двенадцати метрах. Там сейчас немцы. Каменный потолок входа в пещеру выступает далеко вперед, наружу, как козырек фуражки, там и расположены вооруженные враги. Нашли очень удобное место — близко, но ни стрелять, ни бросить в них гранату невозможно. Выйти и зайти незаметно, тайно — тоже только глупая затея.

Выдали провизию на сутки — три соленые селедки, пятьдесят граммов сахара, табак... В тот же день во взводах провели собрание. Из слов командира Тихонравова Васюк понял: положение тяжелое. Однако, и под землей солдат Красной Армии не должен сидеть сложа руки, ожидая, что кто-нибудь чужой придет и освобождает его. По мере возможности надо бороться с вра-

гом, ослаблять его силы, помогать Родине и Красной Армии в общей беде. Порядки здесь будут такие же, как в армии. Нарушителей будут судить военным судом. В складах — трофейные орудия. Каждый солдат обязан досконально изучить их... Нельзя забывать и свои.

Политрук Белов тоже подтвердил слова командира взвода. Потом он намекнул, что, возможно, Родина вышлет к ним на подмогу десант. В любое время должны быть готовыми встретить его, нельзя оставлять назавтра и борьбу с оккупантами. О делах засушенных уже провели совещание с командирами. Политрук сказал, пусть фашисты знают, каковы советские солдаты, пусть потеряют покой. Рассказал о положении с провизией и с водой. Продукты есть: и мука, и крупы, макаронны, но нет воды, чтобы варить. По этому вопросу тоже приняты меры. Вода обязательно будет, нужно лишь потерпеть немного. Так приободрили, обнадежили попавших в беду людей.

Но о том, как обессилить оставшегося в тылу вооруженного врага, не забывают и фашисты. Красноармейцы, которые пытались выползти ночью из маленьких отверстий, наталкивались на мины. Темную округу освещали ракеты, грозные автоматные очереди гнали разведчиков обратно под землю...

Задача, поставленная перед бойцами, — находясь в подземелье, бороться с врагом и наносить ему всяческий урон, — сорвалась. Васюк ни разу не слышал, что произошел какой-нибудь бой.

Уже третий день Васюк под землей. Пока здесь незаметно никаких изменений. Воды нет, поэтому и еда все та же — на сутки три соленых селедки, пятьдесят граммов сахара и табак. Васюк не курит, делаясь своей долей, он только радуется своим товарищам.

Ни слуху, ни духу и о десанте. Уже три дня, как фашистские войска захватили Керчь и подходят к Кавказу. Силы слишком неравны, поэтому фашисты продвинулись далеко на восток. Когда придет помощь? Откуда? Как? Васюк гонит такие тревожные мысли, которые начинают его беспокоить. Хочется верить об-

надеживающим словам командиров и политруков. Ночью он подходит к входной дыре и прислушивается — не слышится ли шум боя? Но на воле тишина...

Сколько здесь ходов!.. Одни прямые, просторные, годные даже для свободного перемещения машин. Довольно много также узких проулков и тесных коридоров, где может пройти только один человек, и то с трудом. Перекрещиваясь, они тянутся в разные стороны, и исчезают в темноте. Встречаются и лазы на поверхность земли, их стерегут немецкие пулеметчики. С каждым шагом свет становится слабее. Вот Васюк вступил в темноту. «Э-э, да тут страшно ходить где попало. Ничего не стоит заблудиться. Хватит на один раз», — подумал он, повернув обратно.

Сделав несколько шагов к свету, он неожиданно заметил на полу растянувшегося солдата. Тот прижался ухом к камню и прислушивается к чему-то. Почувствовав приближающегося к нему человека, он поднял голову.

— Иди-ка сюда, — позвал солдат Васюка, взглянув на него с воодушевленным видом. Потом опять поднес ухо к камню. — Как, журчит?..

— Что?.. Что журчит? Вода? — вздрогнул Васюк. Его сердце радостно заколотилось.

— Ага, вода... И недалеко...

Ложась рядом, стал слушать и Васюк. Одним ухом, другим... Тихо. Молчит, не издает ни звука сырой камень...

— Тебе только кажется. Это от жажды, — сказал Васюк, облизывая пересохшие губы. Он поднялся и почистил испачканную песком шинель.

— Неужели только кажется? — сказал солдат вдруг подавленным тоном. — И правда... стало не слышно, — неуверенно пробормотал он, пожимая узкими плечами.

— Удивительно... В таких случаях у нас говорят, бес попутал. Я комсомолец и, конечно, не верю во всякую нечисть. Но все же, — он вздохнул и помолчал, опустив голову. — Жажда мучает, — добавил он, потом посмотрел на подошедшего солдата и робко

улыбнулся, как бы стесняясь своей оплошности. Васюк понял его.

— И не говори. Легче стало бы, если бы хоть горло могли промочить, — согласился он тут же, чтобы помочь быстрее преодолеть смущение незнакомому парню.

Молодой тот еще. На продолговатом худом лице его проступают еще детские черты. Острого подбородка не успела еще коснуться бритва, там растет лишь мягкий пушок. Тоненькая длинная шея двигается над воротником шинели, черные глаза смотрят ласково и доверчиво.

— Давно в армии? — спросил Васюк, чувствуя невольную симпатию к этому незнакомому парню.

— Только несколько месяцев. Призвали зимой, когда прогнали немцев.

— Так значит, ты видел фашистов?

— Ага, видел. Когда стали хватать молодежь и отправлять в Германию, мать отослала меня в другую деревню к тете.

— А там не было фашистов?

— Были. Во всех деревнях они были. Пришлось скрываться, — снова робко улыбнулся юноша. — Иначе же угонят.

— Возраст подошел или добровольно записался?

— К сожалению, возраст не подошел. В военкомате все равно не стали возражать. Решил, лучше пойду биться с немцами с оружием в руках, чем скрываться, как вор, если опять что-то случится.

— Сколько тебе лет?

— Два месяца назад исполнилось семнадцать, — молодой солдат снова опустил голову и замолчал. — Я ни о чем не жалею, — добавил он после некоторых раздумий. — Война никого не гладит по голове. Но только очень хочется домой. Вчера во сне увидел маму, как будто она пришла сюда ко мне. Сама плачет, уговаривает вернуться домой, говорит, здесь погибнешь... Сейчас там снова немцы. Не знаю, как живут. Отец на фронте. Младше меня еще двое, — парнишка опять тяжело вздохнул.

— Ты издалека? Откуда?

— Нет, я родился и вырос здесь. Наше село только в десяти-двенадцати километрах отсюда.

— Вон как! — удивился Васюк. — Значит, только час-два ходьбы. Как тебя зовут?

— Юра. Юрий Остапчук.

— Украинец?

— Отец. Мать белоруска. Здесь живут разные народы. В нашем селе больше всего русских.

— На каком языке вы говорите?

— С кем как, — улыбнулся Юра. — С мамой — по-белорусски, с папой — по-украински, в школе — чаще по-русски. А вы откуда?

Васюк рассказал о себе.

Затем Юра повел его по коридору в темноту.

— Вот в этом месте стена более сырая, чем везде. Собираются и капли, — сказал он, остановившись около больших валунов. — Если долго облизывать, жажда немного проходит...

Нет, не хочет отдавать камень свою влагу людям, страдающим от жажды. Скоро шершавая его поверхность стала причинять боль языку, на губах, пытающихся высосать из пор дорогие капли, появились ранки. К тому же в горле оседает песок и каменные крошки, заставляя задыхаться и кашлять. Однако действительно показалось, что в пересохшем рту появилась какая-то влага.

— Завтра придем опять. Хорошо? — сказал Юра. — У меня здесь есть еще одна тайна. Но сегодня я не покажу ее...

Внутри у Васюка разлилось какое-то нежное, светлое чувство. Хоть разница в возрасте и небольшая, он почувствовал себя намного взрослее перед Юрой. Ему захотелось стать ближе к этому юноше и защитить его от разных напастей...

Уже четвертые сутки они в пещере. После обеда, как только начались политзанятия во взводах и ротах, неожиданно где-то близко раздался звонкий, молодой голос:

— Советские солдаты! Командиры! Советские граждане!..

А что это значит? Кто? Откуда?

Говорящий — не русский, он искажает немного слова, но все равно ясно, понятно.

— Слушайте нас! Слушайте внимательно. Комендант города Керчи приказывает вам всем выйти на волю. Не бойтесь. Немцы не причинят вам зла. Добровольно вышедшим комендант обещает предоставить квартиры и устроить на работу. Местным разрешит отправиться домой. Выходите! Ждем вас!

Голос затих. И слушающие молчат, как бы говоря, что делать, как поступить, красноармейцы поглядывают то на политрука, то друг на друга.

— Как заливается, сволочь! Фашист! — сказал политрук сердито, нарушая тишину. — Не внимайте врагам, товарищи! Не верьте ни одному слову. Ложь, все ложь.. Фашисты — не люди, они страшнее диких зверей. Они сжигают наши села, разрушают города, угоняют наших людей в рабство в Германию, мучают, убивают. Пленным командирам Красной Армии, красноармейцам выкалывают глаза, на спинах вырезают пятиконечные звезды... Невозможно пересказать их зверства. Трудно нам сейчас, всем очень трудно, но не теряйте надежды, дорогие товарищи. Родина нас не оставит, придет на помощь. Мы должны быть всегда готовыми встретить наших освободителей достойно, выйти на борьбу со злым врагом. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Коммунистическая партия, указывающая нам путь! Да здравствует наш вождь, великий товарищ Сталин!

После таких привычных слов последовали, как обычно, горячие аплодисменты...

Но все же в тот день на поверхность вышли, опустив головы, женщины, прижимая к груди и ведя за руку вяло хнычущих детей.

Васюк снял винтовку с плеча и уже который раз внимательно разобрал ее. Все в порядке. Они, советские солдаты, готовы биться с врагом. Если бы такой

же сильный, как зимой, десант атаковал немцев, то сколько вооруженных людей выскочило бы из подземелья, какое радостное и мощное ура! раздалось бы на всю округу... Только бы он пришел поскорее... Васюк слышал и знает, без еды человек может прожить около месяца, без воды не выдержит больше семи-восьми дней...

Ах, вода... Очень хочется пить. Сколько ее везде — на потолке, на стенах, под ногами, в воздухе. Шинель стала тяжелой от влаги, даже пилотка, подложенная под голову, по утрам влажная. Но битый камень только манит своим богатством. Есть здесь одно место — там падают с потолка прозрачные капли. Их тщательно собирают, подставляя разную посуду — для детей, для раненых солдат и больных.

Звонкий ясный голос раздался в тот день в подземелье еще два раза. Манил и призывал: «Не бойтесь! Немцы не причинят вам зла... Начнете жить нормальной жизнью...»

Уставшие высасывать выступающие из влажной стены холодные капли, двое солдат присели на ближайшую грудку камней передохнуть.

— О какой тайне говорил ты вчера? Где она? Почему не показываешь? — сказал Васюк, переводя дыхание.

— Никому не скажешь? — неуверенно посмотрел на него Юра.

— Конечно....

— Поклянись.

— Клянусь.

— Тогда пошли.

Еле протискиваясь по узкому коридору, некоторое время шли они молча. Сюда не доходит электрический свет. Темно.

— Вот, — остановился Остапчук. — Здесь, как раз на повороте дороги влево...

— Где? Что? Я ничего не вижу.

— Вот... вот. Я стою как раз около него, — шепнул Юра, хватая друга за руку. — Говори потише. Могут услышать... Здесь есть лаз наверх. Я нашел его позавче-

ра. Шел, шел так в темноту, держась за стену. В этом месте показалось, что просачивается свет. Пощупал — оказывается, этот чуть заметный тонкий лучик просачивается между двумя камнями. Толкнул — один из них легко сдвинулся. Медленно-медленно толкая, я стал его двигать в свою сторону. Вытащил, и открылся лаз. Довольно большой, человек может легко вылезти через него. Может быть, когда-то пользовались им. Я слышал, что и в Гражданскую войну, и в прошлом году, когда пришли немцы, в Аджимушкайских катакомбах скрывались партизаны. Однако, наверняка никто не знает, что здесь имеется лаз — как немцы, так и наши. Высунул голову — снаружи его скрывает холмик, вокруг растет высокая трава — не сразу заметишь.

— Но ведь сейчас не видно никакого света.

— Я нарочно заложил. Подойди-ка поближе, дай руку. Вот он, этот камень...

Васюк понял, что задумал его товарищ.

— Юра, — сказал он осторожно, — ты хорошо, основательно подумал об этом?

— Что... О чем ты? — вздрогнул парень.

— О том, что решил идти домой...

— Откуда ты узнал?

— Нетрудно догадаться.

Некоторое время оба молчали.

— Я так хочу увидеть маму, — нарушив тишину, вздохнул, наконец, Остапчук. — И сестреноч...

— Вокруг враги... Ты в форме красноармейца... Ведь сразу схватят.

— Не схватят. Об этом я тоже подумал. Выскользну с наступлением темноты и помчусь к моим. До рассвета успею вернуться обратно. Никто не узнает и не заметит. По бегу я всегда был среди первых в школьных соревнованиях...

— Но по дороге...

— Я не буду заходить в деревню. Пойду полем, — прервал Васюка юноша. — Немцы не ходят ночью по маленьким дорогам, тропинкам, боятся партизан... Эх,

прибегу, и... — сказал Юра вдруг, взбодрившись. — Меня, конечно, дома никто не ждет. Ведь ночь, все спят. Но постучу тихонько в окно, и мама сразу вскочит, узнает, выбежит и откроет дверь. В первую очередь я поплюю досыта воды. Целое ведро.... Наша колодезная вода очень вкусная, холодная, напьюсь и стану свежо и легко во всем теле. Потом посижу рядом с матерью, расспрошу про их жизнь, коротко расскажу о себе. Затем обратно... Возьму немного воды с собой. И ты дай флягу, и для тебя... Леся... Ее тоже очень хочется увидеть, но не стану будить, только взгляну на ее окна...

— Леся? Кто же она?

— Кто...Кто... Конечно, любимая девушка, — улыбнулся парень. — При расставании она дала мне слово дожидаться. Когда закончится война, мы с ней поженимся.... Мама, конечно, не захочет отпускать, начнет уговаривать... Нет, я не соглашусь. Я же солдат, дал присягу... Вася, может вместе, а? Мама у меня очень хорошая. Она и тебя встретит с радостью...

Родная деревня... Родительский дом. Если бы он был сейчас в десяти-двенадцати километрах отсюда, такие же мысли будоражили бы и Васюка. Однако опасно выходить отсюда.

— Сейчас ночи коротки. Скоро начнет светать, — ответил Васюк, после некоторого раздумья. — Это во-первых... Ну, скажем, доберешься удачно... А если в селе фашисты? Если как раз у вас, на квартире...

Юра вздрогнул.

— Эх, почему люди не летают как птицы? Хоть бы издали увидеть маму и сестренку. Хотя бы в последний раз...

Сердце у Васюка тоскливо сжалось. Эх, Юра, Юра... Как мало надо, чтобы ты чувствовал себя счастливым. Напиться досыта воды и увидеться с дорогими, близкими людьми. Хотя бы в последний раз. Но жизнь, захваченная жестокими безжалостными людьми, не хочет давать и самого малого, и этого она жалеет для попавшего в объятия войны названного солдатом семнадцатилетнего паренька!.. Васюка охватили снова теп-

лота и нежность. Ему захотелось защитить этого парня от беды, ободрить, вселить в него надежду в завтрашний день.

— Последний раз... Болтаешь ерунду, — возразил Васюк, нарочито недовольным тоном. — Говорят же командиры, что ожидается такой же десант, как зимой. Нас здесь много, около трех тысяч бойцов. Кроме того, в этих местах имеются еще такие же пещеры, как Аджимушкайские. Вот и подумай, какая мощь устремится навстречу нашим освободителям. Оружие есть. Как начнем бить немцев...

— Скорее наступил бы этот день...

— Наступит... Скоро наступит... — сказал Васюк более твердым голосом.

— Тогда давай откроем наше окошко. Хочется увидеть дневной свет, — продолжая говорить, Юра стал потихоньку толкать и двигать камень.

Ах, почему не остановил его Васюк? Почему не нашел какую-то причину, чтобы отвести его в сторону? К сожалению, не сообразил сразу, не догадался в тот момент предупредить... Вот он, долгожданный дневной свет, ворвался, слепя глаза. Густая темнота отступила.

— Как хорошо! Какой свежий воздух! — восторженно сказал Юра и вдохнул полной грудью. — Солнце светит, трава растет. Слышишь, Вася? Птицы поют.

Васюк не успел даже ответить, Юрина голова исчезла в дыре. В тот же миг тело парня резко дернулось, затем начало медленно сползать вниз.

— Юра! Юра! Что случилось? — то ли крикнул, то ли прошептал застывший при виде этого Васюк.

Ничего не ответил юный солдат, только тяжело упал в руки успевшего подхватить товарища.

— Юра! Юра! — снова позвал Васюк, трясая обмякшее тело солдата... Тщетно. Парень не открыл глаза, не ответил. Осторожно уложил его Васюк на землю, расстегнул шинель, приложив ухо к груди, вслушался. Дрожащими руками попробовал приподнять его голову и понял все, почувствовав, как в ладони сквозь

пальцы течет, струясь, теплая, густая жидкость через дырку на шее...

Как же случилось это неожиданное страшное несчастье? Прилетела случайная пули или, услышав их разговор, подстерег какой-нибудь фашист?

Ах, война, война! Почему же ты такая хищная, такая грозная?

Васюк почистил руку полрой шинели, не осознавая полностью свои действия, подчиняясь чувству самосохранения, тщательно закрыл опасную дыру, потом, почувствовав слабость, присел у изголовья ушедшего навек дорогого товарищи. «Так хочется домой. Увидеть бы маму, сестер... Хотя бы в последний раз», — пронеслось в голове. В горле что-то сильно сжалось. От нахлынувшего горя Васюк не выдержал, сотрясаясь всем телом, зарыдал. Не только жалея о безвременном ушедшем солдате, но и думая о том, что его самого ожидает. Он чувствовал, что петля смерти начала затягиваться и вокруг него. Воды нет. Начали рыть колодец, но говорят, в этих местах подземные воды находятся очень глубоко. На какую глубину придется долбить этот камень мучающимся от жажды и недоедания людям? Этого никто не знает...

Жажда мучает все больше и больше. Силы иссякают, жизнь становится мрачней. Тяжелые мысли бродят в голове. Васюк гонит их, но они никак не хотят развеяться...

Тело товарища Васюк вынес из узкого коридора и уложил в угол. Чтобы в темноте кто-то нечаянно не наступил, обложил его камнем. Получилось совсем как гроб. Жаль, нет крышки.

— Спи спокойно, Юра, — прошептал Васюк, сняв пилотку. — Твои страдания уже кончились. Ничего тебе больше не нужно — ни воды, ни еды... Прости, что не смог похоронить в землю. Не посмел набросать камни на твое тело. Спи спокойно, Юра Остапчук, ушедший из жизни совсем юным, без вести пропавший солдат! Может быть, когда-нибудь твои близкие получат бумажку о тебе, когда и где ты сложил голову...

Может быть, придут они сюда, в поисках твоей могилы. Но найдут ли?.. Если и найдут, узнают ли?

Васюк преклонил голову последний раз, хотел было повернуться и уйти, но заметив двоих приближающихся, отошел в сторону. Свет лампы доходит сюда чуть-чуть, в нескольких шагах уже начинается крошечная темнота. Люди остановились рядом с Васюком. Увидели ли они его или нет?.. Даже если и заметили, не посмотрели на него.

— Хватит, Гриша. Дальше пойду один, — сказал один, с высокой фигурой, противным хриплым голосом. — Будь мужчиной. Не плачь. Возьми себя в руки... Вот так... Время пришло. Надо было закончить жизнь в госпитале, может, и вылечили бы. Но здесь... Не прерывай меня, Гриша, не уговаривай. Дай договорить до того, как начнутся страшные мучения... Ты здоров и молод. У тебя есть надежда выйти живым из этого ада... Я не хвалю, конечно, фашистов, но и верить безоглядно словам политруков не надо... Понял? Спустя время, когда прогонят врагов, может быть, напишут правду, как в тысяча девятьсот сорок втором году под Керчью бойцы Красной Армии попали в Аджимушкайские катакомбы и как они там погибли. Если останешься жив, может, вернешься домой. Асе шлю последний привет. Я любил ее, и сейчас люблю. Дети еще малы. Подрастут и начнут разбираться в жизни — расскажи им правду. Пусть узнают. Еще передай: их отец, капитан Тихонравов никогда не был ни трусом, ни предателем...

«Тихонравов?!— удивился и огорчился Васюк. — Славный капитан, который вызволил сотни бойцов из вражеского окружения и привел их сюда?..» Конечно, он. Только вчера видел его Васюк. Увидел и был ошарашен тем, как изменился капитан за короткое время. Лицо пожелтело, в больших глазах погас живой огонек, тело сгорбилось... Эх, капитан! Славный капитан! Вон какую смерть приготовила ему война...

— Ну, теперь попросаемся, — услышал Васюк тот же хрипый голос. — Приближаются мои страшные мучения. Я должен успеть избежать их...

Двое мужчин обнялись, и ссутулившаяся худая фигура исчезла в темноте, шаркая ногами. Душу пронзило тихое рыдание оставшегося незнакомого мужчины. Как будто боясь закричать, Васюк закрыл рот рукой и поспешил быстрее отойти подальше.

Выше было упомянуто, что потолок самого большого отверстия для входа и выхода из катакомб выступал далеко вперед вроде козырька, и что там находился немецкий пост. Враг нашел удобное место — оттуда хорошо видна панорама окрестности и из подземелья никто не сможет выйти незамеченным. Вдобавок, ничего не стоит время от времени просто так, как бы шутя, швырнуть вниз гранату. Отчего подходящие близко к лазу получали различные ранения, иногда смертельные. Несмотря на это, обитателей подземелья тянет к этому лазу — оттуда просматриваются кусок синего неба, там растет зеленая трава, оттуда теплый ветерок доносит свежий воздух, пропитанный запахом разнотравья. Если подойти совсем близко, слышно даже, как наверху разговаривают немцы. Во время учебы Васюк всегда получал «пять» по немецкому языку. Но сейчас, как бы он ни прислушивался, не понимает, о чем они болтают, улавливает лишь отдельные слова. Немецкие солдаты веселые: часто шутят, смеются, хохочут. Иногда еще слышится пиликанье гармоники. Как-то донеслась до слуха неожиданно мелодия «Катюши». Услышав ее, люди встали, как вкопанные — прохаживающиеся остановились, тихо беседующие смолкли, сидящие понуро поднялись. Один за другим подходят люди близко к лазу, откуда в любое время может ворваться смерть, но сегодня звучит родная мелодия. Мрачные, безрадостные лица светлеют. На пересохших, шершавых, с волдырями губах играет теплая искорка, похожая на улыбку.

— Не подходите близко!.. Не толпитесь в одном месте! — предупреждают командиры.

Но люди все устремляются вперед... Любимая песня, близкий сердцу напев, заставляет хоть на миг забыть сегодняшнюю жизнь, приведшую к мучитель-

ной смерти, уводит в мыслях на волю, к любимым местам, в дорогой родной край, где родились и выросли, напоминает о прошедших светлых временах.

Перед Васюком возникают разные места: деревенская улица, вышедшая на игрище молодежь, привычные с детства хороводы. Среди парней и девушек Надюш бросает на него радостные взгляды, как будто хочет что-то сказать.

Когда звуки мелодии смолкли, слушатели некоторое время не двигались с места, как в ожидании еще чего-то, затем так же молча, понуро и неторопливо разошлись.

Кто это был, знающий любимую песню русских иностранных солдат? Зачем он играл эту песню? Хотел ли он подразнить и без того мучающихся от жажды в темной сырой яме людей? Или он хотел их немного утешить и порадовать? Возможно. Немцы ведь тоже люди, и среди них, должно быть, есть и хорошие... Или он хотел еще больше усилить грызущую тоску и заставить быстрее сдаться в плен?

Каждый день звучит над катакомбами немного коверкающий русские слова звонкий молодой голос. Каждый день в одно и то же время, три раза раздается: «Красноармейцы! Командиры! Политруки! Хватит вам мучиться под землей! Выходите. Не бойтесь! Обеспечим работой! Дадим квартиры! Местных отпустим домой!» Уже шесть суток под землей. Шесть суток без воды. В горле пересохло. Трудно даже говорить, язык не слушается. Под зубами хрустит каменная пыль, от нее першит в горле. Нет слюны, чтобы намочить губы. Растрескавшись, они горят, как раскаленные угли. Воды... Хочется воды... И днем, и ночью не дает покоя эта жажда. Только задремлешь, снова заставляет просыпаться. Бесконечно бередят душу всякие сновидения. Вот она, чистая, как слеза, вода, совсем рядом блестит на солнце. На другом берегу реки стоит, весело посмеиваясь, Юра Остапчук и зовет Васюка к себе. «Сначала напьюсь, потом приду к тебе», — радостно машет ему рукой Васюк. Он наклоняется,

зачерпывает в ладони чистую воду и подносит ко рту... Но это, оказывается, не вода, а только надоевший белый каменный песок. Вот будто Васюк возвращается откуда-то издалека домой. Спешит, идет, словно бежит, напрямик через зеленый луг в сторону деревни. Навстречу торопливо идет Надюш. Обеими руками держит, прижав к груди, глиняный горшок. «Наверное, несет пиво», — думает обрадованный Васюк, облизывая губы. Осталось совсем немного, чтобы встретиться, уже кувшин протянула Надюш к нему...

«Подъем!» — раздался хриплый голос дневального.

Соблюдая армейский режим, все еще их будят дневальные, по утрам делают зарядку, проводят политзанятия.

Шесть суток под землей... В тот день перед началом политзанятия до ушей Васюка дошла тяжелая новость — наверное проговорился радист — немцы захватили полуостров Тамань. Гитлеровские войска продвигаются все дальше... Фронт далеко... Значит, не придет обещанный десант в ближайшее время и не сможет прийти. Это значит, что придется распрощаться с жизнью в мучениях в этой каменной дыре, или... выйти на землю в плен... Слухи о самоубийствах слышит Васюк теперь ежедневно. После сегодняшней новости их число, вероятно, увеличится еще больше. Правда, умирать не запрещают. Имена самоубийц регистрируют в отдельном журнале и зачитывают. Склоняют головы, скорбя о безвременно прерванной жизни, высказывают слова уважения и одобрения за то, что не согласились сдать врагу. Среди них услышал Васюк имена солдата Юрия Остапчука и капитана Михаила Тихонравова...

В последнее время на политзанятиях стали чаще рассказывать о зверствах врагов, о том, как они жестоко пытаются советских людей, больше всего пленных красноармейцев и командиров, как они издеваются над ними.

— Фашисты вырезают ленты из кожи живого человека для ремней, сыплют соль на раны...

Ох-х, страшно. Мороз пробегает по коже.

Политрук Белов похудел. Нелегко ему разговаривать с пересохшими губами. Как только поворачивается язык? Он тяжело дышит, говорит с передышками, но старается.

— Сдаются только трусы, — он сердито рассекает воздух худой ладонью. — Они предатели... Мы не простим их, будем судить судом военного времени. Мы, советские люди и достойные сыны Красной Армии, умрем, но врагу не сдадимся...

Шесть суток в подземелье. Снова раздается молодой звонкий голос, чуть коверкающий русский язык. В этот раз голос заметно изменился — стал холоднее, строже.

— Мы даем вам одни сутки на размышление. Запомните, одни сутки...

«Что же они сделают после этих суток? Хотят ворваться сюда и вступить с нами в бой? Э-э, нет. К чему немцам такой глупый бой? Мы, попавшие в ловушку солдаты Красной Армии, для них теперь не опасны. Скоро сами перемрем, — пронеслось в голове. — Но враг больше не хочет ждать. Спешит избавиться от нас. Что же будет через сутки?.. От судьбы не уйдешь говорят. Время покажет».

Вот оно подошло, это время. Несмотря на то, что часов при себе не было, Васюк почувствовал это. В тот момент он стоял вблизи большого входа в пещеру, где днем и ночью дежурит немецкий патруль. После смерти Юры Остапчука он потерял интерес к темной стороне пещеры. Сейчас он больше времени проводит здесь, у главного входа.

Прохладный воздух, зеленеющая в ярком солнечном свете окружающая природа, ярко-синее небо радуют глаза и хоть чуточку, но успокаивают жажду и тяжелые мысли. Ничего не меняется в природе. Она прекрасна, добра и чиста, как всегда. А человек... Человек не таков. Люди ненавидят друг друга, завидуют, зарятся на чужое, сражаются, уничтожая друг друга, придумывают разные способы убийства, оружие. Вот и сегодня предупредили о предстоящей беде. Какие еще страдания ждать им?

Опасаясь броска гранаты, Васюк встал, как всегда, за кучу больших камней, беспорядочно лежащих чуть дальше от входа. Он только вдохнул полной грудью, почуял дуновение свежего воздуха, как вдруг сверху швырнули в пещеру что-то круглое, дымящееся. Выпуская желтый густой дым, оно покатилося вовнутрь. Ну, кажется, началось... «Дымовая шашка!» — тут же догадался Васюк. Стоящий в непосредственной близости, он бросился к ней с намерением кинуть ее обратно, но не успел даже дотянуться — к его ногам упала граната... Снова удача, снова повезло — не разорвался посланник смерти. При виде этого все отступили назад, поспешили отойти в сторону. Васюк тоже бросился на свое место. Еще одна шашка ворвалась. Еще и еще... Каменная пещера наполнилась густым дымом и тяжелым зловонным запахом. С потоком медленно движущегося воздуха он проник в каждый уголок и закоулок и принес еще больше страданий людям, мучавшимся от жажды. Скоро послышались со всех сторон надрывной кашель, мучительные хрипы, стоны о помощи. Задыхающиеся от ядовитого дыма люди устремились за спасением к открытому воздуху, к выходу, но взрывы стремительно падающих гранат прогнали их обратно.

— Надевайте противогазы!

Где они, эти противогазы! Когда немецкие танки гнались за ними по пятам, многие побросали все, что имелось при себе, даже шинели. У Васюка тоже нет противогаза. Однако его, стоящего за камнями около входа, вползающий внутрь дым не слишком беспокоит. Осколки гранат тоже отскочили от камней и просвистели над головой. К счастью, в пещере довольно много укрытий. Когда шашки перестали дымить, и дым начал рассеиваться, оставляя на окружающих предметах желто-зеленый налет, воздух проветрился. Пока, слава Богу, все остались живы. Сильно пострадавшим оказали возможную помощь люди, знающие толк в медицине.

Последние события воздействовали на людей в под-

земелье. Теперь все знают — помощи ждать бесполезно. Искать спасения собственными силами — тоже бессмысленная затея. Даже если уничтожить немецкий караул и выйти на свободу, куда пойдешь? Где спрячешься от врага, хозяйничающего везде? Вокруг гладь моря, фронт далеко.

Нет надежды остаться в живых и в пещере. Пока, конечно, хватает сил подниматься на ноги и передвигаться, медленно шаркая ногами. Но это только на несколько дней. Семь суток без воды... На воле душа не выдержала бы такое. Здесь сырость, к тому же сколько раз за день приходится лизать языком сырой камень, подобно животному? Но враг не хочет больше ждать — он начал душить дымом. Чувствует Васюк — враг не будет довольствоваться одной дымовой атакой. И завтра, и послезавтра, и дальше такое будет повторяться... Или сдавайся в плен, или поскорее умри...

Как сильна в человеке тяга к жизни! Только ли в человеке? Любая тварь боится смерти. Лишь ради благородной, доброй, светлой цели способен человек сильной воли обуздать это прекрасное чувство любви к жизни. Оттого и крутятся в голове у Васюка две противоречивые мысли. Он не хочет прослыть предателем и трусом. Но думать о смерти тоже невыносимо трудно. Какая честь государству в том, что тысячи людей погибли здесь без еды, мучаясь от жажды, задыхаясь в дыму? Не хочет разум понять этого...

Тягостные мысли о будущем угнетают все больше. Слова политрука, его открытые угрозы раздражают и волнуют души. Тут и там замечаются группки людей, слышится ворчание:

— Немцы убьют, или здесь окочуримся — все равно смерть. Лучше увидеть в последний раз солнце, вдохнуть полной грудью свежий воздух...

— Что я такого сделал, чтобы грозить мне судом? Перед кем я виноват? Пусть расстреляют хоть сегодня, на, вот, я распахну грудь. Лучше умереть, чем так мучиться...

— Обещают не трогать, обеспечить жильем.

- Почему мы предатели? Кого мы предали?
- Не мы, а нас предала власть, посылая с пустыми руками под бомбы и танки.
- Тс-с-с! Потихе об этом...
- Будь что будет. Говорят, береженого Бог бережет.
- Тогда выйдем...
- Надо выходить... Передайте другим, знакомым... Только будьте осторожны.

Васюк не может смотреть сейчас на людей без сострадания. Как резко они изменились за короткий промежуток времени. Их исхудавшие лица покрыты щетиной, пожелтели и стянулись. Их недавно молодые, стройные тела сторбились, как у стариков, ослабели. Они медленно волочат ноги.

И на следующее утро, как только поднялись по хриплому голосу дневального, большая группа людей медленно двинулась по направлению к выходу из пещеры, увеличиваясь по дороге. Не обращая внимания на крики караульных солдат с автоматами, отталкивая их, первые вышли, выбрасывая винтовки, подняли руки перед несколькими подбежавшими немецкими солдатами. Сзади, на краю выхода из пещеры сгрудились люди, слышалась нецензурная брань, чьи-то страшные угрозы, прострочил пулемет, но быстро смолк. Вероятно, отдал приказ стрелять какой-то политрук вроде Белова или командир, беспрекословно выполняющий приказы сверху, не умеющий жалеть человеческую жизнь, в том числе и свою. Но все же пулемет оборвался, кто-то остановил его...

10

Ясная погода — сверкающее солнце, ярко-синее небо, далеко простирающаяся открытая местность — вспыхнули на миг и сразу потемнели и потеряли свою красоту. Плен!..

— Хенде хох! — ужасая душу, раздался грубый голос.

Перед ними пятеро, пять вражеских солдат, пять оккупантов. Другой язык. Другая одежда. Стоят, наце-

лившись подвешенными на шее автоматными стволами на столпившихся людей. Их глаза недобры, беспокойно переходя с одного человека на другого, холодно и внимательно следят за каждым движением.

Позади, на козырьке выхода из пещеры — пулемет, около него еще несколько солдат.

— Хенде хох! — кричат немцы.

Обессилевшие бледные руки поднимаются над головами... Тихо. Лишь пронизывающий ветер свистит, шевеля верхушки трав. Вот он чуть поднял серую пыль на дороге, покрутил в одном месте и помчался дальше по неровной степи. Солнце припекает и нежно ласкает кожу сквозь сырую одежду.

Вскоре послышался шум моторов. Один за другим подъехали ревушие мотоциклы. Торопливо сошли с них немецкие солдаты. Держа наготове автоматы, они бегом окружили сдавшихся в плен людей. С яростными криками, ударами автоматных прикладов, грубо толкая, поставили их в ряд. Подошел фашистский офицер в фуражке с высокой кокардой. Его холодные голубые глаза с презрением посмотрели на бледных людей с щетинистыми лицами, в мятой грязной одежде, с опущенными головами. Вот офицер остановился. Идущий следом толмач, широкоплечий мужчина с лысой головой, тут же подошел и встал рядом.

— Политруки! Командиры! Четыре шага вперед! — скомандовал он, перебивая шум ветра своим звонким голосом.

Никто не сдвинулся с места.

— Нет таких? Не скрываете. Все равно найдем.

— Евреи! Четыре шага вперед!

Снова тишина. Лишь непослушный ветер шумит, не переставая. Вот офицер медленно шагает вдоль живого ряда. Его изучающие голубые глаза переходят с одного человека на другого и впиваются, словно гвозди. Вот приближаются к Васюку. Вот уже близко. Слава Богу, прошли мимо, впилась в глаза стоящего рядом узколицего юноши с черными кудрявыми волосами.

— Юде? — спросил офицер, остановившись.

— Нет, господин офицер. Я украинец. Мои отец и мать — украинцы, — торопливо ответил солдат взволнованным голосом. — Я из Ворошиловский области... Э-э... Из поселка Солидарный... Там нас... Э-э, кто мы... все знают. Я украинец...

— Где он находится, названный тобою поселок? В каком углу, в каком месте он находится? Как добраться до него? — спросил толмач, легко переводя разговор на украинский язык.

Парень принялся подробно объяснять. Кажется, объяснил убедительно. Толмач нетерпеливо махнул рукой, недослушав.

— Кто здесь комиссар, кто командир? Говори, — оборвал он его.

— Не знаю, господин...

— А-а, не знаешь... Тогда получай, — и широкая крепкая ладонь с силой ударила молодого солдата по лицу.

Опять идут неторопливо вдоль ряда. Впереди и сзади сопровождают двое солдат с автоматами наготове, стройный длинноногий немецкий офицер, франтоватый, с острыми хитрыми глазами, толмач.

— Господин офицер! Разрешите сказать. Моя родная деревня отсюда в пятнадцати километрах. Вы обещали местных отпустить домой, — сказал красноармеец с кудрявой каштановой бородой, поклонившись новому хозяину.

Узнав, о чем он просит, офицер ничего не ответил, даже не посмотрел в его сторону.

— Кто комиссар? Кто командир? — раздается снова тот же голос. — Говори... Не бойся. Есть ли они здесь?

В этом звучном голосе, от которого стынет кровь у людей, стоящих с опущенными головами, вроде не чувствуется никакой жестокости. Он однотонный, бесчувственный. Можно даже сказать, спокойный. Конечно, ему привычно. Даже палач, исполняя свою жестокую обязанность, отправляющий огромное количество людей на тот свет, спит спокойно, ест, пьет, радуется жизни, смеется.

Да, каких только людей не существует в этом мире. Любая беда и лихое время превращают обычных людей в героев и палачей.

— Кто командир? Кто комиссар? Говорите, не скрывайте. Есть ли они здесь?

— Есть, есть...

— Который? Покажи!

— Их несколько. Там... в каменной пещере. Есть и комиссары, и старшие командиры.

— Тебя не спрашивают о тамошних, балда! — снова раздался звук пощечины.

Однако усердные поиски дали результаты. Двоих вывели, отвели в сторону и расстреляли. Один оказался лейтенантом, другой евреем. Остальных, всего около шестисот-семисот человек, поставили в строй, обесиленных без воды и без еды людей, подталкивая, погнали в сторону города.

— Шнель! Шнель! — часто слышится сердитое чужое слово.

Идти пришлось недалеко. В низине показалась довольно большое заграждение из колючей проволоки. «Построили для нас, — подумал Васюк, входя вместе с другими через открытую дверь вовнутрь. — Однако удастся ли выйти обратно?..» Нет, пленный солдат Красной Армии ошибался. Этим его жизненные мучения не кончаются. Судьба приготовила ему достаточно горя...

— Садитесь! Сейчас же все сядьте! Ходить нельзя! С места на место передвигаться нельзя. Нельзя приближаться к проволоке. Нарушителей расстреляем без предупреждения! — объявил толмач.

— Воды! Дайте, пожалуйста, попить! — просят отовсюду люди с пересохшими, обожженными губами.

Но ни капли воды, ни крошки еды не дали.

Наступил вечер. Сползшее за горизонт солнце грустно рассыпало свои красные лучи на людей за колючей проволокой и скрылось из виду. Устал, наверное, и ветер, бесконечно мечущийся в поисках чего-то, он тоже успокоился, ушел спать. Рассеивая дневную

жару, распространился прохладный воздух, ночная темнота покрыла окружающую местность и скрыла из виду. Лишь на закате небо все еще светлое, тонкие прозрачные облака вспыхнули и запылали, как пожар, но постепенно и они погасли, потухли. Слышится, как стрекочут ночные сверчки. Влажный воздух освежает тело. Здесь, на юге, ночи темные. Звезды, ярко горящие в небе, кажутся больше и ближе.

Затихшая земля погрузилась в сладкий сон. Но за колючей проволокой нет покоя. Постоянно раздается то тут, то там чей-то надрывный кашель, тяжкое оханье, чье-то ворчание. Многие спят. Но сон ли это? Один страдальчески застонет, другой позовет мать, третий и во сне просит воды... Что же их ожидает? Конечно, ничего хорошего. Как говорят, из огня да в полымя... Грозившая в каменной пещере смерть и здесь подстерегает рядом. Случайно брошенное слово... Нечаянно сделанный шаг... Случайный взгляд... За все могут отправить на тот свет. Человек ли пленный? Никто не понесет ответственности, если его изобьют или убьют. Хорошо хоть, что предупреждения и утешения политруков оказались напрасными... Но кто знает, что случится сегодня или завтра?

Густая темень начала понемногу раздвигаться. Восток порозовел. Светает. Сверкающие звезды потускнели и погасли одна за другой. Затем сквозь прозрачный туман показался огненно-красный круг солнца. Проснувшийся Васюк снова закрыл глаза. Ему вспомнилась родная сторонка, перед глазами пронеслись детские годы. Вот он зацепил крючком маленькое ведерко и вытаскивает воду из колодца перед домом. Водичка холодная, чистая, голубовато плещется в жестяном ведре... Вот он лежит на мягкой перине на полатях. Рассвело. Мать надоила в большой горшок молока, налила парное молоко в стакан и поставила на стол, нарезала хлеба. Это для Васюка. Мальчик должен сейчас идти вместо отца в овраг за деревней пасти лошадь. Маленький Васюк не проявляет недовольства и каприза из-за этого. Там хорошо. Таких, как он,

восьми-девятилетних мальчишек, там полно. Можно вволю побегать и поиграть в разные игры... И теплое молоко манит Васюка. Но сон еще более заманчив, невозможно пересилить себя, чтобы проснуться и самостоятельно встать... Эх, давно прошедшие вольные, светлые детские годы! Где вы? Какими добрыми кажутся они сейчас Васюку. Как приятно вспоминать о них!

Наглая муха села, жужжа, на лицо и прервала его мысли. Васюк снова открыл глаза и посмотрел вокруг. Солнце поднялось уже высоко. Его теплые лучи предупреждают о том, что будет жаркий день, далеко на горизонте играет прозрачное голубое море. В синем небе приятно сверкают тонкие облака. Насекомые тоже проснулись. Прямо над головой грубо прожужжал какой-то большой жук, пропорхали красивые бабочки.

Вот послышался шум моторов, приближающихся со стороны города. Скоро примчались на мотоциклах немцы.

— Встать! — прозвучала команда.

Толпа людей в грязной, мятой одежде зашевелилась, задвигалась. Вскочив, зашагал к распахнутой двери и Васюк. Отсчитали сорок человек и выпустили из загона.

— Если будет вода, принеси, пожалуйста, и мне, — шепнуло щетинистое лицо, протягивая Васюку флягу между двумя проволоками.

— И мне...

— Вот держите... держите быстрее! — протягивая алюминиевую посуду умоляют измучившиеся от жажды люди.

Замахиваясь автоматами, часовые прогнали их от двери. Вызванных из загона сорок человек поставили в колонну по четыре и повели по узкой пыльной дороге на северо-запад. Куда? Зачем? Работать, наверное. А-а, не все ли равно? Хоть к черту на кулички. Чем сидеть так в одном месте без движения и морочить голову разными мрачными мыслями, в десятки раз лучше чем-то заняться.

Они идут, стуча сапогами. Солнце уже довольно высоко. От зноя запарились, иссякают последние силы. Жажда сводит с ума. Темнеет в глазах. Мелькают искры в них. Тут и там виднеются деревни. Вот одна появилась впереди, совсем рядом. Около нее узкая проселочная дорога разделилась на две половинки. Одна из них сворачивает в деревню, другая проходит рядом с ней. На краю деревни, с той стороны от ворот, — колодезный журавль. Там вода! Прозрачная холодная вода! И ведро висит. Почувствовав внезапный прилив сил, ноги Васюка дернулись, в них почувствовалась легкость и они приготовились бежать. Несколько человек уже выскочили из колонны. Звук автоматной очереди заставил прийти в себя. К счастью, немец произвел предупредительный выстрел. Инцидент закончился только сердитыми окриками конвоиров, а слишком резвых поучили уму-разуму автоматными прикладами...

Снова ковыляют изможденные люди, сторбленные, как старики.

— Не могу... Больше не могу... Добрый человек, помоги... не дай упасть, — донесся до Васюка хриплый голос. Семенящий рядом мужчина около сорока лет схватился за руку Васюка и прислонился к его плечу. Его обескровленное лицо, кажется, было блее бумаги. Припухшие губы приоткрыты. Мужчина дышит тяжело и часто. Вот он потерял равновесие. Васюк схватил его за талию.

— Держись за меня. Терпи. Уже недолго. Скоро доберемся, — шепнул он, пытаясь приободрить обесилевшего солдата. — Товарищ, помоги-ка, поддержи с другой стороны, — сказал он, почувствовав вдруг, что и сам стал задыхаться.

Наконец разрешили отдохнуть в зеленой низине вблизи другой деревни. Люди, еле волочившие ноги, вздохнули свободно и повалились на мягкую траву...

К счастью, тут же появилась молодая женщина, идущая в сторону деревни. Поравнявшись с попавшими в беду людьми, она замедлила шаги и взглянула на них внимательно, как будто что-то хотела сказать.

Ее загорелое лицо открыто выражает и сострадание, и жалость.

— Воды, — в нее впились умоляющие глаза, — пожалуйста, принеси попить.

— Воды... Воды... Воды...

— Я сейчас... Я мигом... — ответила женщина торопливо. Она поспешила в деревню. Бежит, идет, снова бежит. Исчезла за околицей. Вот появилась снова. В руке полное жестяное ведро.

— Идет!..

Вскочили и помчались навстречу.

— Хальт! Хальт!

Где там! Уже никто не обращал внимания на это грозное предупреждение. Больше никто не мог удержаться! Вода! Вода идет!..

Вот передний схватил ведро и поднес ко рту — в тот же миг в него вцепились несколько рук. Каждый тянет в свою сторону. Начался шум-гам, ссоры, даже произошла потасовка. Все пролили, вырывая ведро друг у друга.

— Родненькие! Дорогие братья, братишки. Не ссорьтесь... Еще принесу. Сейчас, еще, — сказала женщина, ладонью вытирая бежавшие по лицу слезы. Схватила лежащее на земле ведро и снова помчалась в деревню. В скором времени появились две женщины. За ними еще трое... Еще и еще... У каждой в руке полное ведро...

— Пейте... Пейте... Всем хватит. Не хватит — принесем, — говорят женщины и суют полные ведра в дрожащие торопливые руки.

Ах, вода! Ни с чем не сравнимая прозрачная, вкусная холодная вода! От нее посвежело запарившееся тело. Ожили начавшие гаснуть силы, прояснился разум. Ах, вода...

Женщины, женщины... Добрые незнакомые сестрички! Какие мне найти слова, чтобы поблагодарить вас? От каких тяжелых мучений, а некоторых, может быть, и от смерти спасли вы сегодня, прибегая сюда с полными ведрами... Вон солдат рядом с Васюком, не имеющий силы передвигать ноги, сидит сейчас, прижав

колени к животу и уплетает картошку. Да, не только воду, но и еду не забыли прихватить с собой женщины. Все еще прибегают. У каждой в руках есть что-нибудь, каждая преподносит угощение. Одна девушка положила в ладони Васюка горбушку хлеба. «Земной вам поклон, женщины, за ваши светлые души, за доброту. За то, что умеете сострадать мучающимся в беде, несмотря на то, что и у самих жизнь нелегкая...» — такие мысли родились в голове взволнованного Васюка. Когда пустые фляги наполнились прозрачной, холодной водой, перед глазами возник образ бледного Юры Остапчука. «Прибегу домой и в первую очередь напьюсь воды...» — сказал он. Не довелось напиться бедняге. Не довелось и увидеться с матерью. Не из здешних ли он мест?.. Жаль, не сообразил Васюк спросить название деревни. Если бы сообщил, новость из уст в уста дошла бы до родных...

Конвоир раздраженно объявил об окончании отдыха. От души поблагодарив женщин, вытирающих слезы, пленные солдаты снова построились по четыре, и колонна заковыляла своей дорогой. Пришлось идти недолго. Скоро впереди показались воронки от бомб, мин и снарядов. Вот тянутся окопы. Валяются сломанные ружья, взорванный миномет и опрокинутый пулемет. Темно-зеленый танк со свастикой уткнулся головой вперед. А вокруг... Вокруг валяется множество солдатских трупов: немцев, русских, румын... Вот юный красноармеец лежит с согнутой ногой, уткнувшись головой в землю. Кажется вот-вот вскочит и побежит вперед. Рядом с ним на правом боку лежит немец. Этот тоже юный. Легкий теплый ветерок шевелит его светлые волосы... Другой свалился на спину. На его груди гимнастерка почернела и затвердела. Два ворона, усевшиеся недалеко, увидев приближающихся людей, лениво взлетели в воздух и вскоре исчезли из виду. Над трупами вьются большие зеленые мухи. Тошнотворный запах бьет в нос. Вот оно, лицо проклятой войны... В подобных местах не хочется задерживаться, даже если случайно забрел, хочется быстрее повернуться и уйти. Но ухо-

доть нельзя. Строгий голос требует быстрее взяться за лопаты, ломы, пилы и молотки и начать работу. Оказалось, пленных пригнали хоронить останки немцев.

Одни вырыли могилы, другие смастерили кресты из аккуратно сложенных березовых стволов. Затем, осторожно поднимая начавшие гнить вражеские трупы, понесли и положили в ямы, поставили кресты и засыпали землей.

— Может быть, и русских схоронить? Хотя бы в одну могилу, — сказал Васюк, — дополняя жестами нехватку слов.

Веснушчатый конвоир, надзирающий за тем, кто как работает, с некоторым удивлением посмотрел на Васюка, как бы спрашивая, откуда ты знаешь наш язык?

— Да, хотя бы в одну могилу... Мы быстро. Разрешите, — подтвердил Васюк сказанное.

— Найд! — возразил сердито немец. — Работайте! Быстрее! Быстрее!

Обратно вернулись, когда стемнело. В загоне тихо. Спят. Просящих воды не было. Значит, их напоили... И следующий день прошел подобно первому. И в этот раз новые хозяева не дали никакой еды... Раньше сходили с ума от жажды, теперь начал мучить голод.

Дорога... Бесконечно тянется дорога. Изю дня в день. С утра до вечера. С восходом солнца солдат выгоняют из-за колючей проволоки. Вечером, после того, как весь день проводишь на жаре, ждет тебя та же колючая проволока. Когда и где это закончится? Куда, зачем ведут вооруженные немецкие и румынские конвоиры обросших, исхудавших людей в грязной, в выцветшей одежде? Сколько еще дней придется идти?

Солнце палит. Из-под сотен и тысяч ног поднимается серая пыль, забивается в горло и нос, оседает на одежду и лицо. Трудная дорога, незнакомая, ведет куда-то на запад. Она проходит вдоль богато созревающих хлебных полей и зеленых лугов, ведет через голубые прозрачные реки, приводит в деревни. Тогда сгорбленные спины еле волочащих ноги людей заметно выпрямляются, их заполненные тяжелыми мыслями глаза ожи-

вают. Знают они, понимают — завидев их, в любой деревне женщины выбегают из домов. Охранники не подпускают близко к колонне никого, каждая из женщин подбрасывает какую-нибудь еду: кусочек хлеба, вареную картошку, огурец, помидор... Так в одной деревне две молодые женщины ворвались в колонну, несмотря на грозные окрики конвоиров, торопливо раздали еду в грязные огрубелые руки. Васюку тоже достался небольшой кусок хлеба. Ну, женщины! Вот молодцы. В другой раз он успел схватить куриное яйцо и положить в рот. В такие минуты нельзя мешкать. Оголодавшие люди могут сразу же отобрать еду из рук.

Голод... Голод... Утренний паек перед дорогой, выделенный «хозяевами», — несколько ложек баланды, буханка хлеба на пятерых, банка мясных консервов на двадцать человек. Сколько попадает каждому, если поделишь? Да, голод — не тетка. Поэтому на каждом привале не остается ни травинки. Все срывается, кладется в рот и в карман. Вечером разводят костер из собранных по дороге сухих стеблей, сухого конского навоза, коровьих лепешек, отваривают отвратительную, водянистую еду и проглатывают.

Дорога длинная, силы постепенно покидают. В последнее время, когда сзади раздается короткая сухая автоматная очередь, все понимают, что это охранник застрелил очередного обессилевшего горемыку...

Однажды ночью Васюк проснулся от тихого бормотания рядом. Дует южный влажный ветер. В небе плавают облака. Над ними торопливо плывет светлая луна, то скрываясь, то снова выглядывая из-за туч. Откуда-то издали слышится кваканье лягушек. Со всем близко тихо разговаривают двое:

— Михеич, ты как будто говорил, что здешний. Скажи-ка, куда нас ведут?

— Кто их знает... По-моему, в Джанкой.

— Джанкой? А что это такое?

— Город... Название города. Там есть большая железнодорожная станция. Там можно сесть в поезд и уехать в любую сторону.

— А далеко добираться до него?

— По-моему, недалеко. Не больше одного дня ходьбы.

— Не дойду. Ноги болят...

Притихли.

— Михеич, — слышался снова беспокойный голос, — как ты считаешь, куда нас повезут на поезде?

— Как куда... Известно, в лагерь. В лагерь военнопленных.

— Михеич, — шепнул опять знакомый голос, — говорят, из-за того, что пленных очень много, у Гитлера есть специальные лагеря смерти, чтобы их уничтожать. Говорят, их сжигают сотнями ежедневно.

— Не слышал... Не знаю.

— О-хо-хо... Трое детей у меня. Мал мала меньше. Как будут они жить? Жена еще до войны побаливала...

— Ладно... Хватит. И без твоего нытья душа болит днем и ночью, спи, — раздался сердитый голос.

Слова Михеича оказались правдой. Их долгая мучительная дорога закончилась на товарной станции Джанкой.

Господи, сколько людей здесь копошится! Сколько тысяч пленных солдат Красной Армии! Со стороны посмотреть, они все одинаковы — покрытые щетинистой бородой грустные, мрачные лица в мятой, выцветшей, порванной грязной одежде. Вражеских военных тоже достаточно: и солдаты с автоматами наготове, и офицеры. Есть и такие, кто ведет беспокойно рычащих, коротко и зло гавкающих больших собак. Долго ждать не пришлось — подошел длинный железнодорожный состав.

— По вагонам! Все по вагонам! — прозвучало по перрону. Солдаты с автоматами начали суетиться. Кожаные поводки собак натянулись. Слышались грозное рычание и лай. Большая толпа людей в мятой выцветшей одежде шевельнулась, задвигалась.

— В вагоны! Скорее! Скорее!

— Шнель! Шнель! — раздаются тут и там резкие команды.

Покачиваясь на поворотах, ползет товарный поезд. Стальные колеса то стучат шумно и суетливо, то устало замедляют свой бег. Приближаясь к станциям и разъездам, паровоз издает тоненький свист. Сбавляя постепенно ход, поезд останавливается на миг, иногда надолго остается на месте, затем опять трогается и бежит на запад по блестящей на солнце паре стальных рельсов.

Полутемный вагон забит людьми. Некуда сесть, встать. Два окошка, загороженных колючей проволокой, касаются потолка, даже высокому человеку невозможно дотянуться, чтобы посмотреть в них. Оттуда просачивается дневной свет и врывается ветер, немного освежая затхлый воздух. В вагоне тихо. Лишь изредка раздастся чей-то тяжелый вздох. Присевшему в углу на корточки Васюку ни с кем не хочется говорить. Куда же их везут? Не бывает войны без плена. Но после окончания боев заключают мир и пленным отпускают на Родину. Доныне было так. Но фашисты — совсем другое. Это нелюди. Кто знает, может и правду сказал шептавшийся ночью с Михеичем незнакомец о крематориях? Пленных много. Зачем терпеть расходы, кормя их, держа солдат для их охраны?

11

Колючая проволока. На углах вышки. Там стоят и днем, и ночью вооруженные солдаты на часах. И снаружи охрана. Четыре полица с винтовками медленно ходят взад-вперед. Стоят пять одноэтажных низких и длинных зданий. До войны как будто здесь была животноводческая ферма. Теперь это один из многих лагерей, созданных немцами на украинской земле для содержания пленных бойцов Красной Армии, который находится в Винницкой области под городом Умань. Сколько тысяч людей скопилось сейчас в этом лагере? Одни называют сорок, другие считают, что доходит и до шестидесяти тысяч... Наверное, до сих пор сильно притесняют вражеские войска наших — число пленных за колючей проволокой все растет. В

бараках не хватает всем места, если не ложиться впри-
тык друг к другу.

Вот уже третий день Васюк в этом лагере. Днем он
слоняется, как и другие, по территории, с наступле-
нием вечера со всеми вместе его загоняют в длинные
здания — бывшие помещения для скота, и запирают
двери. Внутри ничего нет — ни скамеек, ни стульев,
чтобы сидеть, ни постелей. Пол земляной. Нет, это
не лагерь смерти. Здесь не убивают людей, отравляя
газом, не сжигают в крематориях. Однако и здесь мало
надежды остаться в живых. Хорошо, что пока тепло.
Но скоро наступит осень, начнется холодная дожд-
ливая погода. Как давно тело не видело воды. В ниж-
нем белье кишмя кишит вошь, которую невозможно
вывести. Если начнется какая-нибудь заразная болезнь,
вроде тифа, за две-три недели смерть унесет всех. А
как перенести зимние холода в этом хлеву, живя впро-
голодь, в грязной одеревеневшей старой шинели? Нем-
цы не построят печку, не дадут теплых одеял и поду-
шек... Не зря, наверное, говорят, что прошлой зимой
здесь умерло до тридцати-сорока тысяч людей... Тре-
вожные мысли крутятся, вертятся в голове Васюка.
Особенно, когда ложишься спать, в ночной темноте
нападают они, тяжелые, безрадостные... Где-то далеко
слышно, как поют петухи, лают собаки. Эти звуки
ему напоминают о единственном близком сердцу род-
ном крае. Как далек он сейчас. «Эх, отец и мать! Зна-
ли бы, какова жизнь вашего сына! — вздыхает плен-
ный солдат, глядя в темный потолок. — Наверное,
уже получили бумагу — «Погиб смертью героя...» Нет,
не так. «Пропал без вести» — так, скорее всего, напи-
сали. Конечно, для вас это горе, слезы. А опечалилась
ли Надюш хоть немного, узнав об этом? Прослезил-
ась ли? «Люблю. Жду», — писала она...»

Петля смерти висит над головой, она приближает-
ся и затягивается. Но пока Васюк жив. Молод он, слиш-
ком молод, чтобы принять и смиренно ожидать ее...

Прошло не более получаса, как он вошел через ла-
герную колючую дверь, вдруг кто-то тронул его за плечо.

— Эй, борода! Не хочешь побриться?

Васюк тотчас повернулся — перед ним стоит высокий мужчина с гладко выбритым лицом.

— Охотно согласился бы...

— Полпайка хлеба...

— Э-э, по такой цене за гладкое лицо можно протянуть скоро и ноги.

— Бритва не нужна? Хорошо бреет. Паек хлеба, — предложил другой.

— Хорошо.

В тот же день Васюк договорился и о куске мыла. Сбрив бороду, он с удовольствием помыл руки и лицо. Оказалось, такую необходимую мелочь приносят жители окружающих деревень. Они передают их родным, родственникам и знакомым. Ну а те... что делать, хочешь жить, умей вертеться... Многие ищут земляков.

— Вы откуда? Из каких краев? — спросил Васюка узколицый молодой мужчина.

— Издалека. Моя родина в Поволжье.

— Вон как... Но Волга длинная...

— Я из Чувашии. Слышал?

— Как не слышал... Слышал, слышал. Ага, да, — человек повернулся и ушел. Сделав пять-шесть шагов, он вернулся обратно. — Ты сказал чуваш? Да, я совсем забыл... Эх, в последнее время память начала изменять мне. Есть здесь чуваша ага, есть, есть. Только вчера виделся и поговорил с одним... Ага. Вроде бы он сказал про себя, что чуваш...

— Да ну? — обрадовался Васюк. — Где он? Познакомь.

Тот внимательно оглядел слоняющихся без дела, медленно плетущихся людей.

— Сейчас не видно. Ну, найдешь. Порасспрашивай, ищи. Поищешь — обязательно найдется.

Васюк как будто ожил. Значит, и чуваша здесь есть! Как он не подумал об этом? После того, как в прошлом году на железнодорожной станции в Тбилиси случайно на короткий миг встретился и поговорил с двумя чувашскими солдатами, он больше не слышал родную речь.

— Нет ли чувашей среди вас?

— Нет.

— Я ищу чувашей. Не знаете кого-нибудь?

— Не слыхали... Не видали...

Однако Васюк не переставал надеяться. Не сегодня, так завтра повезет, не завтра, так послезавтра. Земляка он все равно найдет, обязательно встретится с ним. На следующий день, когда позвали к завтраку, его взгляд упал на долговязого человека, стоящего недалеко. Вот он протянул котелок, взял налитую баланду и отошел в сторону... «Неужели? — сердце у Васюка заколотилось радостно. — Конечно он! Походка его!.. И лицо его, только похудел...» Господи! В нескольких шагах стоит его односельчанин, его ровесник, с которым росли и играли с детства вместе.

— Ехем! — подлетел он к нему. — Ехем, ты ли это? — спросил он по-чувашски.

Долговязый парень вздрогнул и, побледнев, уставился на него.

— Не узнал? — спросил Васюк, почувствовав в горле комок.

Высокий мужчина некоторое время молча всматривался в него, затем его тусклое грустное лицо радостно вспыхнуло.

— Васюк! Василий Митаев, ты?

Бедняга чуть не уронил посуду из рук. Хорошо, Васюк успел подхватить.

— Правда, это ты? Это не сон? — не переставал удивляться обрадованный и взволнованный Ехем, не заметив, что мог остаться без завтрака.

В тот день они ни на миг не расставались друг с другом, как будто боясь потерять неожиданно обретенного самого дорогого человека, ходили, взявшись за руки. Не обращая внимания на весь окружающий ужас и мучения, наслаждались счастьем, озарившим их сердца. Потом сели подальше от всех.

— Как давно ты здесь? Как попал в плен? — поинтересовался Васюк.

Как будто проснувшись от сладкого сна, продолго-

ватое лицо Ехема помрачнело, погас ласковый огонек, горящий в его черных глазах.

— В этот лагерь заключили нас две недели назад, — начал он, присаживаясь на запыленную землю. — Спрашиваешь, как попал в плен... Ну, как сказать? Немец сильный. У него танков, самолетов и другого оружия больше, чем у нас. Солдаты не ходят пешком, как мы. Погнали, окружив нас с двух сторон, на двадцать-тридцать километров. И накрыли в кольцо.

Когда жили в деревне, в черных глазах Ехема всегда играла веселая улыбка. Сейчас она погасла. Взгляд его грустный и мрачный.

— В Ворошиловской области под городом Счастье попали мы в капкан, — продолжил он, вяло бросая камушки. — Город расположен у реки. Знаешь, как называется та река? — спросил он земляка, просияв чуть заметной воодушевленной улыбкой. — Айдар... Да, Айдар, — снова подтвердил свои слова Ехем. — На ее берегу, недалеко, есть и город Айдарово.

— Ну-у!

— Узнав, я тоже поразился. Ведь и на нашей стороне есть деревня Айдарово — Акчура. Кроме того, кто из нас не смотрел, кто не знает пьесу «Айдар» писателя Осипова? Откуда же нашлось такое название? Какая может быть связь между украинской рекой и нашим Айдарово?..

— Действительно, — промолвил Васюк, невольно задумавшись. — Не могу ответить, — добавил он, смутившись, что ничего об этом не знает, несмотря на то, что он школьный учитель. — В школах ведь не учат чувашскую историю. И никаких книг про это не найти.

Ехем согласно кивнул головой.

— Вот у той реки Айдар и окружили нас гитлеровцы, — вздохнул тяжело Ехем. Кричат: «Рус, сдавай!» Ну, мы, конечно, и не думаем попасть живыми в руки врага. И стреляем из винтовок, и гранаты бросаем, и пулемет есть у нас. Но силы не равны. Много наших погибло в том бою... А мы, оставшиеся в живых, пользуясь темнотой, спустились в глубокий овраг и шли це-

лую ночь. Под утро добрались до леса, вконец уставшие, вошли в чащу и легли под густые деревья. Ну, что произошло дальше, наверное, и так известно. Я проснулся от автоматной очереди рядом — открыл глаза. Солнце взошло, вокруг совсем светло. Смотрим — нас окружили фашисты с автоматами наготове...

— Наверное, сначала избили, — промолвил Васюк, так как земляк замолчал. — Потом, конечно, стали искать комиссаров и евреев. Так?

— Точно так, — согласно кивнул головой Ехем. — Нашелся один — показал на двоих, мол этот политрук, этот еврей. Хорошим был наш политрук. Добрый и храбрый солдат... Расстреляли...

Помолчали некоторое время, думая каждый о том, что перенес.

— А ты? Как, где тебя взяли? — спросил, наконец, Ехем.

...В памяти Васюка всплыло происшедшее. Бегущие в сторону Керчи бойцы Красной Армии, следующие по пятам вражеские танки со свастикой, шум боя, погибшие, раненые... Плачущий майор, застрелившийся полковник, оставшийся лежать на улице города с кровавым синим виском, brave капитан, сумевший помочь нескольким сотням человек прорвать вражеское кольцо, позже распрощавшийся с жизнью в Аджимушкайской каменной пещере, юный солдат Юра Остапчук... «Где наши танки? Где самолеты?» — вытирая слезы, кричал полупьяный Арсений...

До вечера не могли они наговориться... И ночью допоздна шептались два друга, два земляка, случайно встретившиеся на украинской земле.

В эту ночь Васюка не беспокоили темные, мрачные мысли, в эту ночь он спал спокойным, сладким сном.

— Что же будем делать дальше? Как будем жить, когда наступит зима? — сказал как-то Васюк, грустным взглядом окинув вышки по углам высокой колючей изгороди, где стояли солдаты.

— Наступит зима — увидим. До этого еще есть вре-

мя, — спокойно ответил Ехем. — Сейчас мы вдвоем. Не пропадем...

«Ах, Ехем, Ехем! Как было бы хорошо, если бы твои слова оказались правдой», — подумал Васюк, не одобрявший мысли друга. Но промолчал.

За колючую проволоку пригоняют новые партии пленных.

Однажды сразу после завтрака послышался рокот мотоциклов — примчались немцы.

— Подойдем ближе к воротам. Не мешкай, если велят выйти, — толкнул земляка Васюк.

— Куда? Зачем?

— Потом поговорим, — сказал Васюк и надел аккуратно свернутую шинель. Через плечо повесил котомку. — Быстрее! Иди... иди, — дернул он за рукав сомневающегося друга, устремляясь к открытым воротам.

— Э-э... А вдруг они поведут нас расстреливать?

— Ехем, говорю тебе, иди быстрее...

Снова в путь. Бесконечно тянется многотысячная колонна пленных, шагающих по четыре. Как всегда — вокруг охрана с автоматами, пыльная дорога, изнуряющая жара. Куда ведут, зачем — этого никто не знает. Понуро, молча бредут солдаты, превращенные в бесправные существа. Ничто их не радует — ни солнечный летний день, ни тепло солнца, ни буйно зеленеющая природа, ни пение птиц. Лишь когда заходят в деревни, оживает эта толпа с обветренными, высохшими, худыми лицами. Здесь их, попавших в беду бывших бойцов Красной Армии, встречают добрые женщины. У каждой из них в руках что-нибудь съедобное. Казалось бы, что там несколько кусков для изголодавшихся тысяч людей? Однако почему-то поднимается настроение, в сердце вспыхивает теплое чувство, как озаряет случайный радостный луч солнца тусклую осеннюю окрестность, разгоняя тяжелые темные облака...

В этот раз пришлось идти недолго. Когда диск алого заходящего солнца коснулся земли, показался колючий забор. Лагерь под городом Гайсин оказался толь-

ко что выстроенным. Здесь буйно растет густая высокая трава, не топтанная скотом, не тронутая человеком. Все остальное похоже на то, что было в лагере под Уманем — по углам высокие вышки, охранники. Ночью светят прожектора, даже снаружи ходят охранники. В середине двора — несколько длинных одноэтажных зданий. На грязных стенах с паутинками и мусором кое-где висят куриные перья, на полу в углах видны остатки куриного помета. В этих животноводческих помещениях тоже совсем пусто — нет спальных мест, и на полу отсутствуют доски. И кормят здесь, и режим дня, как в Уманьском лагере — на пятерых человек одна буханка хлеба, утром и в обед один-два черпака темной бурды, вечером — мутная вода, называемая чаем.

— Ехем, — сказал на следующий день Васюк земляку, лениво жуящему безвкусную водянистую траву. — Нужно бежать отсюда. Нельзя больше оставаться здесь...

— Убежать? — черные глаза земляка изучающе устремились на Васюка, как бы спрашивая, не шутит ли он. — Каким образом?

— Я осмотрелся здесь. Есть тут одно удобное место...

— Где? Какое место?

— Увидишь.

— Если поймают?.. Ведь сразу расстреляют.

— Останемся здесь, все равно пропадем. Вот наступит осень. Начнутся дожди и холода. Чем кормить вшей за колючей проволокой и умирать мучительно от голода... Может быть, успеем убежать. Может быть, доберемся до наших...

— Когда? Не сегодня же, наверное?..

— На днях. Нельзя откладывать в долгий ящик. Я тебе говорю. Готовься. Пока не будем есть хлеб. Он пригодится в пути.

Ехем некоторое время молча раздумывал.

— Поймают — сразу расстреляют, — пробормотал он наконец. Идея земляка его не вдохновила. Долго не хотел он соглашаться, долго уговаривал его Васюк...

По лагерным порядкам, на ночь пленные должны заходить в помещения. Зная это, Васюк и Ехем заранее спрятались в траве. Вот двор, огороженный колючей проволокой, опустел, послышалось, как полицей запер ворота. Ночная темнота укрыла округу. Включили прожектор. Скоро взошла полная луна и рассеяла свои мерцающие серебристые лучи над землей. Тихо. Лишь легкий ветерок колышет верхушки высокой травы. Васюк осторожно приподнял голову и осмотрелся. Сердце колотится так, как будто хочет выскочить из груди, и сжимается ужасом, страхом. Что их ожидает? Смерть? Спасение?

— Давай, тихо ползи за мной, — шепнул он лежащему рядом товарищу. — Потом рванем сразу к лесу...

Колючая проволока недалеко. В этом месте она проходит над небольшой низиной. Осторожно подползли близко. К счастью, свет прожекторов с обоих углов сюда не доходит. Снаружи, не спеша, ходит туда и обратно охранник. Вот он приблизился. Прошел. Это не немец, наверное, украинец, полицей... Когда затихли шаги, Васюк осторожно и тихо приподнял нижнюю проволоку и зацепил ее верхней, завязал. Получился выход. Снял рюкзак и вытолкнул, потом осторожно вылез сам. За ним двинулся Ехем. Ах, Ехем, Ехем! Он же забыл снять со спины рюкзак из-за слишком большого волнения и страха. Тот коснулся проволоки.

Дзинь-нь-нь!.. ужасающе пронесся страшный звук в обе стороны. Услышав его, проходящий охранник резко повернулся, быстро сел на корточки и прицелился из автомата... Но почему-то выстрелил не сразу, замешкался. Дал время беглецам выскочить и броситься в сторону леса. Пожалел? Хотел дать какую-то возможность спастись?.. Кто знает... Вскоре раздался выстрел, разрывая ночную тишину, в тот же миг стали стрелять с вышек, ракеты осветили окрестность... Сейчас вся надежда на ноги. Васюк оглянулся — Ехем бежит в двадцати-тридцати метрах. К счастью, до леса не дальше полутора километров. Собрав все силы, Васюк устремился туда. Добежал, чтобы не упасть от из-

неможения, обнял ствол дерева и прислонился к нему. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! Колотится сердце. Он задыхается, усталое тело мелко дрожит, по лицу течет градом пот... «Но где Ехем?» — промелькнула беспокойная мысль в голове. Васюк оглянулся. Над бескрайней равниной плывет полная луна. В ее бирюзовом свете различаются лагерные вышки. Шум-гам улегся, теперь не слышно ни звука. Никто не гонится, незаметно рядом и приближающегося одинокого силуэта. Тишина. Короткая летняя ночь снова в сладкой дреме, будто ничего не случилось.

— Ехем!.. Ехем! — довольно громко окликнул Васюк, бегая по краю леса. Но не услышал в ночной тишине ни шороха, ни стопа.

— Неужели убили? Неужели погиб? — страшная мысль больно отдается в сердце. Нет, никак не хочется ему верить, что навеки потерял своего близкого друга детства. Не хочется с этим мириться. Может быть, он ранен? Может, где-то лежит, ожидая помощи друга? Васюк снова двинулся на четвереньках обратно, пополз.

— Ехем! Ехем! — без конца звал он и всматривался вокруг, внимательно слушая ночную тишину.

Вот уже и лагерь недалеко. Не откликается ночная тишина. Никаким звуком не ответила она ему. Таким образом, в нескольких сотнях километров от далекой чувашской деревни, на украинской земле, навеки потерял Васюк своего близкого друга детства... Тяжелое горе резко обессилело его. Как только он добежал до леса, в горле застыл комок, мучительно больно сжалось сердце, резко ослабли ноги. Забыв об опасности, Васюк свалился на землю, громко зарыдал.

12

Розовый восход напомнил о приближении нового дня. Ночной мрак рассеивался. Полная луна начала розоветь. В небе одна за другой начали гаснуть звезды. Жизнь шла своим чередом. Она поставила на ноги беглеца, которого пригнуло тяжелое горе. Васюк снял и

встряхнул шинель, вытащил из кармана засохший кусок хлеба (сохраненный вчерашний паек) и быстро проглотил его. Не переставая думать о Ехеме, некоторое время он постоял, глядя на простирающуюся впереди степь, и тяжело вздохнул. Предчувствовал, наверное, бедняга. Долго не соглашался. Хорошо, если пуля сразу убила, иначе какие мучения его ждут... «Ехем, прости меня. Если твоя душа покинула тело, пусть земля тебе будет пухом, если ты ранен, дай тебе Бог возвратиться живым и здоровым в родную деревню, домой», — подумал Васюк и исчез в тихо шумящем лесу. Недолго он плутал, скоро вышел на ухабистую, извилистую проселочную дорогу. Беспокойно осмотрелся и снова прислушался к окружающим звукам. Постоял, как бы раздумывая, в какую сторону направиться, и зашагал на восток. Скоро деревья поредели, затем вовсе исчезли. Недалеко показались покрашенные белой известью дома. Деревня! Спрятавшись за дерево, Васюк немного подождал, внимательно прислушался. В лесу выводят трели птицы, в деревне залиристо кукарекают петухи. Опасливо и осторожно Васюк вышел из леса, немного страшась, приблизился к дремлющей в утренней тишине деревне. «А вдруг там немцы?» — пронеслась тревожная мысль в голове. Кажется, что нет. Вот огород. Васюк посмотрел по сторонам — недалеко буйно растет лук. Он подбежал, выдернул пучок, наспех почистив, сунул в рот, быстро-быстро прожевал и проглотил. Только протянул руку за другим — в животе полоснуло, как ножом. Режет и режет. Не стерпев, Васюк присел на корточки, пересилив желание закричать, тихо и мучительно застонал. К счастью, мучения продолжались недолго, постепенно прекратились...

Когда прибежал обратно в лес, совсем рассвело, на пылающем востоке взошел огненно красный диск солнца. Теперь на восток, к нашим... Большой ли лес? Не заблудиться бы. Жаль, нет компаса.

Солнце уже поднялось высоко. Проснувшийся от ночного сна лес наслаждается и радуется его свету и

теплу. На кустах, на зеленой траве, на цветах блестят капли утренней росы, переливаясь всеми цветами радуги. Порхают красивые, яркие бабочки. Трудлюбивые пчелы перелетают с одного цветка на другой и собирают вкусный нектар, полосатый нарядный шмель пролетает, гордо жужжа. Вокруг звучит пение птиц.

— Ти-у-у! Ти-у-у! Ти-у-у! — раздается совсем близко.

— Тик-тик-тик, тр-р-р! Тик-тик-тик-тик-тр-р-р! — нежно щебечет другая птица.

Радует, чирикает на разный лад, звонко поет, пищит, щебечет веселый, зеленый лес.

Но эта успокаивающая душу красота не радует Васюка, можно даже сказать, он ее не замечает. Здесь сейчас хозяйничают фашисты. Поэтому его на каждом шагу преследует опасность. Она может появиться в любой момент — и днем, и ночью. Всем сердцем предчувствуя это, Васюк внимательно следит за всем, что есть вокруг, его обострившийся слух ловит каждый звук. Если попасть в этой одежде на глаза немцу, он сразу поймет, кто ты. Тогда прощайся с жизнью, Василий Митаев... Только ли немцы?.. Наверное, полно и полицаев... И еще их сторонники, предатели, похожие на Арсения...

Вдруг раздался шорох над головой. Беглец вздрогнул от неожиданности. В тот же миг свалилась пустая еловая шишка к ногам. Васюк поднял голову и невольно рассмеялся. Как давно он не смеялся так беспечно и радостно. Недалеко на ветке сидит белка. Как бы собираясь посмотреть на реакцию человека, уставилась она на него своими осторожными глазками-бусинками.

— Ах, шалунишка! — сказал Васюк, от души радуясь. — Погоди-ка! — он только качнулся, белка устремилась сразу по дереву наверх и исчезла, лишь мелькнул ее пушистый хвост где-то наверху.

Лесная проселочная дорога поворачивается то в одну, то в другую сторону. Как ни старался быть внимательным, Васюк не заметил, как очутился на одном повороте лицом к лицу с идущей навстречу женщиной.

Она остановилась и посмотрела внимательно на молодого человека.

— Добрый день, — сказала по-украински. — Куда держишь путь?

Что уже теперь скрывать? Видит сама, знает, кто он.

— Я из плена, из немецкого лагеря убежал.

— Из которого лагеря? А-а, Гайсин, — понимающе кивнула женщина. Сама она немолода. Из-под белого платка выглядывают пряди седых волос. Черные глаза потускнели, загорелое лицо покрыто морщинами. — Куда сейчас направляешься?

— У меня одна дорога. Я — солдат, — махнул Васюк рукой в сторону востока.

Женщина снова согласно кивнула головой.

— Где же сейчас фронт?

— Неблизко. Далеко... Ой, далеко идти... Наверное, хочется кушать. На-ка, возьми, — женщина вытащила из старой потертой кожаной сумки завернутые в кусок холста горбушку хлеба и небольшой шмат сала, протянула их Васюку. — Я иду на работу. Это мой обед. А ты кушай, кушай. Я обойдусь. Там у нас есть...

С трудом подавив желание тотчас проглотить благоухающий свежий домашний хлеб, Васюк от души поблагодарил добрую женщину.

— Не ходи по этой дороге. Она ведет в деревню. Там немцы, — предупредила женщина, собравшись уходить. — Ну, до свидания. Желаю удачи.

Оставшись один, Васюк повернул в лес. Острые зубы вонзились в хлеб, торопливо сжевали со вкусным куском сала, а по лицу все текли слезы. В животе разлилось, неся удовольствие, невыразимо приятное чувство сытости. Появилась легкость в теле, и в голове прояснилось. Теперь можно идти, но не по дороге. По дороге опасно... Идя по лесу, он постоянно прислушивался к окружающим звукам, внимательно смотрел по сторонам. Птицы поют, насекомые летают жужжа, над головой тихо и спокойно шумят верхушки деревьев.

Услышав журчание воды в овраге, Васюк спустился туда. Чисто вымыл лицо холодной водой, бьющей из-под земли, протер тело, черпая пригоршней, с удовольствием, не спеша выпил. Он почувствовал прилив сил и заметную легкость в ногах и, не теряя проселочной дороги, пошагал все так же по лесу вперед на восток. Голод снова начал давать о себе знать. Мимо нескольких деревень прошел уже Васюк, но решил днем туда не заходить.

Заметив покрытую мхом небольшую, неглубокую яму, Васюк остановился. Снова осмотрелся, снова внимательно прислушался. В лесу все так же тихо и спокойно. День уже начал клониться к вечеру. Вынув хорошо спрятанный ножик, он срезал тонкие ветки, надел шинель и улегся в яму, сверху прикрылся зеленой листвой. Как только положил голову на землю, глаза сами собой закрылись. Незаметно он уснул, как убитый.

Васюк проснулся, почувствовав, что продрог. Хотя и лето, ночью довольно прохладно. Кажется, рассветает, сквозь ночной мрак хорошо различаются стволы деревьев. Значит, прошли сутки, как он сбежал из фашистского лагеря. Уже сутки он на свободе. Но свобода ли это? Ходить, ожидая на каждом шагу беду, и бояться — тоже не жизнь. От каждого звука бросает его в холод, повсюду преследует единственная мысль. Хочется спрятаться от всех, ни к кому нет доверия. Но голод — не тетка. Как бы то ни было, он гонит Васюка к людям. Только там его спасение, только они могут помочь. Эх, если бы знать человека по лицу! Перед глазами проносятся женщины, выбегающие навстречу попавшим в беду людям, которых гонят немецкие конвоиры с автоматами, как они бросают им еду, это укрепляет шаткую надежду.

Раздвинув зеленые ветки, Васюк поднялся, вышел на опушку леса и постоял, наблюдая за белеющими недалеко сквозь поредевший ночной мрак домами. Прислушался к тишине вокруг, опасаясь услышать шум моторов. Недалеко деревня, не более километра. Но чтобы добраться до нее, нужно перейти через поле

по открытой местности... Васюк подкрался к самому крайнему побеленному мелом небольшому дому и тихонько постучал в окно. В ту же минуту открылись ворота, и показалась женская голова в выцветшем старом платке. Ничего она не сказала, взглянула и предложила, как давнему знакомому, открыв дверь, войти сначала во двор, затем в избу. Это Васюка и удивило, и насторожило. Но от судьбы не уйдешь. Будь что будет.

— Немцев в деревне нет? — спросил Васюк, как только закрылись ворота за ним.

— Были, но слава Богу, вчера убралась. Не бойся, пойдем, заходи в избу.

Действительно, в аккуратно убранной избе нет никого. Хозяйка, кажется, не словоохотлива. Все так же, ни о чем не расспрашивая, она подала на чистый стол три лепешки с ладонь, несколько вареных картофелин в мундире, наполнила стакан простоквашей. Не произнесла ни слова по-русски, говорит только на своем родном, украинском языке, но понять нетрудно.

— Дать цыбулю?

— Ага, — хоть и не понял слова «цыбуля», Васюк согласно кивнул. Понял лишь, когда положили перед ним очищенный зеленый лук, и навеки запомнил. Две лепешки он сунул в карман, остальное быстро съел и вышел из-за стола.

— Спасибо.

Уставившись грустным взглядом в одну точку, сидящая женщина, наверное, не услышала — ничего не ответила. Заметив это, Васюк, собравшийся было уходить, остановился.

— Одна живете?

— Одна.

— Супруг, наверное, на войне?

— Нет. Он у меня еще до войны умер от болезни. Двое сыновей — оба молоды, как ты — на фронте. Дочку этой осенью, ей будет восемнадцать, неделю назад немцы угнали в Германию, — сказала женщина, грустно опустив голову.

В избе на какой-то миг стало тихо. Лишь сверчок за печкой подавал голос. Из переднего угла, украшенного вышитым полотенцем, на беседующих смотрели с любовью и жалостью грустные глаза Богоматери.

— Ну, иди же, — как бы проснувшись ото сна, вдруг зашевелилась женщина. — Скоро взойдет солнце. Поторопись. Да поможет тебе Бог возвратиться к родителям, дай Бог тебе здоровья.

В полдень Васюк вынул из кармана две лепешки и съел, немного отдохнул и пошел дальше. Но — вот тебе раз! — лес кончился. Впереди простирается равнина. Там и сям виднеются деревни. Виднеются также островки леса, покрытые синим туманом, но до них можно добраться, прошагав через поле три-четыре километра. По проселочной дороге проходят люди. Не заставив долго ждать, появились и немцы. Три солдата повернули направо с главной дороги и пошагали в сторону деревни. Ничего не поделаешь, придется подождать до темноты.

С запада поднялась тяжелая туча, она скрыла своей черной тенью солнце. Яркие лучи вспыхнули на миг и погасли. Прогоняя дневную жару, по земле поползла ночная темнота, воздух посыреп.

По потемневшему полю Васюк идет один-одинешенек. Он спешит скорей добраться до леса. Хоть и пуста огромная степь, но это обманчиво. Не зря говорят, поле глазасто. К сожалению, ровная дорога повернула в деревню. Нет, туда нельзя заходить сбежавшему из вражеского плена бойцу Красной Армии. Заметив узкую тропинку, Васюк некоторое время шел по ней. Она привела его за огороды. Возможно, если зайти в какой-нибудь огород, найдется что-либо съедобное. Вон стоит какое-то раскидистое дерево. Не яблоня ли? Васюк остановился, посмотрел по сторонам. В этот миг его догнала грохочущая сзади дождевая туча. Огненная нить молнии вспыхнула, разрывая темноту, прямо над головой грозно прогремел гром. Несколько минут падали крупные капли, затем пошел ливень. Бесконечно падающая холодная вода текла ручьем по лицу и плечам, мигом

намочила тело и заставила озябнуть. Васюк не стал раздумывать, бросился под дерево. Но оно оказалось не яблоней, а молодым развесистым дубом. Жаль, не получилось попробовать яблоки. Ожидая, когда дождь кончится, Васюк сел под дерево, устало прислонился к теплому стволу и удобно вытянул ноги вперед.

О-о, как разбушевалась погода! Гром гремит, внушая страх, он то сухо и недовольно трещит, то, как бы грозясь, сердито гроыхает. Без конца сверкает молния. В ее голубых вспышках озаряются скрытые в темноте надворные постройки, двери огорода. «Дуб невысокий, к тому же в низине», — подумал Васюк, чувствуя, как его потяжелевшая голова произвольно клонится вниз.

— Проснись же, проснись... Хватит спать, — услышал он и почувствовал, как кто-то тихо трясет его за плечи. Открыл глаза — вокруг светлым-светло. Алея, всходит солнце. Перед ним стоит довольно пожилой широкоплечий мужчина.

Васюк вскочил.

— Кто ты? — спросил человек, вглядываясь в молодого человека.

В этот раз Васюк почему-то не почувствовал страха. То ли человек показался ему надежным, то ли интуитивно почувствовал отсутствие опасности, то ли надоело никому не доверять и постоянно скрываться — этого он и сам до конца не понял.

— Кто ты? — повторил свой вопрос человек.

— Бродяга, — ответил Васюк, спокойно глядя в пронизывающие глаза.

— Как так?

— Сбежал из немецкого лагеря и брожу, как неприкаянный. Родной дом за фонтом, знакомых нет, — сказал Васюк, смахивая и стряхивая с одежды сырую землю.

— Каким образом оказался здесь, в моем огороде?

— Правду сказать, в темноте перепутал этот дуб с яблоней.

— А-а, за яблоками, значит... Хочешь поесть! Тогда подожди. Я сейчас, — мужчина повернулся и потопал в

сторону дома, который Васюк увидел вчера ночью при свете молнии. «А вдруг приведет полиция, вместо того чтобы принести еды? — промелькнула опять в голове острожная мысль. Но Васюк прогнал ее легко. — Если бы он был негодяем, то и не будил бы, так?»

Для ожидающего время всегда тянется долго. Васюк уже начал было вновь сомневаться и страшиться, придет ли. Но незнакомец не обманул беглеца. Пришел. В одной руке держит глиняный жбан, прижимая к груди, в другой — небольшой сверток.

— Вот, кушай, — сказал он и поставил посуду перед Васюком, из кармана вытащил завернутый в газету кусок хлеба.

Оказалось, пшеничная каша. Ах, какое сытное блюдо! И десять горшков съел бы сейчас Васюк. Снова пришли на ум родной дом, далекое детство. Часто мать подавала собравшейся на обед семье большую полную чашу вкусно пахнущей пшеничной каши.

— Спасибо, — поблагодарил Васюк, собирая упавшие на колени крошки хлеба. — Теперь набрался сил. Теперь могу идти.

— Куда путь держишь? — снова спросил человек, когда парень поднялся.

— У меня одна дорога — на восток. Скорее догнать Красную Армию и присоединиться к ней.

Все еще изучающе глядя, человек с сомнением покачал головой.

— Не одобряю.

— Почему?

— Пустая затея. Знаешь, где сейчас фронт? Харьков уже третий день в руках у немцев. До него напрямую четыреста километров. Пешком — ой-ой-ой! — это очень много. Да и фронт не стоит на месте — все движется на восток. К тому же, вокруг враг. Немало фашистов и полицаев... Ну, скажем, все-таки дойдешь, здоровый и невредимый, — продолжал он. — Как хочешь перейти фронт? Нелегко это, ох, нелегко... Ладно, скажем, и здесь все пройдет хорошо. Кто тебе поверит, что ты действительно боец Красной Армии? Нет подтвержда-

ющего документа. Это раз. Два — у нас не любят побывавших в плену. Знаешь, наверное, что сказал великий вождь. Вот такова для тебя нынешняя обстановка. По моему, бесполезно суетиться.

— Что мне тогда делать? Я не местный. По-украински не знаю, нет ни одного знакомого, близкого человека.

— Хе-е, знакомых нет... — усмехнулся старик. — Нашел о чем говорить. Мало ли вокруг овдовевших молодых женщин? Нет что ли красавицы для молодого парня? Незнание языка это что... Привыкнешь, научишься. Наши языки близки друг с другом.

— Не-ет, — не соглашаясь, покачал головой Васюк. — В нынешние времена и думать об этом грех. Идет война, льется кровь. Вон сколько нашей земли захватил враг.

Незнакомый мужчина недовольно пошевелил бровями.

— И то верно... Значит, не согласен?

— Пока ноги идут, буду стремиться вперед до последнего вздоха. Я боец, красноармеец. Нет моей вины в том, что я попал в плен. Я не нарушил боевую присягу, не предал душу, Родину врагам.

— Ну что же, — промолвил старик, немного помолчав. — Однако в этой одежде ходить тебе нельзя. Вот принес рубашку, пиджак, брюки. Не новые, но пригодные к носке, — сказал он и протянул сверток Васюку. — Это одежда моего сына. Сам на войне — не знаю, жив или мертв. Один живу я сейчас. Была дочь пятнадцати лет. Погибли обе с матерью под бомбой на второй день войны по дороге с поля. А ты надевай, надевай. Башмаки не велики? Они тоже сыновние...

Васюк с удовольствием скинул испачканную одежду, потерявшую от грязи цвет. Надел дарованную и свободно вздохнул.

— Ну, дед, благодарю. До смерти не забуду вашу доброту. Прощайте. Я должен идти.

— Вот еще что, — задержал его мужчина. — В десяти-двенадцати километрах отсюда живет мой младший брат. Лесник он, — его устремленный на Васюка взгляд

все еще внимательно изучал его. — Иди к нему. Как доберешься, скажи, мол от брата Кирилла, велел передать привет. Дом его стоит прямо у большой дороги.

Потом он подробно объяснил, как найти дом лесника, по какой дороге, куда идти.

— Старайся идти больше по лесу. Немцы боятся наших лесов, не заходят просто так вглубь. Но придется также перейти через поле. Тогда можешь нести или зеленую траву, или хворост. Вот веревка... Ну, теперь иди. Удачи, — сказал мужчина, повернулся и пошел домой.

Он не объяснил, зачем надо идти к его брату, живущему в десяти-двенадцати километрах, Васюк и сам не стал расспрашивать. Ясно без слов — не просто так. Но с какой целью послал он его туда? Может быть, у них есть связь с партизанами? Да, Васюк хорошо знает — читал в газетах и по радио слышал — как эти мужественные люди борются в тылу врага и заметно ослабляют его боевую мощь... Добраться к нашим действительно трудно. Значит, было бы очень хорошо попасть в партизанский отряд...

В умытом ночным дождем утреннем лесу тихо поднимется пар, целительный воздух поднимает настроение, придает легкость телу. Висящие на ярко-зеленой листве и траве капельки дождя переливаются разноцветным огнем, словно дорогие бусинки.

Васюк торопится по извилистой, местами ухабистой и с лужами лесной дороге. С удовлетворением поглядывает на свою одежду, медленно поглаживает ладонью, легко и довольно вздыхает. Теперь он больше не в военной форме, которая бросается в глаза. Как бы подтверждая его мысли, при выходе из леса ему встретились два немецких солдата. Увлечшись беседой, они прошли, даже не взглянув на молодого человека с хворостом. Васюк снова вздохнул легко и вытер концом рукава пот со лба. В душе он снова и снова от всего сердца благодарил доброго человека, спасшего его от большой беды.

Благополучно перейдя через поле, Васюк снова во-

шел в лес. Вот и упомянутая развилка. Васюк должен идти по правой. Ага, показалась березовая роща. Слева растет развесистый старый дуб. Где-то близко должен быть дом лесника. Недалеко ходит женщина. Наверное, собирает ягоды, в руке маленький короб. Когда Васюк проходил мимо, она оглянулась и неожиданно оказалась перед ним.

— Наверное, брат Кирилл передавал привет леснику? — насмешливо спросила она, уставив на молодого человека зоркие глаза. — Так?

«Вот тебе раз? Откуда она знает?» — пронеслась мысль. От неожиданности Васюк невольно отступил на шаг, не нашелся сразу, что ответить. Но женщина, казалось, поняла его без слов.

— Нельзя туда идти. Поворачивай обратно, — шепнула она. — Лесника увели немцы. В его доме сейчас полицаи, — затем она круто повернулась и углубилась в лес между деревьями.

— Подожди-ка... Послушайте, — кинулся за ней Васюк. Но женщина не повернулась, нырнула в лесную чащу и исчезла из виду. Несколько раз позвал ее Васюк, подождал — ответа не услышал.

Значит, интуиция не обманула Васюка. Теперь никаких сомнений — действительно, его послали к партизанам. Не были ли слова «Привет от брата Кирилла» паролем? Кирилл... Может, это и не настоящее его имя?..

Вот Васюк опять остался один. Куда теперь ему идти? Что делать? Когда всей душой он стремился из лагеря, из-за колючей проволоки на свободу, он не думал, что за будущее его ожидает там. Он верил, что если останется жив, обязательно доберется до своих. Теперь эта мечта угасает. Фронт далеко. Летние ночи коротки, недолго пройдешь — уже рассветет. Ночью идти тяжело, днем опасно. Чувство голода постоянно гонит в деревню, к людям...

Партзаны, партизаны... Где же они? Не захотела поговорить с ним встреченная в лесу женщина. Конечно, не захотела доверять совершенно незнакомому прохожему после того, как арестовали своего челове-

ка. Обрато к «брату Кириллу» Васюк не посмел идти. Он опасался, что столкнет в еще большую беду и себя, и этого доброго человека. И правда, что он знает об их делах? Спасибо, предупредили об опасности... Жаль, удачи не было. Похожая на сверкнувший из-за холодных облаков теплый солнечный луч, она заманчиво улыбнулась и снова погасла. Кто сможет помочь ему во второй раз, ему, совершенно незнакомому человеку, пришедшему откуда-то издалека? Один-одинешенек он на украинской земле. Ни друга, ни близкого, ни знакомого здесь нет.

Однако Васюк не теряет надежды. Пробираясь на восток, он тихо, как бы издалека, заводит осторожный разговор с встречными людьми о храбрецах, борющихся с врагом, скрывающихся в лесах.

Украинский народ добрый и чуткий. Сколько людей, попавших в беду из-за войны, как Васюк, ходили по его земле, мечтая о куске хлеба и помощи. Скольких людей спасли украинцы от голода в те грозные годы. Они протягивают последний кусок. Но как только заводишь намеком разговор о партизанах, пытаются или отойти, или перевести разговор на другую тему...

Нет, не довелось Васюку бороться в рядах партизан. Судьба потащила-погнала его совсем в другую сторону — по негаданному, неожиданному пути.

После побега из лагеря, на девятый день, прошагав целую ночь, Васюк вышел на опушку леса. Рассвело, но солнце еще не поднялось. Восход ярко-красный, полнеба пылает. Птицы, как обычно, начали утренний концерт, так и выводят свои нежные трели. Жить бы и людям, радуясь, как птицы. Нет ведь, нет... Впереди виднеются две деревни. Одна, большая, близко, другая, маленькая, чуть подалее. Слышится, как залиристо поют петухи. Недалеко стоит скирда соломы. Вот удобное место для ночлежки. Сделай дыру, заберись и ложись. Мягко, тепло... Васюк проснулся от шороха в стерне. Совсем рядом ходит кто-то, слышится женский голос. Укрытый соломой, Васюк сделал ма-

ленькое отверстие и посмотрел в сторону голосов. Две женщины собирают колосья. Бояться нечего. Раздвинув солому, Васюк сел, почистил волосы и лицо от трухи. Хоть солнце и греет жарко, но день клонится к вечеру. Ну и спал!

Заметив вышедшего из соломы человека, женщины не показали ни удивления, ни страха. Подошли и, как обычно, приветливо завели разговор. Кто? Откуда? Куда направляешься? Васюк уже привык к таким встречам, в последнее время перестал даже бояться. Он коротко рассказал о себе.

— Ты подожди немного. Мы принесем тебе еду, — сказали женщины и направились к ближайшему большому селу. Васюк снова спрятался в солому. Вот обещанная еда и пришла. Ее принес темноволосый парнишка лет восьми-деяти. Он босиком. Его рубашка из домашнего холста стара, на локтях заплатки. Мальчик вытащил из сумки довольно большой кусок хлеба, пол-литра молока и дал Васюку. Потом взял опустошенную бутылку и положил в сумку, все так же молча пошел в сторону деревни.

Хорошо, ох, как хорошо, когда сытый желудок! Спасибо тебе, Украина, за добрых, гостеприимных сыновей и дочерей! Прислонившись к скирде, Васюк посидел, погрузившись в раздумья. Если и дальше повезет, то он обязательно найдет нужных ему товарищей. Мир не без добрых людей... Ему обязательно помогут. Раздумья прервал зычный голос, раздавшийся совсем рядом, от которого содрогнулась душа.

— Стой! Руки в гору!

Опешив, Васюк вздрогнул всем телом и на миг окаменел. Не смог не только встать, но и пошевелить руками. Из-за скирды перед ним показался высокий, плотный мужчина. Его одежда — зеленый китель, такого же цвета фуражка, галифе, на ногах — сапоги с высоким голенищем. «Полицай!» — догадался Васюк в тот же миг. Сердце тоскливо сжалось.

Восемь дней бродил Васюк по украинской земле. Шел на восток. Кого только не встречал на своем пути.

Все они оказались добрыми, искренними людьми. Ему, совершенно незнакомому, пришедшему неведомо откуда бродяге, протягивали свой кусок хлеба, одели как надо, предостерегли от встречи с врагом. Возьмем сегодняшнюю женщину. Сама ищет колосья на сжатой ниве, ее ребенок ходит босиком, в залатанной рубашке... А она передала хлеб, молоко.

По этой причине и стал Васюк в последнее время забывать об осторожности. Ему уже не так часто приходила в голову мысль, что и среди украинцев есть предатели. Как только немного притупилась его бдительность, опасность сразу очутилась перед ним.

— Стой! Руки в гору! — голос полиция прозвучал на этот раз еще грознее.

Васюк встал, медленно поднял руки.

— Где другой? — спросил подошедший человек, не сводя маленьких зорких глазок с Васюка.

— Я один.

— Врешь! Недавно вас было двое.

— А-а... Это местный мальчишка. Принес еду.

— Какой мальчишка? Как зовут?

— Не спросил, не знаю. Пришел и ушел.

— Куда ушел?

— Вслед не смотрел. Из-за скирды не было видно.

— Кто ты? Партизан?

— Нет.

— Кто тогда, если не партизан?

— Восемь дней назад сбежал из немецкого лагеря.

— Из какого лагеря? Почему, зачем убежал?

— Замучил голод.

Все еще не сводя с Васюка недоверчивый, пронизывающий взгляд, как бы раздумывая, верить ему или нет, полицай переминался с ноги на ногу.

— Пойдем, — кивнул он в сторону деревни.

Взгляд Васюка упал на ближайший лес. В голове мелькнула дерзкая мысль: «Вот дам деру... Он жирный, все равно не догонит меня...»

Действительно, у Васюка ноги легки. Конечно, он не спортсмен. Но ребенком в деревне, позднее и в

педучилище на соревнованиях, всегда мчался впереди сверстников. До войны и в армии не давал маху по этой части. Но полицай держит правую руку все время в кармане... Нет, не буду играть со смертью. Будущее покажет. Будь, что будет...

Враг, оказывается, не один. За скирдой, в тарантасе с запряженным конем, сидит еще один. Так, полицаи в тарантасе, Васек рядом пешком, и прибыли в село.

На улицах мало деревьев, но, наверное, нет дома без буйно зеленеющего сада. Цветов тоже достаточно. Дома небольшие. Их построили из самана — кирпича из соломы и глины, побелили мелом. На прямой улице издалека виднеется большой двухэтажный дом. До войны, наверное, здесь размещался клуб, правление колхоза или сельсовет. Тарантас остановился перед этим домом. Один полицай остался на улице, высокий привел Васюка в довольно большую комнату. Здесь стоит длинный стол, несколько стульев, на пустой стене, на самом видном месте, висит большой портрет Гитлера. Справа часы отсчитывают время. Больше ничего нет. За столом сидит тонколицый сухощавый мужчина около тридцати лет с черными щетинистыми волосами в зеленой форме и просматривает бумаги. Этот, по-видимому, был старшим.

— Вот взяли... Наверное, партизан, — сказал полицай, приведший Васюка в комнату. — Проходи вперед, к столу, — сказал он. Сам взял стул и сел в сторонке. «Начальник» пошевелился, высокомерно подернул плечами, поднял голову и направил холодный взгляд на молодого человека, затем выложил из ящика стола пистолет.

— Ну, — начал он допрашивать, — с какой целью бродишь в этих краях? Где ваш отряд? Расскажешь чистосердечно, честно, подробно — простим. Иначе, — он покрутил пистолетом в руке и положил обратно.

— Ни о каких партизанах я не слышал и не знаю. Недавно я убежал из немецкого лагеря.

— Из которого лагеря?

Васюк рассказал обо всем — когда, в каком месте

попал в плен, как случайно встретился с Ефимом, как потерял друга, когда бежали из Гайсинского лагеря, и как уже несколько дней, скрываясь, шел по Украине на восток. Ничего не стал скрывать, для этого не было причины — лишь о леснике промолчал. Внимательно слушавший полицай со щетинистыми волосами смотрел все так же недоверчиво. Меняя и путая вопросы, он все еще пытался найти какую-то вину.

— Ну что ж, — заключил он, наконец. — Поверим... Теперь уже ночь. Сегодня переночуешь здесь же. Завтра рано утром отвезем тебя в лагерь.

Мороз пробежал по коже.

— Какая вам польза от того, что отправите меня туда?

— Не твое дело, — сказал сердито «начальник». — Ты беглец. Таких мы возвращаем обратно.

— Расстреляйте. Лучше умереть, чем попасть туда... На короткое время установилась тишина.

— Зачем мне твоя смерть? Ты убежал от немцев, пусть они решают, что делать с тобой.

— Кхм, — подал голос до сих пор молча сидевший у стены другой полицай. Было ли это каким-то намеком? «Щетина» повернул голову к светлому окну и помолчал некоторое время.

— Ладно... Если не в лагерь, отправишься в Германию, — добавил он. Как бы завершая этим разговор, он собрал бумаги со стола и положил в папку, сунул в ящик, встал.

— В Германию? — удивился Васюк. — Зачем?

— Приедешь, увидишь. Выбирай: или обратно в лагерь, или в Германию, — потом взглянул на все еще молча сидевшего товарища и высокомерно кивнул головой в сторону двери. — Уводи.

— Айда, — поднялся тот со стула. — Подумай. До утра еще есть время. Тогда ответишь. Шагай.

Спустившись с высокого крыльца, полицай подвел Васюка к железной двери, вытащил из кармана пиджака большой ключ.

— Заходи, — сказал он, распахивая тяжелую дверь.

Вспыхнул фонарь. Сначала показалась узкая каменная лестница, которая вела вниз, затем довольно большая комната. Это оказался подвал. В углу — маленькая куча соломы. Как только Васюк спустился на пол, фонарь погас и дверь захлопнулась. Он услышал, как заперли дверь снаружи. Не только вокруг, но и в мыслях Васюка воцарился черный мрак.

Значит, в Германию. В страну Гитлера, обрушившего на всю Европу пламя войны. К жестоким фашистам, рабам Гитлера, мечтавшим увидеть весь мир у своих ног... Конечно, работать. Чтобы стать слугой. О том, что фашисты собирают молодежь в селах и городах, в которых начинают хозяйничать, и угоняют их в Германию, ему рассказывал юный товарищ Юра Остапчук еще в Аджимушкайской пещере. В эти прошедшие восемь дней он не раз слышал такие вести. Если подумать, молодой советский боец, гонимый изо дня в день одной единственной мечтой — на восток, и в мыслях не мог предположить, что и его коснется такая участь... Когда глаза привыкли к темноте, Васюк ощупал стены вокруг. Возможно, есть какая-то щель? Может быть, получится расширить ее, чтобы выбраться? Вытащив хорошо спрятанный ножик, Васюк прощупал стены. В нескольких местах попытался ткнуть. Везде плотный кирпич. И пол не земляной, а гладкие камни... Надежды нет. Васюк подошел к куче соломы и сел, опустив голову, закрыл лицо руками... На мягкую солому сквозь пальцы потекли прозрачные капли слез...

Железная дверь со стуком открылась.

— Выходи. Хватит дрыхнуть, — послышался голос вчерашнего полицая.

Свет солнца ослепил глаза.

— Шагай, шагай. Что замешкался? — полицай толкнул сзади. Он привел Васюка во вчерашнюю комнату.

— Сегодня с тобой будет говорить староста, — сказал он и снова сел к стене, взяв стул.

Сейчас за столом сидит мужчина в вышитой белой рубашке, ему немногим более сорока лет. На его загорелом сухощавом лице — тонкие мелкие морщины, в

причесанных, гладких, черных волосах, в опущенных книзу пышных усах виднеются седые пряди.

— Ну, беглец, подойди-ка поближе. Сядь, — сказал староста чуть насмешливо, но приветливо. — Расскажи, что ты там решил? Обратнo в лагерь или...

— В лагерь не пойду.

— А-а-а... — снова удовлетворенно кивнул головой староста. — Значит, в Германию... Хорошо, хорошо... Нам все равно, и так, и эдак...

Он вынул из кармана сложенную пополам тетрадь, открыл ее, погладил, потирая ладонь, потом устроился поудобнее, взял ручку и обмакнул в чернильницу.

— Назови-ка свою фамилию, имя, отчество. Когда, какого числа ты родился: так, с этим все, — сказал он, возвращая тетрадь обратно в карман. — Теперь вот что... Придется тебе подождать несколько дней. До этого выделим отдельную комнату, чтоб никто не мешал, не беспокоил. Еды будет достаточно. В саду созревают всевозможные ягоды, яблоки. Пожалуйста, срывай и ешь. Запрета нет. Днем можешь выходить на улицу, посидеть перед домом. Еще будет охрана, выделенная специально для тебя. Во! — показал поднятый большой палец староста, довольно сияя хитрыми глазами. — Одним словом, пока будешь жить в нашем селе, будет тебе и честь, и уважение, как местным начальникам. Ты удостоился этого...

«Тебе бы такую честь, балагур», — раздраженно подумал Васюк, не поняв его последних слов.

Спустя некоторое время он узнал: оказывается, староста спасал своего родственника. Среди молодежи, подлежащей вывозу в Германию, был и семнадцатилетний сын его младшего брата. Теперь нашелся человек, которого можно послать вместо него.

— Однако начальника придется по ночам запирать, — зубоскалил полицай, сидевший у стены.

— Шустрый парень. Из немецкого лагеря смог убежать, а вот от нас ни-ни! И не думай.

Через три дня Васюку дали бумажку: «Митаев Василий Михайлович, украинец, родился в Винницкой об-

ласти, в таком-то районе, в рядах Красной Армии не был, не состоит в партии». Вручили небольшую сумку с едой, посадили вместе с другими молодыми парнями и девушками из окружающих деревень на подводу и повезли на железнодорожную станцию. Тут стоит длинный товарный поезд. Бесконечно сует народ. Особенно много женщин, молодых девушек — провожающие, уезжающие. Есть и парни, но их поменьше. Некоторые плачут навзрыд, другие поют грустные, берущие за душу, песни. Бесконечное людское горе. Какая судьба ждет уезжающих молодых людей, любимых, родных сыновей и дочерей в фашистской стране? Доведется ли свидеться? Вернутся ли обратно?.. Среди стонущих и плачущих людей присутствуют и те, кто спокойно наблюдает — это немецкие солдаты и полицаи.

Вот прозвучал сигнал, приглашающий садиться в поезд. Эй, что тут началось! Все звуки заглушили громкие рыдания, шум-гам. Немецкие солдаты и полицаи задвигались, начали с силой отдирать обнимающие руки, расталкивать людей в разные стороны. Родители устремляются к детям, сыновья и дочери, которых тащат в вагоны, протягивают руки к близким родственникам и громко плачут.

Лишь Васюк стоит в этом горестном шуме одинокий. Никто не подходит к нему, никто не говорит теплого слова, не протягивает руку на прощание. Суетящиеся люди даже не замечают парня, то и дело смахивающего слезу... Наконец, одна за другой двери вагонов закрылись со стуком. Прощай, Родина! Прощайте, родные! Прощай, Надюш!.. Удастся ли свидеться? Дождешься ли ты меня?

Пыхтит, бежит поезд на запад. Спешит он довести на чужбину, в незнакомую Германию, сыновей и дочерей покоренной гитлеровскими войсками Украины, вместе с ними и чувашского парня, которого занес туда ураган войны.

Вагон и в этот раз набит битком. Тихо. Все в тяжелом раздумье. Раздаются только горестные вздохи.

Часть вторая

1

Уходит день, наступает ночь, снова день, снова ночь. Во время долгого пути сколько раз сменяли они друг друга. Полутемный вагон открывается дважды в день — то кто-то выносит наполненную испражнениями посуду, то снаружи подают воду или еду. Еда все та же — один черпак мутной жидкости, буханка хлеба на пять человек, одна банка консервов на двадцать человек. Все же, благодаря переданной в дорогу провизии, Васюк не так сильно мучился от голода, как раньше.

Поезд время от времени устало останавливается и снова трогается, снова мчится на запад. «Ку-да спешишь? Ку-да спе-шишь?» — «Не ска-жу, не ска-жу», — повторяют без конца колеса. Васюк дрожит и качается из стороны в сторону. Вот поезд снова остановился. В этот раз распахнулись и показались автоматчики.

— Выходите!

Спрыгнув на землю, Васюк пошевелил застывшими ногами, потер их, потом подошел к толпе молчаливых девушек и парней, стоящих на перроне. Их немного — где-то около сотни человек... Где остальные? Нетрудно догадаться. Одних таким же образом высадили раньше, другие еще в вагонах, не доехали до назначенных мест. Так помаленьку распределяют пригнанную для работы в хозяйствах Германии молодежь из завоеванных стран. Где же они сейчас, в каком углу немецкого государства?

Снова приказали строиться по четыре.

«Вайсенбург», — прочитал Васюк, когда проходил по перрону перед зданием с широким крыльцом.

— Гм... Вайсенбург... — Он не слышал о городе с таким названием. Где же он находится?

На следующий день им пришлось идти вдоль трассы. На перекрестке имелись указанные стрелками названия городов. «Мюнхен» — бросилось в глаза. «До Мюнхена семьдесят пять километров» — написано на красивой тонкой дощечке, узким концом показывающей на юг. Вот, оказывается, где они. На земле Баварии, в главном гнезде фашистов! Ведь гитлеровская партия родилась и развивалась в Мюнхене. «Ну, отсюда не убежишь... Здесь не может быть и партизан», — проползла в голове вялая мысль.

А пока их построили по четыре и вывели из здания железнодорожной станции. Прошли немного, как показались два забора из колючей проволоки. За один велели зайти женщинам, за другой — мужчинам. Здесь не так, как на Украине, есть и стол, и скамейки для сидения. Будет ли конец этому тоскливому пребыванию за колючей проволокой? Сколько их соорудили немцы? На Украине, в России, на многих и многих покоренных землях... Сколько тысяч тонн железа ушло, наверное, на изготовление такого количества проволоки?.. Неужели для Васюка уже нет другого места?.. Не будет другой жизни? Слуга... раб...

Скоро красный диск солнца коснулся темного горизонта. Наступил вечер...

Рано утром вывели пятьдесят человек и повели обратно на железнодорожную станцию. Уже не на товарную, а пассажирскую...

Стоит поезд, снова приказали сесть в вагоны. Здесь светло и чисто. На больших окнах красивые занавески, скамейки со спинками. Вот поезд тихо тронулся. Впереди проплывают невысокие горы, прямо разграниченные межи, леса и села с садами. Земля Бавария...

— Приближаемся! Приготовьтесь выходить! — путая русские и славянские слова, громко объявил один из конвоиров.

Вышли. Опять построили и привели к виднеющемуся неподалеку двухэтажному зданию с высокой крышей. Здесь во дворе сидят и ждут десять-двенадцать немцев — двое мужчин, остальные женщины. Их будущие хозяева?

— Кто умеет говорить по-немецки? — коверкая русские слова спросил один из подошедших людей.

Никто не отозвался.

— Кто умеет читать и писать по-немецки?

— Я умею, — чуть подождав, подал голос Васюк, так как никто не ответил.

— Иди сюда. Садись за стол. Вот бумага и ручка. Будешь записывать фамилию и имя каждого, место и дату рождения немецкими буквами.

Стоящие понуро девушки и парни подходят один за другим к столу. Как только запишут имена четырех, какой-нибудь ожидающий немец сразу отводит их в сторону. Самым последним записал Васюк свое имя и фамилию и вышел из-за стола, положив ручку. Из пятидесяти приехавших осталось четверо. Хромой немец среднего роста приблизительно сорока лет отцепил стоящую в стороне лошадь, велел положить вещи в телегу и дернул вожжи. Шли они долго. Но ехавший в телеге немец в течение пути никому, даже единственной девушке, не предложил сесть в нее.

Стемнело. В чистом небе появились звезды. Серебристый круг луны взошел и осветил окрестность. Наконец, свернув с трассы и войдя в деревню, лошадь остановилась у двухэтажного здания, которое оказалось домом хромого немецкого коменданта. Сидящие на ближайшей скамейке четыре немца встали, подошли к старосте и коротко переговорили о чем-то. Женщина тридцати лет несколько раз посмотрела в сторону Васюка.

— Иди! — указательным пальцем позвала она его. — Пошли.

«Вот, значит, моя хозяйка, — подумал Васюк. — Теперь я ее слуга». Хоть он и предвидел этот момент, сердце его тоскливо сжалось. Взяв пустую котомку с

телеги, он побрел по улице за женщиной. Теперь нет больше его воли, нет прежнего человека. Как привязанная скотина, куда потянут, туда и пойдешь.

Ночь светлая. Сияющая в чистом небе полная луна щедро разливает свои серебристые лучи на стихшую деревню. Улица пуста. Не видно прохожих, не слышно людских голосов. Вот женщина повернула к большому двухэтажному дому. Маленькая решетчатая дверь без звука открылась и закрылась. Затем они вошли в довольно большую комнату. Ярko вспыхнул свет. Легко снуя туда-сюда, женщина поставила на стол тарелки с несколькими кусками хлеба и свиным салом, наполнила стеклянную кружку пивом.

— Проходи. Садись.

Когда он съел, что подали, она не стала больше ничего предлагать, убрала со стола и села напротив.

— Мое имя Фрида Пакельмайер. Знакомые зовут фрау Фрида, — сказала она, стараясь выговорить каждое слово медленно и внятно. — Я хозяйка этого дома. Мой муж на войне. Детей нет. Мы не богаты, но и не бедны. У нас двенадцать гектаров земли, три гектара леса. В хозяйстве восемь коров, три рабочих вола, три лошади. Ежегодно выращиваем девять свиней. Кроме этого птицы, кролики...

«Ого-о! — поразился Васюк в душе. — Еще говорит, не богаты. Есть здесь, где спину гнуть. Неужели нет больше работников?»

Безотрывно наблюдающая за Васюком, фрау Фрида продолжила свою речь, как будто поняла его мысли:

— У меня есть свекор, Отто Пакельмайер. Стар он уже, скоро ему будет восемьдесят. Несмотря на это, немного помогает следить за хозяйством. Кроме того, приходит соседний мальчик. Ему четырнадцать, зовут Курт... А теперь расскажи о себе. Откуда ты? На какой работе были заняты до войны ты, твои родители? Кто они? — спросила фрау Фрида.

— Меня зовут Василий, я украинец. Родился и вырос в Винницкой области. Родители крестьяне, живут в деревне.

— Работали в колхозе?

Васюк не захотел говорить правду. Начнет расспрашивать — почему? Зачем?.. К тому же он теперь не чуваш, а украинец. Совсем другой человек.

— Да, в колхозе.

— Ты понимаешь по-немецки. Сказали, умеешь читать и писать...

— Я учился на учителя. Но работать не довелось.

— Что помешало?

Чуть не проговорился, что взяли в армию. К счастью, успел прикусить язык.

— Началась война, — ответил он.

Фрау Фрида — высокая, хорошо сложенная, тридцатилетняя блондинка. Лицо симпатичное, наблюдательные голубые глаза не холодные. В ее открытом взгляде чувствуется какая-то доброта, благородство. Душой Васюк понял это сразу, поэтому его слишком обостренное чувство настороженности, недоверия, постоянное ожидание какого-то подвоха стало постепенно ослабевать. Усталое тело расслабилось, требуя вдруг покоя. Веки, как клеем смазанные, сами стали слипаться.

— Извините... Вы, кажется, что-то сказали, не слышал, — произнес он, пытаясь прогнать набежавший тяжелый сон.

— Хочется спать? Идем, — фрау Фрида встала, поднялся и Васюк. Они вышли в темный коридор, потом открылась другая дверь.

— Это твоя комната, — сказала хозяйка, включив свет. — Вот постель, — она подошла к кровати и убрала аккуратно расстеленное цветастое покрывало. — Вот это пижама для сна. Свою одежду снимай и сверни здесь около двери. Спокойной ночи.

— И Вам тоже...

Оставшись один, Васюк замер от удивления, потом он подошел к белоснежной мягкой постели и несколько раз потрогал ее рукой. Пуховая перина, пуховое одеяло, пуховая подушка... Не сон ли это? Нет. Какие только мысли не крутились в голове, когда он

ехал в полутемном вагоне с маленьким окошком и думал о жизни, которая его ожидает. Но такое не могло прийти в голову. После того, как в течение нескольких недель побывал в немецком плену и испытал мучения и издевательства в лагерях, он и подумать не мог, что немецкая женщина так по-человечески примет его, посланного стать слугой...

2

Васюк почувствовал, что кто-то тихонько трясет его за плечо, и проснулся. Открыл глаза — стоит фрау Фрида.

— Два раза заходила и будила тебя, не смогла разбудить. Гляди, как высоко поднялось солнце. Вот рабочая одежда. Одевайся и скорее выходи, — сказала она.

Однако в голосе хозяйки не проявилось ни злости, ни раздражения и теперь.

Темная рубашка, синий комбинезон, носки, ботинки — все новое, все Васюку в пору. Удивительно, как будто эту одежду купили специально для него, зная, что он приедет непременно сюда. Позднее Васюк узнал — муж фрау Фриды и Васюк имеют одинаковую комплекцию.

Он наспех оделся и вышел. Во дворе, кроме хозяйки дома, трудятся еще двое. Один — довольно пожилой полноватый высокий мужчина. Он раздает стоящим в хлеву коровам свежескошенную траву. Это, конечно, Отто Пакельмайер, свекор фрау Фриды. Другой, тоненький, остролицый паренек четырнадцати-пятнадцати лет (кажется, зовут его Курт), кормит копошащихся возле него птиц. Мальчик взглянул на Васюка своими черными глазами холодно и презрительно, быстро отвел их.

Все уже знают, читали и слышали, что немцы — очень трудолюбивый народ. Это так, в хозяйстве фрау Фриды тоже работа начинается в четыре утра — нужно скосить и привезти траву для лошадей и коров, почистить помещение для скота, подоить коров и выставить бидоны на улицу, чтобы их увезли на завод,

покормить скотину (здесь они не пасутся в стаде, как у нас). С таким количеством живности работы немало, но к тому времени, когда Васюк вышел, они уже были закончены. Фрау Фрида позвала всех к завтраку. Она слила воду, в которой были замочены кусочки хлеба, залила их молоком и сильно помешала. Вот и получился суп. Еда, конечно, неважная. По мнению Васюка, человек, держащий пятнадцать гектаров земли, должен бы питаться получше.

Его немного удивило и то, что хозяйка дома ест за одним столом со слугами. О богачах он думал иначе. Однако Отто Пакельмайер не сел вместе с ними. Еда и для него та же, но, оказывается, он всегда ест отдельно, в своей комнате.

После завтрака Васюк с Куртом пололи в поле картофель, во второй половине дня до захода солнца возили навозную жижу в поле и поливали компостные кучи. В поле много межей. Их разделяют абсолютно прямые границы. Чтобы эти вырытые линии не потерялись, хозяева обновляют их каждый год. Выдерганная вместе с землей трава не остается лежать на месте. Ее тщательно собирают, смешивают с землей и складывают в кучи, поливают навозной жижей... Аккуратное хозяйство, ничего не скажешь.

На следующее утро Васюк снова встал с трудом, когда его разбудила фрау Фрида. В теле, долгое время не знавшем труда, ныла каждая частичка. Не дает ни наклониться, ни шевелнуть руками и ногами. Настоящее мучение. Но кому об этом скажешь? Собравшись силами, Васюк взялся за работу. Боясь ненароком застонать, он стиснул зубы. К счастью, утренние дела продолжаются недолго. Вытерпел. Скоро идти в поле... Как он выдержит сегодняшний день?

— Ну, отдохните. Сегодня воскресенье, не надо ходить в поле, — сказала фрау Фрида и зашагала к дому.

На завтрак — как вчера, молочный суп. Точнее сказать, хлеб, замешанный в молоке, и подслащенный сахаринном кофе. Поблагодарив, Васюк вышел из-за стола и с намерением лечь спать, зашел в свою ком-

нату. Комната его небольшая, но достаточная для одного человека, чтобы свободно заходить, полежать. Кровать, широкий шкаф, два мягких стула. Со стороны улицы — высокое окно.

— Не успел раздеться, вошла хозяйка.

— Подойди-ка сюда, — позвала она Васюка, стоящего около раскрытой постели, и распахнула дверцу шкафа. — Вот тебе одежда, вот два костюма. Один можешь надевать на праздники, на выход, другой после работы, в выходные. Две пары ботинок, думаю, тебе подойдут, рубашки...

Васюк был опять очень удивлен. Костюм... Давнишняя светлая мечта. Вот он прямо перед ним... Протяни руку и возьми. И не только один, а целых два... Две пары совершенно новых туфель. И рубашек несколько, они тоже новые, подходящие. Чудно... Радостно, как во сне... В одно мгновение, как в сказке, неожиданно-негаданно столько одежды.

— Забыла сказать, — снова вернулась хозяйка. — Сегодня к девяти часам нужно идти к бургомистру. Из соседней деревни придет полицей. Он познакомит вас со здешними порядками. Теперь я пойду в церковь, — она повернулась и шагнула к двери, но вернулась снова, как бы вспомнив что-то. — Куришь?

Васюк хотел сказать, что не курит, но, наверное, чтобы не выделяться среди других мужчин, ответил, что да.

Фрау Фрида вытащила из кармана халата несколько папирос и положила их на стул.

Васюк оделся в праздничную одежду, гладко причесал волосы и посмотрел в приклеенное к дверце шкафа большое зеркало. Вот какой стоит! Это точно Василий Митаев или какой-то богатый парень, похожий на него? С тонким лицом, густыми пышными волосами, темно-синими глазами. Ничего, к такому парню не придерешься. Если появиться в такой одежде в родной деревне... Перед глазами невольно пронеслись места, где родился и вырос, деревня, родной дом. Причиняя боль душе, вспомнился Ехем. Уле-

тел бы, если бы были крылья. Ничего ему не нужно, никакого костюма. Не его это вещи, все принадлежит здесь хозяйке. Но крылья привязаны крепко. Бавария — не Украина, отсюда не убежишь. Эх, война, война... Сможет ли когда-нибудь вернуться домой Васюк, свидится ли с родными и близкими людьми?

Тяжело вздохнув, Васюк покинул комнату, решил поближе познакомиться с домом и постройками хозяйки, пользуясь свободным временем.

Дом большой, в два этажа. Каменные стены толстые, покрашены светло-голубой краской. Может стоять вечно. Сразу за дверью коридор, по его обеим сторонам — комнаты — Васюка, Курта, Фриды, в четвертой хозяйка держит всякую всячину, затем — кухня. Рядом — комната Отто Пакельмайера. В одном конце коридора — большой зал, в другом — кухня. Здесь готовят пищу для свиней. На втором этаже еще четыре комнаты. В них никто не живет. Там хозяева хранят зерно.

Для каждого скота отдельное помещение. Их убирают два или три раза в сутки. Рядом бетонное сооружение для навоза. Близко к нему в землю врыта большая бетонная кадка. Из отверстия туда выливается навозная жижа. Как только наполняется, ее увозят в поле и удобряют пашни. В помещения для скота по трубам проходит вода. Одним словом, здесь все основательно продумано и сделано с расчетом на многие-многие года. Постройки плотно соединены друг с другом и окружают двор в виде буквы П. Имеется небольшой сад, где растут яблони и различные ягодные кустарники.

Бургомистр живет на другом конце деревни. Улица, на которой он живет, прямая, довольно широкая, асфальтированная. Раскидистых деревьев не видно, но все имеют небольшие сады, а в палисадниках перед домами пышно цветут цветы.

Деревня эта небольшая, не больше ста домов. С одного взгляда ясно — немецкие крестьяне живут богато. Много двухэтажных домов из толстого камня,

покрытых шифером. Темные тона здесь не любят, все покрашено в разнообразные цвета.

Дом бургомистра тоже двухэтажный, большой. К девяти часам перед ним начали собираться люди. Это — пригнанные на работу советские парни и девушки, среди них попутчики Васюка, с которыми он приехал позавчера. Все красиво одеты. Вот несмело приблизились трое — широколицая блондинка чуть старше тридцати лет и с ней двое детей. Мальчику примерно двенадцать, девочка чуть старше. Васюк посмотрел на них с некоторым удивлением и жалостью. Неужели и детей пригнали батрачить? Хозяева тоже здесь. Они поздоровались друг с другом и встали в сторонке.

Ровно в девять бургомистр, стройный, большеглазый, хоть и немолодой, но симпатичного вида мужчина, вышел со двора, поманив рукой, пригласил ожидающую молодежь войти, в большой комнате предложил им сесть, показав на мягкие стулья. Только устроились, открылась дверь и появился рослый и широкоплечий человек. Это оказался полицей, о котором предупредила фрау Фрида. Он сразу прошел к столу, взял лежащие на нем листы бумаги и раздал их молодым людям.

— Читайте! — сказал он кратко и громко.

На бумажке на нескольких языках было подробно разъяснено, как должны себе вести у немцев приехавшие на работу люди из других стран. Нужно работать усердно, беспрекословно слушаться хозяев. Нельзя спорить. После девяти часов вечера нельзя ходить по улицам. По закону нарушителей этих порядков разрешается бить. Нельзя красть. За это могут повесить. Заводящих любовные разговоры с немецкими девушками и женщинами, за вступление с ними в интимные отношения также ждет казнь через повешение.

— А теперь подпишитесь здесь, что ознакомились с правилами и поняли.

После того, как приглашенные люди подошли к столу и подписались в указанном месте, полицей со-

брал бумаги, попросался и ушел. Затем бургомистр раздал каждому четырехугольные небольшие лоскутки из толстого полотна белого цвета, с голубой каемкой. В середине такими же голубыми буквами написано «ОСТ». Это означает, что работник прибыл с востока, точнее сказать, из Советского Союза. Табличку следует пришить на верхнюю одежду на груди, слева. Без такого знака нельзя появляться на улице. За несоблюдение порядка опять ждет наказание. Это как бы печать на человеке. Она показывает, кто этот человек, откуда и как попал сюда.

...Без работы время проходит медленно. Убивая его, Васюк походил взад и вперед в своей комнате, хотел было выйти на улицу, но вспомнил, как бургомистр предупредил о бирках и попросил у хозяйки иголку с ниткой.

На другой стороне улицы, прямо напротив, — большое двухэтажное здание. Внизу пивной бар, на верхнем этаже у окна с железными решетками стоит человек и смотрит на улицу. Когда Васюк приблизился, его грустное лицо засияло.

— Рус! — крикнул он радостно.

В окне появились еще несколько лиц.

— Рус.. Рус!..

Это пленные французские солдаты. Размахивают руками и что-то кричат, улыбаются приветливо и довольно. Вот перед ним упала пачка сигарет. Еще и еще... Васюк собрал их и поблагодарил. До сих пор он не курил, но как удержишься, чтобы не закурить, когда перед тобой лежит столько сигарет в красивой, яркой упаковке...

В этот день Васюк лег спать уже после обеда. Вечером, после работы в скотном дворе, немного поел и снова нырнул в постель. Лишь утром проснулся он со свежей головой, с легкостью в теле, чувствуя, что по-настоящему отдохнул.

Полевые работы большей частью возложены сейчас на Васюка и Курта. Отто Пакельмайер, хоть и возится потихоньку дома, в поле выходить не может.

Наверное, у фрау Фриды дел невпроворот — ведь все хозяйство держится на ней. Несмотря на то, что день-деньской работают вместе, между двумя молодыми людьми нет согласия. Немецкий паренек проявляет на каждом шагу, в каждом движении свое неуважение. При виде Васюка в его черных глазах появляется высокомерие, юное лицо становится неприветливым, теряет красоту... Участки Пакельмайеров в разных местах, к некоторым далеко добираться. Курт не шагает рядом с Васюком, пытается всегда идти впереди него, молчит. Если и говорит, то речь его груба и оскорбительна. Однако это не очень беспокоит Васюка. Он пытается понять этого мальчика, с которым приходится вместе работать: он же немец, представитель «благородной арийской расы». Все остальные — в том числе, конечно, и Васюк — достойны лишь служить немцам. Это внушают своему народу Гитлер и его сторонники. Что делать? В течение веков чью только голову не одурманивали такие безумные, бредовые идеи! Сколько горя принесли они и продолжают нести человечеству?

Курту, кажется, надоело молчать. Однажды, когда церковные колокола пробили десять часов, соблюдая немецкие обычаи, они сели за второй завтрак. После того, как пожевали бутерброд из тонкого ломтя булки, намазанного маслом, попили пива, Курт свалился на мягкую траву и некоторое время лежал, глядя в чистое небо.

— Василий, — услышал Васюк неожиданно, — где ты научился перебрасываться немецкими словами?

— В школе.

— Значит, в ваших школах учат наш язык. Правильно делают. Вот кончится война, и весь мир начнет говорить по-немецки, жить по немецким законам.

С того дня открытое презрение мальчика постепенно начало проходить, его немотивированная агрессия улеглась. Необходимость работать и жить бок о бок невольно заставила их терпимо относиться друг к другу.

— Курт, почему ты работаешь у фрау Фриды? — спросил как-то Васюк. — У вас же есть свое хозяйство — земля, скотина.

Тонкое лицо Курта, сидящего рядом на телеге со свежескошенной травой, вначале помрачнело, затем заметно погрузтело.

— Мы бедны. У нас мало земли, всего три гектара, — сказал он, играя с кнутовищем. — Леса нет. И коровы только три. Есть еще вол, и лошадь. Государству мало пользы от такого хозяйства. Фрау Фрида, ты сам видишь, сдает немало молока и мяса. Пока немецкое государство воюет. Война требует многого. Мы должны понимать это и стараться по-возможности помогать государству.

— Значит, ты ходишь работать к Пакельмайерам не по принуждению, добровольно? — удивился Васюк.

— Не-ет, — покачал головой Курт. — Этот порядок выдумали не мы...

— Ну, скажем, ты не согласен работать в чужом хозяйстве. Что тогда?

— На первый раз побьют... И меня, и отца.

— Ну... Предположим, и после этого ты все равно не пойдешь...

— В таком случае, отцу придется заплатить большой штраф. Меня все равно отправят к многоземельному богачу. Порядки и законы у нас таковы.

«Значит, и ты всего лишь слуга, сын бедного крестьянина, преданный Гитлеру человек», — подумал Васюк.

Если верить газетам, фашистская партия возникла и окрепла в Баварии. Когда выбирали рейхсканцлера Германии, за Гитлера больше всего голосовали в Баварии. Одобряют ли они сейчас заведенные фюрером порядки? (Курт не в счет, он еще ребенок, в его голове чаще чужие мысли.) Наверняка нет, иначе не были бы в законах угрожающие, уничтожающие человеческое достоинство слова, как «бить», «заставить платить большой штраф», «отправить принудительно».

— Говоришь, фрау Фрида сдает государству много продуктов, — не переставая спрашивает Васюк. — Она что, сдает не по принуждению?

— Ну, как сказать, — нехотя отвечает юный немец. — Сейчас война, для победы стране требуется многое. Фрида Пакельмайер понимает это... Кроме того, есть закон. Чем больше земли, тем больше скотины надо держать, тем больше мяса, молока и зерна надо сдавать.

Ага! Вот опять... Так... Сдавать...

— Откуда они знают, облагающие налогом, сколько коров в хозяйстве? Скажем, у твоего отца три коровы, а сдает он только две.

— Немцы не обманывают, — гордо сказал Курт. — Немцы правдивые люди. Ты не сравнивай их с украинцами и русскими...

Что правда, то правда. Немцы, действительно, очень честные люди. У них нет привычки обманывать, лгать, хитрить в отношениях друг с другом. Например, фрау Фрида заканчивает доить коров и говорит:

— Курт, Василий! Выставьте бидоны!

Полные посуды с молоком нужно лишь выставить на улицу перед воротами. Остальное выполняют работники местного молочного завода — приезжают и забирают. Там, наверное, взвешивают, проверяют качество... Может быть, и не проверяют. Обмана нет и не может быть. Еще один пример. Задумавший продать какую-нибудь скотину хозяин дает объявление в местной районной газете. К указанному времени покупатели приезжают, не взвешивая загружают и увозят. Деньги переводят позже.

— Немцы не обманывают. Такой возможности нет.

— Почему?

— От контрольной комиссии не скроешь. Люди приходят два раза в год и записывают, сколько голов скота в хлевах. Позднее по их количеству присылают бумаги с указанием, сколько мяса, шерсти следует сдать.

Однако утверждение Курта, что немцы никогда не обманывают, оказалось не совсем правдой. Но пока не время раскрывать это подробно...

В следующее воскресенье, после того, как проделали утренние работы и позавтракали, хозяйка зашла в комнату к Васюку.

— Василий, ты умеешь ездить на велосипеде?

— Нет, не умею.

— Пойдем-ка, — фрау Фрида открыла комнату с разной утварью и вытащила оттуда велосипед.

— Вот, учись.

Васюк согласился с удовольствием. Эх, как завидовал он в деревне молодежи, катающейся на такой машине... Сын крестьянина, живущего трудом на земле, мог только мечтать об этом. Теперь на чужой земле ему дают ее прямо в руки велосипед и велят научиться ездить. Фрау Фрида — практичный человек. Васюк понимает — так будешь меньше уставать по дороге в поле, быстрее доберешься, дольше будешь работать. Участки находятся в разных местах, до некоторых далеко идти.

Васюк вывел велосипед в поле между двумя селами, на ровную дорогу. Помучился, несколько раз свалился, ушиб ногу, сильно поцарапал локоть. Наконец, машина перестала капризничать и стала слушаться. И Васюк с удовлетворением привел ее в деревню.

На улице стоят трое: две девушки и парень. Нет, не немцы. Слева на груди у них прикреплена толстая холщовая бирка с надписью «ОСТ». Наши. Широколицый здоровый брюнет преградил ему дорогу, выставив ногу.

— Останови лошадь! — сказал он приветливо. — Познакомимся, поговорим. Откуда, дружище? Не изпод Ростова, случайно? Как зовут?

— Имя мое Василий. Из Винницкой области.

— Значит, хохол. Я русский. Кацап. Немцы хорошо знают мое имя. Называют Рус Иван.

— Я из Ленинградской области. Зовут Тоня. Я приехала в эту деревню вместе с Вами. Не помните? — взглянула одна из девушек с сияющими глазами на Васюка.

Длинные каштановые волосы заплетены в косы, аккуратно закручены и убраны на затылке. Глаза карие, при улыбке появляются ямочки на щеках. Тоненькое цветастое платье весьма подходит ей. Оно особенно выделяет талию девушки, ее ладную, красивую фигурку.

— Не помните меня?

— Конечно, помнит, — опережая Васюка, ответил Иван. — Как можно не помнить такую красавицу? Так ведь, Вася?

Васюк только улыбнулся. Слова Ивана как будто не воодушевили девушку. Бросив быстрый взгляд на парня, она положила руку на плечо стоящей рядом девушки.

— Это Ксана, — познакомила она. — Она приехала позавчера.

Молодежь постояла немного, беседуя о том, кто и как живет, каковы их хозяева, каковы здешние обычаи.

— Работы, конечно, достаточно, — сказала Тоня, грустно вглядываясь вдаль, — как в доме, так и в поле. К вечеру страшно устаешь. Но с другой стороны, в летнее время мы и в колхозе так же трудились, до рассвета выходили в поле, с наступлением темноты возвращались... Только слишком далеко от дома, — добавила она, вздохнув, — к тому же, чужие люди. Хочется увидеть маму.

— Я здесь уже три недели. Мои хозяева живут богато. Двое сыновей ушли на войну. Будто бы извещение о смерти пришло об одном из них. Старики кажутся нормальными. Но дочка... Фр-р-р! — как от озноба, повел плечами Иван. — Ей уже давно за двадцать. То ли от того, что замучилась без парней. Характер, ах, ее характер... Ну, настоящая ведьма... Постоянно придирается. Кормишь ли коров, убираешь ли хлевы, косишь и собираешь траву — ходит по пятам и проверяет. Сама что-то болтает на своем языке. Взгляд холодный, злой. Очень раздражает. Была бы моя воля, я бы ее.. А еда к тому же. Утром мешанка на молоке и

хлебе, называемая супом. На обед хоть варят что-то вроде супа, и запах мяса присутствует там. Давали бы хоть достаточно хлеба. Нарезают то-оненько, как лист бумаги. Разве это еда для мужчины. Кофе, кофе, без конца кофе... И утром, и днем, и вечером. Зачем мне их кофе?! Вместо него я попью и воду. Я мужчина, работаю. Ты меня корми сытно хлебом, мяса дай. К тому же, недосаливают... Тьфу!

— Каждая нация питается по-своему. Что делать... Надо привыкать. Ведь они и сами едят то же самое. И за это спасибо,— сказала Тоня.

— Я должна идти, — промолвила Ксана, взглянув на подругу.

Иван предложил девушкам немного погулять в поле, но те не согласились, скоро попрощались и ушли.

— Заставляют упрашивать... Тоже мне, — недовольно пробормотал парень, глядя им вслед.

— Одна очень молчалива. Слишком гордая?

— Кажется не поэтому, — сообщил Иван, сплюнув сквозь зубы. — Парень у нее здесь. Самой восемнадцать, тот на три года моложе. Влюбился, дурачок... Когда узнал, что Ксану отправляют на Немчину, пошел и попросил отправить и его вместе с ней...

— Вон как! — удивился Васюк. — Вот что делает любовь!

— Глупый... ребенок еще...

— А где же он? Почему они не вместе?

— Говорят, заболел. Будто бы лежит в тяжелом состоянии в хозяйском доме. Как ни просилась, Ксану туда не пускают. Вот она и не находит себе места. Бойтся за здоровье парня. Ведь из-за нее он оказался здесь.

— Оказывают ли врачи помощь таким, как мы?

— Говорят, врач посещает его каждый день.

— Кто тебе сказал, Ксана сама?

— Нет, друзья. Деревня же здесь. Все на виду.

— У бургомистра неделю назад я видел женщину с двумя детьми.

— А-а, знаю. Симпатичная. Лизой зовут.

— А дети? Как попали они сюда всей семьей?

— Говорят, будто поссорилась со старостой деревни. Тот из-за этого взял и записал Лизу в список. Ну, наверное, немцы не были против, чтобы взять и детей. Работают, но в разных местах, у трех хозяев... Ладно, поговорим о другом. Давай в следующее воскресенье сходим в соседнюю деревню. Недалеко. Наших там много. Девушки, парни...

В эту ночь Васюк долго не мог уснуть. Непонятная светлая радость и вместе с тем какая-то хрупкая легкая грусть охватила его. Вспомнились далекий дом, деревня, молодежные хороводы.

Когда Васька, паренек, не на игрище,
Ох, не нравится то Надюшке, Надюшке.

Надюш... Как она там? Вспоминает ли его? Затем незаметно выплыли из темноты девушки, с которыми сегодня познакомился, но теплый сон скоро заключил его в свои объятия.

Васюк не любит выходные дни. Нечем заняться на досуге. Тоска гложет сердце. После обеда они с Иваном договорились сходить в соседнюю деревню. Пока только прошло десять часов. Чем заняться?.. Подойдя к окну, выглянул на улицу и увидел парней, обсуждающих что-то. И Иван там. Поманив рукой, он позвал Васюка выйти. Когда тот подошел, о чем-то увлеченно рассказывающий Иван кивнул ему, ввел в курс дела, сказав «я о хозяйской дочери», и продолжил свой рассказ.

— Настоящая домовая. Черт в юбке. Без конца придирается. Надоело уже. А позавчера вот какая комедия случилась между нами. — В глазах Ивана заиграли веселые огоньки. — Убрал в коровнике и собираю навоз в кучу. Вот она подошла и схватила меня за руку. Тянет в коровник... Господи, боже мой! Что это еще значит? Я ошарашен, вытарашил глаза, во рту высохло все. Смотрю — болтает что-то с сердитым видом на своем языке. Ничего не понимаю. А она все тянет и тянет меня в хлев. «Истосковалась по мужику, бед-

няжка», — промелькнула в голове мысль. Посмотрел туда-сюда — никого нет... Что делать?..

Иван весело обвел своих товарищей взглядом, вытащил из кармана сигареты, угостил ими друзей. И сам степенно закурил.

— Ну, дальше... дальше? — спросили те.

— Хотел схватить. Да вспомнилось вдруг — две недели назад были слухи, что в соседней деревне повесили одного поляка за то, что завел роман с немкой.

— Это правда? — ахнули парни.

— Конечно, правда. Уже забыли, о чем читали и подписывались у бургомистра? Запомните, может быть, и вас кто-то потянет в хлев, как меня... Строго стоит за чистоту арийской расы Гитлер. Подумайте, не пожалел и женщину, немку, отправил ее в лагерь смерти. Вот так... Хорошо хоть, из этого ящика, — Иван постучал указательным пальцем по своей голове, — вовремя предостерегли. Иначе я запросто попал бы в петлю.

— Ну, потом... Что было дальше?

— Ну... Пришел на память тот бедолага, тот поляк и мое вскипевшее желание остыло. Но что поделаешь... Зашел за ней.

— И...

— А-а, — вяло махнул Иван рукой, — в углу осталось немного навоза, и она начала ругаться, почему я плохо почистил.

Слушатели засмеялись.

— Схватила лопату и показывает мне, как работать, обезьяна... Ну, ладно. Сегодня я при деньгах, пошли пить пиво, — позвал Иван, заканчивая разговор.

Баварское пиво известно во всем мире. Васюк пил его много. И в выходные с друзьями... И фрау Фрида не жалела его во время страды — и дома не было запрета, и в поле привозила ящиками.

После обеда Иван и Васюк медленно побрели в соседнюю деревню. Дорога прямая, асфальтированная. По обеим сторонам тянутся ряды яблонь. Плоды склонили гибкие ветви вниз. Погода тихая. Лето в этих

местах не жаркое, воздух прохладный, влажный. Чувствуется близость Атлантического океана. Парни вышли на широкую, чистую улицу. Здесь такие же ряды двухэтажных каменных домов. Небольшие сады, перед домами много цветов. Много праздного люда: одни не спеша прохаживаются, другие стоят и беседуют в группах по два-три человека — здесь и немецкие хозяева, и пригнанные издалека представители разных национальностей с разноцветными бирками, прикрепленными к верхней одежде. Вот навстречу идет девушка. Не успела она открыть решетчатую дверь во двор, сойдя с дороги, Иван успел ее окликнуть.

— Оля! Подожди-ка...

Девушка остановилась. Парни приблизились.

— Ну, привет! Как дела? Какие новости? — весело играя черными глазами, спросил Иван. — Не уехал симпатичный хозяйский сын Фриц обратно на фронт?

— Завтра уезжает.

— А ты, наверное, будешь плакать о нем.

— А зачем я должна плакать? Кто он мне, этот фашист!..

— Как кто? Не ты ли говорила, что влюбилась в него? — продолжал Иван дразнить.

— Когда это я говорила? Почему обманываешь? Я только сказала, что симпатичный парень, — девушка взглянула на молча слушавшего Васюка и почему-то покраснела. — Разве это означает, что я влюбилась? Болтаешь зря...

— Нет, я только намекаю, Оля. Ты, наверное, не знаешь, что такое любовь. Я ведь сам чуть не влюбился в хозяйскую дочь. Хорошо, что хватило ума, смог взять себя в руки. Как-нибудь расскажу тебе об этом. Где ваши парни?

— Что ты у меня спрашиваешь? Я за ними не хожу. Наверное, играют в карты у кого-нибудь.

— Пусть играют. Будь добра, позови-ка Аню, — Иван схватил Олю за руку и крепко сжал ее.

— Ну, ты... потише. Я могу и оплеуху дать, — сказа-

ла Оля сердито, отстраняясь от близко стоящего парня.

— Аня дома? Позови-ка, позови, — сказал Иван, как бы не замечая этого. — А-а, я же не познакомил вас. Это — Вася... Василий. Мы живем в одной деревне. Ну, вызовешь Аню? Иди-ка, иди.

Оля скрылась в большом доме. Скоро она вышла вместе с симпатичной девушкой среднего роста.

— Ну, девушки, — сказал Иван, как только те подошли. — Вася здесь недавно. Он хочет посмотреть на немецкий лес. Поведем? Оля, ты не против немного прогуляться?

Девушка изучающе посмотрела на Васюка.

— Не-ет, — протянула она. — Не против.

Она молода. Кажется, нет ей и двадцати. Ростом невысокая, лицо чистое, здоровое. Полные красные губы еще не потеряли детской пухлости. Почему-то ее глаза меняются на солнце: то голубые, то сияют зеленым цветом.

Они повернули с мощеной дороги и пошли по полю. С обеих сторон земельные участки, на них растет картофель, зреет пшеница. Виднеются и цветущие луга, и грядки с овощами. «Пшеница приобрела золотистый цвет, а колосья клонятся к земле. Скоро выходить жать», — подумал Васюк.

— Из-за того, что Оля слишком торопила, я даже не успела как следует причесать волосы, — сказала кареглазая Аня, которой давно уже за двадцать. Как бы намекнула: смотрите, как они хороши у меня. Девушка не спеша провела по распущенным волосам рукой, закрутив, закрепила их шпильками на затылке. Затем она взглянула в глаза Ивану, заманчиво улыбаясь, и задорным голосом запела:

Я Ивана так люблю,

Молодого так целую.

Ой, Иванко, сердце мое,

Нэма краше як нас двое.

Гордо улыбаясь, Иван обнял девушку за талию, затем они стали толкаться и играть, шутя гоняться друг за другом, и оставили Васюка с Олей одних.

Васюк мучился, не зная, как начать разговор. Ну... Не находится ни одного подходящего слова. Как будто кто-то крепко завязал язык. Нельзя так молчать, нехорошо... К счастью, прямо над их головами пролетели две красивые бабочки, порхая красно-синими крыльями.

— Ах-х! — Оля протянула руки и не заметила, как сделала несколько шагов по рыхлой пашне, потеряла равновесие и схватилась за руку Васюка, чтобы не упасть.

— Жаль, улетела, — улыбнулась девушка весело, затем встала на одну ногу и вытряхнула землю, попавшую в туфлю. Васюк хотел попросить девушку опереться на него, но не посмел.

— Зачем Вам бабочки? Пусть летают.

— Мы коллекционируем их. Там у нас дома сорок две разновидности бабочек. Такой нет. Жаль, не поймала, — пояснила девушка.

— Мечтаете стать исследователем?

— Не-ет. Несколько лет назад, после того, как учитель рассказал о бабочках, начала я их собирать. Какие они красивые. Какие там разные цвета. Потом немного бледнеют, правда, но все же... Отец называет их живыми летающими цветками. Он любит рисовать, хоть и учился мало. И я, наверное, пошла по его стопам, тоже люблю возиться с красками. Отец хотел, чтобы я училась по этой части. Но закончила девять классов, и началась война. Пришли немцы, — светившиеся глаза девушки вдруг потемнели, руки опустились. Оля вздохнула и умолкла.

— Вы здесь давно?

— Когда пришли немцы, школы закрылись. Начали хватать молодежь и отправлять в Германию. В прошлом году меня оставили в покое. Нынче не смогла спастись. Теперь я прислуга. По приказу хозяев встаю спозаранку, с наступлением темноты ложусь спать, ухаживаю за скотиной, дою коров, кошу сено. Отец на войне, жив или мертв — не знаю...

Разговор опять прервался. Снова какое-то время шли молча.

— Вася, — вновь заговорила Оля. — Как вы думаете?.. Неужели наши не победят? Неужели и дальше будут немцы хозяевами? — девушка направила взгляд на Васюка. В нем почувствовалась откровенная душевная боль.

Но что мог ей ответить Васюк? Два месяца, как он попал в плен. С того времени он не слушал радио, не брал в руки газету. Хозяйка получает их, газеты лежат в ее комнате. Если попросить, может, и позволит полистать. Но что от этого толку? Не будешь же сидеть и читать со словарем, как в школе. Недавно Курт хвалился, что скоро и Сталинград, и Кавказ будут в их руках. Будет или не будет? Поговорка гласит: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Но все-таки, если хищный Гитлер зарится на Сталинград и на Кавказ, наши дела, наверное, все так же плохи.

— Думаю, и сама на себя сержусь. На кого мы трудимся с утра до вечера? Куда уходят наши силы? Кто ими пользуется? Но что поделаешь? Если скажешь против них, только неприятностей наживешь. Эх, были бы здесь партизаны, — промолвила девушка подавленно.

Когда пришли в лес, лицо Оли снова посветлело. Она долго смотрела, закинув голову, на высокие сосны, тянущиеся в небо.

— Как здесь чисто. Нет ни мусора, ни сухих веток. А воздух какой свежий и ароматный, — девушка огляделась вокруг. — Аня! Где вы? Идите сюда!

Никто не откликнулся. Лишь какая-то птичка прошебетала нежным голоском и сразу же смолкла, будто бы вспомнив, какое сейчас время. Неторопливо прохаживаясь по зеленой траве на опушке леса, Оля погладила ствол стоящей чуть поодаль белой березы, сорвала несколько цветков и стала их рассматривать.

— Аня-а!

— Ау-у! — слышалось прямо за спиной. — Вот они где!.. А мы ищем вас в лесу, — смеиваясь, подошла веселая Аня. За ней показался Иван с довольным видом.

— Где вы плутаете? Мы вас звали и ждали.

— Ваня решил поискать грибы, — шутливо отозвалась Аня.

— А что вы стоите на опушке. Пойдем на поляну, поиграем в карты, — предложил Иван.

Когда солнце стало клониться к закату, они вернулись в деревню.

— Встретимся в следующее воскресенье? — спросил Васюк, останавливаясь перед домом, где жила Оля.

Девушка ответила не сразу. То ли она вспомнила о чем-то, на миг ее тонкие брови шевельнулись и сдвинулись, лицо потемнело, затем снова посветлело, на губах засияла теплая улыбка.

— Не нужно приходить, — сказала она, попросилась, быстро повернулась и скрылась во дворе.

Это означало, что нет желания встречаться. Васюк неторопливо закурил, задержался, будто ожидая чего-то, затем повернулся и пошел обратно. Только вышли из деревни, его догнали два парня, подошли с двух сторон. Один рослый, руки его здоровые и жилистые, другой ниже, со светлыми кудрявыми волосами.

— Надо поговорить, — сказал широкоплечий, грозно глянув на Васюка. — Что это ты завлекаешь девушек из чужой деревни? Или не можешь найти у себя? Или тебе не хватает одной?

— Вы о ком, об Оле?

— И о ней, и не о ней. На первый раз предупреждаем. Больше не ступай ни шагу в эту деревню к девушкам...

— О-го-о... Значит, пугаете. Но это решает девушка.

— Мы решаем, — коротко и холодно отрезал черноволосый парень.

— Если бы были там, у себя, не стали бы много говорить... Ты не помнишь меня? — холодные глаза испытующе посмотрели на Васюка. — Я видел тебя еще в своей деревне Халаидово и знаю, кто ты. Наш староста Мартын Демьяныч спас своего родственника, отправив тебя, беглеца из немецкого лагеря, на Немчину. Если власти узнают об этом, тебя не погладят по голове, а?

— В таких случаях говорят, от судьбы не уйдешь, — ответил Васюк. — Напрасно угрожаете. Оля хорошая, симпатичная девушка. Но она не согласилась больше встречаться со мной.

— Правда? — резко повернулся к нему молчавший до сих пор второй парень. — Так и сказала? — его горячая рука коснулась Васюкиного плеча и крепко стиснула, его лицо радостно засияло.

Парни расстались мирно.

Вот так катится колесо судьбы по новой жизненной дороге. В четыре часа хозяйка будит Васюка. По утрам и вечерам все трудятся, кормят, поят скотину, убирают в хлевах. Днем в поле. Но какая бы горячая ни была пора, по воскресеньям никто не выходит в поле. Все отдыхают. Свой досуг каждый проводит по своему усмотрению — большинство немцев идут по утрам в церковь, затем мужчины любят посидеть в пивном баре, женщины посещают друг друга. И пищу принимают немцы в одно и то же время — первый раз в шесть, затем, когда прозвенят церковные колокола, в десять, в двенадцать и в пять. Лишь ужин не имеет своего определенно часа. Это зависит от того, когда справляются с работой. Таким образом, по заведенному веками пути проходит, плывет, бежит монотонно жизнь. Васюк уже стал привыкать к ее порядкам.

Однажды фрау Фрида протянула ему несколько бумажек с портретом Гитлера.

— Это тебе за месяц работы.

— Спасибо.

По словам друзей Васюк знает — немецкие хозяева платят им всем по восемнадцать марок.

— Вы, наверное, неправильно посчитали, фрау Фрида. Здесь тридцать марок, — Васюк протянул деньги обратно.

— Все правильно, — услышал он. — Я и впредь буду платить тебе так же. Если хочешь что-то купить, могу дать и за месяц вперед. Проси, не стесняйся. В соседней деревне есть лавка. Но сейчас магазины не богаты. Война...

Снова удивила фрау Фрида Васюка. Почему она платит ему больше, чем другие? От того, что душа добрая? Или ей нравится, как работает Васюк?.. Честно говоря, он никогда не работал спустя рукава. Это привычка с детства или он родился таким? Может быть, и то, и другое... Нравится Васюку работать в поле. Это успокаивает душу, гонит тяжелую тоску, напоминает о том, как он трудился на родине. Сравнить бедное крестьянское хозяйство с богатой немецкой фермой с большой площадью земли и большим количеством скота кажется смешным, но Васюк видит и что-то общее. Это усердие, аккуратность, любовь к земле. Как усердно трудились его родители на своем малом участке земли! Как старательно пахали, бороновали, разбивая крупные комья. Весь навоз без остатка вывозили. Весь урожай тщательно убирали. Не оставляли ни колоска.

Тридцать марок. Чудно... Васюк положил деньги в шкаф и задумался. Действительно, до сих пор он не видел ничего плохого со стороны фрау Фриды, не чувствовал с ее стороны высокомерного отношения, осуждения, неуважения. Вот и сегодня... Обещала дать деньги за месяц вперед. Васюк, конечно, не взял. Зачем ему иностранные деньги? К здешней еде он привык. Одежды не нужно. Вещи? Для кого покупать? Кому дарить? Пока жизнь такова — сегодня жив, здоров. А завтра... Кто знает, что будет завтра?..

Три дня назад Васюка удивил и старый хозяин Отто Пакельмайер. Хотя ему и немало лет, не остается он в стороне от домашних работ. Каждый день выходит по утрам и вечерам к скотине. Особенно любит старый хозяин возиться с лошадьми — кормит их и поит, аккуратно чистит скребком, протирает, поглаживает. Никому он не доверяет эту работу... Одинокий старик, может быть, поэтому сторонится всех, говорит мало, лишь нехотя разговаривает по необходимости. Васюку кажется, что он его откровенно презирает, будто не замечает совсем. И самого, оказывается, не очень любят, хоть никогда и не слышали ссор и спо-

ров, не чувствуется теплоты в отношениях со снохой. Курт, этот четырнадцатилетний парнишка, относится к старому хозяину совсем неуважительно, за глаза дает обидные прозвища, дразнится иногда.

— Василий! — прозвучал как-то раз голос старика. Кормящий кроликов Васюк поднял голову. В дверях конюшни стоит старый Пакельмайер, пальцем показывает: иди сюда.

— Вот тебе раз! Это еще что означает?

— Почисти-ка лошадей, — промолвил старик, тяжело дыша. Он прислонился к стене и вытер белым платком пот со лба. — Почему-то чувствую слабость, устал...

Васюк усердно поскреб всех трех лошадей, протер щеткой, погладил.

— Хорошо. Умеешь, — оценил Пакельмайер. — Вот что, Василий, — сказал он, подойдя поближе. — Болею я. Если слягу, возьми эту работу на себя. Не доверяй Курту, не пускай его к лошадям, — как бы хлопая, он тихо коснулся его плеча своей морщинистой рукой, вышел из конюшни и побрел в дом...

К счастью, он недолго лежал, выздоровел и снова стал выполнять свою работу.

Воскресным утром, время было еще до обеда, в деревенской тишине зазвучала песня. Васюк сначала глянул в окно, затем вышел из комнаты и подошел к решетчатой двери. По улице идет колонна марширующих людей по четыре в ряд. Молодые ребята. Все в одинаковой форме песочного цвета — девочки одеты в короткие юбки и блузки, на мальчиках рубашки и шорты. На левых рукавах — черная свастика — эмблема фашистской партии.

— Гитлерюгенд, — сказала подошедшая фрау Фрида. — Сегодня у них учебный день. Еженедельно они собираются так... Узнаешь Курта? Вон он, идет в третьем ряду.

— Разве Курт гитлерюгенд?

— А ты не знал? Он очень доволен этим. Как он выдержал до сих пор, не похвалился перед тобой?

Красиво маршируют. Дружными рядами, как один, печатают шаги. Звучит песня — «Дойчлянд, Дойчлянд, юбер аллес» (Германия, Германия, ты выше всех). Известная песня. Васюк ее слышал. По радио передают часто.

Гитлеровская молодежь. Четырнадцати-пятнадцатилетние дети, собранные из близлежащих деревень... Немецкая и арийская раса. Курт... Он хороший мальчик, когда не думает о мировом господстве. С ним приятно и поболтать, и пошутить. Но до какой степени замутили, испортили его сознание. Какие ужасные мысли крутятся сейчас в голове ребенка!..

— Ну, скажем, завоюете весь мир, — сказал как-то Васюк, возвращаясь с Куртом с поля, загрузив соломой телегу, когда тот опять стал хвалиться успехами немецких войск. — Ну, будет арийская нация главенствующей... И что? Что вы хотите делать дальше?

— В первую очередь очистим нашу землю от разного сброда, никчемных народов, — сказал гитлерюгенд, играючи ударяя кнутом о траву на обочине дороги. — Ни одного еврея не останется в мире.

— Почему вы их не любите?

— Евреи не достойны жить. Они не трудятся, а стремятся только обогатиться, лгут, обманывают... После войны и поляков ждет та же участь.

— А этих почему вы хотите уничтожить?

— Поляки, как и евреи, и цыгане, не достойны жить. Мы их уничтожим всех до одного. Но не сейчас, а когда закончится война. Пока нельзя. Иначе весь мир может восстать против нас. Сначала надо поставить на колени этот мир. Тогда никто не посмеет грозить нам...

— А русских? Хотите уничтожить и их?

— Русских?.. Ну, их слишком много... Не всех... К тому же это вполне трудолюбивый народ...

«Какими людьми они станут, эти стройные молодые ребята с нежными лицами через три-четыре года, если Гитлер действительно победит? — подумал Васюк, вспоминая слова Курта. — Какую дикую цель поставил перед ними их «любимый фюрер!»

После того, как фрау Фрида выдала зарплату, Васюк прежде всего выписал газету. Называется «Пашня», издается на русском языке. Если верить ее сообщениям о положении на фронте, у Курта все же есть основания хвалиться. Немецкие войска продолжают продвигаться на восток. Наши отступили больше. Сколько земли, сколько городов захватили фашисты за короткое время! Дон и Кубань в их руках. В огне и Северный Кавказ, и Сталинград. Оккупанты дошли до Волги! Неужели не остановят?..

Васюк болеет сердцем за свою Родину. Там родительский дом, мать и отец, там Надюш... Всеми фибрами души он тянется в те края. Волнуют и мысли о собственной судьбе. Далеко отсюда, на российских землях, идут жесткие бои. Васюк тоже должен быть там. Но он во вражеских руках, добровольно помогает ему. Эх, нельзя исправить прошлое! Нет, к сожалению, таких возможностей!.. Земля Бавария далеко от фронта. Местная власть тоже не дремлет. Хоть и не запрещают привезенных на рабский труд встречаться друг с другом по выходным дням, проводить свободное время вместе, но не забывают их проверять, интересоваться их жизнью, проводить обыски в их комнатах.. Однажды Васюк принес из леса ветку шиповника. Довольно массивную, прямую с шипами, выстругал ножом. Принес и поставил в углу в своей комнате.

— Василий, — сообщила фрау Фрида после ужина. — Сегодня здесь была комиссия. В твоей комнате увидели палку. Зачем ты принес ее? — хозяйка вопросительно посмотрела на Васюка.

— Просто так. Вырезал и сделал палку.

— Полицей говорит, что ты принес ее, чтобы побить кого-то. Грозился, что тебя вызовут в участок и побьют этой палкой. Смотри, будь осторожней впредь...

Вот тебе на! Из-за пустяка случилось бы несчастье...

— Спасибо, фрау Фрида, за предупреждение...

Так они жили, две расы, разделенные по воле Гитлера. Одна — благородные немцы, рожденные править миром, другая — русские, украинцы, чехи, по-

ляки, короче говоря, представители других наций, привезенные из-за рубежа. Их обязанность — быть слугами. Хоть и жили в одном и том же доме, делали одну и ту же работу, эти люди с разными судьбами никогда близко не общались, как будто невидимый барьер отделял их друг от друга. Хозяева одевали, кормили слуг, даже платили за работу какие-то деньги, не мешали проводить свободное время по своему усмотрению. Пусть живут, работают, слушаются хозяев, но не нарушают немецких законов.

4

Когда подувший с запада легкий ветерок немного рассеял густой туман, покрывший белым покрывалом молчаливую округу, Васюк заметил тонкую девичью фигуру. Догнав ее, он нажал на звонок велосипеда. Девушка посторонилась, затем оглянулась.

— А, Тоня, это Вы, — узнал парень девушку, с которой недавно на улице беседовал Иван. — А я гадаю: кто? Спешите на работу?

— Велели косить сено. А Вы?

— И мне велели делать то же. Кажется погода проясняется.

— Вон появился круг солнца. Скоро облака рассеются.

— Давно Вас не видел, — продолжил парень после недолгого молчания. — Не выходите гулять по воскресеньям?

— Мы с Ксаной любим сидеть дома, — ответила девушка, убирая невидимый волос с глаз. — Вышиваем. Хозяйка дала мне лоскутки, разноцветные нитки. Надо же чем-то заняться в свободное время. Без работы тоскливо... Вот и солнце появилось, — добавила она, повеселев. Сегодня будет хороший день... Ну, я дошла. До свидания.

Вечером, возвращаясь с работы, Васюк снова догнал ее.

— Это опять Вы, — сказала девушка. Ее карие глаза вспыхнули приветливо, на щеках появились круг-

лые ямочки. — Хозяин тоже учит меня ездить на велосипеде, а я до сих пор никогда не пробовала и очень боюсь упасть и ушибиться.

— Нужен помощник.

— Ага... Вот именно, — вежливо кивнула Тоня, затем бросила быстрый взгляд на Васюка, как бы собираясь что-то сказать.

— Послезавтра выходной... Если согласны, пожалуйста, позовите, — неожиданно осмелев, предложил парень.

— Правда? — снова обрадовалась Тоня. — Хорошо. Дам знать...

Между деревнями проложена ровная асфальтированная дорога. Несколько недель назад Васюк учился здесь сам ездить на велосипеде, теперь помогает Тоне. И на этот раз двухколесная машина не хочет сдаваться легко — она постоянно клонится то в одну, то в другую сторону, то и дело валится. Наконец, несмотря на то, что колеса, не слушаясь, все так же делали повороты из стороны в сторону, Тоня поехала, оставив Васюка далеко позади, затем повернула с дороги и свалилась на траву. Сразу вскочила, потеряла локоть.

— Больно ушиблись? — подбежал Васюк.

— Смотри, как далеко я поехала. Самостоятельно, — ответила девушка. Она гордо подняла голову и смешно сморщила нос. Ее лицо, порозовело, стало еще краше, глаза, направленные на Васюка, весело сияли. На пухлых губах играла легкая улыбка. — Давай еще... Помоги взобраться...

Кажется все вокруг осветилось и стало ярче. Отчего-то на сердце стало легко, радостно... Но...

— Послушай, — подошел как-то к Васюку Иван. — Говорят, вы с Тоней гуляете каждый день за деревней, катаетесь на велосипеде. У вас что, любовь?

— Зря болтаешь, — ответил Васюк, чувствуя, как неожиданно кровь бросилась к лицу. — Нет у нас времени на прогулку. Хозяева постоянно требуют работать. Случайно совпала дорога на работу и обратно...

— Правда, только случайно? — сверкнул Иван своими черными глазами. — Послушай, — сказал он снова. — Я хотел бы поближе познакомиться с этой девушкой. Но почему-то она редко появляется на улице и при встрече не хочет слушать меня. Или стесняется, или набивает цену. Черт их знает, этих женщин... Скажи-ка ты ей, мол Ивану ты очень нравишься.

— Как?.. — от неожиданности Васюк вдруг запнулся. — А Аня? У тебя же есть Аня?..

— Аня, — проговорил Иван тусклым голосом. — Перестала она привлекать меня, как раньше. Сам знаешь, постоянно одна и та же пища надоедает...

Услышав это, Васюк растерянно замолчал, сердце вдруг стало горячо биться от раздражения.

— Иван, какой ты бесстыжий!

— Ну ладно, ладно... Я пошутил. Честно сказать, Тоня нравится мне давно. Ну как, намекнешь? А?

Кажется, есть какая-то сила у Ивана, подавляющая волю Васюка, — то ли нахальство, то ли дерзость — кто знает. Ему не хватило мужества возразить, только кивнул против воли, молча.

— Смотри, я надеюсь на тебя. Ты дал слово. Теперь пошли пить пиво.

Значит, Иван положил глаз на Тоню. Парень, конечно, здоровый, симпатичный, смелый. И язык у него подвешен, говорит гладко. Перед девушками не робеет, как Васюк, не мучается, пытается завести разговор... Нет, несколько не хочет Васюк сообщать об этом Тоне. Надо было повернуться и уйти, как только Иван упомянул имя девушки. А он, глупец, согласился.

Все-таки нужно, наверное, сказать. Если поставил цель, Иван все равно найдет способ свидеться с ней. Человек он такой... К тому же, что это он так беспокоится о Тоне?.. Кто она ему? Девушка из далеких краев, с которой судьба свела жить в одной деревне и с которой он несколько раз виделся. Пусть думает сама, не ребенок. Если ей нравится Иван, ее воля, насильно не удержишь...

— Тоня, есть тут один парень, он велел передать Вам привет и сообщить, что Вы ему нравитесь, — посмеиваясь, чтобы скрыть свое волнение, проговорил Васюк.

— Кто? — направила девушка свой изучающий взгляд на парня.

— Вы его знаете, часто видите. Не раз он намекал о своих чувствах Вам. Но Вы...

— Иван? А-а, Иван, — сказала девушка, вяло махнув рукой. — Нет, душа моя не лежит к нему, — она задумалась и помолчала. — Есть тут один парень... Нравится он мне, — добавила на тихо. Девичье лицо просияло застенчивой улыбкой. — Но, кажется, ему я не нужна. Иначе зачем ему приносить приветы от других парней, — покраснев, опустила голову, круто повернулась и ушла торопливыми шагами.

— Тоня!

Девушка не остановилась, вошла во двор и исчезла из вида.

«Не дурак ли я после этого? — ругал Васюк себя. — Не подумав, как следует, не зная настроения девушки, вместо того, чтобы признаться, что она понравилась мне с первого взгляда, я пытаюсь оказать услугу этому проходимцу Ивану...» Ах, тяжело на сердце у парня, тоска и раскаяние гложут его.

И на следующее утро по дороге на работу, и вечером Васюк не увидел Тоню. Он не знал, что теперь она работает на другом поле. «Нарочно избегает встречи, — вздыхал Васюк. — Что она думает теперь обо мне? Какими словами отзывается, как смеется надо мной...» Однако, говорят, надежда умирает последней. Эта надежда торопила Васюка встретиться с девушкой, не теряя времени.

Осенний вечер. Кромешная темнота вокруг. Нигде ни зги не видно. Но глаза постепенно привыкают к темноте. Проходят люди, тут и там слышно, как разговаривают и хохочут парни и девушки. Где-то на краю деревни лает собака, дует западный влажный, прохладный ветер.

Тоня живет рядом. Чтобы прийти к ним, нужно лишь пересечь улицу и пройти вдоль маленького сада. Но все-таки, как туда войти?.. Во дворе большая злая собака. Надо было прийти днем. Но он все время был занят. Вначале возил навозную жижу для компоста на поле, затем хозяйка велела зашить прохудившиеся мешки. Немцы не разрешают сидеть без дела. Найдут любую работу, пусть и ненужную, бестолковую.

Васюк подошел к длинному двухэтажному дому. Его зоркий взгляд заметил возле решетчатой двери во дворе три фигуры. То ли увидев, то ли почувствовав душой, Васюк сразу узнал одну из них. Тоня!.. Сердце парня заколотилось. Он тихо подошел к группе, поздоровался. Двое других оказались Ксана и ее юный друг Микола.

— Ну, мы пошли, — сказала Ксана, сразу, как подошел Васюк. — Спокойной ночи...

— До свидания. Вам тоже спокойной ночи.

«Наверное, Ксана знает о нашем вчерашнем разговоре. Поэтому они быстро ушли», — мелькнуло в голове.

— Зайду и я. Спокойной ночи и Вам, — девушка собралась открыть дверь.

— Тоня! — позвал Васюк.

Она остановилась и замерла, не оглядываясь и опустив голову.

— Я слушаю... Говорите... Опять послал Иван?

— Прости за вчерашнее. Не сердись, — сказал Васюк, волнуясь. — Не будем вспоминать... Забудем его... Ладно? Для меня нет никого в мире дороже тебя. Ты, только ты одна... Верь...

Видя, что девушка все еще молчит, опустив голову, Васюк сделал шаг в ее сторону, робко коснулся ее талии, обнял ласково и нежно. Горячие губы парня коснулись приоткрытых пухлых губ... Шершавые от работы руки девушки обхватили Васюка, Тоня пристально взглянула в его глаза.

— Любишь?

— Люблю.

— Я тоже...

Образ Надюш, как светлое облачко в небе, стал таять и рассеялся, погас и исчез. Теперь с Васюком всегда и везде Тоня. Как только остается один, перед глазами парня выплывает Тоня, он видит ее образ, вспоминает слова, слышит их, радуется и волнуется.

— Любишь? — спрашивает девушка, не сводя сияющих счастливых карих глаз с парня.

— Люблю, — взволнованно шепчет Васюк. — Для меня нет на свете человека дороже тебя. Верь...

— И для меня...

5

Прошло лето. Работы на полях постепенно становилось меньше. Хлеба убраны, обмолочены, очищены, привезены и заложены. Проведена осенняя вспашка, посеяны озимые. Теперь копают картофель. Когда уберут капусту, можно будет сказать, что работы с зерном и овощами закончены.

Природа уже изменила свои краски. Буйно зеленеющие луга потемнели, трава по обочинам дороги поблекла. Цветов не видно. Полуголые деревья потеряли летнюю красоту. А листья все падают и падают на землю. Осенний ветер играет ими, шурша, кружит, швыряет, а некоторые уносит далеко. Лишь хвойные леса как будто не замечают изменений, не меняют свою вечнозеленую одежду. В полях не слышно пения птиц. Только грачи летают неторопливо, лениво распластав крылья. Прохладно. Дует холодный северный ветер. Часто черные тучи закрывают золотое солнце. То светло, то темно.

Телега, запряженная волом, свернула с мощеной дороги между межами и выехала на гладкий асфальт, медленно покатила в деревню. Сидящие на мешках с картошкой Васюк с Куртом молча посматривают по сторонам. Трасса пуста. Лишь иногда появляются сзади или спереди подводы с волами или с лошадьми.

Яблони, растущие по обеим сторонам дороги, украшают поля, где хозяйничает осень. Их много, вдоль

всей дороги. Гибкие ветки гнутся от разноцветных крупных яблок. Воздух наполнен их ароматом.

— Давай сорвем, — сказал Васюк.

— Нельзя, — коротко ответил Курт. — Не наши.

— А мы немного. Пожевать до дома, никто ведь не видит. Смотри, сколько валяется на земле.

— Не наши, — сказал Курт опять решительно. — Кто посадил, тот убирает... Немцы так не безобразничают, — гордо поучая, добавил он.

«Действительно... Правильно, — подумал Васюк, продолжая разговор про себя. — Что касается этого, немцы очень порядочные люди. Но ведь фашисты — тоже немцы. Вероломные нападения на чужие страны, разжигание войн, политика уничтожения некоторых народов мира, ведь тысячи людей сгинули в крематориях... Это тоже немцы... Сколько лет уже пылает пламя войны, начатой Гитлером? Сколько лет продолжают фашистские сапоги топтать земли разных народов, грабить, проливать кровь? Курт тоже предан ему душой. Готов по одному его требованию, не раздумывая, проливать кровь. И где здесь правда? Где справедливость, порядочность?» — так спорил Васюк в мыслях с этим хвастливым глупым ребенком, но вслух ничего не сказал, вытащил из кармана газету, развернул и начал читать. Здесь, определенно, много врут. Но если из ста слов одно-два отражают правду, то можно, наверняка, найти истину. Давным давно уже немецкая пресса начала хвалиться, что Сталинград сдается главным немецким войскам, что Волга встретит на днях великих победителей? Но этого до сих пор не случилось. Оказывается, фашистским войскам «приходится подавлять жестокое сопротивление русских». Значит, наша страна борется. За каждую пядь земли, каждый дом, каждую улицу...

Как-то раз, с наступлением холодов, во двор прихромал комендант — тот, который привел Васюка и еще трех молодых ребят из Вайсенбурга. Фрау Фрида позвала его заколоть свинью. Надо сказать, мастерски справился комендант Штраус с этой работой.

— Василий, — позвала фрау Фрида после того, как он вырезал острым ножом нутряной жир и положил его в тарелку. — Иди, спрячь тушку.

«Спрятать? От кого? Зачем?» — удивился Васюк. Позднее он узнал: учитывая площадь земли и количество членов в семье, большую часть заработанной за год прибыли немецкий крестьянин должен отдать государству. Согласно этому закону, фрау Фрида может оставить себе только одну из десяти выращенных свиней... Как ни экономь, мяса одной свиньи на четырех человек в год, конечно же, мало. Поэтому... Что делать? Как говорят, хочешь жить, умей вертеться.

— Где спрятать, фрау Пакельмайер?

— Положи в зерно.

В кладовых на втором этаже зерна навалом. Васюк аккуратно завернул тушку в чистую простыню, разгреб зерно и хорошо прикрыл. Еще через два-три дня хозяйка опять заглянула к Васюку.

— Завтра придет комиссия, Василий. Спрятать бы кроликов.

Васюк вышел во двор и внимательно осмотрелся вокруг. Много построек. Но где можно спрятать? Где найти место понадежнее? Вошел в сарай. Взгляд остановился на куче сухого хвороста в углу. Недавно они с Отто и Куртом возились целый день в лесу, собирали сухие ветки, срубали их с деревьев, связали аккуратные вязанки, привезли домой и сложили в сарае. Васюк, недолго думая, отодвинул хворост и поставил два ящика, где держали кроликов, и хорошенько спрятал их, обложив вокруг вязанками. Только оставил сверху отверстие, чтобы давать корм. Таким образом укрылись от глаз комиссии восемь кроликов.

— Фрау Фрида, — не удержался от вопроса Васюк после этого. — Вы не боитесь, что Курт донесет на вас? Он ведь гитлерюгенд, мечтает вступить в партию фашистов.

Хозяйка лишь махнула рукой.

— Ему нет от этого никакой выгоды. Как он будет жить, если меня арестуют? Куда он пойдет? Ходить в

другое село за несколько километров? Нет, не дурак наш Курт. Это он соображает. Жить-то надо, фашист он или нет...

Вот так. Говорят, нужда учит. Если нет выгоды, и преданный своему господину юный гитлеровец «не видит и не слышит» нарушения законов, и комендант забывает наказания фюрера...

Подойти хочу к тебе,
Подбежать хочу к тебе.
Лишь шестьдесят минут в часу,
Дольше быть с тобой хочу, —

пели в хороводе девушки в Васюкиной деревне. Действительно так. Хочется видеть беспрестанно, смотреть на лицо с ямочками на щеках, хочется слушать голос любимой девушки. Ах, Тоня, Тоня! Первая любовь это у Васюка? А Надюш? И Надюш он любил. Но не так, как сейчас. Как нераскрывшийся цветок было то первое чувство. Не успело порадовать душу своей красотой, не принесло счастья. В несбывшихся мечтах остался этот едва успевший распуститься цветок. Остался и постепенно потускнел, потерял свою красоту. Отдалился и растаял.

Теперь Васюк живет только ожиданием вечера. Уже прошли сутки, как он не видел любимую девушку. Днем недосуг встречаться, с утра до вечера поручают одно дело за другим. К счастью, дни становятся короче. И как только наступает вечер, парень наспех передевается и бежит к дому, где живет его любимая... Тихо открывая ворота, выходит навстречу Тоня. С счастливым смехом бросается на шею, вглядывается в его глаза, говорит нежные, ласковые слова...

Однако сегодня Тоня не встретила Васюка с веселым видом, как обычно, не бросилась обниматься. Лишь посмотрела в его глаза грустно и задумчиво.

— Ты слыхал? Знаешь? — спросила она.

— Что... Что случилось?

— Ивана избили... Очень сильно... Говорят, не может стоять на ногах, плашмя лежит.

— Кто? Из-за чего?

— Их было трое. Два полица, другой гитлерюгенд.

— Курт что ли?

— Нет, не он, — покачала головой Тоня. — Другой паренек. Сказали, из соседнего села.

— А что случилось? Почему избили?

— Ну, сам понимаешь, какой Иван. На работе всегда шалай-валяй. А покушать любит: «Почему так мало хлеба? Почему молоко? Почему мало мяса?» Не хочу заступаться за немцев, но ведь они едят с нами ту же еду... Не понимает этого Иван. Вовсе не думает о том, где он, зачем сюда приехал.

— Знаю я Ивана. Это действительно так. Но чтобы вызвать полицию и так избить, нужна была веская причина.

— Этого не знаю, — покачала головой Тоня. — Ксана не рассказала мне, почему.

Начало моросить. И погода прохладная. Тоня поспешила зайти, чтобы не намокнуть. Васюк пошагал обратно по темной улице.

— Вася Митаев, это ты? — окликнул его кто-то около соседнего дома.

«Кто же это?» — подумал Васюк, не узнав зовущего по голосу. Он уже знает многих из деревенской молодежи. Не только тех, кто приехал из Советского Союза, но и из других стран Европы. Здесь люди разных национальностей. Отовсюду — из России, Украины, Белоруссии... Много чехов, албанцев, поляков... В некоторых домах работают по двое, по трое. Женщины, девушки, мужчины, парни, есть двенадцати-тринадцатилетние дети. Вдобавок, пленные... Короче говоря, сейчас вся Европа — до самой Волги — работает на благо гитлеровского государства.

— А-а, это ты, Тимур, — ответил Васюк, подойдя поближе к человеку, окликнувшего его.

— Куда торопишься?

— Понятно куда. Спать.

— Спать? Так рано?.. А я вот жду Толю Майструка. Мы собрались идти к Алеше Хажило. Пойдем играть с нами в карты...

— Ты слышал, что Ивана избили? Кто это его? За что? — спросил Васюк.

— Он подрался с хозяйской дочерью, — ответил Тимур вяло.

— Подрались? — удивился Васюк. — Как?.. Почему?

— Ну, — как бы подыскивая нужное слово, Тимур на некоторое время замолчал. — Ну, начали друг другу давать тумачков... Будто бы Инга, хозяйская дочь, велела Ивану вымыть пол. Ну... Иван будто бы ответил, мол, мыть полы — не мужская работа, ты женщина, ты и убирайся. Девушка подходит и дает тому пощечину за то, что посмел с ней так разговаривать. Ну а Иван... Ты же его знаешь... Он не сильно уважает женщин. Очень высоко ставит мужскую честь. Поэтому как рассердится и дает ответную пощечину за то, что так его оскорбила. Ну, конечно, после этого шумгам... Полиция тут как тут... Вон, Толя уже вышел... Ну, что пошли?

Избиением Ивана до полусмерти дело не кончилось. Через семь-восемь дней, как только парень поправился и встал на ноги, пришли два полиция, связали руки за спиной, посадили на телегу и увезли из деревни. Куда? Были слухи, что на фронт. Но кто знает, правда это или ложь. Больше Ивана не видели.

Как-то вечером Тоня не вышла на улицу. Напрасно ждал ее парень, напрасно ходил он взад-вперед и надеялся. Прошло довольно много времени, а девушка не появлялась. Что могло случиться? Не заболела ли?.. Какая причина задержала ее? Ведь вчера чувствовала себя хорошо... Кто за ней ухаживает, если она тяжело больна? Вдруг поднялась температура? Как переночует одна? В спальнях холодно, немцы их не топят даже зимой. «Загляну к ней. Я должен знать, что случилось. Может быть, нужна помощь», — решил наконец парень. Как только он открыл легкую решетчатую дверь и вошел во двор, недалеко послышалось злобное рычание, в его сторону бросилась черная лохматая собака и начала лаять так неистово, как будто хотела разорвать его.

Раздался стук двери и на крыльце появился силуэт человека.

— Кто там? — послышался мужской голос.

Это Тонин хозяин, рослый, широкоплечий мужчина с холодным взглядом, чуть старше пятидесяти лет. По словам Тони, у него бестолковый характер. Никого не любит. И с женой скандалит постоянно, обижает ее.

— Кто там?

— Я это, герр Геслих. Василий. Я живу у Пакельмайеров. Я хочу увидеть Тоню.

Решительными шагами мужчина приблизился.

— Этого не хочешь попробовать? — остановившись в паре шагов, немец поднес свой большой кулак.

Кажется, он ожидал, что парень отступит от страха назад, но Васюк не тронулся с места.

— Пока не трону, — погрозил мужчина холодно. — Но попробуй ступить еще раз в мой двор... Спущу собаку с цепи, она тебя... Разворачивайся и топай туда, откуда пришел. Вон...

Дом герра Геслиха большой и длинный, с несколькими окнами. Васюк знает: хозяева живут на одном конце нижнего этажа, Тонина комната — на другом конце. Ее окно выходит на огород... Страшно хочется увидеть Тоню. Лишь бы узнать, что с ней. Лишь бы взглянуть в глаза. Васюку стало бы спокойней, если бы он узнал, что со здоровьем возлюбленной все нормально. Как же он может уйти? Как сможет спокойно лечь спать? Какое-то время парень вглядывался в темноту, прислушивался к звукам. Все тихо. Прохожих не видно. Васюк перемахнул через забор и вошел в сад. Потом тихими шагами подошел к заветному окну, и осторожно постучал в оконное стекло кончиками пальцев, встав на цыпочки. Затем опять спрятался за ствол яблони. Вдруг где-то недалеко раздался какой-то непонятный то ли щелчок, то ли шорох. Васюк замер. По коже пробежал мороз... Что это? Неужели следят? Внимательно прислушался. Только показалось? Тихо. В этот момент открылась занавеска и в темноте

проступил силуэт. Затем с тихим стуком открылось окно.

— Вася! — послышался шепот. — Ты?

Васюк выскочил из-за дерева и бросился навстречу.

— Тоня? Что случилось? Ты здорова? Не болеешь?

— Тс-с-с! Говори потише, — поднесла ко рту палец девушка. — Здорова. Только нечаянно подвернула ногу.

— Больно?

— Не очень, но врач не велел вставать три дня... Вася, я так ждала тебя... Я слышала, как тебя ругал хозяин...

— Я ужасно хотел видеть тебя.

— Ты меня любишь?.. Очень любишь?

— Люблю. Очень люблю.

Девушка весело засмеялась.

— И я люблю тебя... Не грусти, я скоро поправлюсь... Ну, теперь иди, — вздохнула девушка. — Если заметит хозяин, не знаю, что случится. Боюсь я его... Придешь завтра? В это же время... Ладно?

— Ладно, — радостно шепнул Васюк. — До свидания.

— До завтра, — сказала, вдруг погрузнев, Тоня. — Вася, подожди, — услышал парень, как только сделал несколько шагов. — Подожди.... Подойди-ка... Забыла сказать тебе кое-что...

Тоня высунула голову наружу, легла через подоконник и протянула руку парню. Васюк страстно стиснул ее и сам не заметил, как оказался в комнате девушки. Окно тихо закрылось...

— Я люблю тебя, — прошептала Тоня, страстно обнимая любимого. — Я родилась для тебя. Чтобы любить тебя... Я никого и никогда не любила так, как тебя...

— Говоришь, боюсь, боюсь. А сама смелая, — сказал Васюк, глядя девушку шершавыми руками.

— В этом виноват хозяин, — рассмеялась Тоня, спрятав лицо на груди парня. — Если бы он не прогнал тебя вот так со двора... Мало ему, что я тружусь

в его доме днем и ночью, он еще хочет напугать меня. Никуда не выходи, ни с кем не встречайся... Оказывается, я и не человек... На себя бы посмотрел. Имея жену, ходит по бабам, старый хрыч. Чувствую, и за мной следит втихомолку.

— Вот как! Не боишься?

— Нет! Нисколечко, — опять рассмеялась Тоня. — С этой стороны меня охраняет гитлеровский закон... Не посмеет. Случится что — и его не погладят по головке, сразу отправят в лагерь.

— Так-то так... Но все равно будь осторожна...

Дни становятся короче. Когда наступают сумерки, дела по хозяйству заканчиваются до следующего утра. Свободного времени хоть отбавляй. Что делать молодежи? Девушки, конечно, находят себе занятия — вышивают, шьют и вяжут. А парни? Собираются по трое — четверо у кого-нибудь, играют в карты и пьют пиво. Этого хозяева не запрещают — лишь бы не нарушали порядок. Но до девяти часов надо успеть добраться до дома, где живешь. В противном случае... Только вот нет, как бы ни грозили, молодежь не хочет придерживаться таких распорядков. Предупреждения властей быстро забываются. Раз с таким азартом бились в карты, как вдруг громко постучали в дверь.

— Выходите! — послышался грубый голос.

Все замерли на миг.

— Полицай! — прошептал Тимур. — Алеша, который час?

— Двадцать минут десятого.

— Попались...

Что поделаешь. Приходится выходить... Как только открылась дверь, кто-то схватил Васюка за грудь, и он почувствовал на спине удар резиновой дубинкой. Васюк дернулся. Вырвался из цепких пальцев, отскочил в сторону и нырнул в темноту. Сзади послышался топот. Нет, не догнал, отстал...

— Василий, тебя били? — спросила на другой день фрау Фрида.

— Ну... немного, — ответил Васюк робко.

— Я скажу им, пусть тебя больше не трогают, — сказала хозяйка и вышла.

Чудно...

Не прошло и двух недель, как легкомысленная молодежь опять забыла про комендантский час. Снова постучали в дверь, снаружи послышался зычный голос... Васюк выскочил первым. Сильная рука схватила его за плечо. Свет фонаря на миг ослепил его глаза и погас.

— Василий, ты?

— Я...

— Убирайся скорее домой...

Вот так... Опять неожиданно спасла немецкая хозяйка от полицейской дубинки. Фрау Пакельмайер — богатая фермерша, умная женщина. Ее уважают. К тому же, она на короткой ноге с комендантом. Однако зачем так заступилась за него фрау Фрида? Боится, что он не сможет работать, если сильно избьют? Что правда, то правда, полицаи и гитлеровская молодежь, кажется, не жалеют сил, когда «учат уму-разуму» бедных работяг. Те несколько дней ходят, мучаясь от боли... Но ведь в это время, во второй половине ноября, в хозяйстве не такая горячая пора. Может быть, добрая женщина не согласна с такими унижениями человека?..

Все же Васюк старается быть в девять часов в хозяйском доме. Он ждет, пока в соседних комнатах уснут. Тогда тихо-тихо выходит, торопливо переходит улицу и крадется к заветному окну. Перемахнет через забор и тихо три раза постучит кончиками пальцев по стеклу: тук-тук-тук... Окно тихо открывается, и появляется девушка с распущенными по плечам волосами. Она протягивает крепкую руку парню. Когда ее любимый впрыгивает в комнату, окно опять закрывается бесшумно...

— Вчера приснилось, — сказала как-то раз Тоня, тяжело вздохнув. — Как будто бы я дома. Мать с плачем ругает меня. Говорит, мол, мы здесь голодные сидим, а ты где-то бродишь, работая на кого-то. Го-

ворит, какое на тебе красивое платье. (Недавно хозяйская жена фрау Анна дала мне зимнее платье.) Смотрю, действительно, нечего им кушать, у всех рваная одежда. Я как будто плачу от жалости и от обиды, что мама несправедливо упрекает. Так и проснулась в слезах. Как вспомню, и сейчас беспокойно на душе...

Дом... Семья... Близкие... В мыслях и Васюка не отпускают они от себя. В снах бередают душу, не дают покоя. Как они там? Живы ли, здоровы ли? Как у них с продуктами? И Тоня, и остальные получают письма из дома. Для Васюка же уже полгода, как прервалась эта связь. Он — солдат, «пропавший без вести». То ли жив, то ли погиб. Конечно, горюют, ждут нетерпеливо какой-нибудь весточки. Мать молится. Может быть, кладет под подушку по давнему чувашскому обычаю его вещь с надеждой, что сон что-то подскажет? Пусть ей приснится хороший сон.

— Я хочу домой, Вася, — вздыхает Тоня. — Хочу любить свободно, никого не боясь, открыто. Хочется выйти замуж и создать семью, родить ребенка, радоваться, петь, плясать.... Кто мы, что мы теперь? Неужели немцы одержат победу? Что тогда будет с нами? Хорошо, если отпустят домой. А если не отпустят? Жить так вечно на чужбине в слугах?.. О Боже, помоги нашей Красной Армии победить!..

Васюк старается по возможности утешить девушку. Ему кажется, что происходят изменения на военной арене. В газетах пока пишут, что на фронтах нет больших изменений. Шутливо упрекают «грозного Деда Мороза» русских за то, что он пытается помешать немцам. Но, по мнению Васюка, вина сейчас не в Деде Морозе. Действительно, уже с каких пор вражеские войска не могут продвинуться вперед? С какого времени они хвалятся, мол, скоро возьмем Сталинград, выйдем к Волге? Таким образом, постепенно приближался день, которого от всей души ждали тысячи, миллионы людей. Сначала прошел слух, что армия Паулюса численностью в триста тридцать тысяч человек при попытке взятия Сталинграда попала в кольцо. В газете «Пашня»,

которую получает Васюк, пока не сообщили об этом прямо и открыто. Но надолго ли скроешь такую правду в военной обстановке, меняющейся ежедневно...

Сначала объявили, что для немецких солдат, не знающих поражения, это кольцо является лишь нечаянной помехой, что они легко и скоро вырвутся. Но крепкая надежда стала день за днем откровенно слабеть и хиреть. Потом начали поговаривать, что фюрер не оставит попавших в беду солдат, что обязательно придет помощь. Позже начали появляться многочисленные статьи, где писалось, что как бы ни было трудно, немецкие войска не сдадутся врагу, что каждый солдат будет героически бороться до последней капли крови. А второго февраля в окна появились опущенные черные флаги. Три дня они висели. Три дня скорбила Германия об армии Паулюса, о погибших в грозных боях многих и многих сыновьях немецкого народа.

В кровавой войне, идущей уже полтора года, Красная Армия впервые показала перед всем миром свою мощь, что она может победить сильного врага. Покопившая за короткое время пол-Европы, гордая Германия печально склонила голову, признавшись в поражении в такой большой, грозной битве. В деревне Остхайм хозяева тоже надели траурную одежду. Фрау Фрида повесила на светлые волосы тонкую черную кружевную накидку. Васюка снова удивил Отто Пакельмайер, этот вечно недовольный, всех сторонящийся молчаливый старик.

— Василий, — сказал он, бодро подняв крепко сжатый кулак. — Сталинград...

Вот и пойми его после этого...

Жившие напротив французы как будто ждали, когда Васюк выйдет на улицу, сразу сгрудились у окна.

— Рус! Рус! Васили!.. Сталинград! — раздались голоса. В решетчатом окне показались радостно улыбающиеся лица. Что-то кричат, размахивают руками. Как только одни отойдут, вместо них появляются другие. Как всегда, под ноги полетели пачки сигарет

и шоколадки. Это означало благодарность русским за победу, их поздравления. Как по-другому, кому могли бы выразить свои чувства они, пленные солдаты?

Действительно, для людей, привезенных насильно из их родных стран, тот день стал большим праздником. Он зажег надежду, породил новые планы, приблизил далекий дом.

Время шло. Хоть и надела фрау Фрида траурную одежду и покрыла светлые волосы черной кружевной накидкой, Васюк не почувствовал, что обстановка на фронте слишком обеспокоила бы ее. Вот так, у трудящегося человека своя жизнь, свои заботы. Война не улучшает их, а лишь разрушает, приносит новые трудности и горе. Поэтому, наверное, и жителей Германии затянувшаяся на несколько лет война не очень радовала. Конечно, Васюк не знает мнения фрау Фриды об этом. Но хорошо помнит, как однажды со вздохом она проговорила: «К сожалению, в магазинах теперь нечего покупать... Война».

Потом радостные вести стали приходить чаще и чаще. Наши гонят немцев с Кавказа, освободили и Ленинград, окруженный еще в первые дни войны.

Но пока зима. Васюк знает, что немцы боятся русских морозов... Много еще, ох много в руках врага захваченных советских земель...

6

Прошла зима. Весеннее солнце превратило белый снег в ручьи. Пока еще земля не просохла, полевые работы не начались. В один из таких дней в комнату заглянула Фрида Пакельмайер.

— Василий, — сказала она, — одевайся. Надень праздничный костюм. И рубашку самую лучшую, вот эту... Теперь мы пойдем в гости.

В гости? Вот еще одно чудо! Может, Васюк неправильно расслышал? Правильно ли он понял?

— Мой брат Карл приехал отдыхать с фронта.

— Отдыхать? — спросил Васюк с некоторым удивлением. — Разве с фронта отпускают отдыхать?

— Не знаю, как русские. Но наши солдаты могут раз в год приезжать.

— Ваш брат живет в этой же деревне?

— Знаешь ведь Магду. Она приходится мне невесткой. Карл ее муж, теперь мы идем к ним. Ну, я тебя жду...

Действительно, Васюк знает узколицу и большеглазую женщину по имени Магда, ровесницу фрау Фриды. Они дружили с детства. Фрау Магда часто приходит к Пакельмайерам с маленькой дочкой Ингеле. Помогает выполнять кое-какую работу во время страды — постирать белье, убрать в доме. Васюк ни разу не слышал о ее муже Карле. К чему этому немцу какой-то слуга, работающий у его сестренки? Ведь он приглашает в гости...

Дом Грюцмахеров расположен на краю деревни. Как и многие другие дома, он двухэтажный, построен из массивного камня, но по объему не очень большой. Внизу три комнаты и кухня. Во дворе немногочисленные постройки — сарай, птичник. Скотины нет. Маленький сад, такой же маленький участок под огород.

Когда Васюк вошел в довольно просторную комнату, навстречу гостям лениво поднялся мужчина средних лет, сидевший прислонившись к спинке мягкого стула. Он быстро оглядел Васюка своими приятными синими глазами, затем протянул руку.

— Садитесь. Вот здесь, — показал он на стул рядом. Потом сел и сам. Фрау Фрида, не вступая в разговор, вышла на кухню к хозяйке дома.

Симпатичный мужчина. Высокого роста. Чуть вьющиеся густые волосы цвета потемневшей меди. Хотя хорошо проступают морщины вокруг глаз, белоснежная рубашка делает его более молодым, освежает и украшает загорелое лицо.

— Значит, Вы с Украины, — завел разговор хозяин дома. — Из какой области?.. Украина пока вся в руках Германии. Да, пока, — добавил он, заметив, что Васюк смотрит на него с удивлением.

Вошли женщины. Магда поставила на стол тарелку

с тонко нарезанным хлебом. Карл вытащил из шкафа бутылку водки.

— «Пшеничная», — прочитал Васюк.

— Узнаешь? — спросил хозяин дома, как и прежде, с приятной улыбкой.

— Узнаю.

— Тогда садись за стол.

Затем он выложил из того же шкафа большую красивую коробку.

— «Осень», печенье, — прочитал Васюк.

— И это узнаешь?

— Узнаю.

Нет, Васюк не ел в детстве печений, даже никогда и не видел их в таких красивых коробках, но когда хозяин спросил, ему не захотелось признаваться в этом. Все подвинулись ближе к столу. Магда поставила четыре рюмки. Герр Карл наполнил их осторожно, не спеша.

— Выпьем еще? — спросил он гостя, когда опорожнили первые.

— Не против, — ответил Васюк, желая показать себя перед немцами настоящим россиянином.

Женщины не стали больше пить. Хозяин наполнил две рюмки. Больше не стал предлагать, аккуратно закрыл бутылку и убрал ее в шкаф.

На другой день Карл пришел к сестренке засветло. Он осмотрел сельскохозяйственные машины в сарае и зажег очаг в кузнице, затем позвал к себе в помощь Васюка.

— Вы и не отдохнули после возвращения с фронта. Сразу взялись за работу, — заговорил Васюк.

— Что сидеть без толку дома? Руки истосковались по работе. Так и время проходит веселее, — сказал Карл, тихо постукивая по куску раскаленного железа. — Я, Василий, не крестьянин, а рабочий. Жил в городе, работал на заводе. Душа тянется к железу. Я и слесарь, и токарь, и кузнец.

— Но вы работаете у фрау Фриды.

— У меня нет земли, поэтому я не хозяин, а такой

же слуга, как и ты. Хорошо, что Фрида хорошая, порядочная женщина. Не предаст и не прогонит...

Через два-три дня они сели на велосипеды и поехали в поле. Фрау Фрида велела выдернуть капустные кочерыжки и убрать их. К слову сказать, немцы сажают много капусты. После картофеля квашеная капуста является для них вторым по важности блюдом. Фрау Фрида тушит ее каждый день со свиным салом в печке.

На выходе из деревни двум едущим на работу мужчинам встретился полицай.

— Хайль Гитлер! — сказал он, подняв руку.

— Хайль Гитлер! — ответили Васюк и Карл хором.

— Как приветствуют люди друг друга у вас, в Советском Союзе? Вы тоже говорите «Хайль Сталин!»? — поинтересовался немец, помолчав немного.

— Нет. Не так. Мы приветствуем друг друга привычными словами, здороваемся.

— Правильно. В нормальном государстве так и должно быть. А мы должны говорить «Хайль Гитлер!». Только не знающий скромности, стремящийся раздуть свою славу руководитель может ввести такие порядки.

Велосипед Васюка чуть не въехал на межу. То, что этот немец открыто завел такой разговор с совершенно незнакомым человеком, его и удивило, и немного насторожило. Почему-то откуда-то из далекого прошлого выплыл и исчез образ Арсения.

— Вы говорите, что жили в городе и там же работали, — повернул Васюк разговор на другую тему, — а дом у Вас в деревне.

— Я был коммунистом, Василий. Меня очень воодушевило, что коммунисты призывают к борьбе за равенство и братство. Если честно, до сих пор эта мечта близка мне... Когда Гитлер пришел к власти, моих товарищей стали преследовать и арестовывать. Я тоже попал в черный список, почувствовал, что за мной следят. Поэтому пришлось бросить любимую работу и вернуться в деревню. Построил дом, женился.

Потом фюрер развязал войну. Война, без конца и края война...

— Герр Карл, вот Вы...

— Василий, — прервал его немец. — Я не герр, я Карл. Для тебя только Карл.

— Карл, — поправил себя Васюк, — при первой встрече Вы сказали, что Украина только пока в руках немцев...

— Гитлеровская армия никогда не знала поражения в войнах. Но в последнее время ее сильно потрепали. В прошлом году нас отбросили назад под Москвой, в этом году потерпели большое поражение под Сталинградом. Русские бьются жестоко за каждый участок земли, каждую деревню, каждую улицу... Пока, конечно, в наших руках много советской земли. Но не станут ли они для немецких войск большим Сталинградом?.. Так, Бисмарк давно предостерегал нас не воевать с русскими. — Карл вздохнул и продолжил: — Я, Василий, нисколько не огорчен поражением гитлеровской армии. Жаль людей. Смотри, сколько имен погибших на войне немецких солдат печатают на страницах газет! Уже сколько лет не дают народу Германии мирной и спокойной жизни. Покорение одной страны за другой вскружило головы сидящим наверху, — сердито проговорил Карл. Он закурил, длинно и торопливо затягиваясь горьким дымом. — Оказывается, Гитлер хочет создать немцам райскую жизнь. Но думает ли мечтающий о мировом господстве человек о народе?.. Народ не нуждается ни в войне, ни в господстве над миром. Ему нужны земля, любимая работа, достаточно хлеба и соли для проживания. Больше ничего не нужно. Трудно сейчас людям. Мужчины мучаются на войне, вся работа в хозяйстве держится на женщинах и стариках. Душат большие налоги. Накорми-ка сегодняшнюю многочисленную армию. К тому же сколько людей живет в городах.

Вот какие умонастроения немца довелось услышать Васюку.

С наступлением лета вернулся на отдых и муж Фри-

ды, Фридрих Пакельмайер. На вид он тоже, как и Карл, здоровый мужчина. Но характер другой. Можно сказать, его темно-голубые глаза, глядящие на Васюка, никогда не бывают теплыми. Конечно, не бывает так, чтобы, живя и работая в одном доме, не поговорить. «Я с тобой разговариваю, но не забывай, кто ты», — всегда предупреждают эти холодные глаза. Этот немец невольно напоминает Васюку солдат «учащих уму-разуму» автоматными прикладами измученных без еды и воды красноармейцев. Фридрих тоже, кажется, сможет без раздумья избить и расстрелять. «Настоящий оккупант», — считает Васюк. Карл — совсем другой человек. Он любит и жалеет свой народ, но уважает и людей другой нации. Его разум совсем не замутнен угаром арийской расы...

У Тониного хозяина работает чех по имени Йозеф. — Василий, — сказал он как-то, проходя мимо, подняв указательный и средний пальцы. — Виктория! Орел! Белград!

Васюк хорошо понял его. Значит, Красная Армия прогнала врага со своей территории. Освобождены города Орел и Белград.

Правильно сказал Карл, что слава непобедимой немецкой армии начала рушиться в тысяча девятьсот сорок третьем году на русской земле. Рушится! Действительно рушится. Газета, которую читает Васюк, пока не сообщает правды, пишет только, что идут жестокие бои. Но Йозеф знает... И французы знают. Снова собираются к решетчатому окну, весело смеются, поздравляют с фронтовыми успехами, под ноги ложатся кинутые гостинцы...

Так, потерпевшая большое поражение под Курском немецкая армия не смогла восстановить былую славу. Несмотря на все усилия, врагу пришлось отступить назад. А Красная Армия по всему огромному фронту стала освобождать город за городом.

— Василий! Киев! — радостно сообщает Йозеф, подняв два пальца.

— Василий! Минск!..

Дорогие вести... Они поднимают настроение, радуют, окрыляют. Надежда вернуться домой все крепнет. Не забыть бы родной язык, еще засмеют односельчане, что забыл чувашский. Вспоминаются стишки и песни, выученные когда-то в школе. Работая один, Васюк затягивает песни, запомнившиеся с детства. Он знает их много. И в далеком немецком поле раздаются «Отец хочет построить мне белый дом», «Вниз по нашей улице», «Выйди, выйди за Ивана» и другие чувашские песни.

В тысяча девятьсот сорок четвертом году Красная Армия очистила страну от оккупантов. Фронт продвинулся за пределы границ Советского Союза, оказался у ворот самой Германии.

Но в жизни хозяев Васюка и представителей власти не замечалось никаких перемен. Как будто они не знают и не ведают плохих вестей. Порядки такие же, без изменений. Даже когда совсем рядом открылся второй фронт, в их поведении не замечалось ни страха, ни горя. Или они умеют скрывать свои чувства? Или их не огорчает такой крутой поворот в судьбе страны?

Из всех близко знакомых Васюку немцев только для Курта происходящее оказалось большим ударом. Пропало высокомерие гитлерюгенда, он перестал хвастаться мощью немецкой армии, не заводил больше разговоров о славном будущем немецкого народа — высшей арийской расы. С Васюком он разговаривает лишь нехотя, иногда начинает придираться к пустяковому слову, раздражаться. В последнее время его часто стали вызывать на военные игры, различные учения. Так, однажды осенью Курт торопливо вошел в хозяйский двор. Его юное лицо раскраснелось и стало еще симпатичней, глаза радостно сияют. Оказалось, его взяли в армию, в эсэсовские войска.

«Начали отправлять на войну пятнадцати-шестнадцатилетних? Значит, плохи, очень плохи дела у фюрера», — подумал Васюк, глядя на юного немца с невольной жалостью.

— Не завидую тебе, Курт, — сказал он.

— Почему? — резко взглянул тот на Васюка.

— Если попадешь в плен, тебе, эсэсовцу, не будет прощения.

Ух, как рассердился гитлерюгенд!

— Дрожи не за мою, а за свою жизнь! — гневно сверкнули его глаза, он с ненавистью посмотрел на Васюка. — Я отдам свою жизнь за Родину и за фюрера без сожаления!

Круто повернулся и выскочил со двора. «Вдруг донесет? — пронеслась тревожная мысль. — Ну, что за язык... Проговорился, пожалел чертенка...»

К счастью, Курт не поступил так подло.

В самом деле, он не пожалел своей жизни. В начале тысяча девятьсот сорок пятого года под Варшавой бросился в бою под советский танк, повесив на себя несколько гранат...

В июле снова вернулся Карл. После ранения он больше двух месяцев лежал в госпитале. Ранним утром он пришел к сестре домой.

— Фашистская империя распалась. Исполнилось предостережение Бисмарка, — заговорил он с Васюком по дороге в поле. — Пока Германия держится благодаря нефти Румынии. Если Румыния падет, Гитлеру в скором времени придется поднять руки. В Германии дороги хорошие. Удобно будет передвигаться советским машинам и танкам. Вот так, Василий. Скоро кончится война, уедешь домой, будешь свободным человеком.

— Карл, извините, конечно, но неужели Вас, немца, несколько не огорчает, что бывшая совсем недавно мощной и славной Германия потерпела такое поражение?

— Сложный вопрос, — покачал головой Карл после некоторого молчания. — Говорят, вожди уходят, народ остается. Ведь так? Я рад, что рухнет власть Гитлера, что закончится военное время. Наконец немцы перестанут ходить с войной на соседние страны, чтобы завоевывать господство. Станут жить в мире и согласии с другими государствами. Мой народ трудо-

любивый, умный и добрый. Гитлер хотел сделать из него страшилище для всего мира. Нет, я нисколько не огорчаюсь, что такой вождь потерпел крах. Жаль немцев, погибших на войне. Сколько их осталось лежать без вины в чужих странах, здоровых и сильных мужчин!.. Лишь бы эти грозные годы стали полезным уроком для оставшихся в живых, для будущих поколений. Хочется надеяться, что Германию ждет светлое будущее.

Карл... В этот раз он отдыхал недолго, скоро уехал. Васюку не удалось увидеть его больше. Смог ли он живым выбраться из этого беспощадного грозного огня? Смог ли встретить день окончания войны?..

Уже прошли летние дни тысяча девятьсот сорок четвертого. Наступила зима. В жизни Васюка произошли неожиданные изменения. В этом повинна фрау Фрида, она замутила воду.

— Василий, — услышал Васюк однажды утром ее раздраженный голос сквозь сон, — сколько раз будить тебя? Неужели не можешь вставать вовремя? Ты ведь не ребенок...

— Кому нужно, тот будит, — сказал Васюк, с трудом прогоняя сон. — Вы хозяйка, я слуга.

— Вон как ты заговорил! — еще больше рассердилась фрау. — Знаю, знаю, почему ты готов спать до обеда. Ночами шастаешь к Тоне. Пусть эта девушка больше в моем доме не появляется! Понятно? — хозяйка развернулась и ушла.

Услышав такие слова Васюк, который собирался застелить постель, застыл с одеялом в руках. Значит, Фрида Пакельмайер знает, что Тоня приходит сюда. А они думали, что спит и не догадывается. Хозяин тоже заметил, пригрозил девушке, что заявит в полицию... До сих пор Васюк просыпался сразу. А сейчас спал слишком глубоко, как-то изменилось его настроение в последнее время. Возможно подействовало то, что приходит конец немецкому плену?

После этого Васюк и Тоня не встречались в течение трех дней, у них не было возможности поглядеть

в глаза друг другу, почувствовать горячие объятия, сказать друг другу нежные, ласковые слова... Но ведь любовь не дает покоя... Она не хочет понимать ничего, никакой опасности, она плачет, зовет, манит, привлекает...

Уже приближалось девять вечера. Тоня подошла к двери, собравшись уходить, когда снаружи раздался громкий стук.

— Василий, открой! — послышался голос коменданта.

— Сейчас, — сказал Васюк и показал побледневшей девушке кивком на окно. Тоня поняла. Быстро и тихо поднялась на широкий подоконник и спряталась за черной шторой. Вошли двое — комендант и широкоплечий полицай. Он впился в Васюка выпученными глазами и ступил вперед. Молча отбросил пышное пуховое одеяло и посмотрел, нагнувшись, под кровать.

— Открой шкаф.

Васюк вынул из кармана ключ и положил на стол.

— Откройте, посмотрите...

— Где спрятал? Не скрывай. Мы все знаем.

— У меня никого нет.

Комендант коснулся шторы и заглянул за нее, потом распахнул.

— Вот она стоит!

Васюк подошел к бледной, как полотно, девушке, протянув ей руку, помог спуститься.

— Идем, Тоня...

— Вася... Вася!.. Мы пропали... Что будет?.. Что будет? — бормотала девушка на улице дрожащим голосом. — Неужели изобьют? — она приникла к плечу парня и стала тихо всхлипывать.

— Ничего не случится, — постарался ее успокоить Васюк, — фрау Фрида хороший человек. До завтра забудет, пройдет ее злость. Не печалься. Уже девять часов, пора заходить. Спокойной ночи. До завтра, — с такими словами парень нежно поцеловал девушку, улыбнулся, глядя в глаза, повернулся и ушел. Прого-

няя нахлынувшие, как черные тучи, тяжелые темные мысли, он вошел в свою комнату. Там никого. И в доме тишина. Ни звука и со стороны комнаты фрау.

На другое утро его разбудила, как обычно, хозяйка. Начался рабочий день. Вместе с Отто Пакельмайером они вычистили скотные помещения, покормили живность, убрали навоз в кучу. Затем Васюк почистил снег, вымыл картофель и поставил варить корм для свиней. После обеда явился полицай.

— Приготовься, пойдем, — сказал он коротко Васюку.

— Я готов. Фрау Фрида, Вы сожгли одежду, в которой я приехал сюда, — взглянул Васюк на хозяйку, вошедшую сразу за полицаем. — Голым не уйдешь. Может, дадите что-нибудь прикрыть голое тело?

— Я не говорила тебе снимать одежду, — женщина встала и вышла.

Вскоре она принесла небольшой довольно старый чемодан, поставив его перед Васюком, открыла шкаф.

— Это костюм мужа. Остальное все можешь взять...

— Спасибо.

Потом фрау выкатила велосипед из сарая, передала Васюку и молча зашла обратно.

Вышли на улицу. «Не будут избивать. Иначе не дали бы велосипед», — пронеслось в голове.

— Герр полицай, разрешите попрощаться с девушкой.

— Где она?

— Вон идет навстречу.

— Ну... попрощайся, — согласился тот после некоторого раздумья.

Поравнявшись с Тоней, Васюк сошел с велосипеда.

— Куда?... Куда ведут тебя? — спросила девушка тихо, глядя на Васюка, вытаращив от страха глаза.

— Не знаю, Тоня.

— Неужели на фронт? Там тебя убьют. Фашисты не отпустят живым, — из глаз девушки градом потекли слезы.

— Нет, наверное. Тогда бы они дали на дорогу про-

визию, ложку, жестяную кружку. Вместо этого хозяйка подарила вон целый чемодан вещей.

— Хватит, идем! — раздался голос полица, ожидавшего недалеко в сторонке.

— Ну, Тоня, пока, до свидания. Война подходит к концу. Останусь жив — приду. Что бы ни случилось, приду. Жди и надейся...

Не обращая внимания на деревенских жителей, наблюдавших за ними, Васюк обнял девушку, нежно поцеловал в дрожащие губы и сел на велосипед.

— Поехали...

Хоть уже наступил январь, на дороге нет снега. Велосипеды легко мчатся вперед. Погода не холодная. Но встречный ветер заставляет ежиться. Впереди показался город Кунценгаузен. Два года назад их, четырех молодых людей, пригнанных на работу из Советского Союза, комендант Штраус увел в деревню Остхайм из этого города. Теперь Васюка привели опять в то же место, к двухэтажному зданию с высокой крышей. Здесь находится арбайтзалит — контора, принимающая на учет пригнанную из разных мест рабочую силу. Когда полицай прислонил велосипед к стене дома и исчез за дверью, к Васюку подошел худой мужчина сорока лет.

— Ты из Остхайма? — спросил он.

— Что хотите сказать?

— Меня посылают на твое место. Ты должен идти к моим хозяевам.

Это был чех, по-русски разговаривал вполне сносно. И у него возник какой-то конфликт с хозяевами.

— Деревня далеко отсюда?

— Думаю, не дальше двенадцати-тринадцати километров. Туда ходит поезд, — сказал чех. «До Остхайма будет двадцать пять-двадцать шесть километров», — промелькнуло в голове Васюка.

Больше они не успели поговорить ни о чем. Полицай вышел и передал велосипед, на котором приехал Васюк, чеху. Они сели и скоро исчезли из виду.

— Ну, и мы пойдем, — услышал Васюк за спиной.

Оглянулся — там стоит высокий старый немец. — Меня зовут Йохан Хендрих. Отныне будешь жить у меня.

В вагоне они сели в разных местах. Сойдя с поезда, прошагали, наверное, два километра с лишним по мощеной узкой дороге и вошли в небольшую деревню под названием Хегляу.

7

Все немецкие деревни выглядят одинаково. Построенные из крупных камней, покрашенные в светлые тона одно- или двухэтажные дома, маленькие сады, чистые улицы.

— Эй, Анна, — сказал Йохан Хендрих, как только распахнул дверь в дом. — Ты дома? (Здесь он добавил нецензурное слово.)

Из ближайшей комнаты вышла седовласая женщина среднего роста далеко за шестьдесят.

— Посмотри-ка, какого симпатичного парня я привел. Не тарачи так глаза. Все равно на тебя он не посмотрит. Ты старуха.

Действительно, нацеленные на Васюка глаза женщины вначале расширились как бы от удивления, затем в них зажглась невыразимая ненависть. Старуха ничего не сказала, резко повернулась и скрылась обратно в комнате.

— Ты не смотри на ее сварливый характер, — тяжело вздохнул Хендрих. — Она не была такой, изменилась в последнее время. Из двух сыновей один пропал на войне. И другой тяжело ранен. Без одной ноги. Сейчас лежит в госпитале. За все эти несчастья Анна теперь винит русских.

— Войну начали немцы.

— Что поделаешь... Женщина...

Дом у Йохана Хендриха небогат — одноэтажный, с тремя комнатами. Из живности держит четырех свиней, трех коров, птицу. Лошади нет, для полевых работ запрягает корову. Сельскохозяйственные машины тоже устарели. Работа такая же — нужно чистить скотные помещения, складывать в кучу навоз, кормить

скотину, варить картофель для свиней. И в еде нет изменений — молочный суп, картошка или капуста, тушенные со свиным салом, или вермишель, вечером — белая булка, кофе, пиво.

В субботу, когда закончилась вечерняя работа, Васюк поел и поднялся на чердак в свою комнату. Надел красивую рубашку и один из костюмов, самый лучший, отпорол лоскуток с надписью «Ост» и подошел к небольшому зеркалу. Ну, кто в этой одежде в нем не признает немца?..

Настали сумерки. Васюк осторожно спустился по узкой лестнице вниз и вышел на улицу. Дорогу в двадцать пять-двадцать шесть километров он одолел за четыре часа. Он не боится шагать пешком. Молодые ноги легки. Любовная тоска придает им еще большей легкости. Ночью кто тебе помешает? Боишься только встречи с полицаем. К тому же, необходимо пройти через город Куценхаузен. Там могут задержать блюстители гитлеровского порядка...

Увидев впереди желанную деревню, ноги сами прибавили шаг. Скоро, скоро он доберется до любимой. Его мысли только о Тоне. Васюк видит ее красивый образ, вспоминает время, проведенное вместе. Молодого человека то бросает в жар, то его охватывает нежность и ласка, хочется скорее увидеть, бесконечно любить. Ах, Тоня, Тонечка, Тонек...

Слава Богу, добрался хорошо. Хотя еще звезды сияют, восток начал уже розоветь. Поют петухи. Вот дом Пакельмайеров. Вот окно Тони. Как бы душа не томилась, Васюк не посмел подойти и постучать. Конечно, она спит. К тому же, стук может услышать хозяин... Терпи, парень, терпи. Иначе опять может случиться беда. Кто знает, что еще придумают немцы, чтобы разлучить их?

Васюк пошел вперед. Он тихонько постучал в окно комнаты, где жил его близкий друг Володя. Прислушался... Снова постучал. Черная штора открылась и в темноте комнаты появился силуэт.

— Кто там?

— Володя, это я, Василий...

Окно открылось.

— Заходи скорее, — послышался шепот. — Что случилось? Беда? Почему, каким образом ты здесь глубокой ночью?

— Успокойся, Володя. Ничего не случилось. Все нормально.

— Тогда раздевайся. Ложись. Рассказывай...

По звуку будильника Володя встал и наспех оделся, вышел на работу. Зайдя обратно, занес другу картофель, хлеб и шматок сала.

— Днем нельзя тебе показываться в деревне.

— Я тоже так думаю.

— Тоне сообщим...

В понедельник после завтрака хозяин зашел в комнату к Васюку.

— Василий, ты мне очень нравишься, очень, — сказал он, присаживаясь на стул. — Своим трудолюбием ты только радуешь меня. Молодец, молодец... Но где ты затерялся в воскресенье?

— Хозяйка должна была мне деньги. А еще я оставил там вещи.

— Почему не сказал мне? Я бы взял тебе бумажку — подтверждение, что сам отпускаю тебя. Так ходить опасно. Если поймают, по головке не погладят.

— В следующее воскресенье я хотел бы пойти еще раз!

— Вот еще!..

— Там мои товарищи, близкие друзья.

— А-а, вспомнил, — улыбнулся Йохан Хендрих. — Там же был у тебя друг в юбке. Из-за нее тебя и выгнала хозяйка.

Васюк покраснел. Ему не понравилось, как легковесно говорил он о Тоне. К тому же, откуда он знает?

— Вы ошибаетесь... Я же сказал Вам, из-за того, что в моей комнате повздорили два друга.

— Ну, хорошо, хорошо... Не скрывай, — лукаво сверкая глазами, старик весело хлопнул Васюка по плечу. — В первый же день, еще в Кунценхаузене,

мне рассказал об этом полицай, который привел тебя. «Наверное, он понравился самой фрау. Иначе зачем прогонять такого хорошего работника», — посмеялся он... Ну, это разговор между нами... Ты еще молодой, прислушайся к моему совету, к совету старика. Не ходи туда. И здесь их полно, девушек. Только выбирай...

— Я люблю, Йохан. Для меня нет никого дороже нее.

— Случись что, и меня заставят заплатить штраф.

— Я заплачу. У меня есть деньги.

Хозяин промолчал, недовольно насупив брови.

— Ну, ладно, — согласился он наконец, с трудом поднимаясь со стула. — Я буду молчать, я ничего не знаю. И Анне скажу, чтоб не распускала язык. Однако, на твоём месте... — не закончив, махнул рукой и вышел.

Итак, каждое воскресенье Васюк посещал свою любимую. Ночью шагает, днем спит. С наступлением темноты тихонько постучит в Тонино окно. Окно тотчас открывается и из комнаты к нему протягивается тоненькая рука. Ловкий Васюк мигом очутится в комнате и бросается в объятия подруги.

— Вася, Васенька... Наконец... Истосковалась, — шепчет она каждый раз прижимаясь горячим телом к парню. Голые девичьи руки обвивают его шею, ласкают его. К утру Васюк отправляется обратно к своему хозяину. Что ему двадцать пять километров ходьбы ради таких ночей! Ради такой страстной любви Васюк готов прошагать и сто километров! Сколько раз уже он проделал этот путь. По дороге ему никто не встречался, никто не задерживал... Однако... не все коту масленица...

Как-то весной, снега тогда уже сошли, Васюка разбудила Тоня.

— Васенька, просыпайся, любимый. Скоро рассвет.

Парень торопливо оделся, тихо вылез через окно и вышел на темную улицу. Небо полностью закрыто черными тучами. Скоро начало моросить, потом все заволокло туманом. Шагает Васюк, торопится. Вот во-

шел в лес. До дома хозяина осталось не больше восьми-девяти километров. Впереди появился человек на велосипеде. Такие попадались ему на пути пару раз... Привыкший быть настороже, Васюк успевал прятаться. Но теперь из-за тумана он не скоро заметил приближающегося человека. К тому же показалось, что это женщина. Нет, мужчина. Полицай...

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер, — согнув в локте, поднял полицай руку.

Проехал... Слава Богу, проехал. Васюк не сделал и пяти-шести шагов, как услышал за спиной звонкий строгий голос:

— Эй, остановись!

Оглянулся — полицай сошел с велосипеда и смотрит на него.

— Подойди-ка сюда!

Что делать?.. Парень приблизился.

— Куда идешь? — спросил блюститель порядка, окинув его внимательным взглядом.

— В деревню Хегляу.

— К кому?

— Моего хозяина зовут Йохан Хендрих.

— Где ты был?

— Сходил в деревню Остхайм к моей бывшей хозяйке. Должен был взять расчет.

— Ты знаешь, что нельзя ходить по ночам? Почему нарушаешь порядок?

— До рассвета я должен вернуться к хозяину.

Полицай снова просверлил глазами, как бы раздумывая, верить или нет.

— Где находится деревня Хегляу? В сколько километрах отсюда? Большая ли она?

Васюк ответил.

— Ладно, иди. — Полицай сел на велосипед и помчался своей дорогой.

Заметно подобрели нынче немцы. Йохан Хендрих тоже, хоть и боится, но не доносит, что Васюк нарушает порядок. Знает хозяин, немецкое государство

больше не сможет поставлять с востока трудоспособных людей. Если не будет Васюка, кто будет теперь работать в его хозяйстве? И сегодняшний полицай не стал слишком придирааться, отстал от него. Два-три года назад за такое не оставили бы без наказания.

Уже огонь войны запылал и на востоке, и на западе Германии. Американские и английские войска союзников подходят все ближе. Издалека стали слышны раскаты войны.

Однажды Васюк с усердием колот высушенный дубовый пенек. Во двор зашел неряшливо одетый худой мужчина тридцати лет.

— Добрый человек, не найдешь ли что-нибудь поесть? — спросил он по-русски, заметив на одежде Васюка буквы «Ост».

— Откуда ты?

— Из немецкого лагеря. Когда подошли союзные войска, наши охранники убежали. Мы тогда вышли из-за колючей проволоки и разбежались в разные стороны. Второй день бреду вот так. Хорошо, что осталось недолго до прихода наших.

— Из каких ты мест?

— О-о, издалека. С Поволжья.

— Из какой области? — спросил Васюк, почувствовав, как дрогнуло сердце.

— Из Чувашии...

— Из какого района?..

Незнакомец вскинул голову и взглянул на Васюка.

— Что?.. Вы спросили, из какого я района? — спросил он и поперхнулся, потом быстро назвал свой район.

— Ты чуваш? — спросил Васюк на родном языке.

— Господи... И ты чуваш?.. Правда? Сколько лет не слышал чувашскую речь. Говори, родной, говори... Неужели ты мой земляк? Трудно даже поверить. Господи, господи... Родной мой... Братишка... Неужели?

Взволнованный земляк обнял Васюка. По его бледному лицу, покрытому щетиной, покатались прозрачные слезинки.

— А сам ты откуда? Из какого района? Давно в плену? Как же там наши живут дома? В каких местах, где бьются наши? — забросал он вопросами.

— Наши на германской земле. С двух сторон прижимают сейчас Гитлера.

— Слава Богу... Слава Богу, — радостно пробормотал пришелец. — Значит, скоро конец войне. И тогда — домой. Я голоден. Покорми чем-нибудь, родной...

— Подожди...

Скоро Васюк поставил перед земляком чашку с вареной картошкой и кусок сала.

— Кушай, хозяев пока нет. Не волнуйся. Я сейчас...

По другой лестнице Васюк поднялся на высокий чердак. Там в широкой большой трубе — дымоходе — висят несколько больших кусков сала, подвешенных специально для копчения. Васюк открыл дверцу дымохода, вытащил один большой кусок и разрезал пополам, другой аккуратно свернув, захватил с собой. В старое ведро положил яйца, укрыл и передал земляку.

— Ну, спасибо... Есть, чем питаться теперь какое-то время, — обрадовался тот. — Голод ведь не тетка. Милостыню просить непривычно, очень неудобно.

— Как по-твоему, скоро подойдут сюда войска союзников? — спросил Васюк.

— Не знаю, дружище. Я их не видел, только слышал пушечный грохот. Раз наши охранники разбежались, то, наверное, не заставят долго ждать.

— Куда направляешься?

— На восток. К своим навстречу.

— Ну, удачи.

— А ты...

— Мне пока нельзя уходить... Легавые будут преследовать. Хоть государство вот-вот распадется, немецкий фермер не хочет расстаться со своими работниками... К тому же, я не один.

— Ну, тогда, прощай. Живы будем, возможно, встретимся в родных краях, — он назвал свою фамилию, район, деревню...

Значит, американские и английские войска скоро будут и здесь. Свобода приближается. Свобода! Эх!.. На сердце светло и радостно. В то же время неожиданно подкралась тревога и начала грызть душу. Какие же они люди, наши союзники? Солдат, наверное, везде солдат... А Тоня там одна. Красивая, молодая... Кто защитит, кто за нее заступится, если случится что?

«Пойду. Нет больше терпения жить далеко от нее, всегда встречаться тайком и со страхом, как воры, — решил Васюк. — Люди вон вышли на свободу из лагеря. Хватит служить немцам. Молча выполнять их приказы».

Вечером Васюк собрал вещи и уложил в чемодан. Спустился тихо, как обычно и, пользуясь покровом темноты, поспешил по знакомой дороге. Будь, что будет... К утру он добрался в желанную деревню. Оставил чемодан у Володи и постучал в окно к Тоне.

— Тоня, я больше не пойду в деревню Хегляу. Не могу больше жить без тебя. Скоро придут союзники... Я боюсь потерять тебя.

— Вася... Васек... Любимый, — прошептала девушка в объятиях парня. — Я мечтаю днем и ночью только о том, чтобы всегда быть с тобой вместе... Но не надо было так торопиться. Тебя могут увести силой. Бросят в тюрьму. Забьют и искалечат. Я боюсь, Вася... Вася, — девушка заплакала, припав лицом к груди парня.

— Не бойся. Осталось уже немного. Скоро конец таким порядкам. Слуги Гитлера сейчас сами ищут спасения. Вон разбежались все лагерные охранники. Недалеко войска Америки и Англии...

— Но пока еще их ведь нет, — все еще тихо шепчет Тоня. — Может быть, не будет никаких изменений и с их приходом... Может быть...

— Нет, Тонечка. Они — наши союзники, открыли второй фронт, чтобы освободить нас из немецкого плена. Успокойся. Выбрось из головы эти бредовые мысли. Вот увидишь, все будет хорошо.

На другой день Васюк пошел к хозяину Володи.

— Герр Розенберг, возьмите меня к себе на работу. Я не ленив, это вы знаете... У вас я буду работать еще усерднее. Не будете каяться.

— Не могу, Василий, — покачал головой старый немец. — По закону ты должен жить и работать там, куда тебя послали. Нельзя мне нарушать этот порядок. Если даже соглашусь, тебя все равно уведут, а я должен буду заплатить штраф...

— Вы только возьмите. Не бойтесь за штраф. У меня есть деньги.

— Ну, попробуй тогда, поработай, — нехотя согласился фермер.

До обеда Васюк возил на поле навоз. Как только умылся, позвали обедать, во двор зашли двое полицейских. Один здешний, местный, второго Васюк не видел.

Хозяин пошел навстречу. Они коротко поговорили о чем-то, и Вилли Розенберг позвал Васюка.

— Арбайтсбух! — холодно потребовал незнакомый полицейский.

Васюк вытащил и показал трудовую книжку. Тот открыл, прочитал ее и положил в карман.

— Пошли! — показал он кивком головы на улицу.

Повели в соседнюю деревню, в полицейские отделение. Один зашел в кабинет, другой остался с Васюком. Прошло немного времени, когда полицейский вышел обратно.

— Заходи, — сказал он Васюку кратко и строго, как прежде.

Внутри двое. Широколицый, с пышными усами, мужчина пятидесяти лет сидит за столом, второй, худой и высокий, стоит прямо у окна и читает какой-то листок бумаги.

— Почему покинул назначенное место? — спросил сидящий за столом мужчина, как только Васюк вошел, снял и положил на стол свои очки.

— Я больше двух лет работал в деревне Остхайм. Здесь мои друзья, надежные товарищи...

— Если так, почему нарушил порядок? Без вины,

без причины тебя не перевели бы в другую деревню. Хорошего работника хозяин не прогоняет.

— Не знаю, почему. На мне вины нет. Можете спросить кого угодно, никто не может назвать меня ленивым.

— Это меня не касается. Куда послали, там и должен ты работать. Почему сбежал от Йохана Хендриха?

Васюк опустил голову и промолчал.

Уже второй день слышится откуда-то с запада грохот войны. Вот опять оконные стекла тихо задрожали.

— Мы не должны были, конечно, оставить это просто так... Ну, ладно. На первый раз достаточно предупреждения, — сказал полицейский. — Но если опять нарушишь порядок, придется поговорить по-другому. Понял? — он надел очки, написал что-то на лежащей перед ним бумажке и протянул ее Васюку. — Вот тебе пропуск, это твоя трудовая книжка. Если кто-то задержит на дороге, покажешь эту бумажку. Теперь топай обратно к своему хозяину. Попроси прощения...

«Что бы ни случилось, ты больше не успеешь поговорить со мной. Скоро конец фашисткой власти. Вон как грохочет. Недолго осталось ждать. Поэтому и простил ты. Иначе...» — чуть насмешливо подумал Васюк и вышел, взяв бумаги.

— Быстро тебя нашли, — зубоскалил Йохан Хендрих, как только он вошел во двор. — Я думал, будут искать дольше. Действительно, хорошо работает наша полиция. В этом нет сомнения. Ну, ладно, ладно... Не хмурься. Скоро уйдешь. И я не смог не заявить. Иначе и мне ведь попадет, придется платить штраф. Я не богач, чтобы так разбрасываться деньгами. Давай, потрудишься уж до конца войны... Голоден? Эй, Анна! — к имени жены он опять добавил безобразное слово. — Готовь еду, покорми Василия. Он идет в лес.

Лес небольшой, и хвороста там немного. Спилив ножовкой сухие ветки, Васюк аккуратно сложил их в широкую телегу и перевязал. Дорога к хозяйскому дому лежит через трассу, по которой бесконечно идут во-

енная техника и военные части. Унылые лица, усталые тела. «Поникли головой? Прошли сорок первый и сорок вторые года... Тогда вы были веселые», — подумал Васюк, остановив подводу. Когда же они пройдут? Наконец, показался хвост колонны. В немецких войсках последними шагают... власовцы... Советские люди, русские. С виду они ничем не отличаются от других. Такая же темно-серая, мышинового цвета форма, но на левых рукавах у них надпись РОА (российская освободительная армия). Неожиданно из переднего ряда вышли из строя двое и подошли к Васюку.

— Русский? — спросил один.

— Да, из России.

— Как ты попал сюда?

— Привезли. Работаю в ближайшей деревне, в крестьянском хозяйстве.

— Не хочешь присоединиться к нам?

— Не против, — ответил Васюк, помолчал немного, как бы раздумывая.

— Пошли тогда...

— Сейчас не могу. Должен отвести подводу к хозяину. Иначе он не простит.

— Ну, приходи. Наш полк в городе Менкендроф. Сразу заходи в штаб. Будем ждать...

Повернулись и побежали.

«Ждите... Приду, — насмешливо подумал Васюк, смотря вслед двум власовцам. — Я не был предателем и никогда им не буду...»

Хегляу — небольшая деревня, находится в двух-трех километрах от трассы. Наверное, поэтому там не было боев, не упал ни один снаряд. Они летели больше всего в сторону маленького городка Меркендорф, находящегося в трех километрах.

Однажды (Васюк хорошо помнит тот день — семнадцатого апреля), как только уселись завтракать, к ним торопливо зашел работавший в соседнем хозяйстве русский парень Миша Долгополов и весело сообщил:

— Вася, в Меркендорфе союзники! Пойдем, посмотрим!

Вот он настал, долгожданный день! Война окончилась! Они больше не слуги фашистам! Свобода!

Как ураган, ворвалась светлая радость. Как будто выросли крылья. Разве думаешь сейчас о еде? Не слушая хозяина, пытавшегося что-то сказать, молодежь выскочила на улицу.

А погода, какая хорошая погода! Тихо, тепло. Ярко-голубое небо чистое, без облачка. Ярко светит золотое солнце. Чистый, влажный, ароматный воздух. Земля покрыта муравой. Летает мошкара, красивые бабочки...

Маркендорф можно назвать и маленьким городком, и большой деревней. Там находятся, как и в деревне, одно- и двухэтажные светлые дома с высокими окнами, на главной улице — магазины, столовая, ресторан, пивной бар, разные ремесленные дома, комбинаты... На улицах висят белые флаги. Немцев не видно. Очень много американских солдат. Есть и офицеры... Теперь здесь они хозяева.

Идущих к центру города двух остарбайтеров заметили сразу. Группа солдат, стоящая недалеко и беседующая о чем-то, повернулась к ним.

— Рус! Рус! Виктория! Победа! — раздались голоса. Веселые лица, теплые белоснежные улыбки. Подошли, окружили. Объясняют что-то мимикой, жестикулируя руками и пальцами, хлопают по плечу, тыкают ласково кулаком в грудь. Потом один из них развел руками и обнял друзей за плечи, болтая что-то на своем языке, повел их к большому, длинному зданию. Вошли. Здесь полно народу. Больше союзников. Есть также люди из других стран, работавшие у немцев. Столы ломятся от еды и напитков.

Предложили сесть. Когда наполнили рюмки и выпили, один из офицеров вытащил пистолет и протянул его Васюку.

— Это тебе на память... Никого не бойся. Отныне ты свободный человек, а не немецкий слуга, — сказал этот англичанин, путая русские и славянские слова.

Васюк, никогда не пивший допьяна, в тот день дал волю своей душе. Не помнит, сколько сидел в гостях и сколько выпил. Оказывается, в такой обстановке незнание языка совсем не мешает. Васюк объяснял что-то кому-то не только по-русски, но и на родном языке, даже спел чувашскую песню. Ничего, даже аплодировали. Потом новоиспеченные друзья вышли всей гурьбой, радостно галдя, и проводили их до окраины города. В эту ночь двух друзей, двух остарбайтеров, не пугало то, что уже прошло девять часов, и есть опасность встретиться с полицией. Они свободны... Свободные люди!

— Миша, я прямо сегодня... Я прямо сейчас пойду к Тоне. Больше никто, ни одна душа не сможет мне запретить свободно встречаться с любимой девушкой... Вот сяду на велосипед Йохана и помчусь. Только соберу свои вещи, — до самого хозяйского дома бормотал Васюк.

Вошел во двор, но подняться в свою комнату на чердак не смог. Присел отдохнуть и уснул, положив голову на ступеньку.

— Ты погоди-ка уходить, — сказал ему на другой день Йохан Хендрих, увидев, как Васюк укладывает вещи в чемодан. — Сначала надо узнать, пришли ли американские войска в Остхайм. Для линии фронта и двадцать пять километров немало. Иначе там опять попадешь в лапы полицаев. Может случиться беда. Говорят, береженого бог бережет... И нам, старикам, очень нужен помощник. Ведь в полях начинаются работы. Земля ждет трудовых рук. А? — шутливо ткнул его в бок хозяин.

Эх, Йохан, Йохан! Ну как не согласишься с тобой!.. Ты не был вредным хозяином для Васюка. Ваш вождь, помешанный на войне, мечтающий прославиться кровью, обманул вас, обещая создать для немцев рай на земле, увел обоих ваших сыновей из дома. Одного проглотила война, другой находится в госпитале. И выздоровев, вернется домой без ноги, калекой. Внуков у вас нет, сноха вышла замуж за другого. Одна-

ко ты не хочешь сдаваться, не хочешь подпускать к себе горя. Шутишь, хорохоришься. Но сможешь ли скрыться от жизни? Твое тело согнулось, глаза погасли, быстро устаешь. Жаль тебя, старик, правда жаль...

— Правильно говорите, Йохан. Наверное, мне придется действительно пожить немного у вас. Весточка, конечно, не заставит себя долго ждать, скоро дойдет, — ответил Васюк, внимая словам старого немца.

Еще два дня поработал Васюк в его хозяйстве. Приготовил семенное зерно, вдвоем вспахали, пробороновали...

— Завтра я уйду, Йохан Хендрих. Дай мне велосипед, чтобы добраться до железнодорожной станции.

Лицо хозяина недовольно дернулось.

— Ох, Василий... Столько работы... Ну, ладно... Велосипед прислони к зданию станции подальше от места, где снуют люди. Немцы, конечно, не возьмут, но в нынешние времена какие только люди не ходят. Могут и спереть. Анну пошлю следом. Она заберет.

— Прощайте, Йохан Хендрих.

— Прощай, Василий. Желаю удачи в дальнейшей жизни. Мы тоже надеемся на лучшее. Война кончилась... Лишь бы сын скорее поправился и вернулся.

Придя в деревню, Васюк сразу повернул к желанному дому, распахнул дверь и вошел во двор. Собака злобно залаяла и бросилась, звеня цепью, к вошедшему человеку. Занимавшийся чем-то в сарае хозяин бросил свою работу и вышел навстречу.

— А-а, Василий, — сказал он, приветливо посмеиваясь. — Заходи, заходи... Проходи. Перестань! — сердито крикнул он заходящейся от лая собаке. — Ты, Василий, заходи, заходи... Я ее привяжу.

Как он изменился! Как будто никогда не кидался на Васюка, сжимая большие кулаки, с холодным злобным видом...

Васюк пошел в сторону дома. Навстречу бежит Тоня.

— Вася! Василек! Любимый мой! Счастье мое!.. На-

конец-то вместе, навсегда вместе... Больше никто, никто не сможет разлучить нас, — счастливо прошептала девушка, горячо обнимая парня.

Жизнь круто изменилась. Полицаев не видно. Никто не приветствует словами «Хайль Гитлер!». Приезжие из других стран больше не работают. Немецкие хозяева больше им не хозяева. Однако еще кормят их. Так велели им победители...

— Слышал новость? — подошел как-то Володя к стоящим на улице друзьям. — Я видел Ивана.

— Ну, — слышались сразу несколько голосов. — Жив, значит. Слава Богу...

— Похудел и почернел. Прошел прямо передо мной, не промолвил ни слова, даже не поздоровался. С двумя солдатами зашел к прежнему хозяину. Избил его до потери памяти. Говорят, сейчас тот плашмя лежит, — закончил Володя свою речь.

Несколько минут стояла тишина.

— Значит, пришел отомстить... Сколько времени прошло... Не забыл, — то ли одобряя, то ли осуждая, покачал головой Алеша Хожило, голубоглазый парень с каштановыми волосами.

— Ну что ж, — заявил тут же Толя Майтрук. — Око за око, зуб за зуб, говорят. Иван и сам больше недели лежал, харкал кровью.

— А где он сейчас? Все еще в деревне?

— Ушел вместе с солдатами.

— Вася, а ты не был у своей хозяйки?

— Нет пока... Но есть мысль заглянуть...

— Иди-ка, поговори. Напомни, как тебя увели из деревни, как преступника.

Тонины узкие брови дернулись недовольно. Она хотела было сказать что-то, но промолчала...

Грохот войны двинулся куда-то на восток и совсем утих. Но бои еще не закончились. Как бы там ни было, Гитлер не хочет сдаваться. Будто бы он приказал своим солдатам биться до последнего человека.

— Получила письмо от Кати, — сообщила Тоня в эти же дни. — Зовет к себе. Поедем?

Катя — родственница Тони. Работала в городе Вайсенбург на ткацкой фабрике. Хотя между ними не больше двадцати пяти—тридцати километров, родственницы не встречались, лишь изредка обменивались письмами...

На следующее утро молодые люди сели на велосипеды и отправились в путь. Разливающийся свет восходящего солнца согревает все вокруг, тебя ласкает легкое дуновение ветра. Где-то на полпути, проезжая через большую деревню, Васюк с Тоней увидели собравшуюся у пятиэтажного дома большую толпу людей. Путники сошли с велосипедов.

— Что здесь происходит? Для чего собралось столько людей? — спросил Васюк у одного молодого поляка.

— Дают вещи. Одежду, — ответил тот.

— Что? Продают дешево?

— Дают... Просто так... Бесплатно...

— Как?.. Кому?

— Мне, тебе, — показывая на бирки на груди, сказал поляк. — Короче говоря, всем, кого пригнали из других стран... Правильно делают. Молодцы ребята, наши освободители. Сколько лет мы проливали горячий пот за несколько немецких марок... Неужели не заслужили?.. Вон еще одна группа зашла. Пойдем и мы поближе.

Около двери стоят два французских солдата и следят за порядком. Вот Васюк прошел мимо них и вошел внутрь. Товарный склад большой, пятиэтажный. Чего только здесь нет! Не пересказать. Выбирай, что нужно. Бери, сколько хочешь. Никто не запрещает, никто не проверяет. Увидев такое богатство, Васюк сначала растерялся. Хочется прихватить и то, и другое. Все нужно. Потом взял себя в руки. Стал осматривать не спеша, внимательней. Вот подходящие ему костюмы... Рубашки. Обувь. А что там толпятся женщины на втором этаже? У-у, сколько здесь одежды для них! Васюк опять выбрал, тщательно осматривая, самые красивые вещи, которые бы понравились его люби-

мой девушке, связал в один сверток и вышел к Тоне, ожидающей его на улице.

— Что касается одежды, мы никогда не были богаты, — сказала девушка, осмотрев вещи в свертке. — Мы выросли в домотканой одежде. Теперь из-за войны жизнь стала еще хуже. Дома у меня мама, отец, вернувшийся раненым с войны, и три сестренки. У тебя так же...

— Ты хочешь завтра приехать опять? — с улыбкой спросил Васюк, внимая словам девушки и одновременно вспоминая и о своей деревенской, домашней жизни.

На другой день собрались восемь человек, решили отправиться в путь вместе.

— Русские товарищи... друзья, — подошел к ним немец средних лет. — Я тоже, как и вы, пошел на войну четыре года назад. Лежал в госпиталях, был и в лагере. Только сейчас вернулся домой. У меня трое детей, жена, мать. Весь обнищал. Возьмите меня, пожалуйста, с собой...

Молодежь недолго думала.

— Ладно. Пошли.

Кто-то дал ему свой пиджак с надписью «Ост».

— Но там у некоторых спрашивают и по-русски. Я сам слышал, — предупредил Васюк немца. — Ты не отходи от меня. Если вдруг что-то спросят, молчи. Я сам отвечу...

В этот раз у вещевого склада толпится еще больше народу.

— Завтра надо поехать пораньше, — сказал один из ребят, вернувшись с полными тюками в деревню.

— Нам с Тоней хватит. Мы больше не поедem.

Остальные не согласились с Васюком.

— Почему не брать, если дают?.. Разве мало использовали немцы нашу силу? В летнее время работали без сна.

— Ваша воля. Мы больше не поедem...

Наконец, девятого мая, наступил долгожданный день. Победа! Наша Красная Армия сломала до основания фашистский строй. Стихли звуки войны, громыхавшей днем и ночью около четырех лет. Больше не стреляют, дома на разрушаются, не горят, не льется кровь... Но сколько несчастья, мучений, нечеловеческого горя, слез принесла эта война миру. Сколько тысяч лет живет разумный человек на земле, однако не может остановить опасность войны, положить ей конец... В душе зашевелились тени прошлых лет, причиняя душевную боль: вот Анзор Такварелли, попавший под бомбу, еще не оказавшись на поле сражения, вот идущие по пятам вражеские танки, убитые и раненые красноармейцы, командиры, вот застрелившийся на улице, окруженной оккупантами в Керчи полковник, вот юный Юра Остапчук, закрывший навеки глаза на руках у Васюка в Аджимушкайской пещере, вот прощание с другом капитана, который вывел несколько сотен человек из вражеского кольца, вот Ехем, с которым вместе бежали из лагеря... Дни и ночи, проведенные в мучениях в каменной пещере и в немецких лагерях... Васюк жив. Смерть не тронула его. Значит, он может назвать себя счастливым человеком...

Новые хозяева распространили весть по деревням:

— Желаящим вернуться на Родину собраться в лагере, в городе Кунценхаузен!

Настал долгожданный день. Среди близких друзей Васюка не оказалось никого, кто захотел бы остаться, не уезжать отсюда. Домой! Домой... До Конценхаузена двенадцать-тринадцать километров.

— Ну, когда пойдём?..

— Нужна лошадь. У кого попросить?

— Немцы по своей воле не дадут. На полях горячая пора.

— Володя, у твоего хозяина четыре лошади. Придется одну забрать.

— Хорошо. Но он не слушает меня. Вася, ты договорись с ним сам.

— Все вместе пойдем, — сказал Васюк. — Пока об этом молчок. Мы сообщим ему об этом в последнюю очередь...

Уже обо всем договорено, вещи аккуратно уложены, на следующий день должны выехать.

— Тоня, я схожу к фрау Пакельмайер, — сказал Васюк, кладя в карман пистолет.

Заметив это, девушка выпрямилась, внимательно посмотрела в глаза парню. Подошла, обняла, опять посмотрела в глаза.

— Вася, пожалуйста... Зачем он тебе? Выложи его обратно. Ты не слушай других. Ничего ведь не случилось. Мы вместе... Мы снова вместе...

— Ты это о чем, о пистолете? Это же подарок. Я его всегда ношу с собой. С другой стороны, Пакельмайер не твоя, а моя хозяйка, — так шутливо парень отвязался от девушки и вышел из комнаты.

По правде, в этот момент он и сам не понял своих намерений. Действительно, зачем так демонстративно сунул он пистолет в карман?.. Чтобы похвастаться? Или чтобы вдруг напугать? Или ему захотелось поразмахивать этой опасной игрушкой перед фрау? Что за неосознанная темная тайная мысль крутилась в его голове?

Вот он добрался. Во дворе никого. Васюк сильно дернул и открыл дверь и вошел в коридор. В этот момент как раз из его бывшей комнаты вышла фрау Фрида, остановилась, как вкопанная и впиалась глазами в парня. Ее взгляд упал на пистолет, торчащий из кармана, чистое лицо побледнело. Молча женщина прислонилась к косяку двери. Так они стояли некоторое время, глядя друг на друга. Васюк не выдержал, почувствовав внезапный прилив крови к лицу, отвел взгляд.

— Добрый день, Василий.

— Добрый день, фрау Пакельмайер.

— Я слышала, вы завтра уезжаете.

— Да... Я пришел попрощаться с вами, — сказал Васюк и вздохнул свободно, как будто сбросил с себя тяжелый груз.

— Хотите покушать?

— Я сыт.

— Все равно проходи. Попьем кофе. Думаю, не будет лишним и вино.

Скоро фрау Фрида накрыла стол — поставила дымящийся кофе, подала нарезанную тонкими кусками белую булку, сливочное масло, наполнила рюмки домашней ягодной настойкой.

— Какие новости от солдат? Карл не вернулся? — спросил Васюк.

— О Карле пока не могу сказать ничего. От него нет писем, нет его имени и среди погибших. Думаем, не попал ли в плен... Муж лежит в госпитале. Ранен в ногу. Пишет, что рана не тяжелая...

Когда Васюк собрался уходить, хозяйка попросила немного подождать и вышла из комнаты, затем принесла довольно большой, аккуратный сверток.

— Это тебе, сало, — протянула она Васюку. — Дорога длинная. Не будет лишним.

Проводила до самой двери двора, протянула огрубевшую в работе теплую руку.

На повороте улицы Васюк почему-то оглянулся — Фрида Пакельмайер не зашла, стоит на том же месте и смотрит...

«Какой хозяин прогонит хорошего работника? Не могла удержать свою ревность...» — пронеслись в голове слова, которые, посмеиваясь, произнес Йохан Хендрих. Тогда эти слова вошли в одно ухо и вылетели из другого. Почему теперь неожиданно вспомнились они ему? «Ерунда. Никакой ревности, никакого чувства не было. Быть не могло, — сказал Васюк себе. — Фрау Фрида мудрая, умная, порядочная женщина...» Это действительно так. Но все же чувство не подчиняется разуму. У него своя жизнь, свои пути-дороги. Не принимая никаких отговорок, несмотря на преграды, оно рождается неожиданно, разгорается,

пылает, освещает, согревает, обжигает душу до боли, волнуя, лишает покоя... Нет, нет, с сердцем не поспоришь...

На другое утро собравшиеся в дорогу молодые люди зашли к хозяину Володи.

— Герр Розенберг, нам нужна лошадь, — сказал Володя, выступив вперед.

— Ой, ребята... Ой, дорогие мои, — застонал тот. — У меня нет лишней лошади. На поле столько работы. Пожалуйста, не трогайте. Как же я без лошади...

— Мы ее не возьмем навсегда. Нам она нужна лишь, чтобы добраться до Кунценхаузена. Если согласны, поехали с нами. Довезете нас и вернетесь обратно.

— Куда я поеду, оставив хозяйство? Сейчас дорог каждый час, — настаивал недовольный хозяин на своем.

— Ребята, выводите одну лошадь, запрягайте...

— Ну, ладно... Отвезу, — согласился наконец герр Розенберг.

Дорога не далекая, но тяжеловозы немецких крестьян не бегают рысцей. Вот, наконец, показались несколько барачков за колючей проволокой на окраине города... Бараки... Одноэтажные длинные постройки. Как пугали душу, какой холодный ужас вызывали они. Однако темные длинные здания сейчас не испугали Васюка, лишь взволновали воспоминания, скользнув в душу.

— Вилли Розенберг, спасибо, что проводили, — сказал он, когда подвода остановилась. Он развязал вещевой мешок, вытащил один пиджак и дал его немцу. — Это вам на память от меня.

Друзья тоже последовали его примеру. Каждый передал хозяину лошади какую-нибудь нужную, хорошую вещь. Немец не выдержал, расплакался.

В лагере набралось много народу. А люди все прибывают. На другое утро, услышав шум моторов, Васюк вышел из барака и увидел приближающуюся колонну больших зеленых грузовиков. Скоро пятьдесят машин подъехали, гудя, и остановились одна за дру-

гой. Затем сразу тронулись и помчались по трассе. Прощай, баварская земля! И вы, прощайте, освободившие нас союзники!

Спешат машины по гладкой ровной трассе. Мимо проплывают поля и леса, мелькают города. Дует летний встречный ветер... Эй, кто вы? Куда спешите? Мы — советские люди! Возвращаемся домой! Домой! Домой...

— Скоро прибудем домой. Увидимся с родителями и сестренками, — счастливо щебечет сидящая рядом Тоня. — Куда поедем сначала? К вам? Ленинград ближе. А, Василь?

— Давай-ка вернемся сначала в свою страну. Там и договоримся.

«Вряд ли отпустят здоровых молодых людей сразу домой. К тому же, мы ведь были во вражеском плену», — пришло вдруг в голову. И радостное настроение пропало. К сердцу пробралась холодная тоска. Однако Васюк сумел спрятать свои тревожные мысли от любимой девушки. Пусть пока радуется...

Дорога оказалась утомительной. Наконец, машины свернули на улицу какого-то города. Везде страшные следы боев, разрушенные и полуразрушенные дома, окна с разбитыми стеклами, кучи мусора. Колонна машин подъехала к железнодорожной станции и остановилась возле большого высокого здания. Над ним развевается красный флаг. У входа стоит часовой с автоматом. На его плечах — погоны. До того, как Васюк оказался в плену, погон еще не было. Издалека бросается в глаза кумачовый транспарант, на котором белыми буквами надпись — «Наше дело правое, мы победили. Сталин». Горожан не видно. Лишь прохаживаются советские солдаты. Когда остановились машины, полные людьми, солдаты начали быстро собираться возле них.

— Кто вы? Русские? Куда едете? А-а, угнанные на работу к немцам...

— Ай, эта девушка очень красива. Доченька, оставайся с нами...

— Не дашь адреса? Приду свататься, — раздались шутки, веселый смех.

Из машины, возглавляющей колонну, вышел офицер американских войск, к нему подошел наш командир. Они поприветствовали друг друга и вошли в здание, где стоял часовой. Затем прибывшим велели сойти с машин, построили, повели к видневшемуся невдалеке товарному поезду и посадили в вагоны. Спальных и сидячих мест нет. Работавшие в Остхайме сыновья и дочери России и Украины, как самые близкие люди, зашли в один вагон и устроились в углу.

Поезд тронулся, но не торопится ехать. Не прошло и получаса — остановился, снова тронулся, снова остановился... Иногда стоит на месте не часами, а сутками... Всюду слышится сердитое ворчание, нетерпеливая ругань.

Васюк хорошо понимает настроение спутников — ведь хочется поскорее добраться до родного дома, где не был столько лет.

Закончилась еда, взятая с собой в дорогу, голод напомнил о себе. Почему им со дня отправления не дали ни крошки еды? Этого никто не знает, даже начальник поезда. Благодаря доброй Фриде Пакельмайер, ее гостинцам, Васюк с Тоней не страдали от голода. А другие... Голод не тетка.

На станциях, на остановках поезда, не запрещают выходить.

— Товарищи! Друзья! Я нашел картошку. Пошли быстрее!

Вот счастье!.. На ближайшем поле, где-то около километра, в буртах есть картошка, бери, сколько хочешь! Кто ее выкопал и убрал, с какой целью заложил их в бурты в поле, об этом проголодавшие люди долго не раздумывали, наполнили мешки и ведра, понесли в вагоны. Не только, чтобы сварить пару раз, но и на будущие деньки запаслись. Кто знает, сколько еще придется им жить в этих теплушках...

А по железным дорогам бесконечно спешат поезда — с востока на запад, с запада на восток. На стан-

циях и разъездах снуют военные. На одной такой многолюдной станции Васюка снова подстерегла неожиданная опасность.

Он взял ведро, вышел из вагона и пошел к водопроводной колонке. Одет с иголки, на руке часы, которые выменял на костюм в Баварии. Наверное, были хорошие, дорогие часы. До сих пор Васюк не держал в руках такую вещь, не разбирался в этом. Только хотел наполнить ведро, подошли двое военных — капитан и старший лейтенант. Перебросившись несколькими словами, один показал на часы и попросил продать.

— Была бы пара, с радостью подарил бы вам одни. К сожалению, лишних нет. Эти нужны самому, — ответил Васюк, поднял полное ведро и хотел уйти.

— Стой!.. Не спеши. Надо поговорить. Пошли в комендатуру, — сказал капитан, внезапно похолодевшим тоном.

— Что вы?.. Зачем?.. Вы, наверное, путаете меня с кем-то... Я...

— Давай, шагай. Там поговорим, — оборвал его старший лейтенант, сунув правую руку в карман.

Прошли по улице города. Ведут в лес. «Здесь не может быть никакой комендатуры», — подумал Васюк. Он остановился, снял часы и дал разбойнику в форме капитана.

— Возьмите...

— Вовремя одумался, — сказал тот и дал Васюку пинок под зад. — Убирайся отсюда...

Позже, через многие-многие годы, Васюк прочитал в одной газете довольно большую статью. В ней сообщалось, что после окончания Великой Отечественной войны на западных железнодорожных станциях и дорогах орудовали шайки бандитов в военной форме. «Наверное, я попал в руки таких бандитов», — подумал тогда Васюк.

Наконец, дорога с бесконечными остановками закончилась. На одиннадцатый день под Бреслау (сейчас это польский город Вроцлав) велели выйти из

поезда. Интуиция не обманула Васюка. Здесь мужчин отделили, построили и повели в город. Прочитали приказ о том, что мужчин в возрасте от шестнадцати до сорока лет призывают в Советскую Армию. Полк, батальон, рота, взвод, отделение — все как в настоящий армии. Когда узнали, что Васюк имеет среднее образование, его назначили ротным писарем. Не было лишь указаний о выдаче военной формы.

— Придется идти пешком. Подумайте об обуви, — предупредил их ротный. — Кроме смены белья ничего не брать.

— Как же?.. У нас... Мы... — слышались недовольные голоса.

— Ничем не могу помочь. Это приказ... Пока все свободны до вечера.

Так скоро погасла светлая мечта о родном доме. Потухли взгляды, поникли головы. В душе закружились тревожные чувства.

— Василь, — догнал Васюка, одиноко бредущего к поезду, рослый красивый парень с черными большими глазами. Это Петро Курчейко, парень из западной Белоруссии. — Непокойно на душе, я начал бояться. По-моему, нас отправляют или в тюрьму, или в Сибирь. Ты что скажешь, а?

— Не болтай ерунду... За что нас заключать в тюрьмы? Зачем отправлять в Сибирь? Мы ведь оказались в Германии не добровольно, — возразил Васюк, пытаясь упорядочить безрадостные мысли, крутящиеся в голове. — Нас призвали в армию, потому что подходим по возрасту. Сколько человек погибло на войне. Армии нужна свежая сила.

— Тогда почему нам не выдают формы? Ротный командир не зря сказал подумать об обуви.

— Мы сейчас в Польше. Может быть, оденут, когда доберемся на Родину.

— Нет, нет... Это не запись в армию... Тут что-то другое, — не соглашался Петро. — Ты говоришь так только, чтобы меня успокоить... Послушай, Василь, — парень посмотрел по сторонам, — давай убежим, —

тихо добавил он. — Здесь в Польше живут мои родственники. Я умею говорить по-польски. Дойдем спокойно. Никто нас не найдет...

— Так ты никогда не сможешь вернуться домой. Не увидишь родителей.

— Думаешь, вернешься, если отправят в Сибирь?..

Больше Васюк не видел Курчейко. Не смог, бедняга, справиться со страхом, не хватило духу вернуться на Родину...

Поезд, на котором они приехали из Германии, стоит там же. Увидев Васюка, Тоня подбежала навстречу, взволнованно посмотрела на любимого.

— Ну, что? Что сказали?..

Выслушав Васюка, девушка грустно опустила голову.

— Значит, мы сегодня вместе последний раз, — сказала она горестно. — А я-то думала, война окончена и нас никто больше не разлучит...

Оставшиеся несколько часов они провели вместе, гуляя по полям, сходили в город. Война не пожалела и его, сильно потрепала, разрушила, поломала... Вечером Васюк попрощался с Тоней, другими девушками и женщинами.

— Я буду ждать тебя. Что бы ни случилось, — сказала любимая девушка, вытирая слезы. — Ах, Вася, как не хочется расставаться...

— Не плачь. Самое страшное позади. Мы живы, в своей стране. Значит, встретимся все равно. Ну... я должен идти. До свидания. Когда прибуду на место назначения, напишу, — с такими словами парень последний раз обнял и поцеловал девушку и, сдерживая нахлынувшие слезы, повернулся и ушел.

«Увижу ли?» — пронеслась в голове какая-то мрачная, холодная мысль... Поднявшаяся с запада черная, тяжелая туча закрыла солнце. Ее рваные, окрашенные алым цветом края запылали, как горящие угли. Поднялся пронизывающий ветер, беспокойно свистя закружил дорожную пыль, закачал верхушки деревьев.

На другой день после завтрака новоиспеченный полк вышел в дорогу, с западной границы сожженного и разрушенного войной польского государства, изо дня в день, с утра до вечера брел он на восток. Месяц и две недели шли впроголодь. В первые дни было очень тяжело. Некоторые мучились, натерев ноги. К счастью, человеческий организм привыкает ко всему. Наконец, перейдя границу, ступили на землю Западной Украины. Вот и добрались до Родины. Куда отсюда? Оказалось, никуда. Возле города Ковель построили в лесу шалаши и начали изучать военное дело, проводить учения. Такая жизнь продолжалась до холодов. Единственная одежда изнасилась и прохудилась, на некоторых осталась одна рваная майка. Правду сказал Петро — нет, они не призванные в армию молодые ребята. Это только название. Скорее всего, их, долгое время работавших на немецкой земле, держат, не распуская, чтобы проверить, понаблюдать за ними. Значит, и здесь уши и глаза НКВД, типы, похожие на Арсения, среди командиров и политработников — в каждой роте, может, и в каждом отделении...

Дни проходили монотонно. Когда лужи начали покрываться тонким прозрачным льдом, лесных отшельников повели на железнодорожную станцию и посадили в теплушки. Куда же теперь приведут их пути-дороги?.. Нет, не в тюрьму и не в Сибирь. Значит, не достаточно вины для этого. Их ожидал Донбасс. Слава Богу, не очень далеко от дома, к тому же в теплых краях...

9

В Донбассе добывают уголь. Васюка, бывшего до сих пор ротным писарем, оставили на этой же должности. Возиться с бумагами нетрудно, но зарплата маленькая и продуктовый паек маловат, не хватает досыта поесть.

«Что это я, молодой, здоровый мужчина, не смогу работать на добыче угля? У них там и зарплата повы-

ше, хлеба, масла, мяса и других продуктов выдают им побольше», — думал Васюк.

Поменять работу оказалось нетрудно. Он написал рапорт, и командир роты, вызвав к себе, только спросил, зачем он хочет перейти на эту работу.

В шахте нужно спускаться на четыреста десять метров вниз. Васюк — вагонщик. Они вдвоем толкают вагонетку, нагруженную тонной каменного угля, по узкоколейке к месту, откуда их поднимают на поверхность земли. Работа нетрудная.

— Послушай, а зачем мы толкаемся вдвоем за одной вагонеткой? — сказал однажды Васюк своему напарнику, когда немного привык к новой работе. — С этой работой и один справится.

— Не нами придумано. Наверху лучше знают об этом, — вяло возразил тот. — Если оттуда скажут, будем толкать по одному.

— Все же, я поговорю.

— Хочешь выслужиться?

— Э-эй, ты, однако. Так может повиситься и зарплата. Подумай сам — один человек выполняет работу двоих.

— Попробуй тогда, потужись. А я пока отдохну...

Сдвинутый с усилием вагон тронулся и покатился по своему пути. Работать можно... Действительно, начальник шахты с одобрением отозвался о Васюке — новый метод, рационализация труда. Скоро на шахте имени Калинина начали работать по этому методу. Некоторое время спустя Васюк толкал и по два вагона. Зарплата, несомненно, намного выросла.

Спустя время у Васюка зародилась новая идея. Слишком просто возить уголь. Интересней стать забойщиком, разрабатывающим его. А что, если попытаться?.. В этот раз, когда он написал заявление, не было вопросов зачем, почему, согласились охотно. Сначала надо научиться работать в забое... Смог, выучился... Новая работа, конечно, нелегкая. Разбивая в течение семи-восьми часов плотный слой каменного угля, устаешь до изнеможения. Но, все-таки, он теперь шахтер, на-

стоящий шахтер! К тому же не среди отстающих. Имя Васюка в числе стахановцев... Его портрет висит на стенде на территории шахты рядом с портретами лучших работников. Вот так!.. До сих пор нигде, никогда, как бы он ни старался, не так уважали и не ценили его труд...

Работа работой... Но не забывают свои обязанности и те, кто должен проверять людей, живших во вражеской стране. Не прошло и десяти-двенадцати дней с начала работы, как однажды ночью разбудил Васюка, спокойно спящего в общежитии, молодой милиционер.

— Вставай... Одевайся скорее... Надо идти, — сказал он.

— Куда?

— Недалеко...

— Зачем?

— Придешь, узнаешь...

Вышли на улицу — стоит машина. В народе они назывались «черный ворон». Васюк догадывался и ожидал, что его вызовут таким образом. Бояться нет причины. Его совесть чиста перед Родиной. Несмотря на это, сердце тоскливо сжимается. Кто его знает...

В небольшой полутемной комнате за столом сидит военный среднего роста. Ночная лампа слабо освещает его плечи, широкую грудь, лица во мраке, можно сказать, совсем не видно. Вытянувшись, как того требует военный устав, Васюк доложил о своем прибытии, затем сел в указанном светлом месте напротив того человека; хоть и не видел его глаз, он почувствовал душой, что они впились в него, как гвозди. Допрос начался с приказа рассказать о себе. Пытаясь подавить волнение, Васюк стал рассказывать по порядку, подробно, неторопливо: все раскрыл — начиная с детства, кончая последним днем.

— Я слушаю, слушаю... Что дальше? — сказал человек из темноты, как только Васюк замолчал.

— Что еще?.. Я все рассказал...

— Как все?..

И началось. По его словам, он знает все о Васюке.

И то, что еще до войны он якобы был связан с немецкой разведкой, и что он попал в плен с целью перейти на сторону немцев, и что в Аджимушкайской пещере он подговорил людей сдать врагу... Оказывается, он не убежал из немецкого лагеря, а оккупанты отпустили его специально сами, и еще, и еще, и еще... Если хочет сохранить жизнь, Васюк должен лишь раскаяться и признать свою вину, и раскрыть имена своих соратников, с которыми вместе боролись против Родины...

— Мне не в чем раскаиваться и нечего добавить. Я рассказал о себе все. Я никогда не был связан с врагами народа, не предавал Родину.

— Кто может подтвердить сказанные здесь тобою слова?

Хорошо, что Васюк, перед тем, как расстаться, записал адреса своих товарищей. Он назвал имена Тони, Алеши, Володи, Ксаны, Остапа.

— Расскажи еще раз. Последовательно, досконально... Теперь запиши свое вранье на этой бумаге... Вот ручка. Все. И имена упомянутых тобой товарищей, и их адреса. Посмотрим, кто они...

Допрос длился более трех часов. Затем тот же «черный ворон» отвез Васюка обратно в общежитие.

Четыре раза вот так ночью Васюка будили и увозили. Те же речи: «Подробно раскрой все, о чем спросили...», «Как имена и фамилии товарищей?..», «Какие у них адреса?..», «Вот бумага, напиши подробно...» Последний допрос начался так же. Позже капитан начал покрикивать, бить кулаком о стол и грозить. «Не верю ни одному твоему слову! Ложь! Все ложь! Почему скрываешь?.. Почему обманываешь? Ты враг народа! Такие, как ты, не достойны жить на земле!..» К счастью, это было последним «приветом» от капитана. Может, и не прекратились на этом проверки и наблюдения, однако больше Васюка не увозили ночью. Некоторых таскали долго. Были и те, кто обратно не вернулся...

Жизнь постепенно начала налаживаться. И без де-

нег Васюк больше не страдает. Уже успел приодеться. Однако настоящей свободы нет. Он все еще считается военным. До каких пор будет продолжаться такая жизнь? Неужели хотят оставить его здесь навсегда? Ему уже, как молодому хорошему шахтеру, предлагают поехать на курсы горной геологии. Учеба, конечно, не мешает, но Васюка тянет в свои родные края. Когда он заговорил об этом с командиром, тот лишь отрезал: «Через год дадим отпуск. Съездишь».

Мысли о Тоне тоже не выходят из головы. Васюк тоскует. Ему хочется увидеть ее, хочется слышать ее нежный шепот, хочется любить... Девушка мечтает о том же. Она тоже пишет о желании поскорее встретиться и жить вместе, спрашивает, можно ли к нему приехать. Однако, как ее вызвать? Куда? В общежитие? Здесь нет места для семейных. Если даже есть, кто им разрешит там жить? Ведь они не законные муж и жена. Если хотят расписаться, Васюку нужен паспорт... Об этом он собирался поговорить с командиром, но не успел. Жизнь, начавшая было поправляться с одной стороны, готовила новый жестокий удар с другой...

Говорят, судьба... Есть ли она на самом деле? Если есть, кто вершит наши судьбы? Откуда она приходит к нам? Разве жизнь, прерванная без вины, в юности, тоже судьба? Почему в ней так много горя и страданий?..

Однажды, вернувшись с ночной смены, Васюк получил письмо, взял в руки конверт, вздрогнул. По телу побежал озноб. Письмо из Тониной деревни, и фамилия такая же — Крестьянникова, но почерк другой... Буквы, написанные вкривь и вкось. С первого взгляда ясно — написал малограмотный человек.

«Дорогой наш человек, Василий. Не хватило сил сообщить сразу. Три недели назад мы похоронили нашу любимую доченьку Тоню...»

Васюк почувствовал резкую боль в сердце, потемнело в глазах. Что это?.. Нет!.. Нет!.. Не может быть! Но написано точно так: «похоронили».

«Когда работала на ферме, ей пришлось много таскать тяжелого. Умерла от кровотечения, бедняжка. И ее сына не смогли спасти. Обоих похоронили в одном гробу... В горячем бреду все время называла твое имя. Звала тебя. В день смерти, придя в себя, попросила бумагу и ручку. Откуда-то нашла силы, присела. Думала, наверное, напишет много. Вскоре пожаловалась на усталость, прилегла отдохнуть и снова начала бредить... Больше писать нет сил. Ушла наша Тоня, ушла навеки от нас. Посылаю и ее письмо. Прощай, Василий.

С уважением мать Тони Гликерия Павловна...»

Васюк взял другой листок внезапно ослабевшей рукой и развернул. Тонин почерк. Сердце сжалось от боли, а глаза продолжали бегать по строчкам. «Милый Василек! Мой синий цветочек! Пишу тебе последний раз. Все стараются меня ободрить, говорят, что я поправлюсь. Но я чувствую, скоро моя жизнь прервется, смерть у изголовья. Ухожу я, скоро уйду навсегда. Последняя мысль о тебе, последний порыв души к тебе. И ты вспоминай меня хоть иногда. Наш сын...»

Как будто оглушенный, Васюк какое-то время не мог двинуться с места. В голове шумит, где-то далеко что-то звенит — то ли колокол, то ли протяжная грустная песня. Кроме этих мучительных звуков в голове ничего нет. Потом монотонно пробили настенные часы. Маленькая дверца открылась, и показалась пестрая кукушка, весело прокукував несколько раз, объявила время и снова исчезла за дверцей, Васюк не слышал и ее — перед ним плыл бледный образ Тони. Ее тонкие крепкие руки тянутся к Васюку, ласковые глаза сияют, пухлые губы шевелятся, шепча нежные слова...

— Василек! — раздалось совсем рядом.

Вздвигнув, Васюк поднял голову, посмотрел вокруг — никого нет. Он встал, подошел к кровати, упал навзничь на подушку и зарыдал, трясясь плечами...

Однажды, выйдя из продовольственного магазина, он встретился с начальником участка, всеми ува-

жаемым Антоном Панкратовичем, или по-другому Панкратычем. Поздоровавшись, Васюк хотел пройти мимо.

— Подожди, Вася, — остановил его тот. — Ты в общежитие?.. Мне тоже надо туда. Пойдем вместе... Хочется спросить, — сказал он, немного помолчав. — Что это ты сник в последнее время? Не случилась ли какая-то беда? Здоров ли ты? — впалые глаза старого шахтера пытливо взглянули на парня.

— Письмо пришло, — вздохнув, нехотя проговорил Васюк. — Сообщили о смерти жены и сына. Никак не могу оправиться с того времени... Не идет из головы...

— Жена и сын? Разве ты женат? Я ознакомился с твоей анкетой. Помню, как будто там было написано холостой.

— Мы познакомились и сошлись с Тоней, когда работали у немцев. Как только прибыли на нашу сторону, нас разлучили... Не успели расписаться...

— Вон как!.. Ай-яй-яй! Ну-ка, расскажи, расскажи... Васюк снова вздохнул тяжело.

— Гм... Жаль... Жаль, — сказал Панкратыч, внимательно выслушав молодого человека. — Что поделаешь. Живым — жить.

— Вот теперь пишут, что отец нездоров... И раньше он побаливал. В тысяча девятьсот сороковом году меня призвали в армию. С этого времени я не видел домашних.

— Ты не говорил об отпуске?

— Сказали, отпуск дадут через год работы.

Старый шахтер, пощипывая гладко выбритый подбородок, подумал немного.

— Вот что, Вася, — сказал он. — Ты напиши заявление на имя командира. Они же не железные. Должны понять человеческую душу. И я со своей стороны поговорю с местным начальством. Ты у нас в числе самых лучших работников. Здесь умеют ценить таких.

Спасибо, Панкратыч! Недаром его уважают коллеги. Васюку дали отпуск и деньги. Нужная бумажка в

руках. Васюк готов выехать хоть сейчас, хоть сегодня домой. Но нет билета на поезд. На вокзале и днем, и ночью народу битком. Билетов то ли очень мало, то ли совсем не продают. В вагонах больше военных. Васюк не имеет времени ждать. Во что бы то ни стало, он должен ехать. Вот он, его поезд. Не только в вагонах, но и на крышах полно народу! Слышал Васюк, знает о таких пассажирах. Нужда учит. Поезд останавливается — все они на земле, только трогается — на крышах опять полно народу. «И для меня найдется место, — подумал Васюк. — Живой разум все устроит». Он повесил котомку через плечо и подошел к открывшейся двери вагона.

— Долго будет стоять? — спросил он румяного полнолицего проводника с большими усами.

— Пятнадцать минут, — ответил тот лениво, глядя тусклыми глазами куда-то вдаль поверх беспокойно снующих по перрону людей.

Васюк отошел и стал с волнением ждать. Вот подошел ожидаемый момент. Как только поезд тронулся, он ступил за одним парнем на ступеньку. Они перебрались между двумя вагонами, затем забрались наверх.

Последние дни июля. Погода теплая, и ночи не прохладные... В ярко-синем шелковистом небе плывут серебристые пушистые облака.

Поезд мчится, пыхтит, временами издает негромкие гудки. Неутомимые колеса спешат, словно беседуя о чем-то, постукивают бесконечно, монотонно. Мчащаяся впереди железная дорога сверкает на солнце: то бросает прямо, то поворачивает туда-сюда, то ветвится, переходит через высокие мосты. Ты действительно широка, любимая страна! У тебя много и бескрайних степей, и шумящих зеленых лесов, и рек в блестящем голубом наряде...

Так, не заходя в вагоны, пересаживаясь с поезда на поезд, Васюк все-таки добрался через неделю на родину... Соскочив на перрон, он с приподнятым настроением посмотрел вокруг, вдохнул полной грудью. Недавно прошел дождь. В маленьких лужах там и тут

блестят кружочки солнца. Еще не высохшие капельки на зеленой листве переливаются всеми цветами радуги. Над землей поднимается прозрачный белый пар. Влажный воздух благоухает то ли спелыми яблоками, то ли какими-то вкусными ягодами. Вдоль всего перрона ходят пассажиры, сошедшие с поезда. Стоят старушки и старики, вышедшие продавать снедь, детвора бегают. Со всех сторон слышится чувашская речь.

Почувствовав голод, Васюк купил несколько картофелин и чыгыт.

Отсюда до родной деревни надо идти пешком. Дорога неблизкая. Солнце пока высоко, до темноты можно успеть. Проселочная дорога привела Васюка в ближайшую деревню с ветлами. Улица длинная, почти пустая. Лишь кое-где видны старики и дети. Известно почему — страда, люди на уборке хлебов.

Рожь вблизи деревни уже убрана. Там сейчас пасется деревенское стадо. Пастушок бегают от одной скирды к другой, отгоняя телят, шелкает длинным кнутом, сердито покрикивает. Дальше простирается поле побелевшего и полегшего гороха... Родной край, знакомые с детства места, родной уголок...

Подчиняясь приподнятому настроению, Васюк снова вдохнул полной грудью и еще больше ускорил шаг. Скоро он догнал одиноко идущую впереди женщину. Наверное, ей немало лет, спина сторблена, на ногах лапти, на белое полотняное платье надета домотканая кофта с заплатками. Васюк очень захотел поговорить на родном языке, по-чувашски. Несмотря на то, что надо было спешить, он замедлил шаги и пошел рядом.

— Далеко собрались?

Женщина резко обернулась. Выцветшие голубые глаза и морщинистое лицо засветились вдруг радостью.

— Ой-ой! Васюк, это ты? — спросила она удивленно и радостно.

Вот тебе раз! Оказалась, родственница: Васюк догнал свою любимую с детства тетю, жену дяди Ильи.

— Тетя!

— Вернулся, сынок?.. Возвратился, наконец, к отцу и матери?..

Голос женщины задрожал. Она остановилась, обняла почерневшими руками Васюка за плечи и заплакала, всхлипывая.

— Полностью вернулся, окончательно?

— Нет пока. Только повидаться. В отпуск...

— Как так? За столько лет не рассчитался? Уже сколько лет...

— Надо поднимать разрушенное войной хозяйство. Там, на Донбассе не хватает мужской силы.

— Конечно, конечно, — согласилась тетя. — Война прекратилась. Постепенно все уладится. Пострадал, помучился, наверное много, но, слава Богу, остался жив.

— Да, — Васюк вытащил несколько яблок из котомки и протянул их тете.

— Кажется, ты не придерживалась Спаса, как моя мать. Попробуй гостинец с Донбасса. В магазинах ничего не купишь. Все по карточкам... Яблонь, конечно, у вас самих много. Сколько ягод и яблок мы ели в детстве у вас...

— Да, было много, — грустно кивнула головой женщина. — Сейчас нет ни одной. Все порубили на дрова...

— Почему?

— Вышел закон платить налоги за каждое плодородное дерево, за каждый ягодный куст. Из-за этого в деревнях вырубали все сады...

— Во-он как...

— Так, сынок, Васюк. Количество подлежащего сдаче государству очень возросло. Проверяют и берут на учет все, что растет в огородах, на каждой грядке. С учетом этого облагают налогом. А еще сдавать молоко с овец, с козы требуют шерсти. Эй-яй-яй! Когда было такое? Кто, когда доил овец?! Хорошо, что разрешили вступить в колхоз. Поравнялись с другими... Думали, кончится война, — улучшится жизнь. Вот тебе и улучшилась... Зерно выращиваем — хлеба нет.

— Как же тогда выживаете?

— Разве мы живем?.. Впроголодь... Когда сходит снег, собираем в поле гнилую картошку. Варим ши из крапивы и сныти, приправляя мукой. Слава Богу, травы достаточно...

— О Вече никаких вестей?

— От Вечи?.. Не-ет... Не было... Не знаем, — с трудом выдавливая слова проговорила женщина. Посмотрела на родственника, идущего рядом, робко и как-то виновато опустила голову.

— Мы переписывались с ним, когда я учился в техникуме и когда служил в армии.

— Да. Оба выучились. Веча закончил десятый класс с похвальной грамотой. «Мама, я стану учителем. Заработаю денег и куплю тебе красивое платье», — говорил он. Не успел получить ни одной зарплаты. Ушел и пропал... С начала войны от него не было писем.

— Он служил на границе. Если не погиб в бою, мог оказаться в плену...

— Кто знает... Кто знает, — женщина опять тяжело вздохнула. — Ах, сынок, Васюк... Сообщи-ка тебе новость. Тот, кто сказал, велел молчать... Очень тяжело на сердце... но ты надежный человек... Свой человек...

Хотя по дороге в поле они шли одни, женщина внимательно осмотрелась вокруг. Потом повернулась лицом к Васюку и опасливо прошептала:

— В сельсовет пришла бумажка... тайная, секретная бумага. Будто бы спрашивают, в какой семье вырос Ников Вячеслав. «Значит, Веча живой. Не убивайся так. Может, вернется», — сказал мне тот человек. После этого на душе стало еще тревожней. Он же считается сыном кулака. Наверное, не просто так пришел тот запрос. Значит, ищут за ним какую-то вину. А отсюда напишут, что сын кулака... Ах, эта репутация... Сколько горя она мне принесла. Теперь очередь сыну. Ну, я свое отстрадала. А он, ребенок, оставшийся без отца в семь лет, в чем виноват? Чувствует сердце — не к

добру эта бумажка... Да, Веча не вернулся домой. Больше о нем не было вестей.

Васюк попрощался с тетей и пошел по направлению к своей деревне, сильно взволнованный этим известием. Прошлое стояло перед глазами. Как его будили ночью и увозили на допрос, как уговаривал в полутемном кабинете капитан признать свою вину, как он кричал и бил по столу кулаком... Эх, Веча, Веча, Веча, бедолага!..

Когда алый диск солнца коснулся темного горизонта, идущий торопливым шагом Васюк увидел верхушки ветел своей родной деревни. Родные места... Как вы сейчас дороги Васюку, прошедшему через ад войны, прожившему годы в тоске в далеких краях! Родительский дом... Ты, светящийся манящим огнем во мраке. Ты, согревающий в морозы, родной уголок! Хочется поскорее увидеть близких людей, живущих там! Была отправлена телеграмма. Получили ли? Ждут ли? Несомненно... Иначе и быть не может... Нет, к сожалению, может. И по-другому бывает. Мир разный... В памяти всплыло новое воспоминание.

Устроившись в Донбассе полтора года назад, Васюк сразу же написал — Тоне, домой. Ответные письма принесли покой и радость сердцу. Любимая девушка живет надеждой на встречу с ним. Домашние очень обрадованы весточкой от него. Зовут скорее возвратиться. За Васюком, в сладких грезах читающим письма, наблюдал с кровати работавший вместе с ним его сосед, Дима Тимофеенко.

— Из дома письмо? От родителей? — спросил он неожиданно.

— Ага. Три года с лишним они не знали ничего обо мне. Очень обрадованы.

— Я, как и ты, попал в плен в тысяча девятьсот сорок втором году, летом. Как вернулся на Родину, сразу поспешил отправить письмо домой, — проговорил Дима вяло. — Но родители меня не ждут. Не рады, что я остался жив...

Пораженный Васюк не успел ничего сказать, па-

рень вытащил из кармана мятое треугольное письмо и бросил его другу.

— Вот, прочитай! — сказал и отвернулся к стене...

Все еще не переставая удивляться, Васюк развернул бумагу и прочитал строки, написанные без единой ошибки, аккуратным почерком. Какие бездушные, холодные слова!.. «Ты трус. Не мог умереть в бою с врагом, как настоящий советский человек. Ты опозорил нас. Никогда не возвращайся к нам...»

Неужели родители, умные люди, могли написать своему сыну, который испытал столько страданий, издевательств и мучений, такие ранящие душу слова? Наверное, занимают высокие посты. Господи, что делает с человеком жизнь? Васюк сидел какое-то время, застыв от удивления. Потом тихо встал и подошел к другу, лежавшему все так же молча и неподвижно лицом к стене, положил письмо к его ногам и быстро вышел из комнаты...

С виду деревня нисколько не изменилась. Те же ветхие, разваливающиеся ворота околицы, которые нужно закрывать с усилием, приподнимая. Пруд, небольшие потемневшие бревенчатые избы с двумя-тремя окнами, крытые соломой или тесом. В овраге ходят вернувшиеся из стада овцы, пощипывая зеленую траву. Возле одного дома две женщины смотрят на торопливо приближающегося молодого мужчину.

— Здравствуйте, односельчане! Салам, тетя Альтук! Салам, тетя Праски! Как поживаете? — обратился к ним Васюк, поравнявшись.

— Васюк, сынок, ты ли? А мы гадаем, кто. Прибыл, значит. Ну, здравствуй! — с такими словами они вышли навстречу соседу, несколько лет не бывшему в деревне. Протягивая огрубевшие в тяжелом труде руки, спросили:

— Как здоровье? Нормально? Все хорошо?

— Ничего. А сами как?

— Вернулся, наконец. Наши не смогли вернуться. И отец, и Митрий... Пришло извещение о смерти, — сказала одна, тихо всхлипывая.

Слезы войны... Муки войны... Необъятное горе войны... Сколько они будут длиться? Годы пройдут. Жизнь изменится. Придет новое поколение. Но никогда пережитое не сотрется из памяти людей, прошедших сквозь эти черные, страшные дни, неизлечимая тяжелая рана будет отзываться вечной болью в душе. Только смерть заставит забыть те муки. Только она унесет с собой все горести и страдания...

Кажется, сторонники войны должны об этом думать. Но нет, нет... То там, то тут на земном шаре вспыхивает пламя войны, рушит, сжигает, убивает. Что для них, разжигающих тот страшный огонь, реки народной крови, его горе, его муки и страдания?..

Поговорив с сельчанами, Васюк поспешил домой. Услышав стук в дверь, мать доившая во дворе козу оглянулась, увидев сына, медленно поднялась, наполовину наполненная чашка выпала из дрожащих рук, молоко пролилось и потекло по фартуку. Выбежал из избы отец, заметивший его из окна, стремительно сошел с крыльца и обнял его.

— Господи, слава тебе! Дождались... Жив, здоров, — сказал он, протяжно и хрипло вздохнув. — Ну, пошли!

Весть о возвращении Васюка облетела маленькую деревеньку, как молния. Только успел он выложить немногочисленные подарки и гостинцы из котомки, дверь распахнулась и в комнату влетел юнец.

— Братик! — закричал он и радостно повис на шее.

— Коля, ты? — удивился Васюк, когда крепкие руки отцепились. Васюк невысок, но братишка, хотя ему пошел восемнадцатый год, еще ниже.

— Почему-то не торопится он расти, — сказала мать, поняв. — И в армию его не взяли за невысокий рост.

— Что удивляться. Плохо питается, а работы... — проговорил отец и закашлялся натужно. — Работа трудная. Из-за моей болезни ему приходится больше трудиться... Откуда, на чем... — тяжелый кашель опять не дал договорить.

— Бог даст, не останется навсегда таким маленьким. Помнится, и братишка Илья в семнадцатилетнем возрасте выглядел двенадцати-тринадцатилетним подростком. Потом начал расти и за год догнал ровесников...

— Хоть и мал ростом, зато один из первых по успеваемости в классе. Через год стану бухгалтером и буду сидеть в конторе и двигать счетами, — пошутил Коля.

— Зажигай керосинку, будем ужинать.

На праздничном столе пенится пиво, отец выставил бутылку водки. Мать, привыкшая всегда и все экономить, сварила в этот раз не только обычный картофельный суп, но и целую миску яиц, еще подала пшеничную кашу с маслом.

— Слава тебе, Господи! Наконец-то все вместе, — вздохнула она легко, перекрестилась и села за стол. — Анисия тоже знает о твоей телеграмме. Она работает далеко и не может часто приезжать. К тому же, ребенок у нее маленький.

— Я и сам могу к ней сходить.

Как только поели и вышли из-за стола, пришли родители Ехема. Мать заплакала сразу, как увидела Васюка, отец тяжело опустился на табуретку, повесив голову.

— Конечно, время уже позднее. Как услышали о приезде Васюка, не стерпели, — сказал он.

И на другой день приходили сельчане. Израненное Тониной смертью сердце все так же продолжало болеть, несмотря на это, Васюк невольно ждал визита Надюш. Такова уж жизнь — не уйдешь за отошедшим в мир иной человеком, живой тянется к живому... Не выдержал и спросил ненароком у матери.

— В прошлом году она вышла замуж. Парень нездешний, из соседнего района, вернулся раненым с войны. Говорят, познакомились на лесозаготовке. Несмотря на нелегкую жизнь, справили что-то вроде свадьбы, — сообщила мать.

Ну что ж... У Васюка нет причины быть недоволь-

ным и упрекать ее. Девушке надо выходить замуж. Что толку от ожидания пропавшего без вести на войне? И чувство любви не бывает постоянным, и оно приходит и уходит. Однако... Однако почему ему вдруг так взгрустнулось?

10

Быстро пролетело время отпуска. Как велика привязанность к родному краю! Никак не хватает сил уехать. Все откладывая на завтра, протянул еще две недели. Но не ехать нельзя, иначе добра не жди... Когда только закончится эта принудительная работа? Когда ему скажут, мол хватит, отныне ты свободен, можешь идти, куда хочешь... Почему запрещают ему возвращаться в дорогие сердцу места, где родился и вырос? Он ведь школьный учитель. Живя впроголодь, испытывая всякую нужду, получил диплом педагога.

Итак, обычно всегда аккуратный в работе Васюк прибыл в назначенное место в этот раз с опозданием на две недели. Ему, конечно, не простили нарушение закона. Состоялся суд. Решили удерживать в течение полугода с его зарплаты одну вторую часть. Хорошо, что закончилось только этим. Если бы еще задержался, дело осложнилось бы, наверное, больше. Позднее в письме из дома сообщили, что на следующий день после отъезда Васюка пришли за ним два милиционера. Не поверив, что уехал, они обыскали везде — в амбарах и хлевах, спускались в погреб и подпол, даже поднимались на чердак, расспрашивали жителей деревни, где Митаев. Один из них заходил к отцу потом еще несколько раз. Лишь увидев письмо, пришедшее с Донбасса, перестал заходить, прекратил поиски.

После суда к Васюку подошел начальник участка Антон Панкратыч.

— Не горюй, парень, — утешал он. — Деньги, как вода, приходят и уходят. В жизни достаточно того, что дороже их... Надо бы встретиться и поговорить... Но не сейчас, чуть позже...

Старый шахтер пришел в общежитие к вечеру.

— Погода сегодня хорошая. Не хочешь прогуляться? Пошли тогда... Получил одежду, нет? Тогда надевай. Я тебя подожду.

Они шли по улице довольно крупного поселка. В одноэтажных домах живут шахтеры. Еще не темно. По небу катится половина лунного диска, она то ныряет под кудрявые облака, то появляется снова и рассыпает свой бирюзовый свет на округу. Блестящие звезды тянутся своими мигающими тонкими лучами к земле. Слабо светящиеся на столбах электрические лампы и свет в окошках хоть немного разжижают ночной мрак. По улице гуляет пронизывающий ветер. Он, хоть и не совсем холодный, но открыто намекает о приближающейся осени.

— Мы со своей старухой живем вот здесь, — кивнул Панкратыч на небольшой дом, выходящий двумя окнами на улицу. — Построили десять-двенадцать лет назад, когда дети были малы. Жили в большой тесноте. Сейчас остались вдвоем. Дочери вышли замуж, из сыновей один не вернулся с войны, второй женился и живет теперь в другом городе.

— Куда мы идем? — спросил Васюк, заметив, что старик продолжает идти по середине улицы, не сворачивая к своему дому.

— Как тебе сразу объяснить? — отозвался Антон Панкратыч, кашлянув, внезапно оробевшим тоном. — Недалеко отсюда живет одна женщина... Кхм... Кхм... Сколько тебе лет? Ага, двадцать четыре. И ей столько же. Она приходится мне родственницей со стороны отца. Только вышла замуж — через два месяца началась война. Не дождалась мужа, пришла похоронка... Ну, растит ребенка одна. Хорошая женщина... Скромная, красивая. Имеет добротный дом с постройками. Держит скот. Работает у нас бухгалтером. Может, ты видел ее...

Антон Панкратыч взглянул на Васюка и продолжил, так как парень все еще молчал:

— Сегодня у нее день рождения. Нет, она на приглашала, не звала меня. Но все же я решил зайти по-

здравить ее. Ну, сам знаешь, одному не очень удобно. В таких случаях нужен товарищ, чтобы посидеть, поговорить... Кхм... кхм...

Не успел Васюк обдумать эти слова, как Панкратыч свернул с дороги и направился по едва заметной тропке к ближайшему довольно большому дому. Сначала они зашли во двор, затем в темные сени. «Сваха» распахнул дверь в избу без стука.

— Антонина! Принимай гостей! — сказал он громко, переступив порог.

«Антонина! — В сердце у Васюка кольнуло. — Антонина... Тоня...»

Темная комната ответила молчанием.

— Есть кто-нибудь?

— Есть, есть. Сейчас, — послышался рядом женский голос. Раздался скрип двери, в комнате вспыхнул свет, и взволнованный Васюк увидел женщину в выцветшем ситцевом халате... Нет, только имена у них совпадают... Хозяйка дома и ростом выше его Тони, и полнее, и годами старше. Длинную русую косу она закрепила небрежно шпильками на затылке. Своими голубыми глазами она вопросительно смотрела то на Панкратыча, то на Васюка.

— Привет, Антонина. Что это ты в такой день — и одна? Я думал, дом полон гостей... Еще гостя привел. Значит, ты и не ждешь?

— Добрым гостям всегда рады, — ответила женщина звонким ласковым голосом.

— Видела ли, знаешь ли этого молодца?

— На Доске почета есть его фотография. Ну... видела, — сказала женщина, посмотрев на Васюка робким, но наблюдательным взглядом. — Проходите вперед. Я сейчас, — она снова вышла из комнаты. Не заставила долго ждать. Теперь появилась в темно-синем платье с белым воротником, подчеркивающим ее стройную фигуру и полные груди. И косу уложила аккуратно. На высоком лбу и около ушей вьются тонкие пряди волос.

Она протерла стол влажной тряпкой и подала не-

сколько кусков черного хлеба, пять-шесть картофелин в мундире, несколько яиц, огурцы, помидоры.

— Чем богаты, тем и рады. Проходите. Садитесь за стол, — пригласила Антонина. — Скоро вскипит самовар. Попьем чайку... Извините, не запасла то, что вам нужно, — улыбнувшись, женщина виновато посмотрела на мужчин.

— Не печалься. Это наша, мужская, обязанность...

Панкратыч вытащил из кармана своих широких брюк пол-литра водки, из другого — банку консервов и выставил их на стол.

Понятно, горячительное делает свое дело. Антонина симпатичная. Взгляд ее ласковых, голубых глаз невольно заставляет трепетать душу Васюка. Зародившееся горячее чувство незаметно набирает силу. Как только опустошили бутылку, Панкратыч стукнул кулаком по столу, как будто забыл о чем-то.

— Эх, нас сегодня пригласил к себе кум!.. Старуха, наверное, устала ждать. Ну, теперь будет ругать... — сказав это, он поднялся. Наспех оделся и быстро ушел.

— И я должен уйти, — встал и Васюк. — Время уже позднее. — Да, пора... Наверное, уже и общежитие закрыли.

Женщина подошла и встала перед ним. Ее голубые глаза смотрели ласково и внимательно, горячие ладони легли на плечи... Кружится голова, сердце радостно колотится.

— Я тебе нравлюсь? — ее нежный, ласковый голос, кажется, сводит с ума.

Губы тянутся к Васюку, приближаются...

— Скажи... Скажи... Нравлюсь? — шепчут они.

— Тоня... Антонина... — Васюк пытается из последних сил спастись от обжигающей страсти. — Я что... Я мужчина... Тебя... Тебя... Злых языков много. Может пойти нехорошая слава.

— Наплевать на людскую молву. Мне нужен ты. И я одна, и ты одинок. — Антонинины руки со страстью обвились вокруг шеи мужчины. Молодые, жаркие губы приблизились и соединились...

— Райская жизнь продолжалась недолго. Сами не заметили охотники за счастьем, как между ними вкралась ревность, подобно холодному змею.

— Почему вчера не пришел? Я тебя ждала. Встретил дружку?

— Ну, Тоня...

— Что «ну»! Что «Тоня»! — ядовитое жало у нее наготове. — Думаешь, не знаю? Видела я, как вы улыбались друг другу...

— С кем? Когда? Никого у меня нет кроме тебя...

— Говори... говори... Ври. Так и поверила. А Алевтина?

— У Алевтины есть муж. К тому же, ты ее называешь своей верной подругой... Тоня, так больше невозможно... Может быть, я тебе надоел? Не разойтись ли нам?

— Вот-вот. Знаю, давно я чувствую, что не нужна тебе... Тебя привлекают другие...

И слезы, упреки... снова слезы. Потом ураган немного затихает. Все нормализуется, все становится на свои места... Но только до следующего свидания, до следующей встречи... Ревность — враг любви. Она без единой жалости оскорбляет, топчет, ранит, уничтожает самые хрупкие и страстные чувства...

Как-то раз, когда сошел снег, Васюк получил письмо. Открыл. Напечатанные на машинке строчки прочитал он с волнением. Это был ответ на запрос направить его, Митаева Василия Михайловича, школьного учителя, на прежнее место работы, так как в республике не хватает кадров... Вот она, долгожданная дорогая бумажка. Ее наверняка отправили по настоянию Анисии. Когда Васюк был в отпуске, она, работающая инструктором райкома, обещала ему помочь, найти какой-то способ. Значит, нашла. Молодец, Анисия...

Руководители шахты не стали возражать. Нужные документы подписали и закрепили печатью. Антон Панкратыч один сдвинул мохнатые брови и недовольно покачал головой, хотел что-то сказать, но, махнув

рукой, развернулся и ушел. Васюк зашел попрощаться и к Антонине. Женщина смахнула скатившуюся слезу: «Что поделаешь... Сама виновата», — проговорила она и вздохнула. Последний раз сели они вместе за стол, попили чайку, и Васюк отправился на железнодорожную станцию. Там, как обычно, народу битком, билетов нет. Значит, придется снова ехать высшим «плацкартом» — на крышах вагонов... Однако апрель — не июль месяц. Днем светит солнце, можно терпеть. Но ночью на крыше вагона без шубы не обойтись. Не лишним был бы и тулуп. А Васюк в легком пальто. Однако сила духа, молодость, желание скорее попасть домой, душевный подъем и долгожданное чувство осознания себя по-настоящему свободным человеком позволили выдержать. Но прибыв домой и едва успев поесть после дороги, он свалился от озноба. Под теплым одеялом Васюк дрожал всем телом, затем болезнь начала его жечь, как на горячих углях. Но, слава Богу, молодой организм благополучно перенес и жестокую болезнь, и множественные злые чирьи, покрывшие его тело после болезни.

11

Весенние деньки отшумели. Освободившаяся от вешних вод земля тихо дышит паром на солнцепеке, покрывается травой-муравой. На ветках ветлы раскрываются почки и появляются нежные листочки.

Как только земля чуть просохла, в оврагах и буераках вблизи деревни, на крутых склонах появились стада овец, исхудавшие за зиму из-за недостатка корма, ягнята и детвора стали бегать-прыгать и играть.

К тому времени, когда Васюк оправился от болезни, крестьяне вышли в поле и занялись своим вековым трудом.

Оказывается, восемь дворов «инхозников» все так же живут отдельными хозяйствами. Из-за отсутствия лошадей, они, как прежде, собираются вместе, чтобы пахать, бороновать и сеять. Неудобренная земля жесткая, комковатая — высокого урожая не получишь.

«Как только выдерживают они? Зачем продолжают мучить себя?» — думает Васюк, управляя плугом, глядя на плетущихся женщин, впрягшихся вместо лошадей. Честно говоря, в колхозах тоже несладко. На фермах томится голодная скотина, исхудавших коров поднимают по утрам веревками. Все же колхозников облагают меньшими налогами, к тому же, они не впрягаются вместо лошадей. Земли «инхозников» неблизко от деревни. Как они выдерживают? Надо отвозить семенное зерно, привозить сжатые снопы, отвозить на элеватор за двадцать километров зерно, предназначенное для сдачи государству. Кроме этого, следует заготавливать дрова, за которыми надо отправляться пешком. Огороды у «инхозников» мизерные, половину урезали за то, что не вступили в колхоз... «Зачем терпят такие страдания? Досыта не едят хлеба. О мясе, масле и яйцах и речи нет», — думает Васюк, глядя на бледные лица женщин, на их исхудавшие фигуры.

Он, конечно, понимает — тяжело сейчас государству. Война, грохотавшая четыре года, сильно ослабила страну. Много времени и сил нужно, чтобы довести жизнь до прежнего уровня. Но ведь он работал в Донбассе. И там не было рая, но от голода не страдали. По карточкам выдавали и хлеб, и масло, и мясо, и разные крупы, и сахар. А здесь, сколько ни трудись, на пропитание не хватает. Чтобы не умереть с голоду, люди собирают гнилую картошку на полях. Дети плачут, прося хлеба, пухнут от голода. А государство все требует — и это дай, и то...

После окончания посевных работ Васюк решил пойти в райцентр и разузнать о будущей работе. До начала нового учебного года еще далеко, однако не мешает заранее сообщить о себе. Было бы хорошо, если бы нашлось место в ближайшей школе. Хоть какую-то работу по утрам и выходным дням в развалившемся хозяйстве можно брать на себя. Куда же пошлют? В начальные классы или, как прежде, все-таки в семилетнюю школу? Анисия говорит, в районе учителей не хватает. Размышляя об этом Васюк разыскал

длинное здание, в темном коридоре нашел нужную дверь.

— Можно войти?

— Пожалуйста.

За широким столом сидит худая узкоглазая женщина в возрасте за тридцать. На стене, как полагается, висит большой портрет Сталина. Через широкое окно на него сейчас падает луч солнца, приветливо отражается на гладкой раме. Кроме крашеного коричневого шкафа и нескольких старых стульев в небольшой комнате ничего нет.

— Проходите, садитесь, — предложила заведующая роно. — По какому вопросу?

— Я учитель. Хотел бы узнать, укомплектованы ли штаты в школах. Вот мои документы, — Васюк сделал несколько шагов и положил на стол документы, принесенные с собой.

— Нам кадры нужны, особенно учителя-мужчины. Вы вернулись из армии по демобилизации?

— Нет... Я...

— Хорошо. Документы пока оставьте, — торопливо проговорила женщина. — Мы просмотрим. Приедете через месяц...

Ровно через месяц Васюк снова вошел в этот кабинет. Женщина так изменилась... На приветствие не ответила, не предложила сесть. Молча вытащила документы из ящика стола и протянула их Васюку.

— Мы не доверяем вам учить молодое поколение, — заявила она железным голосом.

«На мне вины нет, я прошел тщательную проверку», — хотел сказать Васюк, застывший в середине кабинета — не смог. Язык не шевелился, в горле стоял ком.

— Можете идти. Я все сказала, — услышал он.

Васюк не помнит, как выскочил из кабинета, как шел по улице. Резкие слова воткнулись в сердце, подобно копьё, больно ранили душу. Лишь в поле он кое-как пришел в себя.

По обеим сторонам дороги далеко простираются

зеленые поля. Дружно поднимается заколосившаяся молодая рожь. В чистом небе поют жаворонки, над цветами по обочинам дороги жужжат пчелы. Но красота природы Васюка не радует, он даже не замечает ее. «Почему?.. Почему?» — звучит в голове вопрос. Но ответа нет, как ни ломай голову. Перед глазами возникают узкие холодные глаза, звучат жестокие слова: «Мы не доверяем тебе учить молодое поколение».

Что скажешь о силе слова? Слово и лечит, и ранит, может даже убить...

Значит, перед Васюком закрыта дорога в школу? Выкинь из головы, Василий Митаев, мечту стать педагогом. Не зови и не надейся...

Вся тяжесть ведения крестьянского хозяйства свалилась теперь на плечи Васюка. Полуразвалившиеся заборы следует отремонтировать. Крыша хлева, когда-то крытая соломой, сейчас прохудилась, обросла лебедой. До наступления зимы успеть бы заготовить дрова. А до леса пятнадцать-шестнадцать километров.

Правду говорят — беда не приходит одна. Как нарочно, в те же дни принесли из правления колхоза бумагу. Митаевы должны заплатить крупный штраф за то, что скот отпускают в стадо, а оно пасется на колхозной земле. Даже если четыре овцы и коза паслись бы в мягкой траве, достаемой до их живота, они не съели бы и третьей части той суммы, которую надо заплатить. А стадо ходит только по оврагам и буеракам. Пришлось побегать по судам, дойти до Верховного суда в столице. Действительно, уменьшили, оставили лишь четверть требуемой суммы. Те небольшие деньги, которые он привез с Донбасса, закончились быстро. Васюк не успел купить себе ничего.

Все же он не отчаивался. Пока молод, трудоспособен. Должен во что бы то ни стало найти способ освободиться от этой угнетающей нужды.

Жизнь усложняется тем, что здоровье отца с каждым днем ухудшается. Он постоянно кашляет, дышит с

хрипом, от нехватки воздуха бледнеет. Иногда захакивает фельдшер из соседней деревни (видимо, чтобы успокоить душу), но ничем не может помочь. Оставляет лишь рекомендацию положить в больницу. Ближайшая больница в районном центре. Чтобы доехать туда, нужна лошадь. Но Михал Сантарч и сам не стремится лечиться.

— В нашем роду почти не было мужчин, проживших больше шестидесяти лет. И дед, и отец, и братья дожили только до шестидесяти. Мне осталось два месяца, чтобы дожить до этой границы, — сказал он однажды, когда ему напомнили о больнице. — До этого придется помучиться. Слава Богу, Васюк вернулся. Коля тоже вырос. Они не дадут хозяйству развалиться...

По сравнению с ним, тетя Санюк еще держится. Она не осталась в стороне во время посевных и уборочных работ. Трудится в огороде, выращивает овощи, ходит на ближайший рынок продавать огурцы и помидоры.

— Васюк, — сказала она как-то. — Нынче уродился лук. И чеснок есть. Надо бы съездить куда-нибудь, чтобы продать их. На местном рынке слишком дешево. Работаешь-работаешь — денег ни гроша.

«Продавать? — подумал Васюк. — Ну что ж? По реке недорого. А товар можно найти в деревне...» Так, однажды утром Васюк вывез из деревни двухколесную тележку с двумя полными мешками.

В городе берут хорошо. Прибыль есть. Но только съездил два раза, милиционеры пришли с обыском...

С наступлением зимы отец ушел из жизни. Как предсказывал сам, прожил шестьдесят лет и два дня.

Эх, горемыка... Чтобы прокормить семью, вести хозяйство, он трудился без отдыха, но из нужды выйти не смог. Отдохни теперь, спи, земледелец Митаев Михал Сантарч. Пусть земля будет пухом...

— Мама, — заговорил однажды Васюк, — если жизнь не изменится, нам остается пойти с сумой по деревням. Мы с Колей хотим вступить в колхоз.

Васюк думал, что мать начнет, как обычно, возражать, противиться, но та лишь тяжело вздохнула и опустила голову.

— Вы вступайте, — сказала она, помолчав немного. — Я не пойду. Работы мне хватает и в своем огороде... Не буду вступать, — подтвердила она свои слова еще раз.

Перед весенним севом зашел к Митаевым незнакомый мужчина.

— Василий Митаев здесь живет? — спросил он, снимая фуражку.

— Здесь, конечно, — поднялся навстречу хозяин.

— Я директор МТС этого района. Моя фамилия Белов, Семен Степаныч. Можно звать и Семен... Вот что, Василий, — продолжил он, садясь на предложенную табуретку. — Мне коротко рассказали о тебе. В бригаде нам требуется грамотный, порядочный человек. Согласен идти к нам?

— Я бы пошел, но что там нужно делать? Я никогда не работал на тракторе. Совсем не умею.

— И не надо уметь. Будешь измерять вспаханные земли и записывать. Будешь вести учет расходов бензина и керосина. Сколько отработано, сколько еще нужно... Одним словом, учетчик тракторной бригады. Если согласен, бери бумагу и ручку и прямо сейчас напиши заявление на имя директора МТС. Не сегодня-завтра пора приступить к работе. Скоро начнутся посевные работы.

В бригаде шесть тракторов. Они обрабатывают земли шестнадцати деревень. Можно сказать, работа не трудная, не требует особой физической силы, но беспокойная. Нужно дойти до поля каждой деревни, где работают тракторы, измерить, рассчитать и дать сведения в контору МТС. Васюк проходит не менее тридцати километров в день. Он не любит неряшливой работы, старается выполнять задания хорошо и своевременно. Зарплатой не обижают. Трактористам колхозы дают зерно, платят и деньгами. Думал, «петля жизни» немного ослабла. Но только начались осенние пахот-

ные работы, дорогу Васюку опять перебежала черная кошка...

Учетчика, спешащего с полей одной деревни на другие, встретил бригадир.

— Хочу сказать тебе кое-что, — сказал он, шевеля иссиня-черными бровями. — Сегодня услышал. Утром я был в МТС. Сидели, разговаривали в кабинете директора, зашел мужчина в шляпе и галстуке. На меня даже не обратил внимания. Протянул руку Белову и уселся. Я узнал его — секретарь райкома. В позапрошлом году, когда выбирали Соловьева председателем, он приезжал в нашу деревню на собрание. Сильно хвалил он тогда нашего будущего председателя, предложил единогласно проголосовать за него... Сел он так и сразу заговорил о тебе, — продолжил тракторист свою речь. — «У тебя работает Митаев Василий Михайлович учетчиком? — говорит. — Он три года был в плену у немцев. Ты знаешь это? Надо сейчас же уволить его», — сказал он.

— Вон как?

— Ага... Чистую правду говорю. Своими ушами услышал, — кивком головы подтвердил тракторист. — Белов не соглашается с ним, возражает: «Он что, выпьет здесь весь бензин или керосин? Бухгалтеры хвалят, все в порядке, все у него на строгом учете. Все делает своевременно», — говорит. Тот все равно гнет свое: «Не знаю. Не слышу. Митаева нужно уволить из учетчика». Директор тоже не сдается, все против выступает: «Ну, уволим. Кто будет работать вместо него? Откуда я найду сейчас же другого человека? А потом, когда наступит осень, с кого требовать отчет? Нет, сезон начал он, пусть он и закончит. Иначе у нас тут трудовой порядок развалится...» Наконец тот нехотя согласился... «Ладно. Но предупреждаю. Случись что, ответ будешь держать ты», — сказал он и ушел... Вот так, Василь, — с некоторой жалостью посмотрел на него бригадир.

Думаю, читатель понимает, какво стало Васюку после этих слов. Ему захотелось сейчас же развернуть-

ся и уйти. Но он подавил вскипающую обиду и взял себя в руки. Как бы там ни было, надо работать... Васюк тяжело вздохнул. Но как жить, если везде тебе не доверяют, не уважают?.. Три-четыре раза заглянул к ним старший лейтенант милиции, житель соседней деревни, с которым он ходил в одну школу в детстве. Заходит, усаживается и начинает дружеский, теплый разговор — спрашивает о жизни в колхозе. Вспоминает дни войны, интересуется, где он воевал, как жил в плену... Понимает Васюк... Но что поделаешь?.. Не надо было возвращаться с Донбасса. Там никто не упрекал его за то, что был в плену, никто не смотрел косо. Уважали, его имя было в почете, платили большие деньги... Надо драпануть отсюда! Но куда без паспорта? Сельским жителям его сейчас не выдают. Дороги для него закрыты...

Печален облик послевоенной деревни. Дома с двумя-тремя окнами прижаты к земле, крыты соломой или тесом... Как-то утром идущий торопливо по соседней деревне Васюк услышал крики и рыдания. В тот же момент ворота ближайшего двора распахнулись и два молодых мужика вывели на улицу телку. За ними показалась хозяйка дома, за ней трое детей. Женщина подбежала к сопротивляющейся телке и обняла за передние ноги. Все плачут навзрыд — и мать, и дети, суетящиеся вокруг. Что это значит? Кто они, эти мужики? Бандиты, грабящие среди белого дня? Не-ет. Уполномоченные минзага. Они пришли в это хозяйство по требованию закона... За долгами... Из строений нельзя было продавать дом, из скотины не трогали корову, из продуктов — оставляли испеченный хлеб, из одежды не отбирали ту, что на человеке. Все остальное забирали на продажу...

Услышав шум, на улице появились люди. Васюк опустил голову и поспешил уйти... В школе, во время учебы в техникуме, учителя рассказывали им на уроках о том, как в царские времена угнетали крестьян. На страницах учебника был даже рисунок, изобража-

ющий, как за неуплату налогов вводили со двора корову... Ну, чем лучше нынешняя власть?

Не будет ли современный читатель упрекать автора: «Пишет о слишком ужасающих вещах. Верится с трудом»? О чем здесь рассказано, было на самом деле. Не только в одной деревне или в одной республике... Страдающие от голода люди, увязая в непросохшей от вешних вод пашне, собирали и ели гнилую картошку, сами должны были сдавать молоко и масло, шерсть. Никому не прощали эти долги... «Однако как только не славили великого вождя за создание богатой и счастливой жизни. Сколько песен и стихов написано о нем, сколько еще сочинят. Везде, на всех языках, — пронеслась в голове невеселая мысль. — Удивительно...»

Как-то утром, в конце ноября, как только установилась зима, заглянула бригадир колхоза тетя Анюк.

— Из района пришло указание. На днях нужно отправляться на лесозаготовки. Готовься, — сказала она, не проходя от двери.

— Надолго?

— Пока не выполнят план. Точнее, до весеннего распутия.

— Мужчины, наверное? Сколько человек?

— Оставшихся после войны трудоспособных мужчин можно пересчитать по пальцам. Сколько они смогут наработать за зиму?.. План большой. Придется отправить больше девушек и молодых женщин. Вот такова деревенская жизнь, — бригадир вздохнула, прошла к скамейке и села. — И добывать торф, и восстанавливать разрушенные города гонят девушек. На лесозаготовки и на другие самые тяжелые работы отправляют их. Хорошо, если платят за работу. А так, только ставят галочку в книжке. Зерна, выдаваемого за работу, не хватает перезимовать. Хлеба досыта не едим. Ходить в бригадирах тоже не женский труд. Устала до изнеможения. Уже сколько лет. Скоро состоится собрание. Пусть освободят. Хватит спорить и ссориться с соседями за колхозные дела...

Через три-четыре дня с рассветом из деревни выехали несколько подвод за шестьдесят-семьдесят километров на лесозаготовки. Разместили их на квартиры в ближайшей деревне. В каждом доме полно людей — по десять-двенадцать человек. Собрались из нескольких районов.

Труд лесоруба тяжелый. Зимой еще тяжелее. Устаешь, увязая в глубоком снегу. После того, как спиливаешь и рубишь топором, валишь огромное дерево, тянущееся ввысь, нужно обрубить ветки. Потом распилить на бревна длиной в три метра и выволочь на дорогу, нагрузить их на сани и отправить на железнодорожную станцию. Об усталости и не заикайся. Человек привыкает ко всему. Вечерами возвращаешься в многолюдную квартиру в мокрой до пояса одежде. Снимать и сушить, переодеваться сложно... Так они трудились до весны, до распутия.

Перед началом сева к Васюку опять зашел директор МТС.

— Что это ты до сих пор не выходишь на работу? — сказал он, приветливо потягивая широкую руку, как будто ничего не случилось. — Ждешь приглашения?

Васюк, который в это время колол дрова во дворе, вытер ладонью пот со лба и поправил съехавшую набок фуражку.

— Я больше не приду туда, — сказал он, нахмутив брови.

— Почему это?..

— Не будем играть в прятки, Семен Степаныч. Ведь вам в прошлом году секретарь райкома приказал уволить меня с работы.

— Ты знаешь об этом? Откуда?

— Дурные вести...

Директор вытащил из кармана папиросу и протянул ее Васюку, закурил сам.

— Вот что, Василь, — сказал он, рассеивая дым рукой, — плюнь на то, что слышал. Не вспоминай об этом. Приходи. Работай. Все остальное беру на себя.

— Нет, случись что-нибудь плохое, могут свалить

на меня. И вам попадет за то, что взяли меня на работу... Не зовите, не пойду, — отрезал Васюк.

Так прошли дни, годы. Правду говорила тетя Анюк. Работаешь-работаешь — а не хватает хлеба, чтобы досыта поесть, нет и возможности и по-человечески одеться. Хорошо хоть есть огород.

Как-то, тогда уже начались посевные работы, когда стемнело, мать налила вернувшемуся с работы Васюку дымящийся суп и села напротив.

— К тебе сегодня из соседней деревни приходила сваха, — глядя на сына веселыми глазами сказала она. — Не встретил на дороге жену Кирукова Терентея? Она как раз только что вышла от нас. Помнишь, наверное, Петера, сына Кушакова Микуля? Перед войной женился он. Ушел на войну и не вернулся. Сватала тебя к этой вдове. Она, будто бы, сказала: «Мне от него ничего не нужно. Лишь бы согласился перейти ко мне жить. Век бы любила и лелеяла, как ребенка». Сваха хвалит, что и дом хорош и богат, и сама ладненькая и трудолюбивая.

— Хочешь, наверное, выдать сына? — пошутил Васюк, хлебая суп.

С лица матери исчезла радостная улыбка.

— Э-э, сынок, чуваши не любят таких мужиков, которые ищут готовенькое. В народе не очень уважали таких и насмешливо называли девушка-Йаван... И женщине можно удивиться... Ни стыда, ни совести. Хочет переманить мужика, живущего своим домом, — добавила тетя Санюк недовольным голосом.

— Если жена Терентея придет еще раз, скажи — из родного дома я не уйду.

— Сказала я ей. Не послушала. Долго сидела, тебя дожидаясь.

— Мама, а Римма тебе нравится?

— Какая Римма? Дочь Чакакова Тимахви с другой улицы?

— Она...

Тетя Санюк бросила быстрый взгляд на сына и помолчала, как бы обдумав что-то.

— Родители, конечно, нормальные люди. Про дочь не знаю... — сказала она, наконец, несколько неуверенно.

— И девушка хорошая, мама.

— Хо... Вижу я ее иногда. По утрам часто выходит провожать скотину в стадо. На вид кажется хорошей... Что, хочешь взять ее замуж?

— Есть такие мысли. Но жизнь слишком тяжелая. Никак не вылезем из нужды.

— Что поделаешь. Нынче не только мы живем в нужде... Все равно надо жениться. Возраст уже подходит к тридцати. Скоро начнут называть старым холостяком.

Римма... Ах, Римма... Отрада души, его тайная страсть. Когда же это началось? Да в прошлом году, Васюк помнит как сегодня то прошлогоднее ясное утро... Широкий луг. Ароматный воздух, которым не насыщаться. Щебет птиц... Девушки и женщины в белоснежных одеждах. Впереди тихо колышится на ветру далеко простирающийся зеленый луг. Когда острую косу размахиваешь с усилием, со свистом, под ноги тяжело падает густая, высокая трава, сырая от росы. Закончив ряд, Васюк положил косу на плечо и пошел обратно. Навстречу косит Римма. Вот она остановилась, оперев косовище на плечо, вытерла тыльной стороной ладони пот с лица и стала завязывать, поправляя, спадающий до бровей белый платок. Когда Васюк поравнялся с ней, девушка взглянула на него. Ее карие глаза засияли чуть робко и очень приветливо. Ее вишневые пухлые губы чуть приоткрылись, чуть заметно шевельнулись, как будто она хотела сказать что-то. Этот нежный взгляд ворвался в сердце Васюка, и оно сладко сжалось. «Какая красивая!» — подумал Васюк, удивляясь, что до сих пор этого не замечал... Потом — любовь, незабываемые вечера на скамейке перед домом, волнующие сердце нежные слова...

Правильно, надо жениться. Из-за бедности нельзя провести жизнь в одиночестве. Римма хорошая девуш-

ка. Красивая, скромная, трудолюбивая. К тому же, она любит Васюка. Что еще нужно? Так думал Васюк после разговора с матерью. В тот же вечер, провожая девушку домой с хоровода, он сообщил ей свои намерения. Скоро начнется покос. После окончания этой работы Васюк пошлет сватов. Перед началом уборки хлебов они справят небольшую свадьбу и станут жить вместе — так договорились девушка с парнем. И с этого момента начали нетерпеливо ждать. Но не сумели дожидаться... Как говорится, не предназначенный тебе кусок выпадает изо рта... В июне в районном центре началась ярмарка. Оттуда украли и увезли любимую девушку в дальнюю деревню...

— Не убивайся так, — сказала как-то тетя Санюк, утешая изменившегося от горя сына. — Значит, не судьба быть вам вместе. От судьбы не уйдешь. В деревнях девушки еще остались. Может быть, и не насильно увезли, посватавшись, — добавила она через некоторое время. — Кто знает настроения нынешних девушек. Говорят, парень здоровый, красивый. К тому же, говорят, будто бы живет своим хозяйством...

Через месяц Васюк увидел их. Он открыл ворота околицы и вышел в поле — навстречу они. Значит, идут в гости к тестю. Ее муж, конечно, здоровый и широкоплечий, не чета Васюку. Римма посмотрела на бывшего своего парня и только молча опустила голову. Васюк тоже не сумел собраться с силами, чтобы остановиться, как ни в чем ни бывало, и вежливо поговорить. Только взглянули друг на друга и прошли молча. Через неделю душу разорвала ужасающая весть. Его любимая девушка повесилась! Об этом несчастье в деревне болтали многое. Многие упомянули в своих разговорах и Васюка (конечно, не обвиняя), но истинной причины происшедшего никто не знал. Бедная Римма не оставила записки и никому ничего не говорила.

Жизнь стала еще мрачнее. Васюк уже перестал надеяться на какие-то перемены, но однажды в газете заметил маленькое объявление. Прочитал. Глаза снова

впилась в строчки, по телу пробежало какое-то радостное предчувствие, сердце заколотилось быстрее. Говорилось, что требуются учителя в начальных, неполных средних школах в Хабаровском крае. Он взволнованно перечитывал объявление снова и снова. Обещают оплатить дорогу, предоставить жилье. Обрадованный Васюк улыбнулся и довольно потер руки. Значит, надежда есть. Но как туда выехать? Нужны деньги. И паспорт нужен... Думай, Василий Михайлович, думай. Может быть, найдешь выход. Вялость куда-то ушла, угасающая мечта проснулась снова.

Говорят, кто сам старается, тому и Бог помогает. В те дни, как-то утром, заглянул к ним дальний родственник, дед Кусюк.

— Васюк, я пришел поговорить с тобой об одном деле, — сказал он, потирая седую бороду, после того, как поболтали о том о сем.

— Не хочешь проехать по Волге вниз и вверх? В южных городах чувашскую картошку всегда покупали хорошо. Я пораспрашивал, желающие продать есть и в нашей, и соседней деревнях. Обрато привезем пшеницу. Там она дешевая, не так, как у нас. Как ты думаешь?

— Спасибо, дед Кусюк. Я сам подумывал об этом. Но милиция... Ну, успеем съездить, заметят...

Дорога оказалась нелегкой. На пристани полно людей, похожих на Васюка с дедом Кусюком. Пароходы ходят не часто. Проходят полные. В первую очередь нагружают нужные государству грузы, его заказы. Однако поездка была удачной. Иногда приходилось и хитрить, и подмазать нужным людям. Разве иначе сделаешь дело в России?..

В Ростове, действительно, чувашскую картошку разобрали быстро. На деньги, полученные от продажи, купили пшеницу... Вот и деньги есть. И чтобы отдать долги государству, и на дальнюю дорогу... Теперь надо получить паспорт.

В правлении колхоза председатель сидел один. Иван Терентьевич — высокий, узколицый мужчина около со-

рока лет — не местный. По призыву обкома оставил город, согласился стать председателем колхоза. Он старается, прилагает все силы, чтобы поднять развалившееся хозяйство, но пока не видно результатов. По трудодням платят слишком мало, колхозников, работающих усердно, становится все меньше. Сельчане, особенно молодежь, не хотят оставаться в деревне, стремятся в города.

Васюк вытащил аккуратно сложенную бумажку из кармана, развернул ее и протянул сидевшему за столом председателю.

— Я поступил учиться. Мне нужен паспорт, чтобы поехать туда, — сказал он. — Вот документ подтверждающий об успешной сдаче экзаменов и поступлении в техникум.

Это он здорово придумал, подав заявление в Мариинско-Посадский лесной техникум. Конечно, учиться там не входило в его планы. Главное — получить заветный паспорт.

Председатель внимательно и несколько удивленно взглянул на стоящего перед ним парня, не спеша надел очки и прочитал документы.

— Вон где ты был. В колхозе полно работы. А бригадир тебя никак не может найти, — пробормотал он недовольно. Некоторое время сидел в раздумье. — Ну что ж... Удерживать закона нет. Для желающих учиться дорога открыта.

Он опять замолчал на короткое время, барабанил пальцами по столу и уставившись в одну точку.

— Хорошо... Паспорт возьмешь. Но только на три месяца. Там посмотри: будешь учиться или бросишь и вернешься...

Почувствовал ли он настроение Васюка? Подняв голову, еще раз посмотрел в его глаза сверлящим взглядом, не спеша обмакнул ручку в чернила, и поставил подпись.

«Получилось! — подумал обрадованный Васюк. — Прощай, товарищ Родионов. Отныне я учитель. Меня ждет школа!»

Эх, родной край... Твоему сыну пришлось много лет терпеть страдания и испытания вдалеке. Но где бы он ни был, как бы ему ни было плохо, он ни на минуту не забывал о тебе: и в снах, и в мечтах был с тобой, тосковал, стремился всей душой только к тебе. Однако ты не встретил его как родного, не нашел для него ни доброго слова, ни благородного отношения. Встретил, как злая мачеха, обижал недоверием. Как бы усердно ни работал, ты не отзывался добрым словом, даже досыта не накормил хлебом.

Часть третья

1

К Васюку, который прибыл в Хабаровск со светлой надеждой, судьба вновь не повернулась лицом. «В школах учителей хватает. Вакантных мест нет», — ответили ему в крайоно. Побродив немного по городу, он вернулся на железнодорожную станцию, развалился на скамейке и впал в глубокую думу. Почему постоянно судьба ставит ему подножки? Вот опять... Есть в этом, конечно, и его вина. Учебный год начинается в сентябре, сейчас на носу октябрь. Он никак не смог выехать пораньше. Хотел завершить самые неотложные дела... Что же теперь ему делать? Куда ткнуться? Возвращаться обратно — не хватит денег на билет. К тому же, как он вернется обратно в деревню? Как посмотрит в глаза людям, председателю колхоза? Ведь не хочется стать посмешищем... На улицах города он прочитал немало объявлений. Чаще приглашают на работу лесорубов. Нет, душа не лежит к этому. Подряд шесть зим трудился Васюк на такой работе. Хорошо представляет себе, какая она... К тому же, что ни говори, он окончил техникум. Учитель. Неужели его образование, его знания никому не нужны?.. Васюк сидел и ломал голову над этими мыслями, когда вдруг слух его уловил слова «Колыма... Хорошо платят...»

— Колыма? Где это? — спросил он, повернувшись к беседующим незнакомым мужчинам.

Те прервали разговор и уткнулись взглядом в Васюка.

— Недалеко. Только сесть на пароход и проехать пять-шесть суток на северо-восток, — сказал один из них чуть насмешливо. — Слышал о Магадане? Вот отсюда и начинаются Колымские земли.

— Но такой области, края или республики не существует.

— Колыма — это название большой реки, начинается у Охотского моря и впадает в Восточно-Сибирское, — уже перестав улыбаться, вежливо стал объяснять мужчина.

— Как добраться туда?

Мужчина посмотрел на Васюка пытливым взглядом.

— Уж не хотите ли ехать туда работать? Однако все, кто там живет, стремятся скорее уехать отсюда.

— Почему?

— Потому что это каторжное место, зимой невыносимые морозы, летом комары и мошкара не дают покоя.

— Но люди же живут...

— Сосланные. Работники при НКВД и золотодобыватели-зеки.

— Как вы сказали?

— Ну, привезенные на работы арестанты.

— Я слышал от вас, что на Колыме хорошо платят.

— Правильно. К зарплате прибавляют проценты за работу на севере и в дальнем краю. Но только тем, кто приехал по договору. Ну, другие... Есть там освобожденные. У них жалованье, как у всех.

— Но все же... Наверное, они работают не только за хлеб?

— Конечно.

— А вы поехали туда по договору?

— Не-ет, — покачал головой мужчина. — Пять лет назад привезли под конвоем. А теперь вот освободили, как безвинно осужденного. Возвращаюсь домой в Смоленск... Ну, ладно. До свидания. Желаю удачи. — Двое мужчин встали и пошли к выходу.

Васюк решил расспросить подробно о дороге на

Колыму и в тот же день отправиться туда. Будь что будет... Сначала надо доехать до Владивостока. Недалеко оттуда на Японском море есть порт Находка. Находится прямо у границы. На другой стороне — Корея и Китай... Куда только не забрасывала судьба Васюка в последние десять-двенадцать лет! Как попавшую под ураганный ветер щепку, бросает то туда, то сюда. С Кавказа в Крым, с Украины — в Баварию. Вот теперь он стоит у Японского моря, а через пять-шесть дней так неожиданно-негаданно, как будто ведомый невидимой рукой, очутится в Магадане. В каких местах находится эта столица золотой земли? Вытащив из кармана только что купленную в киоске карту Хабаровского края, Васюк развернул ее. Вот он, на берегу Охотского моря. Новый город. «До нынешнего года Колыма входила в Хабаровский край, теперь является крупной частью Магаданской области», — объяснил Васюку незнакомец, встреченный на вокзале.

Хотя лето давно прошло, погода нехолодная. Солнце то ярко светит, то прячется за неторопливо плывущие по синему небу тучные облака. Нарядные деревья, накинувшие осеннюю одежду, привлекают своей яркой красотой. Несмотря на тихую погоду, море сердито шумит. По его поверхности без конца и края бегут покрытые белой пеной волны. Какая-то сила неодолимо гонит их в сторону неподвижно возвышающейся вокруг земли. Одна за другой бросаются они с грозным шумом на берег, как будто вот-вот с грохотом разнесут его. Однако безуспешно. Ударяются и, рассыпаясь, медленно сползают обратно. И так бесконечно — из года в год, из века в век...

Опять неудача. Пароходы приходят и уходят, вместе с ними проходят дни, тянутся недели. Васюк все еще на берегу. На пароходы берут только тех, кто возвращается из отпуска, едет по договору. Для них есть и отдельная гостиница. Для других на пристани — голые скамьи.

Вот и погода изменилась. Окружающая природа потеряла свой нарядный блеск. Блестящая, синяя

глубина неба померкла. По нему беспрерывно движутся свинцовые тучи. Дует ветер, часто моросит дождь. Пароходы приходят и уходят... Считанные деньги все убывают и убывают, несмотря на строгую экономию...

Наконец, счастье улыбнулось. На большом пароходе нашлось место всем. После того, как Васюк купил билет, у него остались деньги и на еду.

В столовой, прямо у входной двери, стоят два бумажных мешка, всегда полные сухарями. Наверное, много таких, как Васюк, оставшихся без копейки, среди тех, кто едет за счастьем в далекие, холодные края. Специально для таких горемык наполняют ежедневно эти мешки сухарями. Васюк не знает, откуда находится для этого лишний хлеб на пароходе. Может быть, государство специально выделило эту прибавку. Ведь в те времена хлеб был очень дешевый. Может быть, была возможность приберечь его. Может быть, это собранные и высушенные в столовой остатки хлеба. Как бы то ни было, большое спасибо тем, кто ежедневно наполняет эти два мешка сухарями. В баке тоже всегда есть горячая вода...

Говорят, беда приходит за бедой. Водный путь был тоже не без помех. Из-за какой-то неисправности машины дорога, которую должны были проехать за пять суток, затянулась на одиннадцать. Около двух недель — в объятиях бесконечно простирающейся темной воды. Охотское море холодное. Как только вошли в него, в бесконечно плещущемся темном пространстве появились редкие льдины. Их число все увеличивалось. Вот впереди Магаданская область... Вот земля Колымы. Васюк незаметно для себя вздохнул. Он знает теперь — эти места богаты золотом. Чтобы разыскать спрятанный где-то в земле драгоценный металл и добыть его, недавно пароходы привозили сюда десятки тысяч арестантов...

Наконец, пароход пристал к берегу. Перед тем, как выйти на землю, Васюк сменил верхнюю одежду: вытащил из дощатого чемодана шубу, шапку-ушанку,

валенки и надел их. Наконец, после того, как в течение одиннадцати суток плыл, качаясь на сердитых волнах, он оказался на твердой земле. Морская болезнь сильно изнурила многих пассажиров. Сутками лежали они, не поднимая головы и не принимая еды. Вот и закончилась мучительная и долгая дорога. Город Магадан, вот он, прямо перед ним...

Здесь настоящая зима. Под ногами скрипит снег. Бушует пронизывающий ветер.

Оставив позади каменистый берег, омываемый сердитыми волнами, покрытыми белой пеной, Васюк зашагал по широкой дороге вместе со своими спутниками в город. Недалеко слева виднеются приземистые дома с маленькими окнами, стоящие, прижавшись друг к другу. Это поселок Нагаево. Магадан тоже небольшой город. Красивых домов мало и на главной улице. Большинство одноэтажные, аляповатые, длинные бараки. Вокруг них — колючая проволока. По углам высокие вышки... Лишь не видно охранников с автоматами. К счастью, это лишь ужасные тени прошлого. Колымский край и его столица Магадан — уже свободная зона. Тех, кто в первый раз приехал искать работу, пригласили в длинный барак и зарегистрировали, здесь же дали место переночевать. Васюк, проживший одиннадцать суток, грызя сухари, почувствовал невыразимое желание поесть горячей пищи. Денег, конечно, нет, но он привез с собой чеснок. Поэтому в первую очередь побежал на рынок.

Утро. Темнота ночи вокруг еще не совсем рассеялась. Холодный ветер гонит свинцовые облака, покрывшие небо, студит и торопит идущих на работу людей, свистит вокруг бегущей в школу детворы.

На рынке продукты — и мясо, и овощи — очень дорогие. Конечно, и чеснок. Но стоять, чтобы продать, у Васюка времени нет. Он отдал все, что было, за полцены и побежал в столовую, затем разыскал контору бюро трудоустройства. В небольшом кабинете сидят двое мужчин. Один, молодой, остролицый (кажется, начальник отдела кадров), сидит за широким

столом и просматривает какие-то бумаги. Другой, лет сорока, сидит на стуле возле окна и читает газету.

— Слушаю Вас, — сказал остролицый глядя на Васюка с надменным видом.

— Я ищу работу.

— Что умеете делать?

— Я школьный учитель...

— У нас нет проблем с педагогами.

— Я добывал уголь на шахте.

— У нас такой работы нет. Нужен шурфовщик. Знаете, кто такой шурфовщик?

— Не знаю.

— Тогда не могу помочь, — сказал начальник, давая знать, что разговор окончен, он перевел взгляд на лежащие перед ним бумаги.

— Что ты сказал? — спросил, услышав их разговор, второй мужчина. Он убрал газету, быстро сложил ее и сунул в карман шубы, затем медленно подошел к столу.

— У нас не хватает шурфовщиков. А ты тут...

— Александр Александрович, ведь он понятия не имеет, что такое шурф.

— А ты объясни. Для чего тебе дан язык? — недовольно и сухо проговорил мужчина, сердито двигая бровями. — Копать землю не учат на специальных курсах. Сначала ты объясни, какая работа. Узнает — его право — согласиться или нет. Вот так... Шурфовщики, парень, — продолжил человек, глядя на Васюка, — не сидят в теплых кабинетах в городе или в поселке. Их рабочее место — в тайге. И зимой, и летом. Шурфовщик должен уметь в первую очередь орудовать лопатой, ломом и кайлом... Слышал о вечной мерзлоте? Она каменистая. Она мерзлая. Копай хоть на десять метров, хоть пятьдесят, все равно мерзлая. Приходится взрывать ее аммоналом. Поэтому работа еще и не безопасная... Вот и подумай, парень...

Получилось как в поговорке: убежал от медведя, попал в лапы волку. Но что поделаешь? Куда деваться? Назад дороги нет. Хоть бы жалованья хватало на жизнь.

— Ну, как? — взглянул мужчина на Васюка.

— Я приехал работать.

— Это мне нравится. Хорошее слово. Из каких ты краев? Издалека? А, значит, из Чувашии. Тогда мы близкие соседи. Можно сказать, земляки. Я из Горьковской области. Чувашей знаю хорошо. Трудолюбивый народ... Я возьму тебя. Наше геолого-разведочное управление находится в пятиста сорока двух километрах севернее отсюда. Я его начальник. Моя фамилия Петрашов, зовут Александр Александрович. Если и там начнут так же артачиться, только напomini мое имя... Приходи. Работа найдется, — с такими словами он сделал шаг в сторону двери, остановился. — Автобус к нам выезжает отсюда после обеда, — добавил он. — Время еще есть. Успеешь. Не забудь взять деньги в кассе. Устраивающимся на работу они должны оплачивать дорогу. Ну, удачи. По прибытии зайдешь в управление.

— Спасибо.

«Значит, начальник управления. Конечно, большой человек. Как строго он говорил с тем остролицым. Прямо прижал к столу... Геолого-разведочное управление... Сказал, что и зимой, и летом надо работать в тайге...» Сердце Васюка сжалось от тоски.

Пока автобус выехал, солнце склонилось на закат. Сказали, что ехать шестнадцать часов. Значит, он прибудет в нужное место не ночью, а утром. Это хорошо. В салоне нет свободных мест. Женщин только двое, остальные мужчины. Слышится негромкий говор, смех. Рядом с Васюком устроился молодой мужчина с широкой черной бородой, он то и дело наклоняется вперед и увлеченно беседует о чем-то с сидящим впереди. Васюк не сводит глаз от светлого окна и смотрит наружу на незнакомую природу.

Катится автобус по большой дороге. Хоть и далек путь, он не спешит. Куда торопиться? Путь его нелегок. Он объезжает горы с острыми вершинами, сопки, крутые склоны и лужи, поворачивает то направо, то налево, то вниз, то устремляется, завывая,

вверх. Поднимая снежную пыль и копоть, без конца с грохотом проезжают мимо встречные машины. Бежит впереди большая дорога, мчится по ней автобус. Плывущее в розовеющем зимнем голубом небе холодное солнце как будто заблудилось, оно то выглядывает впереди, слепя глаза, то остается позади, то сверкает издалека. По обеим сторонам неторопливо проплывают высокие гряды. Некоторые выскакивают высокими силуэтами прямо перед автобусом, будто преграждая путь. Вот они совсем рядом, кажется, вот-вот столкнешься, но дорога круто поворачивает и гора-великан остается за спиной. Виднеющиеся по краям дороги мерзлые голые деревья молча встречают шумные машины, снующие туда и обратно, молча их провожают. Изредка попадают небольшие поселки, потом опять дорога, далекая горная дорога...

Однообразный вид утомил глаза. Васюк удобно уселся в кресле и посмотрел на затихшего соседа.

— Это и есть золотая трасса? — спросил он.

Тот резко повернулся к нему лицом и его потухший взгляд ожил.

— Да, — тихо погладил он пушистую бороду. Его глубоко посаженные на полном лице узкие глаза уткнулись в молодого соседа. — Ты, что, никогда не был здесь до сих пор? Первый раз?

— Да. Приехал работать.

— На работу?.. По своей воле или... Гм...

— Рядом милиционеров нет. Значит, по своей воле. Помолчали.

— Ты правильно назвал, золотая трасса, — снова заговорил сосед. — Сколько сотен тонн вывезли этого чертова металла из этих мест по этой трассе...

— Так много?

— Много... Очень много.

— Тогда почему так ругаетесь? — несколько шутливо спросил Васюк. — Золото есть золото. Это мировая валюта, национальное достояние. Ну, можно даже сказать, слава...

— Ты не слышал, что богатством под землей управляет бес? — чуть пошевелив губами, улыбнулся и сосед. — Но, говорят, в самом начале, когда-то давно, это богатство было в руках Бога. Вот однажды он решил все золото подарить бедным людям, живущим непосильным трудом. Наполнил огро-омный мешок и отправился в путь. Об этом каким-то образом узнал черт. Захотелось злему врагу помешать доброму Богу совершить благородное дело. Вот Бог сел отдохнуть, почувствовав усталость, незаметно для себя заснул. А черту это и нужно. Он подкрался и проткнул мешок в нескольких местах. Проснувшись, ничего не ведающий Бог пошел своей трудной дорогой, а золото помаленьку сыпалось и сыпалось на дорогу. Бес шел следом и подбирал. Чтобы Бог не нашел это богатство, он спрятал его в разных необитаемых горных местах. «Золото теперь мое. Я поменяю его на человеческие души», — радостно думал бес... Поэтому вокруг золота всегда много смерти, — закончил, посмеиваясь, свой рассказ словоохотливый сосед. Затем, задумавшись, немного помолчал, еле заметно покачивая головой. — Я думаю, не спрятал ли тот ненасытный на человеческие души черт большую часть золота в этих мерзлых и болотистых краях, — снова услышал Васюк.

Сосед повернулся теперь всем телом к нему, вытянул шею и неожиданно приблизил свои губы к его уху:

— Недаром говорят, что эта трасса лежит на человеческих костях...

«На человеческих костях... Ай-яй... сильно сказано, — Васюк молча и удивленно взглянул на соседа. — Смелый. Не боится. Год назад за такие слова могли расстрелять», — подумал он.

— Что это ты так уставился на меня? — неожиданно проговорил попутчик резко похолодевшим тоном. — Хочешь запомнить и донести? Или сам работаешь в таких местах? Опоздал... Прошло ваше время. Лагеря закрываются. Сейчас выпускают на волю сотни

и тысячи осужденных по вине таких, как ты... Подожди, время придет, мы вас...

— Ты что?.. Что это ты начал шуметь? — впереди сидящий товарищ вскочил и метнулся в его сторону. — Сейчас же замолчи! Слышишь? Молчи, сказал! Спи!

Черная борода успокоился сразу. Виновато бурча и прося у кого-то извинения, он прислонился к креслу, закрыл глаза и затих.

— Вы простите его, — смягчив голос, его товарищ посмотрел на Васюка. — Набрался и не знает, что болтает. Не волнуйтесь, больше не будет беспокоить Вас. Вон уже спит...

Автобус мчится дальше. Время от времени делает остановку, двери открываются, одни выходят, другие заходят. Потом машина снова катится по своей дороге.

Белая округа давно уже утонула в ночном мраке. Лишь перед двумя фарами, освещающими путь, убегают эта темень. Еще встречные машины сверкнут подобно молнии и торопливо проезжают. В салоне темно. Прежний шум уже утих. Ночной сон крадется к неподвижно сидящим людям и утяжеляет веки, заставляя забыть о жизни с ее разнообразными планами и заботами. Вот он приблизился и к Васюку, прогнал беспокойные мысли и заключил в свои объятия...

— Ягодное. Сойдите, кто должен сойти, кто должен ехать дальше — на завтрак, — зазвучал в ушах голос водителя.

Васюк открыл глаза и посмотрел вокруг. В автобусе совсем светло. Проснувшиеся от сна пассажиры задвигались. Место вчерашнего соседа пусто. Значит, он сошел. В окно сочится рассвет. Из него видны здания и спешащие по дороге люди. Новый день начался. Прибыл Васюк в нужное ему место. Геолого-разведочное управление должно быть где-то здесь.

Он сделал только шаг, сойдя с автобуса, и вдруг задохнулся от морозного воздуха. Ай-яй, сколько все-таки градусов? Васюк застегнул шубу до конца, надел

варежки и последовал за прибывшими пассажирами в сторону стоящего недалеко длинного белого одноэтажного здания, чтобы покушать.

Поселок с названием Ягодное — районный центр. На прямой просторной улице стояли рядами отштукатуренные белые одно- или двухэтажные дома. На остальных улицах виднеются большей частью маленькие дома и длинные бараки. Слава Богу, не видать колючей проволоки, как в Магадане.

Геолого-разведочное управление расположено на главной улице, в длинном двухэтажном здании. Открыв дверь с надписью «Отдел кадров», Васюк вошел в небольшой кабинет. В этот раз процедура трудоустройства прошла без проволочек.

— Поедешь на участок Бючинах. Там не хватает шурфовщиков, — сказал начальник отдела кадров, малорослый, узколицый худощавый мужчина сорока лет, переписав из поданных Васюком бумаг в большой журнал нужные сведения.

— Вы сказали Бючинах?

— Ага... Это название таежного поселка. Недалеко. Не более ста километров отсюда.

«Ого... недалеко, — удивленно подумал Васюк. — Кажется, здешние километры короче, чем у нас».

— Несколько лет назад там был геолого-разведочный участок. Был и сплыл. Теперь мы должны запустить его снова. Через час будет машина. Ждите.

— Чтобы поступить на работу, я хочу заключить договор, — ответил Васюк, вспомнив, что объяснил о зарплате встреченный в Хабаровске человек и как просидел в порту Находка больше месяца, пытаясь купить билет.

— Зачем? Что тебе дает сейчас договор? В зарплате разницы нет. Как работаешь, так и получаешь. Если заключить договор, нравится тебе или нет, придется работать до окончания срока. А так ты свободный человек. Подумай. Договор не убежит от тебя...

Сорокапятиградусный мороз. Студеная зима. Потерявшее яркую голубизну холодное небо. Спешащие по

холодной улице прохожие, застывшие мерзлые деревья. В нагруженном разными вещами открытом кузове сидят, кроме Васюка, еще двое — уволенные с работы за пьянство летчики. Они еще молодые, им, наверное, не больше тридцати.

День холодный, очень холодный. Двухчасовая дорога, кажется, вечностью. Промерзшее до костей тело сжимается. Пронизывающий встречный ветер будто врывается вовнутрь, обжигая душу ледяным воздухом. Деревенеют конечности, тело тяжелеет. Наконец, показались маленькие дома. В поселке машина остановилась перед длинным бараком. «Кажется, Бючинах», — подумал Васюк, тяжело шевельнувшись. Раздался звук открывающейся и закрывающейся дверцы кабины.

— Ну, как вы там? Живы? Не замерзли? — раздался рядом веселый звонкий голос. — Скоро прибудем. Уже не больше трех-четыре километров.

Это начальник участка, прораб, рослый, голубоглазый мужчина пятидесяти лет, Альфред Эдуардович Барацевич. То ли эстонец, то ли латыш. Одним словом, прибалтиец.

Из барака вышли несколько мужчин, не медля поднялись и уселись в кузов, машина тронулась и поползла по узкой косой дороге в тайгу, качаясь то в одну, то в другую сторону, и остановилась на большой поляне.

— Прибыли.

Васюк встал, быстро соскочил и, чтобы согреться, стал ходить взад-вперед и делать различные движения.

Вблизи стоит оштукатуренный и побеленный, но сейчас потрескавшийся, безобразно длинный, ветхий дом. Окна без стекол, двери нет, половых досок тоже.

— Замерзли? — спросил прораб опять, выйдя из кабины. — Сейчас согреетесь. Ну-ка, давайте выгрузим то, что привезли, — приказал он резвым голосом. — Быстрее! Скорее! Начали!

Чего только в кузове нет — листы стекла, доски, пилы, топоры, полные ящики, большие тюки, раз-

ная мелочь. Доверху нагружено. Скоро прибыла еще одна машина. Привезла тюфяки и постельные принадлежности.

— Теперь нам следует побыстрее оживить этот дом, наш дом, — показывая на остов ветхого барака, сказал прораб, как только разгруженные машины уехали.

«Значит, наш дом», — подумал Васюк и не заметил, как тяжело вздохнул.

Трескучий мороз заставляет трудиться. Стоящих без дела нет. Одни пошли рубить деревья и жерди, другие принялись мастерить дверь из привезенных досок, третьи начали устанавливать стекла на окна. Говорят, глаза страшатся, а руки делают. И на самом деле, четырнадцать мужчин за день сделали в доме все нужное — настлали и закрепили пол, из жердей соорудили и спальные места, и мебель. Втащили железную печку и установили ее в центре комнаты, кто-то принес сухие дрова и затопил печь.

— Ну-с, первый день закончился успешно, — сказал Альфред Эдуардович, грея озябшие, покрасневшие руки у печки. — Кто не ленится варить? Откройте-ка ящики. Что там есть съедобного? На сегодня будем есть все из одного котла. На самом деле, конечно, котла нет, это к слову...

Васюк осмотрел вскрытые ящики: жестяные банки, полные мешки из плотной бумаги, пакеты, большие коробки. В них копченые колбаски, сухой картофель, сухой лук, вермишель, крупа, сахар, соль... Жить можно.

— Альфред Эдуардович, в какой посуде варить?

— А-а, посуда... Там есть бак с крупой. Пересыпь ее куда-нибудь. Вари полный бак. Чтобы всем хватило.

— У кого нет посуды, подойдут кружки для чая. Можете купить. Цены вот здесь. Еще кому какую нужно посуду? Запишите. Завтра привезем.

Вечер тихо подкрался и укрыл окрестность, как обычно, своим тусклым покрывалом, в потемневшей вышине зажег сверкающие звезды, в чистом небосво-

де подвесил яркий серп луны. Правящий везде трескучий мороз покружился вокруг дома, стоящего одиноко в тайге, заглядывая в светящиеся окна, заморозил их добела, однако не смог пробраться к людям, которые ели горячую пищу, даже сняв теплые одежды, но не стал отступать, а выжидал. Знает трескучий мороз свою силу. Никакой огонь не может одолеть его мощь в зимнее время. Как только пройдет немного времени и догорят дрова в печке, он найдет-таки способ проникнуть в дом. Тогда начнет мучить уснувших людей, студя ледяным воздухом тела, щупать голые лица, будить от спокойного сна. Никакое теплое одеяло не может защитить их от этого ледяного воздуха. Человек не выдерживает, встает, дрожа всем телом, заталкивает дрова в печь, затапливает и торопливо прыгает под одеяло.

Вокруг громоздятся сопки. Холодно, наверное, и сопкам. Извиваясь между ними, раскинулась река с названием Бючинах. Несмотря на то, что она небольшая, проложенный ею в битве с каменистыми горами низинный путь довольно просторен. Там сейчас не видно воды, она в ледяном плену. Только белоснежная равнина, укрытая снегом, простирается, слепя глаза. Через нее проходит просека шириной в пять-шесть метров. Она начинается под одной сопкой и кончается на другой стороне оврага, под другой остроконечной сопкой, тянущейся вверх. Это — место работы Васюка и его товарищей. Маленькие колышки — указатели мест, где надо рыть шурфы. Он должен иметь один метр и двадцать сантиметров в длину, один метр в ширину. Глубина разная, шурфовщик должен добраться до дна древнего моря-океана. Будто бы там лежит золотой песок. Иногда драгоценные россыпи находят в трех-четыре метрах, иногда будто бы и за пятьдесят метров. Пока не докопаешься до золотого песка и не поднимешь его наверх, твою работу не учтут и не оплатят. Так им объяснил Альфред Эдуардович. Рабочих, кроме прораба, тринадцать. Один взрывник, копателей двенадцать. Совершенно незна-

комых с этой работой, как Васюк, еще двое. Двенадцать человек — четыре звена. Прораб, наверное, заранее продумал, как распределить людей. Двое, работающие с Васюком в одном звене, не новички на Колыме. Понимают, что такое шурф, и разбираются в этой работе. Землю рыть Васюк умеет, и соображает, что яму надо укрепить сложенными вблизи поленьями, чтобы края не обрушились. Но с аммоналом ему никогда не приходилось работать. Конечно, боязно. Вдруг не успеешь отойти или выскочить из шурфа... Ведь разорвет на мелкие части вместе с мерзлой землей. Но работают же, все так работают...

Не хочет покоряться человеку северная земля, не хочет отдавать ему свое тысячелетиями сохраняемое богатство. Как глубоко ни копай — бесконечно жесткая земля, вечная мерзлота. С какой силой ни размахивай, она лишь с трудом мелко крошится. Трудно дышать. От ледяного воздуха перехватывает дыхание. Только остановишься передохнуть, он начинает сразу же ошупывать вспотевшее тело. Однако человек не пятится назад. Несмотря ни на что, выполняет свою работу. Истинно, деньги заставляют долбить камни. Надо жить... Звук свистка предупреждает людей об опасности, о необходимости отойти подальше. С грохотом взрывается аммонал. И раскрошенная земля взлетает от взрыва на несколько метров вверх от шурфа.

Так прошло два дня. Третий — выходной. После завтрака все, один за другим, ушли в поселок. Одни поспешили к своим семьям, у других есть знакомые и близкие. Васюка там никто не ожидает. Но решил тоже не отставать от своих товарищей. «Пойду, прогуляюсь, — подумал он. — Зайду в магазин. Может быть, куплю что-нибудь нужное».

Бючинах — маленький поселок, расположенный на реке Колыме. На совершенно прямой улице несколько длинных одноэтажных бараков.

Чуть дальше — крупное квадратное здание, загороженное забором из колючей проволоки. Говорят, что это склад. В двух шагах от главной улицы стоят ско-

лоченные из разнообразных досок маленькие дома, прижимающиеся друг к другу. Над ветхим зданием висит вывеска «Чайная». Его товарищи по работе направились напрямик туда. Васюк не пошел с ними, догадываясь, что вывеска не означает того, что на ней написано.

— Вася, что ходишь в одиночестве? — спросил его встретившийся на улице Аким Авдеев. С ним они работают в одном звене. Три года назад тот вышел из лагеря. По закону, тогда (кроме договорников) никто не мог по своей воле ни выезжать, ни въезжать на Колыму. По этой причине Аким построил в поселке дом, женился. Посмотришь, вроде добрый, хороший человек. В работе не ленится.

— Пойдем ко мне, — сказал он. — Посидим, поговорим. Познакомимся друг с другом поближе.

Но побеседовать нормально не удалось. Хозяин начал настойчиво угощать спиртным, беспрестанно уговаривать выпить. Что толку напиваться до потери сознания? Взять, к примеру, Акима. Скромный, спокойный человек. Вот опьянел и стал ершиться, ссориться. Поэтому Васюк поспешил быстрее уйти и от него.

Хоть Бючинах и маленький поселок, оказалось, там есть библиотека. Вот это хорошо, приятно. Давно Васюк не держал в руках книгу. Впредь надо настойчиво читать. Пусть работают не только руки-ноги, но и мозги. Васюк выбрал несколько книг и, нигде не задерживаясь больше, пошагал обратно, в лесной домик.

Пока никто не мешает, можно написать письмо домой.

«Коля, братишка! В прошлом письме я сообщил о том, что попал в Магаданскую область. Теперь решил описать все подробнее.

Посмотри-ка на карту. Как далеко от нас город Магадан. А я живу еще в пятиста километрах севернее от него. Это гористая местность. Вокруг со всех сторон громоздятся сопки.

Магаданская область огромная, говорят, там могут

поместиться несколько западно-европейских государств. Местных северян я не видел. В основном, это охотники и рыбаки, живут на берегу моря и океана.

Среди нас тоже люди разных наций — русские, украинцы, один грузин, туркмен и я — чуваш. Про-раб Альфред Эдуардович — эстонец. Большинство шурфовщиков, вместе с которыми я работаю, — это бывшие заключенные. По их словам, многих арестовали безвинно, осудили несправедливо. Есть и такие, кто попался за бандитизм. По договору прибыли сюда только инженеры и другие специалисты, разбирающиеся в деле добывания золота.

Люди неплохие, работают хорошо и старательно, но, как только получили аванс, пьют три дня, не выходя на работу, оказывается, за глаза меня называют скупердям за то, что я не согласился примкнуть к ним. Предложил им денег, как свою долю, — не взяли. И еще они не верят, что я приехал сюда работать по своему желанию. Один так и сказал по пьяни: «Ты совершил какой-то проступок и скрываешься от властей здесь». Жизнь на самом деле нелегкая. Погода слишком холодная. С тех пор, как я приехал, температура не была выше минус сорока пяти-сорока семи градусов. Говорят, иногда зашкаливает за пятьдесят пять. Хорошо, что хоть ветра нет, защищают сопки. День-деньской бьемся, роя мерзлую землю. После работы приходим в заледеневший дом. Спешим затопить печку и сварить еду. Воды нет, разбиваем и растапливаем лед. В одном длинном бараке копошимся четырнадцать человек. Есть еще свободные места. Спальные нары двухъярусные. Железная печка не удерживает тепла. От холода приходится несколько раз за ночь вскакивать и затапливать печь... На каторгу людей отправляют насильно. А я нашел эту жизнь по своей воле за несколько тысяч километров от дома. Не приведи Господь тебя пережить когда-нибудь то, что я вытерпел...»

Васюк вздохнул. Вложил законченное письмо в конверт, надписал адрес и склеил. Дойдет ли оно за ме-

сяц до его родных? Он подошел к замерзшему до самого верха окну, уставился грустными глазами в одну точку и долго простоял так неподвижно.

2

Уже два месяца, как Васюк оказался на Дальнем Севере. К новой работе он привык быстро. По выполнению плана — в первых рядах. Повседневный порядок дня тоже не кажется теперь таким трудным, как прежде. Не зря говорят, что и в аду хорошо, когда привыкнешь...

На днях Васюк получил письмо из дома. Брат Коля зовет его обратно домой, пишет, что пришлет денег на дорогу. Деньги, конечно, нужны... Хорошо, что он не заключил договор. С этой стороны теперь свободный человек... Но как может просить денег здоровый, разумный человек? Нет, их Васюк заработает сам. Не только на дорогу. Нужно купить хорошую одежду. Не будет лишним и откладывать на сберкнижку. До этого надо жить. Тогда можно уехать. Здесь все же платят за работу не так, как в деревне. Приехавшие несколько лет назад по договору получают много. Наряду с основным заработком им платят надбавки за работу на крайнем севере и за тяжелые условия труда. Конечно, не сравнишь месячным заработком Васюка. Но он и этому рад. И за это спасибо... И сыт, и зарплаты хватает не только на еду. К тому же, Альфред Эдуардович не забывает подбадривать теплым словом за хорошую работу, это тоже необходимо человеку, без этого и жизнь неполноценная...

Да, чтобы сохранить жизнь, великая природа подарила человеку умение приспособливаться. И еще добрая надежда вечно сопутствует ему.

Вчера дали зарплату. Поэтому в лесном бараке Васюк опять один. Он удивляется — его товарищи по работе пьют беспробудно сутками, пропивая последние копейки. Твердят, что мужчины должны пить. Настойчиво предлагают и Васюку, приглашают присоединиться. За то, что он не соглашается, пытаются

насмехаться над ним и даже обижать. Нет, достоинство мужчины не в том, чтобы напиться до потери сознания. Человек всегда должен оставаться человеком.

Почувствовав, что озябли ноги, Васюк бросил в печку на потухающие угли несколько поленьев. Сухие дрова сразу вспыхнули и с треском разгорелись. Поднялась теплая волна. Начавший хозяйничать в доме морозный воздух отступил к двери. Заледенелые окна растаяли и посветлели. Васюк посмотрел в окно. Тайга. Все вокруг бело. Вдали виднеются надменные сопки. Морозная зима, кажется, будет длиться вечно. Но время берет свое. Недавно солнечный круг не был виден за сопкой, теперь вон как поднялся. Белый снег ослепительно сверкает. «Наступит время — и весна придет, и лето», — сказал Васюк вслух, как будто разговаривал с кем-то, затем сел к столу и раскрыл книгу, которую начал читать. И вот перед ним выплыл другой мир, другая жизнь, другие люди, увлекая, огорчая и радуя, заставили забыть о неудавшейся жизни...

В сенях со скрипом открылась дверь и раздались шаги. Кто там? Еще не наступил и полдень. Товарищи по работе не должны еще возвратиться. Вспомнился слух о медведе-шатуне, бродящем в этих местах по тайге. По телу пробежали мурашки. Васюк встал, подошел к двери и чуть было не столкнулся с входящим мужчиной.

— Можно войти? Здравствуйте, — проговорил тот, проходя вперед. Он осмотрелся, снял подвешенное через плечо ружье и поставил в угол, поставил рюкзак на пол, снял и повесил шубу и, поглаживая ладонью волосы, подошел и сел напротив Васюка.

— Работать пришел к вам, — проговорил он наконец. — Закрыли наш участок. Сказали, что золота нет. В Бючинахе жила знакомая женщина. Поэтому и попросился сюда. К сожалению, она уехала на материк. (На Колыме западные земли называют материком.) Что читаешь?.. А-а, Лев Толстой, «Казачьи». Я тоже из казаков. Зовут Тарас. Но не Бульба, а Потоцкий.

— Пан Потоцкий, значит. Враг Тараса Бульбы, — пошутил Васюк тоже, глядя на веселое лицо пришедшего человека. — Вы не поляк?

— Говорят, где-то в роду есть их кровь. Но сам я хохол. И отец, и дед были украинцами... А ты? Давно на свободе? В каком лагере отбывал?

Васюк коротко рассказал о себе.

— Ха... Вон как, — сказал Потоцкий, как только он умолк, потом внезапно довольно звонким голосом запел:

Ты куда, куда попалась,
Иволга-глупышка?
Не сама здесь очутилась,
То судьба-злодейка...

— Значит, не знаешь вкус здешних лагерей... Но если до этих краев дошел в поисках счастья, значит, и твоя судьба наперекосяк. Хотел я с наступлением лета поехать домой, на Украину, но после твоего рассказа придется, наверное, подождать.

В ходе разговора Васюк рассматривал пришельца. Ему нет и тридцати. Лицо, из-за постоянного пребывания на воздухе, на морозе, обветрилось и потемнело. Огрубевшие от тяжелой работы руки крепкие, жилистые. На высокий лоб падают непричесанные пряди волос. Узковатые голубые глаза то сияют довольно и весело, то гаснут и тускнеют, холодеют, становятся злыми, насмешливыми.

— Я, Василь, лагерник, враг народа, опасный для государства человек. Ты, скажем, оказался здесь по доброй воле. Во сколько обошлась тебе дорога? Меня осудили на десять лет и привезли бесплатно. Сказали, у тебя огромная вина перед государством, и искупить ее, эту вину, нужно будет, трудясь на Колыме до последнего дыхания. Ну, я не успел, как многие другие зеки, подарить черту душу. Год назад неожиданно попал под амнистию и вышел из-за колючей проволоки. Только помахал рукой на прощание «любимым» конвоирам. Знаешь, за что я попал сюда? За три-четыре пригоршни пшеницы...

— Что, взял колхозную? — спросил Васюк, хорошо знавший советские законы.

— Ага... Но не я сам, а мать...

Тарас умолк. Вытащил из кармана изношенного пиджака сложенную вчетверо газету и аккуратно затянутый веревкой кисет.

— Закурим, — сказал он. Вырвал маленький клочок из газеты, остаток дал Васюку и свернул сигарку, закурил. — Когда началась война, спасаясь от немцев, мы с матерью и двумя сестренками жили в Куйбышевской области, — продолжил свой рассказ Потоцкий, часто глотая горький дым. — В восемнадцать меня взяли в армию. Ну, фронт, жестокие бои. Два раза ранили, к счастью, оба раза легко. В последний раз, за две недели до окончания войны, пуля прошла навывлет в левое плечо. После поправки сразу из госпиталя отпустили домой. Ну, приехал... Как прогнали немцев, мать с сестренками вернулись. Наше село стоит далеко от большой дороги. Поэтому там не было больших боев, бомбы туда не попадали. Дома не горели, не рушились. Не считая того, что потерялось кое-что в хозяйстве, сохранилось главное, — сделав последнюю, длинную затяжку, Потоцкий бросил сигарку в печку. Уселся на свое место и испытующе посмотрел на Васюка. — Много, наверное, слушал ты таких рассказов. На самом деле, немало было здесь таких, кого привезли сюда «исправиться», в такие лагеря попадали за мелкий проступок, ошибку или по разным доносам... Сказать прямо, все мы одинаковы — тешимся сказами об искалеченной жизни по чьей-то несправедливости... Может быть, тебе надоело слушать, может, не хочется и вникать?

— Говорите, говорите. Слушаю, наострив уши.

— Говорить я буду... Только не обращай ко мне на Вы. Пробыв семь лет в лагерях, я отвык слышать такое интеллигентное обращение. Стесняет душу. У нас там был другой язык, запрещенный для слуха детей до шестнадцати лет. Знаешь его? Показать, как он звучит?

— Не надо, — засмеялся Васюк. — И так каждый день вянут уши от него.

— Тогда ладно... Ну, прибыл я домой, и мать, и сестренки живы-здоровы. И дом цел, не развален. Но война есть война. Хозяйство пришло в запустение, нужда, голод. Но жить-то хочется. Трудимся в домашнем хозяйстве, работаем в колхозе. Но голод — не тетка, когда начала поспевать в поле пшеница, мать несколько раз ходила ночью собирать колосья. Кто-то увидел и донес. Когда пришли с обыском, нашли две-три горсти лушеного зерна, полведра колосьев. Я взял все на себя. Когда прощались, мать надрывно плачет: «Я виновата. Я... я тебя погубила. Прости меня, прости... Нужда... Все из-за нужды...» Из-за постоянного плача глаза красные, опухшие, дрожат губы и руки...

Тарас поперхнулся, умолк внезапно и опустил голову, прикусив нижнюю губу. Васюк встал и открыл печную дверцу, бросил еще несколько поленьев. Сухие дрова тотчас охватил пламень, железная труба опять затянула свою монотонную песню.

— Наверное, пишут письма. Мать жива? Сестренки?

— Слава Богу... Вот так попал в трудовые лагеря Колымы. Ну, не хватит и суток, если подробно рассказать о том, что здесь я видел, перенес. Воспоминания тяжелы, и вспоминать неохота. Коротко так. Две зимы и два лета трудился на дорожных работах. Строили Колымскую трассу. Длинная, свыше тысячи километров. Начинается в столице и заканчивается в Якутии... Рабочий день длится десять-двенадцать часов. Летом не дают покоя комары и мошкара, зимой не спрятаться от трескучего мороза. Не выдерживает железо, крошатся лопаты. А мы в залатанных старых фуфайках целыми днями на воздухе. Техники мало, больше работаем вручную, — разбиваем камни, тачками перевозим песок, глину и камни, роем мерзлую землю. Не буду рассказывать, как это — прокладывать широкую трассу через болота и между горами — представь себе сам... И это еще ничего. Если достаточно еды, человек привыкает к любому тяжелому труду. Если

одежда удерживает тепло, для него не страшны трескучие морозы. Выносливо оно, существо по имени человек. Как ни треплет его жизнь в течение века, а он все равно не хочет сдаваться. Как она ни была тяжелой, помогает ее исправлять. Но человек, изматывающийся ежедневно в тяжелом труде, не выдерживает долго, я тоже совсем исхудал, слабел и слабел. По утрам трудно было вставать. Руки-ноги похудели, ходить не могу, работать не хочется, чувствую, осталось жить недолго, — Потоцкий снова заходил взад-вперед. — Колыма, Колыма... Край золота, — сказал он, грустно покачивая головой. — Души скольких тысяч людей проглотил этот уголок на краю земли за эти двадцать лет?

— Почему только двадцать?

— Потому что до этого сюда не ступала нога человека. Лишь дикие звери ходили здесь свободно, только в конце двадцатых годов ученые-геологи обследовали и установили, что в этих краях много золота. Через два-три года пароходы стали привозить сюда сотнями людей под конвоем, чтобы разыскивать этот желтый металл. Каждый год... Все больше и больше. Кого только ни было среди них! Рабочие (их численность была небольшая), крестьяне, интеллигенты — вплоть до профессоров и академиков, работники райкомов и обкомов. Для всех нашли статью... Бедняги... Сколько нужно было разыскивать «врагов», чтобы заполнить лагеря. Разве без усердия сделаешь такое?..

Рассказ Тараса вызвал в голове Васюка давние воспоминания. Пришло на память, как расспрашивал когда-то в детстве в директорском кабинете франтовато одетый мужчина о том, что говорили люди, приходящие в сторожку, рассказ пьяного Арсения, нечаянно встреченного в окруженной фашистами Керчи...

— Сколько же кладбищ на колымской земле? Сколько их вдоль широкой трассы? Ненароком забредешь в такое место, где сплошные маленькие белые дощечки с фамилиями и именами, датами смерти... Ну, пока хватит об этом. Если захочешь, расскажу позже.

Что-то я проголодался. Наверное, подошло время обеда, — сказал вдруг Тарас, переводя разговор на другую тему.

— У меня есть вареная лапша. Сейчас подогрею, — предложил Васюк.

— Лапши не нужно, — ответил Потоцкий. — Давай сварим вкусный суп, — он поднялся с места, развязал рюкзак, оттуда выложил четыре небольших белых пушистых комочка. — Степные куры, по-другому куропатками называют, когда сошел с автобуса по пути сюда прямо впереди уселась целая стайка.

— Или их слишком много, или здесь они не пуганы человеком... Я тоже вижу этих птиц часто. Иногда прямо под окнами садятся.

— Веками в этих местах жили только звери. Для человека здесь полная свобода — в озерах полно рыб, в тайге — дичи и зверя достаточно.

— Поэтому и взял ружье?

— Не только поэтому. Много ли нужно одинокому человеку? Я люблю бродить по тайге в свободное время. Если при себе есть ружье, чувствуешь себя увереннее. Говорят, береженого Бог бережет...

Васюк наполнил кастрюлю недавно сколотым, сверкающим изумрудным цветом льдом и поставил на плиту.

— Наверное, я родился на этот свет, чтобы стать бродягой, — продолжил Тарас. — Не могу прозябать в одном месте. Становится тесно на душе. Начинает ныть сердце. Когда-то встарь в разных государствах, может быть, и у нас, были бродячие музыканты. У меня тоже была детская мечта стать таким артистом. Обрадовался, когда отец купил балалайку. Эх, как я любил петь, плясать и декламировать на деревенских хороводах и на школьных вечерах! И теперь не прошло желание, хотя голос уже не тот. Поднимаюсь на высокую сопку — вокруг ни души, и затягиваю песню, читаю стихи...

Мужчины принялись за работу, засучив рукава. Стали ощипывать густые перья куропаток, очистили, опа-

лили, вымыли и выпотрошили. Вскоре в бараке вкусно запахло наваристым супом. Тарас вытащил из рюкзака жестяную кружку и насыпал туда целую пачку чая, наполнил ее кипятком из чайника и поставил возле печки, накрыв толстой рукавицей.

— Знаешь, что такое чифирь? — спросил он, когда увидел, как Васюк удивленно наблюдает за ним.

— До приезда сюда не слышал.

— И я... Но был ли в колымских лагерях зек, не пивший его? Однако это вредная вещь, действует на сердце. К тому же вызывает привыкание, как спиртное. Некоторые выменивали чай на свои малые пайки хлеба.

— Тогда почему пьешь?

— Нужно бы бросить...

После того, как пообедали и убрали за собой, они снова закурили.

— Ты говоришь, после двух лет в лагерях чуть не отправился на тот свет? — возобновил Васюк прерванный разговор.

— Жив ведь. Хочешь спросить, каким образом? — довольно сверкнул голубыми глазами Тарас. — Да, не умер. И с войны вернулся нормально. Из колымского ада тоже вышел живым. Значит, мне везет. Не судьба была покинуть этот мир молодым. Что такое счастье? Жизненная удача... Вот она и спасла меня.

— Каким образом?

— В школе я мечтал стать артистом. Меня привлекали песни и танцы. Позднее я понял — хороший артист должен уметь и стихи декламировать, и хорошо читать. Ну, память тогда была хорошая. Запоминалось все, что читал, если ставил цель. Надо мной удивлялись. Однажды поспорил с другом. У него был хороший нож. Он обещал мне отдать его, если я за три недели выучу наизусть «Евгения Онегина».

— Ну и как? Выучил?

— Конечно. Полностью. Хочешь, прочитаю?

— Ну, я верю... Однако прочитай, прочитай...

— С какого места начать? Ну, начну с начала...

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример — другим наука,
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день, и ночь,
Не отходя и шагу прочь...

В этой гармонии бьет ключом какая-то мощь, какая-то хрупкая красота завораживает душу. Слова легко укладываются в голове и будоражат воображение.

Волшебник Пушкин... Хочется все больше слушать.

— Ну, здорово, — похвалил Васюк, когда Тарас умолк. — В детстве я тоже любил учить стихи. В техникуме одно время даже пытался писать. Но, говорят, что не суждено, то изо рта вываливается. Ну, ты молодец! Такую вещь выучил наизусть, ай-яй...

— Не только это, — гордо посмеиваясь, прервал его Потоцкий. — Еще на памяти и поэма «Демон». Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Тютчев, Фет... Я знал стихи многих поэтов! К сожалению, начал забывать: колымские страдания достаточно иссушили мозги... Ну, ладно. Это только к слову. Мы отошли от главной темы... Ты спросил, как я спаясь от смерти... Сказал уже, что детская мечта стать артистом помогла избежать смерти. А дело было так. Однажды лагерное начальство приказало подготовить концерт в честь октябрьских праздников. Агитмассовой и культурной работой заведовал у нас некто Петраковский, из бандитской группы. На Колыме таких тоже было много. Но я никогда не видел, чтобы они мучились, подобно нам, на тяжелых работах. Петраковский устроился в теплое местечко. Он играл на гитаре, да и голос у него был неплохой, хорошо пел. Читал нам газеты, агитировал трудиться в первых рядах, строго придерживаться лагерных порядков, помогать выводить на чистую воду нарушителей, записаться на заем и т.п. Короче говоря, учил нас всегда и везде жить правильно, любить Родину, быть ее настоящими сыновьями. Язык у него был подвешен... Вот, значит,

этот Петраковский ищет артистов среди зеков: у кого какие данные. Вызвали и меня. Как только я прочитал пару стихов, спрашивает: «Что еще знаешь?» Спел песни на украинском и русском языках. Понравилось Петраковскому. Чтобы готовиться, репетировать, освободили от работ. Вот начался концерт. Лагерное начальство — офицеры — в первом ряду. Среди них, в самом центре, сидит начальник лагеря Быков с супругой. Ох, какая симпатичная женщина! Белолицая, ладно сложенная. Руки ее кажется никогда не видели физического труда — маленькие, пухлые. Ногти покрашены. Только взглянул, сразу перед глазами возникли огрубелые в тяжелом труде, худые руки матери с припухшими суставами. В душе закипела злоба. Почему так много несправедливости в этом мире? Одни всю жизнь катаются, как сыр в масле, другие никак не могут вырваться из нужды и горя?

Потоцкий опять закурил.

— Кури, Вася. Стесняешься брать или боишься, что закончится? Найдём. Мы теперь свободные люди, не в лагере. Получаем зарплату, — сказал он, протягивая кiset Васюку.

— Слишком часто дымим. Ты продолжай, я слушаю.

— Когда я читал поэму Тараса Шевченко «Катерина», смотрю — эта симпатичная женщина то и дело вытирает глаза маленьким платочком. Неужели плачет? Несомненно, плачет... Ее сердце не дрогнет от того, что ежедневно умирают люди в лагере, которым управляет ее муж. А здесь не может удержать слез, слушая грустное стихотворение. Как понять такое? — Потоцкий вопросительно посмотрел на Васюка.

— Трудно сказать. Может быть, в ее жизни произошло что-то похожее. Воспоминание, жалость к себе...

— Хочешь сказать, несчастная любовь? Кто его знает, — Тарас почесал затылок. — Однако, как бы там ни было, я вспоминаю ту женщину с добрыми чувствами. Не скажу, что она спасла меня, но благодаря

ей я избежал смерти... Какая она симпатичная, как только что распутившийся цветок. Хотя и был я на грани смерти, но почувствовал притягательность этого взгляда. Что делать? Закон природы...

Мужчины улыбнулись, и Тарас продолжил свой рассказ.

— А муж ее, Быков, сидит рядом с ней, расплывшийся, как стог сена. Полнотелый, с жирным лицом. Фигурой, на самом деле, напоминает свободно пасущегося на лугах колхозного быка. А характер у него... У-х-х!.. Однако не будем оскорблять невинное, благородное, достойное животное, сравнивая его с ним. А этот... Тьфу! Вечно недовольный холодный вид. Какая надменность! В походке, во взгляде, в беседе с людьми, снующими вокруг него! Какой бездушный и злой. Ведь он начальник! В лагере нет человека, стоящего над ним. Какой он был мастер унижать достоинство зека, топить его, жестоко издеваться. У-у, откуда только находятся такие негодяи? В каких семьях они рождаются? Неужели человек должен быть таким жестоким? Он часто сам проводил осмотр только что приведенных под конвоем бедняг. Обязательно найдет повод придрататься к нескольким из них. Тогда начнет кричать, грозить, оскорблять разными безобразными словами. Терпи, молчи, не открывай рта. Даст оплеуху, собьет с ног, пинает, топчет, может и расстрелять. По приказу Быкова в медицинском кабинете санитаром работал академик. Говорили, в его обязанности входило чистить, убирать все нечистоты за больными людьми... Эх, попадись мне этот негодяй сейчас! — Тарас гневно сверкнул глазами, сердито нахмурил редкие брови, помрачневшее его лицо подергивалось. — Но нет. Улизнули отсюда такие. Посматриваю, расспрашиваю иногда — без толку... Никого из них не видно... Как-то раз увидела эта мерзкая душа среди привезенных зеков майора в военной форме. Тот намного моложе и симпатичнее него. Знаешь, как Быков мстил ему за это? Приказал держать его в темной яме трое суток без еды. Попробуй выдержать. Здесь на

Колыме, земля мерзлая, она и в летнее время не прогревается больше тридцати-сорока сантиметров.

— Действительно, страшный, жестокий человек, — отозвался Васюк. — Однако не все, наверное, были такими. Наверняка, были и добрые, и человеческие среди них.

— Не знаю. Я таких не видел, — сказал Тарас сердито. — По-моему, для работы в лагерях отбирали специально таких. Если случайно и попадался порядочный человек, он не мог долго продержаться среди таких мерзавцев. Ну, это отдельный разговор... Слушай дальше. Не прошло и трех-четырех дней после концерта, как надзиратель вызвал меня из барака. Я думал, к себе в кабинет. От страха душа ушла в пятки. Не к добру это. Зачем? Что я сделал не так? Услышал чей-то донос? Не понравилось что-то на концерте? Что для Быкова стоит уничтожить зека? Причину найдут. Сотни разных мрачных мыслей роятся в голове... Но ничего не поделаешь, приходится подчиняться... Однако конвой ведет меня не в кабинет начальника, а совсем в другом направлении. Куда? Расстреливать?.. Нет. Велели снять грязную одежду и надеть другую, нормальную... Вышли из зоны. Подошли к небольшому дому. Оказалось, квартира Быкова. Конвоир велел мне зайти, сам остался на улице. Ну, ступил в сени. Дрожащей рукой постучал в дверь. И вот я стою в роскошном многокомнатном доме. На диване, покрытом голубым ковром, сидят две женщины. Хозяина нет. На душе отпустило... «Умеешь играть на гитаре?» — спросила хозяйка дома. Нет, говорю, не умею. Постояла и вынесла из другой комнаты балалайку... Короче говоря, жене нашего жестокого хозяина понравилось мое выступление. Оказывается, до замужества она выучилась на артистку. Но об этом я узнал позже. Она, конечно, пела и плясала на сцене, и стихи читала. А среда какая? Можно лишь слушать местных дилетантов, как я... Она не стала много говорить, даже не поблагодарила. Намекнула, что на днях вызовет еще раз, велела хорошенько подготовиться. И еще, спаси-

бо ей, накормила... А однажды, после двух-трех таких приглашений, объявила, что у нее есть намерение взять меня к себе на работу. И муж не против. Корова была у них в хозяйстве, куры, кролики. За ними, конечно, надо ухаживать. Убираться во дворе и в доме, носить воду. Кроме меня, работала еще одна женщина — доила корову, обрабатывала молоко, готовила, пекла хлеб. Я больше трудился во дворе, она в доме. Так я избежал смерти. Через три года хозяина перевели в другой район, меня увели обратно в лагерь...

— Как ты смог целых три года угождать такому страшному человеку?

— Дома Быков вел себя по-другому. Меня он совсем не замечал. С женой отношения хорошие — она только приказывала: это надо, то нужно. Валентина Никифоровна и сама не была доброго нрава, но зря не придиралась, не унижала... Ну, после этого мне опять повезло. Около года я работал в пекарне, потом рыл шурфы на прииске. Нужды и страданий было и там по горло. Но все-таки выдержал. Оставалось сидеть еще три года. Неожиданно освободили по амнистии... Вот такова моя жизнь, — Потоцкий похлопал ладонями по коленям и встал, тихо посвистывая, подошел к окну и посмотрел наружу.

— Сколько человек вы живете в этом бараке? — перевел он разговор на другую тему. — Ты сказал, что вчера была зарплата? Значит, работать не придется два-три дня.

— Сильно пьет народ... Отчего?.. Не думает головой, куда может привести это проклятое вино, — проговорил Васюк.

— Да-а. Расскажу-ка тебе к слову... Смешно будет, наверное, слушать... Когда-то перед армией мы с другом пошли к гадалке, чтобы узнать, вернемся ли живыми, — сказал Потоцкий, посидев немного молча. — Я тогда еще не верил всяким предрассудкам. Так, как бы шутя, что скажет... «Вино прервет твою жизнь», — сказала мне гадалка. «Сказала так, потому что знает отца», — подумал я, услышав это. Отец наш,

действительно, любил выпивать. По этой причине не прожил и тридцати шести лет, ушел из жизни. Зимой, возвращаясь из соседней деревни, заблудился и замерз... Говорю, что не верю никаким суевериям. А почему-то в памяти остались слова той старушки. Невольно заставляют задуматься. Неужели и я закончу жизнь, как отец, попав в алкогольную зависимость?.. Возможно... Как подумаю — становится горько. Есть ли справедливость на свете? Где она?.. Ну, теперь закрываются лагеря, освобождаются безвинно осужденные. Но почему не арестуют мерзавцев, которые издевались над ними, мучили и убивали? Сейчас посмотришь — никого нет. Разбежались, как тараканы от дневного света, попрятались во всех щелях... Никто их не задержал, не арестовал, не закрыл в тюрьме, никого не осудили. Почему? Это и есть справедливость?..

3

Наконец, и на Колыме запахло весной. Лютые морозы все еще трещали ночами, но с каждым днем солнечный диск поднимался все выше и выше из-за сопков, стал радовать, рассыпая веселые, яркие лучи. Короткие деньки становились длиннее и светлее.

Итак, весенние солнечные лучи гонят, настойчиво гонят лютую зиму. Тени от гор, которые совсем недавно затемняли все вокруг, становятся короче. Но и стужа не хочет сдаваться. Дует пронизывающий северный ветер. Днем солнце пригревает, но вечером воздух снова остывает и становится студеным. Дед Мороз все так же разрисовывает всевозможными узорами оконные стекла до верхних краев. Но все же ослепительно белый снежный покров тускнеет и становится все темнее. Начинают блестеть лужи на дорогах, они собираются в ручьи и бегут с журчанием вниз в сторону оврагов и рек. Горы и холмы не хотят сдаваться. Их высокие силуэты надменно возвышаются над потемневшей окрестностью, не меняя зимней одежды. Но однажды утром Васюк взглянул на ближайшую соп-

ку и замер от удивления. Только вчера она казалась белоснежной. А теперь на ней стоят развесистые кусты. Качая зеленые ветки, над ними гуляет игривый весенний ветерок. Как? Откуда?

— Стлаником его здесь называют. Это кедровник, маленький кедр. И иголки у них одинаковые, и орехи. Только мельче, — объяснил Тарас. — Удивительное дерево. Метеоролог. Никогда не врет. Если поздней осенью этот раскидистый куст ляжет на землю, через два-три дня установится зима. Стланик хорошо чувствует и потепление. Его гибкие ветки сбрасывают снег и резко выпрямляются. Иду я в прошлом году как-то раз, скользя лыжами по рыхлому снегу. Вокруг ни души. Вдруг совсем рядом услышал — вж-жик! Вздрогнул. Оглянулся — покачивается стланик.

Настали теплые деньки и на дальнем севере. Вот уже в сторону большой реки со всех сторон устремляются мутные ручьи. Уже зазеленели растущие в ложбинах между сопками лиственницы. Трава прорастает сквозь каменистую землю. Торопится, торопится северная природа выполнить свой долг — зазеленеть, вырасти и расцвести, успеть заготовить семена на будущий год, разбросать их вокруг. Нельзя не торопиться. Здесь лето короткое.

Лед, покрывавший в течение нескольких месяцев реку Колыму, тоже не выдержал внешнего тепла, рыхлел изо дня в день, скалывался и, наконец, раскололся. Вода грозно забурлила и потащила с собой огромные льдины. Вот она крутится, вертится, опрокидывает блестящие на солнце изумрудные осколки льда, то ударяет ими о каменистый берег, то выбрасывает далеко на берег, то гонит обратно в середину реки.

— Ух, какая сила! Какая безудержная мощная сила! — сказал Тарас. — Пенится, бурлит, бежит, прыгает...

— Да. Если попадешь в ее объятия, не надейся остаться в живых...

Как притягивает к себе ледоход на реке! Не зря в

это время и стар, и млад выходят наблюдать. Если подумать, что в этом такого, чтобы глядеть часами.

Вот и сейчас на берегу много людей. Одни уходят, другие подходят...

— Митаев, Вам письмо, — обрадовал Альфред Эдуардович, протягивая конверт.

Васюк посмотрел. С родины, но не из дома. Он вскрыл его, разорвав край, вытащил лист бумаги и развернул.

«Васюк, сынок, здравствуй! — побежали глаза по строчкам, написанным с ошибками, кривыми буквами. — Это я беспокою тебя, твоя тетя, мать Вечи. Как поживаешь? Узнав, что ты работаешь в Магаданской области, я потеряла покой. Душа горит огнем. От Вечи, ты уже знаешь, не было вестей с начала войны. Потом (говорила ли тебе об этом?), через два года, как обстановка улучшилась, стали вокруг шептаться, что в сельский Совет пришло какое-то секретное письмо. Будто бы в том письме спрашивают: «В какой семье вырос Ников Вячеслав?» Сначала я очень обрадовалась, думая, что жив мой сынок. Позднее стала горевать еще больше. Ведь нас называют кулаками... Он же из кулацкой семьи. Но мы его ждали. Однако больше не было ни слуху ни духу. Теперь вот, два месяца назад, получили письмо. Я, конечно, беспокою тебя... Нельзя ли найти того человека? Хотелось бы узнать подробнее. Почему-то он больше не стал писать, хоть мы и написали ему два письма. Пожалуйста, Васюк. Жду с нетерпением. До свидания. С пожеланиями тебе здоровья твоя тетя, Ксения Никова».

На другом листке написано по-русски:

«Уважаемая Ксения Петровна! Ваш сын Ников Вячеслав умер двадцать третьего марта тысяча девятьсот сорок восьмого года. Мы с ним договорились сообщить родным, если кто-то из нас двоих останется жив. Сейчас уже есть такая возможность. Поэтому выполняю данное обещание. Прошу меня простить за то, что приходится сообщить такую тяжелую весть.

С добрыми пожеланиями Коноплянов Н.П., поселок Ромашка, Среднеканский район, Магаданская область. 16 апреля, 1954 г.»

Прочитав, Васюк окаменел. Веча... Вон где оборвалась его молодая жизнь. Помнит Васюк... Он не забыл, как несколько лет назад по дороге с Донбасса домой случайно встретили тетю, которая рассказала о секретном письме в сельский Совет. В памяти опять всплыли воспоминания, возникли тревожные вопросы. Вот они, шести-семилетние мальчишки, играют в прятки. Веча, знающий каждую щель в своем дворе, умеет искусно прятаться. Измучаешься, пока его отыщешь. Вот он ухом касается растущей за огородом березы и говорит: «Не шуми. Я слушаю сказку». Потом пересказывает услышанное. Васюк тоже не раз прижимается к этому дереву, но оно молчит. Почему? «Потому что, — объясняет ему мальчик, — ты из другой деревни, не местный». В школе Веча учился хорошо. С возрастом полюбил читать книги. Когда приходил к ним домой, часто приносил их с собой. В армии они изредка переписывались. После начала войны он пропал без вести...

Воспоминания, воспоминания. Детские забавы. Веселые юношеские мечты... Они проплывают теперь перед глазами, причиняя душевную боль. Веча... Его любимый родственник, брат, его дорогой друг страдал и погиб в здешних местах... Где же он был во время войны? В немецком лагере? Или в партизанских рядах? Может, во власовских войсках? Отчего попал на Колыму? Почему послали в сельсовет тайное письмо с таким запросом? Зачем понадобилось им, вершащим судьбы многих и многих людей, знать, в какой семье вырос Веча? Не хватало оснований для обвинения?

— О чем задумался? Сообщают неприятную весть? — спросил подошедший Тарас.

— Тяжелую весть, — вздохнул Васюк.

Коротко он рассказывал о своем любимом, дорогом родственнике, потом прочитал письмо Коноплянова. Потоцкий помрачнел и сердито сдвинул брови.

— Когда хочешь отправиться? — спросил он коротко.

— В следующую субботу или воскресенье. Сколько же километров будет туда?

— Сколько? Ну... — Потоцкий почесал затылок. — По-моему, сто пятьдесят-двести. Это — до районного центра. О поселке не могу сказать... Как бы то ни было, если выехать утром, до вечера можно добраться.

...Бегущая между горами извилистая трасса везде одинакова. По обеим сторонам проплывают сопки с круглыми макушками. Мелькают зазеленевшие деревья и кусты. Временами автобус тяжело поднимается вверх, завывая, потом катится вниз. С одной стороны тянется к небу высокая гора, с другой — пугает глубиной пропасть.

До Среднекана Васюку пришлось делать две пересадки. Наконец, когда солнце повернуло на запад, он вышел из машины.

— Далеко ли отсюда до поселка Ромашка? — спросил он, подойдя к окошку кассы.

— Двадцать пять километров.

— Когда будет автобус? Можно купить билет?

— Пока машины не могут ходить в ту сторону. Через Атарых нет моста. Придется подождать десять-двенадцать дней, пока отхлынет половодье, — объяснила билетерша.

Значит, неудачно. Ничего не поделаешь. Придется ждать. Но как только прошла неделя, Альфред Эдуардович объявил, что работа на участке заканчивается и скоро они переходят на другое место. Однажды утром перед баракom остановился небольшой автобус. Пассажиров он повез на небольшой аэродром, расположенный в тридцати-сорока километрах. Здесь их ожидал вертолет. Значит, полетят в глухую тайгу, где нет никаких дорог. Далеко ли? Почти час нужно лететь. Жаль. В ближайшее время он не сможет увидеться с Конопляновым. И остаться нельзя.

Забросив вглубь рюкзак, Васюк первым вошел в вертолет и уселся возле маленького круглого окошка на

довольно мягкий тюк. Захлопнулась дверь. Взревел грозно мотор, подняв вихрь, закрутился пропеллер. Машина легко поднялась в воздух. Вокруг проплывают бесконечные сопки, но сверху они не кажутся такими надменными, как на земле. Встречаются небольшие реки и озера, еще не до конца освободившиеся ото льда. По земле следом за ними летит темная тень от вертолета. Вот она повернула и исчезла из вида. Машина стала тихо опускаться. Внизу сверкнула голубая река, в глаза бросилась большая поляна. Значит, добрались до нового места.

В новом месте привычный уклад существенно не изменился. Работа та же. И еда, как прежде — законсервированное мясо, сушеные овощи. Но все же изменения есть. Вместо дырявого барака жильем является сейчас большая палатка. Неизвестно, есть ли в ближайшей округе какой-нибудь поселок, живет ли рядом кто-нибудь, единственная связь с миром — рация, которой может пользоваться только прораб. Изредка прилетает вертолет, выгружает необходимый в хозяйстве скарб и улетает обратно. Увлекающимся спиртным теперь приходится терпеть.

Прошли весенние деньки. В ярко-синем небе палит солнце. Все вокруг оделось в зеленый наряд. Лишь макушки круглых сопки голые. Даже настоящий северянин — стланик, кажется, не имеет достаточно сил пустить корни и расти на самом вершине, где бушуют зимние студеные ветра. Его кусты с зелеными иглами в обилии простираются чуть ниже. Еще ниже по склону зеленеют низкие кустарники. С беспрестанным шумом прыгая через большие пороги, несет свои чистые холодные воды река под названием Умара. Красоту этому уголку придают стройные лиственницы. Покрытые мягкими иглами, они издали привлекают взгляд своим шелковым, ярко-зеленым нарядом.

Несмотря на то, что погода теплая, река еще не очистилась полностью ото льда. На склонах гор тоже виднеются белые островки снега. Зимой дни были короткими, а теперь и вечерами не темнеет. Солнце за-

катывается на какое-то время и вскоре всходит. Белые ночи. Чтобы писать и читать, даже глубокой ночью не нужно керосиновой лампы... Теплые летние дни долго заставляют здесь ждать себя. Но, к сожалению, не так уж радуют они — днем и ночью не дают покоя комары. Словно черные тучи, вьются кровопийцы. Труднее всего, когда работаешь. В накомарнике душно, не хватает воздуха, мазь попадает вместе с потом в глаза и вызывает боль.

Сколько богатств скрывается в этих необитаемых горных и болотистых местах... Не спрятал ли вправду их здесь черт?..

В палатке они живут той же компанией. Для досуга есть домино, шахматы и книги. Многие любят играть в карты. Любители порыбачить с пустыми ведрами не возвращаются. Потоцкий берет ружье и уходит в тайгу. А Васюк готовится к поступлению в геологический техникум. Прораб Альфред Эдуардович дал ему такой совет.

Как-то раз, еще до переброски на новое место, идущего с работы Васюка встретил он возле барака.

— В Магадане есть геологический техникум. Что ты думаешь о поступлении туда? — спросил он после того, как поговорили о том о сем. Застигнутый врасплох, Васюк резко повернулся к прорабу и посмотрел на него удивленно.

— Вы... о поступлении на учебу?

Сердце вздрогнуло, по телу пробежало какое-то чувство беспокойства.

— Око видит, да зуб неймет, — сказал он, пытаюсь скрыть волнение. — Где уж сейчас? Забыл я уже, все знания выветрились. К тому же...

— А ты попробуй. Там будет видно, — оборвал его прораб. — Вступительные экзамены принимают прямо в районном центре Ягодное. По каждому предмету проводят консультации. А знания можно восстановить, если постараться.

— Я был школьным учителем, Альфред Эдуардович. Меня не взяли на работу, когда вернулся домой,

за то что был в плену. Только ли меня? Студентов отчисляли из институтов. Не позволили работать в тракторной бригаде. А вы хотите, чтобы я учился... Что толку?..

— Знаю. Я в курсе... Теперь политика изменилась: бывшим военнопленным уже не запрещают работать по специальности и учиться. Сказать к слову, зарплата школьного учителя, по сравнению с нашей, намного меньше. Это — раз. Со следующего месяца за работу в тайге прибавят зарплату. Это — два. После трех лет работы отпускникам оплачивают дорогу туда и обратно... Ты в работе усердный и умеешь держать себя в руках. Мне кажется, из тебя выйдет хороший геолог.

Видимо, не суждено было Васюку стать школьным учителем. После техникума пришлось идти в армию. Когда вернулся домой, не доверили ему эту работу. И в Магаданской области, и в Хабаровском крае педагоги оказались не нужны. Если бы были даже нужны, сумел бы он работать в школе? Ведь сколько лет прошло! К тому же, образование никогда не помешает. Чем плоха работа геолога по сравнению с другими работами?..

— Я подумаю, Альфред Эдуардович.

— Думай, думай... Но заявление напиши. Смотри, не забудь написать — заочно...

Предложение прораба Васюк решил обсудить с Тарасом. Вместе и учиться веселее.

— Нет, — покачал головой Потоцкий, подумав немного. — Спрашиваешь, почему? Первая причина — у меня нет документа об окончании средней школы. Ребят нашего возраста забрали тогда прямо из-за парт на войну. Вторая причина — теперь у меня нет ни малейшего желания возиться с бумагами. Не хватает терпения часами сидеть над книгами, не поднимая головы писать, запоминать. Зачем? Я работаю. Деньги выплачивают. Если опять не отправят в лагерь, от голода не умру...

Скоро в большую палатку устроили еще четыре че-

ловека. Две семьи, две пары. Это промыватели золотого песка. Свои кровати они занавесили простынями. То, что в коллектив влились молодые женщины, кажется, всполошило многих мужчин. Одни сразу влюбились и ходили, тайно вздыхая. В сердцах других это обстоятельство рассеяло хоть на короткое время тоску и вызвало горячую и светлую надежду... Нашлись и завистники. Были и такие, кто открыто уговаривал женщин бросить мужа и перейти жить к нему. Тарас Потоцкий тоже напрасно страдал по кареглазой Полине Кочетковой. Нет, не приняла его любовь прекрасная женщина, не согласилась бросить лохматого Мишу с его грубым характером, не стала изменять ему...

— Разве она не видит? — возмущался парень, не скрывая вспыхнувшие чувства и обиду перед другом. — Неужели этот неотесанный горилла лучше меня? Я же не для забавы... Я всерьез. У нее одно на языке: «У меня есть муж». Муж... Ладно, если был бы нормальным человеком. Всегда с ней груб. Кричит на нее без причины. Жалею я Полину. Молодая, красивая женщина... Как она терпит его?..

Васюка обходили такие страсти. Как бы то ни было, Кочетковы — законные муж и жена. Однако эта маленькая перемена всколыхнула и его душу. В нем сильнее почувствовалось притяжение края, где он родился и вырос. Да, годы летят. И ему пора обзаводиться семьей... И детей хочется иметь... Но когда это случится? До отпуска ждать еще два года. Живя здесь, в тайге, трудно найти такую женщину, к которой бы лежала душа и с которой можно было бы завязать крепкие отношения. Мало все-таки женщин на Колыме. Немного их и среди тех, кто освобождается из лагерей. А желающих жениться, найти себе пару хоть отбавляй...

— Ну, как дела, будущий геолог? — подошел как-то Тарас к другу, углубившемуся в чтение, и встал напротив.

Васюк захлопнул книгу и, как бы думая о чем-то, немного помолчал.

— Экзамена по русскому языку я не боюсь. Диктанты никогда не писал плохо. Думаю, справлюсь и с математикой. Вот физики побаиваюсь, — он хлопнул ладонью по обложке книги и вздохнул.— Забыл. Все надо просмотреть заново, основательнее.

— Успеешь. До августа уйма времени. Не хочешь прогуляться? Айда, сходим на рыбалку, — предложил ему друг.

Как бы решая, что делать, Васюк издал дробь пальцами по столу и посмотрел в окно.

— Хорошо, пойдем, — согласился он наконец.

Утреннее солнце еще не поднялось из-за сопок. Их растянутые большие тени придают пестроту окружающей природе. Струится сырой воздух. Заалевшие серебристые облака плывут медленно и лениво, касаясь высоких горных вершин.

— Вася, ты помнишь Лермонтова?

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана...

— Действительно похоже, — отозвался Васюк.

Потоцкий закурил.

— Сегодня приснился дурной сон, — сказал он внезапно изменившимся голосом. — Даже проснувшись, долго ворочался с боку на бок, не успокаиваясь. Боюсь глаза закрыть, вдруг опять приснится.

— Что за сон?

— Увидел себя опять в лагере. За попытку бегства нас будто заперли в каком-то полутемном здании, сколоченном из досок. Окон нет. Лишь из щелей между досками просачивается свет. Два палача, наши же надзиратели, выводят по одному кричащих, сопротивляющихся людей, раздевают догола и заталкивают куда-то — то ли это здание, то ли черная дыра. Затем раздается чей-то хохот, мучительные крики, хлопок выстрела. Потом окровавленный труп кто-то забрасывает обратно. В маленьком дворике стоит машина. В кузове полно трупов. Снизу струится кровь. Лужи крови сверкают на солнце со страшным блеском. Душегубы все заходят и вытаскивают кого-то. Страшно, ужасно

страшно. Я смотрю туда-сюда, ища, где спрятаться, хочу изо всех сил втиснуться в угол. Вот один из палачей ступил в мою сторону, протягивая руку, которая по локоть в крови... Значит, мой черед. Я дико закричал и... проснулся. Сердце колотится, будто хочет выпрыгнуть из груди, дыхание перехватило, ни за что не могу уснуть... Так вот, братец Вася, — вяло улыбнулся Потоцкий. — Больше двух лет бился на фронте, и на Колыме смерть не раз грозила мне, но не помню, чтобы так испугался. Вот сон! — Тарас опять задымил сигаркой. — Как ты считаешь, — продолжил он начатый разговор после некоторой паузы, — не возвратится обратно прежний беспредел?

— Не должно быть, — задумчиво ответил Васюк.

— Говоришь, не должно быть... Но все палачи, замучившие тысячи человек, на свободе. Как будто их и не было, о них и не вспоминают. Может быть, берегут их на будущие времена? Это заставляет задуматься. Ночами до сих пор беспокоят ужасные сны. В прошлом году один человек сообщил мне на ушко — говорят на одном складе в Находке полно железной проволоки... Не приведи господь, перетерпеть еще одну такую жизнь. Ты говоришь, учись. Не могу я долго сидеть на одном месте. Меня охватывает невыносимая тоска. Тогда хочется напиться до потери сознания, пока не свалишься с ног... Хочется обо всем забыть. Все-таки, отец передал, наверное, мне свои испорченные гены. Но я не сдамся, ни за что не сдамся. Только бы не мешали мне чувствовать себя свободным. После того, как прошел войну, затем под конвоем лагерные застенки, я не могу насладиться свободой. Природа успокаивает меня. Побродив день-деньской, я возвращаюсь обратно к людям с залеченной душой.

Вот так, с наступлением теплой погоды, каждое воскресенье Тарас кладет хлеб в кожаную сумку, вешает на плечо ружье и отправляется в дорогу с ночевкой. Ходит, наблюдает. Иногда ему попадается на пути медведь или промелькнет юрчак, ласка с мышкой в зубах.

Изредка он встречается какого-нибудь человека, скрывающегося в тайге, и поговорит с ним. Интересно его послушать...

Сначала они шли вверх вдоль Умары, несущей свои шумные воды по валунам. По бревну, брошенному через реку, они перешли на другой берег.

— Вон за той сопкой есть маленькая речка. Там хорошо клюет рыба, — сказал Потоцкий, показывая на круглый низкий хребет, стоящий одиноко, довольно далеко отделившись от других.

В просторной ложбине, где обычно разливается половодье, сейчас воды нет. Вольный край. Под ногами шуршит жесткая, похожая на маленький камыш, низкая трава, изредка встречаются слабенькие лиственницы. Перед одной из них Тарас задержался.

— Вася, взгляни-ка на это дерево, — сказал он. — Какие только мучения и страдания не испытала эта бедняжка на своем веку. В болотистом месте почва мало питательная, здесь лютые морозы, бушуют ураганные ветры. Посмотри, какой ствол! Нарост на наросте. Как темные сухие руки моей матери с припухшими суставами. Вглядишься-ка, ничего на напоминает это тебе?

Васюк пожал плечами. Ну, дерево... Конечно, росло в мучениях. Темно-коричневый ствол его имеет несколько изгибов. Дерево не молодое, но смогло вырастить только две ветки. И они голые, кривые, некрасивые. И верхушка дерева, и концы веток в виде веера. Лишь на них видна слабая зелень хвои.

— А что в ней такого особенного? — ответил Васюк.

— Не напоминает она тебе человека? Смотри-ка... Вот лохматая голова, вон две руки. Есть и пальцы. Она всем телом мучительно склонилась вперед, руки выпростала. Как будто вот-вот свалится, наклонила колено. То ли умоляет кого-то о спасении, то ли прокликает, потеряв надежду.

— Ну ты... Гм... И правда... Да, кажется есть что-то похожее на человека, — нерешительно сказал Васюк, глядя на друга с удивлением.

— Вот тебе созданный самой природой памятник. Говорят, лиственница живет сотни лет. Значит, когда начала его создавать, думала о нас, чтобы нам показать... Она напоминает мне людей, испытавших мучения и страдания в лагерях. Таких умоляющих на коленях или проклинающих здесь было навалом... — Потоцкий затих, опустив голову и потер ствол дерева огрубевшей в труде ладонью. — Все равно на свете жить хорошо. Вот поднимаюсь на вершину высокой горы — один я на белом свете. Ни села, ни города вокруг. Свобода! Себя чувствую хозяином, — сказал Тарас, внезапно меняя ход разговора. — На следующий год возьму отпуск и поеду домой. Женюсь. Хочется жить, любить, видеть, как во дворе резвится детвора. Если жена не будет против, возможно, приедем сюда. Получим квартиру в каком-нибудь поселке. Что еще надо? Если работать, деньги будут. Лишь бы не вернулось прошлое обратно...

В начале августа шумный вертолет доставил Васюка на маленький аэродром рядом с трассой. Отсюда до районного центра рукой подать. Первый раз в Ягодном он был зимой, несколько месяцев назад. Тогда он, уставший от дальней дороги, хотел скорее устроиться на работу и хорошенько не разглядел его. И пройтись не успел — вскоре подошла машина, отправляющаяся в Бючихах. Теперь совсем по-другому. Погода теплая, и Васюку незачем торопиться.

Ягодное — аккуратный, красивый поселок. Одним концом касается бока широкой сопки, на противоположной стороне — Дебин, небольшая речка, гонит свою прозрачную холодную воду в великую Колыму. Позади поселка журчит Ягодинка.

Оказывается, первые геологи увидели здесь заросли ягод. Поэтому поселок назван Ягодное. На его абсолютно прямой, широкой главной улице находятся двух- и трехэтажные белые здания со светлыми окнами. Много зеленых деревьев. Молодые лиственницы качают пушистыми развесистыми ветвями на теплом ветру. Есть и тополя, растут и белые березы. Парк

занимает довольно много места. Днем там больше резвится детвора, вечерами много молодежи, далеко раздаются песни и танцевальная музыка. В поселке есть несколько магазинов, кинотеатр, ресторан, столовая, небольшой завод и некоторые другие учреждения. Одним словом, районный центр. Это — на главной улице. Чуть только отойдешь в сторонку, вдоль речек Ягодинка и Дебин стоят, вплотную прижавшись друг к другу, маленькие, приземистые домики. Это окраина поселка — «Шанхай», отчего-то так называют в народе улицы с подобными домами-развалахами.

Предстоящие экзамены сильно волновали Васюка. Но оказалось, их не так трудно сдавать. Итак, он поступил учиться. Возможно, и экзаменаторы не были слишком строгими. Все-таки посодествовали желающим учиться. Народному хозяйству нужны специалисты, хорошо знающие свое дело. Немало погубила их гремевшая в течение четырех лет война. Немало их погибло и в страшных лагерях.

Впредь, кроме усердного труда, Васюк должен будет учиться, получить знания и стать геологом... Так бесцельные, безрадостные дни прояснились. Светлая цель вдохновила и заметно развеяла тоску, гнетущую изо дня в день.

Перед уходом в глухую тайгу Васюку предстоит сделать еще одно большое дело — встретиться и поговорить с Конопляновым, написавшем его тете о Вече. Ответа на свое письмо Васюк не получил. Хорошо, если он живет там же. А вдруг переехал в другое место? Не уехал ли на «материк»? Тогда будет сложно его найти. Подгоняемый такими мыслями, Васюк поспешил на автобусную станцию сразу на другой день после сдачи последнего экзамена.

Короткое лето проходило. Приближалась осень. Несмотря на теплые, безветренные дни, погода в последнее время заметно изменилась. Перестало играть летнее марево вокруг, небо резко опустилось. Уже довольно прохладно по утрам и ночам. Зеленая трава

пожухла. На деревьях и кустарниках стали появляться яркие, разноцветные листья, окрашенные осенью, и их число с каждым днем становилось все больше.

В этот раз удача улыбнулась ему. После полудня, когда солнце повернуло на закат, автобус остановился в центре поселка.

— Вы к нам? — поинтересовался вышедший вместе из машины мужчина, шагая рядом.

— Это и есть поселок Ромашка?

— Конечно это. Вы здесь по какому-то делу?

— Я к Коноплянову, к Коноплянову Н.П. Есть такой человек в Ромашке?

— Есть, конечно, вон его дом, — указал мужчина на обмазанный глиной небольшой дом. — Там живет Коноплянов Николай Пантелеймонович.

Васюк облегченно вздохнул. Значит, здесь.

— Только дома ли он? — с некоторым сомнением проговорил человек. — В теплое время года лишь изредка заходят они. И сам, и его жена работают в тайге на сезонке.

К счастью, дверь в дом открыта. Не зря пришел.

— Можно войти?

— Заходи, конечно... Что спрашиваешь?.. Но еды для тебя не осталось. И выпить нечего.

Хозяин дома, худощавый, среднего роста мужчина, сидит спиной к двери за покрытым цветастой клеенкой столом и уплетает за обе щеки.

— Здравствуйте, Николай Пантелеймонович.

Резко обернувшись, Коноплянов взглянул на Васюка из-под густых бровей.

— Ой, а я думал, сосед пришел, — сказал он, поднимаясь со стула. — Есть у меня сосед. Не работает. Побирается, ходит по домам. Проходите. Садитесь со мной, супчика отведайте.

— Спасибо. Я только что из столовой, в Среднекане заглянул.

Скоро Коноплянов встал из-за стола, убрал посуду, вымыл руки, сел напротив Васюка.

— Вы по какому-то делу? Не обижайтесь за прямо-

ту... Но я очень спешу. И рюкзак мой готов, вон стоит около двери...

Васюку он показался сначала довольно пожилым человеком: голова лысая, оставшиеся на висках волосы поседели, на загорелом лице полно морщин. Через некоторое время, присмотревшись, он засомневался. Сколько же ему лет? Наверное, не старше сорока. Левая рука его искалечена. Несмотря на то, что полностью отсутствуют четыре пальца, он ловок в работе.

Васюк представился, сообщил, в какой геологической районной партии работает.

— Я писал вам. Так как вы лишь изредка бываете здесь, то, может быть, и не получили письмо.

— Да. Почтальону тоже, наверное, не хочется сворачивать в сторону нашего дома из-за нашего отсутствия. Полежит-полежит письмо и теряется, — согласился Коноплянов. — И дети любят баловаться. Они тоже могли вытащить. Сам я ни от кого не ожидаю писем.

Васюк вытащил из кармана конверт и подал Коноплянову. Лицо мужчины помрачнело, глубокие морщины между бровями стали еще глубже.

— Кем вы приходитеесь Вячеславу — родственник или земляк? Как попало это письмо в ваши руки?.. — спросил он, направив вопросительный взгляд на сидящего напротив молодого человека.

После того, как Васюк коротко разъяснил, он помолчал, опустив голову, затем снова начал читать.

— Гм... Ников Вячеслав... Ников, — пробормотал он, мучительно потирая высокий лоб. — Не помню... Ничего не помню...

— Не помните? — удивился Васюк. — Как?.. Это письмо... Разве не вы написали его?

— Почерк мой. И адрес, и имя мое. Значит, написал я...

— Ведь написали вы его недавно...

Николай Пантелеймонович глубоко вздохнул и сказал:

— Тогда слушай. С тех пор прошло девять лет. Ко-

гда я работал на шахте, на меня сверху упал камень. Больше суток не приходил я в сознание. К счастью, был в каске. Иначе давно оказался бы на том свете. Ну, постепенно прошло. Поправился, встал на ноги. Нормально хожу. Работаю. Но после этого начал забывать то, что было. Не все. Подобно тому, как кто-то закрашивает местами надпись на белой бумаге, то одно воспоминание выпадает из памяти, то другое. Ладно, если бы только давно прошедшее... Да, этот листок написал я, — грустно покрутил в руках письмо Коноплянов. — Но кто такой Ников Вячеслав, что с ним случилось, как погиб, этого сейчас я тебе никак не могу рассказать. Извини... Пить нельзя — вчера к вечеру только вернулся, друг пришел с бутылкой водки. Сегодня опохмелились... Пройдет, конечно. Через три-четыре часа все придет в норму. Но я не могу ждать. Мне нужно уходить. Эх, вчера ты должен был прийти...

— Жаль, — ответил Васюк. Он поднялся, тяжело вздохнул и сделал шаг к двери. — Что же теперь написать его матери? Она ведь ждет. Скажите: когда можно прийти к вам?

Коноплянов нахмурил широкие брови.

— Бесполезно, — сказал он. — В теплое время года мы здесь не живем. И жена, и я сам промываем золотой песок в тайге на сезонке. Это я сейчас приходил по спешному делу. Все-таки ты удачно попал, очень удачно. Ушел бы через полчаса. Потом ищи-свищи меня в Ромашке. Когда приходят холода — я то на охоте, то на рыбалке...

— Может быть, напишете письмо? — спросил Васюк, взявшись за ручку двери.

— Письмо?... Письмо... — ответил Коноплянов, как бы задумавшись. Он взглянул на настенные часы и тихо побарабанил по столу. — Может быть, пойдешь со мной? Прямо сейчас. Вместе... А путь-дорожка у меня такая. Расскажу-ка по порядку... В прошлом году мы выдали дочь замуж. Теперь они с мужем живут в поселке Ингир на берегу реки Бахапча. Недавно у

них родился ребенок, Лидочка вот-вот должна выписаться из больницы. Поэтому Валя, моя жена, на время ушла жить к ним. Ожидая рождения ребенка, она, оказывается, все необходимое уже накупила зимой. Я должен теперь поторопиться отнести эти вещи. Должен был добраться уже сегодня, а из-за этой проклятой водки опоздал. Это — раз. В пяти-шести километрах отсюда у меня есть охотничий дом. Оттуда я должен отнести рыболовную снасть зятю. Давно просит. Поэтому сегодня придется переночевать у озера в тайге. Завтра по реке Бахапча опустимся на Колыму. До этого в голове должно проясниться. Достаточно будет времени поговорить... Ну, как, подходит?

— Ладно, — сказал Васюк, подумав немного.

— Тогда пошли, — поднялся со стула Николай Пантелеймонович. — Снимай ботинки и положи в свой рюкзак. Местами дорога будет проходить по болоту. Вот, надевай сапоги. Это накомарник. Время комаров прошло, но в безветренных сырых местах комарье пристаёт сильно. Впиваются сплошной черной массой... А ты здесь давно, на Колыме? А-а, меньше года? И мне вот так показалось. Что, приехал по договору?

— Нужда заставила. Я был в плену у немцев.

— Понимаю... Восемнадцатый год я живу в этих краях, — проговорил Коноплянов, запирая дверь в сени на ключ.

— Восемнадцать лет?! — удивился Васюк. — Почему?

— Позже, на месте, расскажу. Ну, тогда пошагали, — он повел плечами, словно поправляя рюкзак за спиной и потопал тяжелыми шагами вперед.

Они вышли из поселка и свернули в тайгу, и, как только ступили на нежно-зеленый болотистый мох, Коноплянов встал, как вкопанный, и наклонился.

— Ой-ой, где ты взошла, — пробормотал он. — Белая береза! Э-э, подруга, где ты должна расти, — с такими словами Николай Пантелеймонович вынул ножик из кармана пиджака и с его помощью вытащил с корнем тоненький березовый росток с двумя-тремя

лепестками. — Корни есть, не пропадет, — сказал он. Разрыхлил, порезав, каменистую почву в сухом открытом месте, вырыл ямку и посадил туда слабенький росток, принес в пригоршне воды и полил его.

По краю весело журчащего оврага идут двое мужчин с рюкзаками. Узкая тропка бесконечно извивается: то проходит мимо густо растущих лиственниц, то приводит к раскидистым кустам ивы, то выбегает в открытое место. Наконец, речка повернула направо. Пройдя некоторое время по склону горы, они стали спускаться вниз. Здесь много ягод, которые с виду похожи на желтую малину, но растут, стелясь по земле.

— Морошка, — сказал Николай Пантелеймонович. — Говорят, Пушкин просил перед смертью варенья из этой ягоды.

Затем началось настоящее болото. Впереди черная, как деготь, вода. На ней торчат небольшие кочки травы. Наступаешь на нее — она прогибается, но не тонет, выдерживает вес человека. Таким образом, ступая с одной кочки на другую, они вышли на сушь и, раздвигая густую траву, зашагали к возвышающейся недалеко сопке. Потом их путь преградила довольно широкая чаша мелкого березняка, далеко растянувшегося в обе стороны. Невозможно ни раздвинуть, ни сломать тонкие гибкие, переплетенные друг с другом, ветви. Даже если рубить топором, придется много потрудиться, чтобы проложить тоненькую тропку. Николай Пантелеймонович посмотрел туда-сюда, как будто искал что-то, затем пошел сначала налево, потом направо.

— Вася, иди сюда, — раздался его голос с глубины мелкокося. — Давно не ходил по этой тропке. Сразу и не вспомнил, в каком месте она находится. Вот наша тропинка, — показал он на небольшой просвет, ведущий в глубь чаши мелкокося.

— Откуда? Кто ее создал? — удивился Васюк.

— Звериная тропа. Ничего не поделаешь, и нам придется, подобно им, пройти эти тридцать-сорок метров на четвереньках. Давай, ползи за мной.

Под ногами сухая земля. Поэтому они вышли на другую сторону чаши благополучно, без мучений. Выпрямившись во весь рост, Васюк смахнул с себя мусор.

— Интересно, какие звери ходят по этому туннелю?

— Немало их. Встречаются и лисы, и волки. Часто вприпрыжку пробегают зайцы. Смотри, какая проторенная тропа. Но, судя по размерам, кажется, что больше здесь ходит медведь.

— А если бы он встретился нам в этом туннеле?..

Взгляд Коноплянова озарился теплыми лучами.

— Могло быть, — улыбнулся он. — В прошлом году вот так... ага, именно в прошлом году... — Николай Пантелеймонович запнулся, его широкие брови нахмурились. Он потер лоб. — В прошлом году вот так... В прошлом году... Нет, больше никогда не буду пить эту водку... Э-э, вспомнил! — снова улыбнулось помянувшееся было лицо. — В прошлом году, когда перевели на новое место работы, вышел я как-то утром на рыбалку. Иду по тайге. Смотрю — впереди далеко растянулась такая же чаща мелкого березняка. Наверное, около полукилометра будет. Думаю, где-то, все-таки, должно быть место перехода. Туда иду, обратно... Действительно, показалась тропка. Скоро она привела меня к такому же лазу. Недолго думая, нырнул я вглубь. Иду — ползу. «Гы-ы!» — неожиданно раздалось где-то рядом. Поднимаю голову — в двух-трех шагах от меня стоит медведь. Не помню — то ли я вскрикнул, то ли попытался снять с плеча ружье, но в голове засело, как лохматое туловище стало пятиться, а потом исчезло из виду. И сам я, конечно, пополз обратно. Когда пришел в себя, смотрю — несусь по открытому месту...

По мере подъема в сторону раскинувшейся горы впереди, среди зелени, стали появляться голубые островки. Это оказались заросли ягоды голубики. До приезда сюда Васюк никогда не видел в диких лесах такие заросли ягод. Их можно даже собирать, не двигаясь с одного места. Николай Пантелеймонович и не взглянул на них, топая большими сапогами, он про-

шел через них. Васюк наклонился, сорвал и положил несколько ягод в рот. Вкусная. Выше по склону горы появился теплый ветерок, освежив душный воздух.

— Отдохнем, наверное, немного, — сказал Коноплянов, забравшись на самую вершину. Сняв рюкзак и поставив его на землю, он сел рядом. — В последнее время чувствую тяжесть при подъеме. Задыхаюсь, — добавил он, коротко вздохнув. Затем поднес к глазам подвешенный на груди бинокль и, поворачивая голову, осмотрелся вокруг. — Вон ходит, — сказал он и, сняв с шеи бинокль, протянул Васюку. — Посмотри-ка в ту сторону, где мы только что были.

— Что там? — Васюк взял бинокль и стал смотреть. Оставшаяся позади невысокая гора тотчас приблизилась. Растущие на ней кусты стланика оказались рядом с Васюком. Отчетливо стали видны качающиеся гибкие ветви и начавшие раскрываться шишки. Вдруг из этой зеленой массы выползла черная лохматая фигура. Медведь!.. На своем веку впервые увидел Васюк медведя на воле, поэтому он долго наблюдал за ним. Голову зверь наклонил к земле и неторопливо идет между кустарниками: то исчезает, то снова появляется. Ищет грибы или ест ягоды?

— Николай Пантелеймонович, а если бы мы вышли как раз к нему?

Молча наблюдающий за окрестностями мужчина только вяло махнул рукой.

— Живя столько лет в тайге, мне приходилось много раз встречаться с этим лохматым другом, — сказал он спокойным тоном. — Не хочу сказать, что нечего бояться, все-таки, он зверь. Но не было такого, чтобы он обидел человека. Здесь я никогда не слышал, чтобы медведь без всякой причины напал на человека, убил его. Думаешь, он не видел нас? Не почувствовал, что мы прошли недалеко? Понаблюдай-ка, ветер дует как раз в его сторону... Если рядом с ним детеныш, тогда действительно страшно. Беспокоясь за него, мать может и на человека напасть... Да, в наших краях медведей давно нет. Остались лишь в сказках. А здесь встре-

чаются часто. — Коноплянов снял выцветшую фуражку и вытер выступивший на лбу пот.

— Говорите, что живете на Колыме восемнадцать лет. Это же много, очень много, — сказал Васюк.

— Да, — тихо покачал головой Коноплянов. — Вначале осудили на десять лет и привезли сюда. Когда вышел срок, добавили еще десять лет. Ну, я не отсидел все. Когда совсем изнемог, положил левую ладонь на пенек и отсек острым топором четыре пальца.

Васюк вздрогнул, по коже пробежал мороз.

— Что делать? Хочется жить, — все так же спокойно продолжил мужчина свою речь. — С нами коротал годы молодой парень, Миша Вязников. Ему было всего восемнадцать лет. Как и я, из Рязанской области. Он учился в музыкальном училище. У него были красивые руки. Пальцы длинные, тонкие. Договорились мы с ним и... Сначала, конечно, по его просьбе, его руку, потом отсек и свою... Моя рана постепенно затянулась, я остался жив. Миша не поправился, умер от заражения крови.

— Жаль молодого человека. И врачи не смогли помочь?

— Для таких, как мы, специально калечащих себя, не было врачей. Не лечили, им запрещали даже оказывать нам неотложную помощь...

Николай Пантелеймонович умолк, взгляделся в грозящие вдали горы, как будто пытаясь увидеть там что-то, и замолчал на некоторое время, задумавшись. Подул легкий ветерок и поиграл, качая ветки темно-зеленого кедрача.

— Да, все несчастья начались из-за одного мерзавца, — заговорил мужчина снова, горестно покачивая головой. — Тогда я учился на третьем курсе сельскохозяйственного техникума. Другом он был. Что я ему сделал? Этого я не могу понять до сих пор. Завидовал ли он чему-то, или было сказано не то слово в каком-то разговоре — не помню. Может быть, родился с такой черной душой. А дело произошло вот как. Как-то я зашел в класс и увидел в своей парте небольшую

бумажку. Взял и взглянул — измененные четыре строчки хорошо известного стихотворения.

Широка страна моя родная,
Столь в ней горя, не сочтешь вовек...
Я другой такой страны не знаю,
Где так тяжко стонет человек, —

написано было там. Если бы хватило ума промолчать и скрыть, может, ничего не случилось бы. Наверное, не испытал бы этого горя, этих мучений. А я, дурак, прочитал соседу по парте. «Сам написал?» — спрашивает. «Нет, говорю, лежала в моей парте». — «Разорви и выкинь», — посоветовал тот. Я, действительно, разорвал ее на несколько частей и бросил обратно в парту. Бросил и забыл. Это и нужно было моему врагу. Позже я видел эту собранную и аккуратно склеенную бумажку у следователя...

Коноплянов поднялся на ноги и неторопливо повесил рюкзак.

— Взгляни, сколько на нем шишек, — сказал он, указывая на кусты стланика, когда спускались с сопки, — как дружно они висят. Кого только не кормит это щедрое дерево. Для многих здешних птиц и некоторых зверей и других мелких тварей оно является настоящим источником жизни. Необходимое дерево... Очень необходимое для здешних краев. А вот это клюква, — Коноплянов наклонился и сорвал одну из ярко-красных ягод, как будто кем-то разбросанных на земле, положил на ладонь и рассмотрел со всех сторон. — Пока не поспела. С одного бока бледная. Она стоит до холодов. Крупная, бордовая, сочная и лечебная. Мы собираем ее с женой каждую осень кадками и сдаем государству... Да, природа везде, и здесь, на холодном дальнем севере, щедра и по своему добра, — добавил Николай Пантелеймонович и почему-то горестно вздохнул.

Спустившись с сопки, они вышли на узкую тропинку и зашагали по склону горы. Звериные тропы то неожиданно появляются впереди, то так же вдруг исчезают.

Когда удлиненные тени гор накрыли окрестность, они вышли к краю прозрачного озера, обрамленного высокой травой. Опять стали надоедать комары, и пришлось снова закрыть лица сетками. Озеро небольшое и, кажется, неглубокое. На его блестящей от солнца поверхности виднеется очень много круглых, как пеньки, плоских валунов. Они разные — есть и маленькие, и крупные, в два-три обхвата. Местами густо, местами реже. У всех ровная поверхность, все одинаковой высоты, чуть приподнимаются над поверхностью воды. Можно ходить по озеру и не намочить ног. Вода абсолютно чистая, посмотришь чуть внимательней и увидишь медленно проплывающих рыб. «Не росли здесь каменный лес?» — подумал новичок, переступая с одной глыбы на другую. В то время, как Васюк ходил и удивлялся, Коноплянов торопливо открыл рюкзак и приготовил короткую удочку. В озеро впадает узкая речка. Ее прозрачная, холодная вода с брызгами падает с небольшого порога, пенится и кружится. Николай Пантелеймонович присел на корточки. Только опустит удочку, чуть подождет — уже вытаскивает рыбу длиной в две пяди. Это — хариус, очень вкусная рыба, ее можно и в уху отправить, и жарить, и солить, и сушить.

— Здесь всегда клюет, — объясняет Коноплянов, когда подошел Васюк. — Ловлю только на ужин. Нам еще два-три километра. До наступления темноты должны добраться.

— Николай Пантелеймонович, — поинтересовался Васюк, нанизывая пойманную рыбу на тонкий ивовый прут. — В этом озере круглые камни... как они образовались? Как вы думаете?

— Я и сам удивляюсь этому, — ответил Коноплянов, не сводя глаз с удочки. — Спрашивал и у геологов. Не могут ничем объяснить, кроме как возможным следствием схода ледников. На самом деле, что скажешь об этом? Тайна природы, одним словом... Здесь не только одно озеро, — продолжил он начатый разговор позже, когда шли по узкой тропинке. —

Сразу три друг за другом. Соединяются ли они между собой? В двух из них возвышаются глыбы камней, но в другом камни не круглые и ровные, как здесь. В третьем (мы сейчас идем туда), я и на лодке много раз плавал по нему, не видно никаких камней. Еще одно чудо. В каждом озере разные рыбы: в одном хариусы, во втором щуки, в другом водятся мальмы. Отчего так — никто не знает. И это тоже тайна природы.

Солнце уже скрылось за высокой горой. Его яркие лучи теперь освещали лишь макушки сопок. Поднялся сырой воздух и холод пощупывал тело.

Наконец, они добрались до нужного места — впереди показалось третье озеро. Оно больше по размеру и длиннее, чем другие. Вокруг него местами растет высокая трава, местами заросли лиственницы. Открыт лишь один край, куда и подошли путники. В его сверкающей, как зеркало, воде отражается голубое небо, плывут пушистые облака. Однако в этот раз взгляд Васюка приковало, поразило не озеро, а три горы вблизи, тянущиеся ввысь. Они в два, а то и в три раза выше привычных сопок, круглые, как скирды сена, со стройными, острыми макушками. Не только размерами, но и темным цветом эти три горы резко выделяются. Какая грубая, неудержимая сила могла вытолкнуть таких великанов? Когда? Неужели в нашем веке? Иначе должна расти хоть какая-нибудь зелень на них?

Его мысли прервал Коноплянов.

— Вот мой дом, — сказал он, распахнув дверь, подпертую камнем. — Не хочешь заглянуть?.. Сюда я прихожу осенью и весной. Ловлю рыбу. Гусей и уток тоже много пролетает над этими водами. Ты проходи, проходи. Посмотри, как живут охотники. Я вскипячу чай, — с этими словами хозяин дома взял с печки почерневший от сажи чайник и вышел обратно. Васюк осмотрелся вокруг. Это была землянка, выкопанная на склоне горы. Стены из небольших бревен, утепленные мхом, дверь обшита войлоком в несколько слоев, потолок, имеется маленькое окошко — все на-

дежно, сделано основательно. Кровать, покрытая старым одеялом, маленький столик, стул — все это сколочено топором.

— Ну как? — спросил суеящийся у очага Коноплянов, когда подошел Васюк. — Таких домов у меня в окрестности еще три. Охотнику без них нельзя. Зимой ставлю на тридцать-сорок километров вокруг капканы. Ходить целый день от одного до другого нелегко. Так что, надежное укрытие спасает и от усталости, и от морозов, и от ночной темноты. В прошлом году, поздней осенью, один охотник упал здесь в воду. Мог ведь замерзнуть, если бы не было заимки. В другой раз я гнался за чернобуркой около тридцати километров. Погода холодная. Если бы не было вблизи заимки, домой бы не дошел...

— Я читал о таких домах. Говорят, там всегда есть сухие дрова и спички для усталого человека. Это так? — спросил Васюк.

— Правда, — согласился Коноплянов. — Пусть никогда не исчезнет этот добрый обычай... Ну, пойдем, поужинаем чем Бог послал.

Испеченная в глиняной посуде под углем рыба Васюку очень понравилась. Потом пили чай, закурили.

Кажется, солнце зашло. Его светлые лучи исчезли с высоких сопок. В глубокие низины и ложбины поползла ночная темнота. Сырой воздух поднялся и стал прохладным.

— Николай Пантелеймонович, до сих пор не вспомнили?..

— Знаю, Василий, знаю. Давно вижу, какие нетерпеливые взгляды ты бросаешь на меня. Давай сначала приготовим постель. Скоро станет темно. Здесь не так, как на «материке», земля холодная. Не ляжешь, просто постелив пиджак. В доме тесно. Сыро. И воздух душный. Пока не погас дневной свет, принеси-ка валежник. Вон топор. Притащи и сложи здесь. Остальное сделаю сам. Говоришь, зачем? Скоро увидишь. Кто знает, может, когда-нибудь и тебе придется провести вот так ночь на Колыме... Недалеко отсюда лежит боль-

шое сухое дерево. Смотри, не бери, не трогай его. Там живут сурки. Они не любят, когда подходят близко, очень волнуются, — сказал Коноплянов и бросил несколько сухих веток в угасающий огонь. Пламя взметнулось, вспыхнув, и озарило красным светом и окрестность, и лицо Коноплянова.

— Когда я строил этот дом, решил спилить из того дерева бревно и только провел пилой пару раз — выскочили семеро-восьмеро зверюшек. Один прибежал совсем близко — свистит, верещит. Ругает, значит, меня. Видел бы ты его глаза, какой гневный взгляд. Они приготовили было сено на зиму. А я свалил их копейки, двигая ствол.

«В этом охотнике, оказывается, живет и душа ребенка, — сказал себе Васюк, думая о том, как сложна человеческая сущность.— На самом деле, сколько рыбы и дичи ловит он весной и осенью, ставит капканы и петли в местах, где ходят звери, и каждый год сдает государству рыбу и мясо. А здесь беспокоится о жизни сурков, подбирает взошедший на болоте росток и пересаживает его на твердой почве... Нет, не ребенок. Хозяин жизни. Человек должен быть именно таким», — тут же поправил себя Васюк. Пока он таскал сухой валежник, Николай Пантелеймонович железной лопатой вырыл и приготовил две небольшие мелкие ямы, куда смогли бы лечь два человека.

— А это зачем?

— Это будут спальные места. Давай, заполняй, положи все, что принес. Сейчас зажжем и сделаем теплую, как в Ташкенте, постель.

Дрова запылали. Сухие ветки трещат и стреляют, взметнулось вверх яркое пламя, с беспокойным гудением потянулось ввысь, запрыгало, заплясало. Его игривый, переменчивый отблеск упал на озеро, покачиваясь на волнах. Яркие искры сотнями и тысячами взметнулись вверх — погасли. Вокруг быстро стемнело. Зеленые сопки тоже потемнели, потеряли свои формы. Лишь их круглые, высокие макушки ясно выделялись в светлом небе.

— Теперь можно поговорить, — сказал Коноплянов, отходя подальше от яркого пламени. — Вот стул. Садись, — указал он Васюку на большой валун. — Вспомнил я о Вячеславе. Постепенно-постепенно все восстановилось в памяти. Так как дал слово сообщить, чтобы не забыть, я кратко записал его данные на бумажке. Отправить вовремя письмо не удалось. Сам знаешь, тогда нельзя было доверять почте. Позже вышло так, что отложил дело в долгий ящик. Проходил день за днем. Наверное, до сих пор не нашел силы сесть и подробно описать все... Ну, с чего начать?.. Сразу скажу, Вячеслав не был мне ни другом, ни товарищем. Верь мне — в трудовых лагерях между двумя зеками не могли завязываться такие благородные отношения. Почему? Покажу тебе только на одном примере. Вот, скажем, в барак приносят нарезанные куски хлеба. Каждому по куску. Но раздают лишь в одном месте. Что делают тогда люди?.. Правильно. Начинаются драки, ссоры. Могут ли быть в такой ситуации дружба и товарищество? Не только чувство голода, но и инстинкт самосохранения огромен в человеке. Он не подчиняется разуму, не зависит от того, какой ты человек — добрый или злой. Этими сильными чувствами очень искусно умели пользоваться лагерные начальники. Между рабами не должно быть никакой дружбы, никакого товарищества! Потому что для хозяев это опасно... Ну, с Вячеславом у нас были нары рядом. Однажды, за пару недель до его расстрела, мы с ним разговорились, и он мне вкратце рассказал о себе. Горевал, что ему не удалось сообщить о себе домой с самого начала войны, что совсем не знает, как живут его родственники.

— Правда, это так. До начала войны он служил в Западной Белоруссии, недалеко от границы, — подтвердил Васюк слова Николая Пантелеймоновича. — Когда началась суматоха войны, от него не было вестей.

— И быть не могло. Они сразу попали во вражеское кольцо. Надеюсь соединиться с Красной Армией, сра-

жаясь везде и всюду с идущими по пятам немцами, группа из нескольких красноармейцев, потерявших свои полки, скрывалась днем в лесах, ночами шла на восток. Наконец, встретили партизан. За спасение жизни командира он, Вячеслав, будто бы был удостоен медали. Но вручить награду не успели. Получив ранение в ногу, он попал в плен к немцам...

Перед Васюком снова возникли темные тени прошедших лет: большой загон, огороженный колючей проволокой, там копошатся исхудавшие, в грязной, рваной одежде узники. По углам на вышках стоят вооруженные солдаты.

— Знаю, какими были фашистские лагеря. Сам бывал, — откликнулся Васюк, грустно покачивая головой. — Веча... Веча... Все же он смог оттуда выбраться живым. А дальше ясно — после окончания войны вернулся на родину. Потом следствие, суд. Затем Колыма... Так?

— И так, и не так, — возразил Коноплянов. — Ты слушай. Раз начал, расскажу уж обо всем подробно.

За спиной надвигается ночной мрак. Спереди пылает красное пламя. Оно уже слабеет. Затем, оставив пылающие угли, вовсе исчезло.

— Я слушаю, Николай Пантелеймонович.

— Там соорудили два лагеря совсем рядом, — продолжил Коноплянов свой рассказ, бросая несколько сухих веток в маленький очаг. — Их отделяла лишь колючая проволока. В обоих — попавшие в плен советские солдаты. В одном измученные голодом, одетые в рваную одежду люди. В другом все одеты в немецкую военную форму с иголки. Они здоровые, веселые, ловкие. Идущий с их лагеря запах вкусной пищи мутит разум изнуренных от голода людей. Многие не выдерживают, махнут рукой и переходят во второй лагерь, куда их настойчиво зовут немцы. По одному, по два, маленькими группами.

Вячеслав тоже не выдержал мучений голода... Оказалось, так фашисты готовили из пленных советских солдат — чувашей, татар, марийцев и представителей

многих других наций — отдельные батальоны, чтобы мобилизовать их против Красной Армии. Фашисты проводили на фронт батальон, сформированный из чувашей, с веселой музыкой, желая больших успехов, ободряя теплыми словами. Но надежда врага, мечтавшего чужими руками загребать жар, полностью потерпела крах. Советские люди не захотели бороться против русских. Расстреляв немецких командиров, весь батальон перешел на сторону Красной Армии. Однако вернувшихся таким образом с «той стороны» сыновей Родина не встретила с распростертыми объятиями. Сразу всех арестовали. Потом тюрьма, допрос за допросом. Наконец — Колыма... На десять лет осудили Вячеслава. Через несколько месяцев его расстрелял конвоир.

— Конвоир?.. Почему? — спросил Васюк, почувствовав, как больно сжалось сердце.

— Ха... «Почему?..» — сказал Коноплянов и помолчал, взглядываясь в ночной мрак. — Скучно, наверное, было охраннику смотреть, как копошатся изголодавшие рабы. Хотел, наверное, потешить свою дикую душу. Хорошо помню тот момент... Заранее зная, что зеку нельзя сделать ни шагу дальше обозначенной границы, тот негодяй приказал Вячеславу принести хвост для огня. Что делать? Ослушаться нельзя... И так, и эдак — смерть... Все равно убьет когда-нибудь. Не зная, что делать и что сказать, бедный Вячеслав побледнел, посмотрел сначала на конвоира, потом на работающих вместе и побежал в указанном направлении. Не успел отбежать далеко, раздалась автоматная очередь. Бедняга резко остановился, оглянулся, потом свалился на бок и успокоился...

— Николай Пантелеймонович... Как же так?.. Со всем безвинного человека вот так... шутя, — запинаясь, проговорил Васюк. — По закону ведь нельзя так делать. Были свидетели.

— На Колыме, Василий, законы другие. Колыма — это было другое государство, государство в государстве, рабовладельческое государство... Хозяева, точнее сказать, люди НКВД, были вольны делать, что хоте-

ли. У рабов, это тысячи арестованных и привезенных сюда — рабочий ли он, крестьянин или академик, или генерал — не было никакой защиты. Здесь ни во что не ставили человеческую жизнь. Конвоир мог без предупреждения застрелить зека. За это он не только не отвечал, но таких хвалили, премировали. За то, что был начеку. Если зек нечаянно наступал за указанную границу, это считалось попыткой к бегству. Значит, его надо уничтожить. Такой был порядок... Только бандитов не прижимали здесь. Многие из них не горбатились в тяжелом труде — или комендант он, или бригадир, или работает на кухне, или раздаст хлеб. У главарей банд — паханов — были свои рабы. Подумай-ка, оставшихся без защиты людей отдавали в руки зверям, потерявшим человеческий облик!..

Коноплянов тяжело поднялся и стал переворачивать кочергой и постукивать по несгоревшим головешкам. Он долго возился. Затем вынес из дома одеяло и старую одежду. Так как вокруг было темно, он снова бросил в огонь сухие дрова.

— Уже поздно. Уже, наверное, за полночь, — сказал он. — Надо спать. Завтра рано вставать. — Он взял кочергу и вытащил из ям слабо пылающие остатки угля и золы, собрал в одном месте и погасил, полив водой, разложил в горячих ямах ветки стланика, которые принес Васюк. — Вот и все. Мягко, тепло. Ложись и спи, как барин. Одеяло немного тонкое, но в таком теплом месте ничего. Спокойной ночи.

Маленький огонь тоже скоро превратился в угли. Глухую тайгу объяла темная ночь. Украшая темное небо, открыли глаза сверкающие звезды. Поднялся полумесяц. Тишина. Вокруг громоздятся бесконечные горы, впереди сверкает поверхность озера. В его воде плавают потемневшие, серебристые, кудрявые облака. Васюк лежит, глядя вверх. Там, далеко-далеко, в бесконечной галактике, другой мир, неизвестный нам, скрытый тайный мир.

Коноплянов давно храпит. Васюку не спится. Он думает о безвременно ушедшем родственнике. Чего бы

ему ни пришлось перетерпеть, Васюк все-таки жив, работает. Мечтает и надеется на лучшее будущее. А его любимый друг детства, родственник, давно простился с белым светом...

Удивительно тихая ночь. Почему же она такая тихая? Если бы бушующий ветер качал стволы деревьев, гнул до земли развесистые кусты, бился о берег, наверное, не так сильно болело бы и тосковало сердце Васюка. Хоть немного, но смягчилось бы его горе. А теперь вот тревожные мысли приходят в голову. Сердце никак не успокоится. Васюк мучается, не может уснуть. Раздался бы какой-нибудь шум, или хотя бы выскочил медведь... Но вокруг тишина.

Вот и узнал он о Вече, о его смерти, о его последнем дне. Как написать об этом его матери? Бедная женщина! Сколько несчастья и горя пришлось ей испытать. Отчего?.. Ах, жизнь, жизнь! Отчего твои пути-дороги так косы и кривы?

Уже стал светлеть восток. Сначала окрасились красным светом три черные сопки. Значит, взошло солнце...

— Василий, надо вставать, — послышался голос.

Васюк открыл глаза. Недалеко стоит Коноплянов, в очаге дымится почерневший от сажи чайник... Оказалось, к утру немного задремал.

Повесив рюкзаки за спины, двое мужчин снова вышли в путь. Над озаренными солнцем вершинами гор неторопливо плывут светлые легкие облака. В низинах темно, воздух сырой и прохладный.

Идти по тайге без дороги нелегко. Лучше шагать молча. И говорить неохота... Под ногами стучит каменная земля или шуршит желтеющая трава.

— Вот Бахапча. Пришли, — сказал наконец Коноплянов. Спустившись по пологому берегу, они остановились у довольно широкой реки.

— Какое сильное течение, — сказал Васюк. — Вода такая прозрачная. И ледяная.

— А еще двухцветная. Видишь? Посмотри-ка внимательней. С этой стороны она бирюзовая, с той стороны немного красная, — добавил Николай Панте-

леймонович. — Знаешь, почему? Чуть повыше в Бахапчу впадает другое русло. Из-за того, что оба течения несутся так быстро, они никак не могут соединиться.

Поставив рюкзак на мелкие камушки, он развязал и открыл его, вытащил оттуда резиновую лодку и стал надувать с помощью насоса.

— Вот и все! Садись, — сказал Коноплянов, толкая лодку в воду.

Та легко покачиваясь, понеслась вперед. Спешит извилистое течение, торопится, огибает стертые камни, перепрыгивает, ударяется о берег. Мимо проносятся деревья, кусты и сопки. Вокруг тишина. Нигде не видно ни души. Э-э, нет, вон наверху стоит стадо диких коз. Несмотря на расстояние, на солнце, на фоне голубых облаков они отлично видны.

— Красивые животные. Какие у них рога, тонкие ножки — как литые, — сказал Васюк, долго не сводя глаз с диких коз, глядящих с вышины на людей.

— Они очень боязливы. Не подпускают близко, — ответил Коноплянов. — Однако на них тоже охотятся. Однажды я близко подкрался к ним. Ветер дует с их стороны — не чувствуют близкой опасности. «Ну, — думаю я, — прицелюсь, попаду, не попаду. Будь, что будет...» Выстрелил прямо в центр стада. Смотрю — один упал. Ура! Обрадовавшись, вскочил и побежал. Оказалось, что попал в козленка. От звука выстрела козы рассыпались и понеслись по горам. А одна — конечно, мать — перед тем, как уйти, три круга сделала вокруг неподвижного детеныша. Увидев это, куда-то исчезла моя радость. Дома рассказал об этом жене, она тоже очень опечалилась. Не смогли мы есть то мясо — отнесли соседям.

— Да... Не только у человека, но и у всякой твари огромна материнская любовь, — ответил Васюк.

— Это правда.

— Николай Пантелеймонович, вы столько лет живете здесь... Не хочется домой?

Наверное, соль на раны посыпал Васюк. Лицо Ко-

ноплянова внезапно дернулось мучительно, в глазах погасли теплота и спокойный свет.

— Для меня те места давно чужие, — сказал он сухо.

— Нет близких и родных?

— Отец давно умер. Когда забирали меня, дома остались, кроме матери, брат и сестренка. С того времени я не получал от них никакой весточки. Про мать не могу сказать ничего. Она не умеет ни читать, ни писать... А для брата и сестренки меня давно нет. Чужой я для них сейчас. Враг народа... И сами не пишут, и мне не велели... Конечно, тянут к себе родные места, — добавил Коноплянов после некоторого молчания. — Вот накопим денег на покупку дома и поедем. Но не туда, где живут родственники...

Перед глазами Васюка возник образ Димы Тимофенко, с которым он работал вместе на Донбассе, жил в одном общежитии. Он помнит письмо, в котором его родители корили и бичевали сына за то, что тот был в плену. Не забыл и то, как Дима плакал, отвернувшись к стене.

— Вы сказали, когда вас привезли сюда, вы были еще молодым, — поспешил Васюк перевести разговор на другую тему. — Теперь ваша дочь уже мать. Как...

— А-а, дочь... Это дочь жены, Валентины. Знакомый договорник привез ее из отпуска. Валин первый муж был бандеровец. Поэтому арестовали и жену и отправили на Колыму.

Бахапча становится все глубже и шире. Лодку не надо толкать веслами, лишь следить, чтобы не сворачивала в сторону. Бежит-спешит течение. В поисках удобного места, оно то ветвится на несколько русел и расширяется, то устремляется в ущелье и грозно ревет, подобно дикому зверю, бьется о берега и выдергивает с корнем растущие по краю воды зеленые лиственницы, ломает, крошит и уносит с собой, оставляя останки мертвого дерева где-нибудь в излучине. Эти кучи белых стволов почему-то напоминают погибших здесь людей, кажутся их скелетами.

Земля Колымы! Сколько злобы в тебе...

Как жаль деревья. Выросших за десятки лет красавиц эта неуправляемая сила теперь выкорчевывает без жалости. Они сползают одна за другой с берега, вырванные с корнем и землей, не сразу падают, хотя не хватает им силы противостоять течению. Вот совсем рядом сползла еще одна стройная лиственница. Река сразу подхватила ее и затащила в середину. Но, кажется, корень зацепился за что-то, и оно остановилось. За ней плывет другая. Добравшись до дрожащего на середине реки дерева, оно слабо оперлось об него раскидистыми зелеными ветвями. Так, опершись друг о друга, как близкие друзья, они отправились по грозному пути навстречу своей смерти...

— Эх, бедняжка, — сказал Васюк, проплывая мимо.

— Да, сколько дерева зря пропадает, — сказал Коноплянов. — Из-за мерзлой земли здешние деревья не могут пускать глубокие корни. Поэтому течение спокойно уносит их.

Эти две лиственницы, плывущие, плотно опираясь друг на друга, разбудили в душе Васюка грустные воспоминания. Возник образ покойной Тони, снова сжалось сердце, и причинили боль воспоминания о трагической любви. «И Римма пропала... Обоих нет на этом свете», — промелькнула горестная мысль.

— Николай Пантелеймонович, а с Валентиной Александровной вы поженились по любви? — спросил Васюк и покраснел от смущения.

— Вот еще, — довольно улыбнулся мужчина, не поняв он Васюка. — Какая любовь могла быть для человека, осужденного и высланного на Колыму?.. В поселке за двадцать-тридцать километров был женский лагерь. Как освободили, тогда еще и рана не зажила, — посмотрев на искалеченную руку, промолвил Коноплянов, — я поспешил в тот поселок. Увиделись с Валею и познакомились друг с другом, договорились жить вместе. Вот и вся любовь, — Коноплянов снова просиял и, замолчав, неторопливо закурил.

Однако этот короткий разговор, видимо, задел и его за живое. Помолчав немного, он продолжил начатый рассказ:

— До того, как отпустили на волю, о женщине мы могли только мечтать. Только начальникам и всяким их слугам вроде надзирателей, охранников, конвоиров и всяким другим развратникам была полная свобода на это, — сказал Николай Пантелеймонович и плюнул сердито и презрительно в сторону. — Много ли нужно, чтобы сломать измученного от голода и тяжелого труда человека? Скажем, вызовет начальник какую-нибудь красавицу к себе в кабинет или какое-нибудь укромное место. Стол ломится от яств и вина. Не выдерживает бедняжка, махнет рукой и сдастся. Противиться тоже бесполезно. Он ведь хозяин-барин. Перед ним стоит рабыня, он волен делать с ней, что хочет... Или отправит на какую-нибудь непосильную работу. Или соглашайся, или умри...

Подгоняемая течением лодка плывет легко. Навстречу проплывают зеленые деревья, раскидистые кусты, высокие горы.

— Говоришь, любовь, — Николай Пантелеймонович взглянул на проплывающую рядом низкую сопку, будто вспомнив о чем-то, и повернул лодку к берегу. — Была... И любовь была... Увидишь... Скоро.

Вскоре мужчины вышли на берег и пошагали вверх между раскидистыми кустами стланика. Тяжело ступая резиновыми сапогами, Коноплянов подошел к краю крутого яра. Потом сломал гибкую ветку и подмел пыль и мусор с лежащего рядом довольно большого, продолговатого, плоского камня.

— Вот, читай, — сказал он. Сам отошел в сторону и снова закурил.

«Здесь похоронена любовь. Июнь тысяча девятьсот сорок восьмого года», — отчетливо выделялись на шершавом камне выцарапанные острым и крепким предметом буквы.

— В трех-четыре километрах отсюда находится прииск. Два лагеря — женский и мужской — стояли

рядом. Лишь высокий дощатый забор отделял их друг от друга. Там произошли страшные дела из-за любви. Об этом подробнее расскажет тебе Валя. Осталось уже недалеко, скоро дойдем. Она хорошо знает эту историю. Сама была там, — сказал Коноплянов и повернул разговор на другую тему.

...Пообедав, хозяин дома вышел во двор покурить. Валентина, круглощекая женщина с аккуратно убранными на затылке черными волосами, чуть старше сорока лет, убрала со стола, помыла посуду и, спрятав под фартук свои огрубевшие от тяжелого труда и холода руки, подошла и села на стул напротив Васюка.

— Коля мне рассказал, что вы были на могиле Даши... Да, сама оборвала свою молодую жизнь бедная девушка. Не согласилась терпеть издевательства врага, — сказала она, тяжело вздохнув. — Она была студенткой. Прямо во время учебы ее арестовали. Красивая была Даша, и стройной фигурой, и своим скромным поведением она заметно отличалась от других девушек в бараке. Мы не были близкими подругами, — женщина покашляла и аккуратно вытерла губы, вытащив белый платочек из кармана фартука. — Мы выходили и строились совсем рядом с мужчинами, живущими в соседнем лагере. Когда конвоиры не замечали, перебрасывались репликами, разными шутками... Как-то после работы, когда легли спать, ко мне подошла Даша. «Валя, — прошептала она взволнованно, — я сегодня видела Егора». Я, уже успевшая задремать, еле открыла глаза. «Какого Егора?» — спрашиваю. «Это мой любимый. Идет в колонне. Чуть не закричала, когда увидела. Идет с опущенной головой. Прошел и не заметил меня. Сказали же, что вчера привезли новеньких. Так вот, и Егор с ними...» Позже я видела и его... Ух, симпатичный парень, — добавила Валентина Александровна, чуть повернув в сторону нить разговора. — «Ну, и что ж?» — спрашиваю девушку. «Ты как-то говорила, что у тебя есть знакомый надзиратель. Скажи-ка, пусть сообщит Егору, что я здесь». Действительно, был один такой, — сказала женщи-

на, отводя глаза. — Нравилась я ему. Давал мне хлеб, иногда совал в руки кусок сахара и конфету... На самом деле, он помог. Изредка через него Даша и Егор обменивались записками. Наверное, сильно любили, бедняги, друг друга, — снова горестно вздохнула женщина, глядя грустными глазами в светлое окно. — Именно эта любовь погубила обоих. Говорят, белая лебедь, потеряв пару, бросается сверху на камни и умирает. Так же получилось и у Даши с Егором... Несмотря на то, что оба лагеря были разделены высоким забором, они находили какие-то щели, чтобы сказать друг другу несколько слов и отвести душу. О встрече, однако, и речи не могло быть. Порядки были строгие, очень строгие для живущих за колючей проволокой... Когда наступило лето, на прииске начал работать новый начальник — Каламбуров Иван Тимофеевич, краснолицый, толстый мужчина. Сам ли увидел Дашу, или кто-то подсказал? Около занимающих высокие посты всегда находятся подлые предатели. Вот вызывает Дашу начальник прииска в свой кабинет. Оказывается, ее ожидает стол с угощениями и разными винами. Но, как бы ни приглашали, как бы ни уговаривали, она не проходит вперед. Не смотрит на Каламбурова. И во второй раз такой же разговор. Не помогли ни уговоры, ни угрозы. Тогда Каламбуров узнал, что у Даши есть возлюбленный. Вот почему у него не получается! Взбешенный начальник решает уничтожить своего соперника самым изощренным способом. С наступлением вечера парня выводят из барака, раздевают догола и привязывают к дереву. Комары вьются, как черные тучи. Ах, Егор, — Валентина Александровна запнулась. Из кармана фартука вытащила платок и вытерла глаза. — Слышали бы вы, как страшно он кричал. Мы все в бараках. Дверь заперта снаружи. Не знаем, что там происходит. А Даша — почувствовала душой — дрожит, бедняжка. Не зная, куда деться, мечется по бараку... Хотя все страшно устали, никто не спит. Кто сможет спать, зная, как дико мучают человека, слыша такие страшные крики? Посте-

пенно эти ужасающие крики ослабли. Затихли... Утром узнали, что случилось. Надзирательница рассказала. В Дашином лице, казалось, не осталось и капли крови, ее огромные красивые глаза за одну ночь глубоко запа-ли. Она не плакала, не промолвила ни слова. В тот день мы рубили ветки стланика на сопке. Даша тоже работала с нами. Я незаметно поглядываю на нее. Вот девушка положила топор, поправила выцветший пла-ток на голове и пошагала к краю горы. Посмотреть из-далека, идет не спеша, как будто ничего не случилось. Подошла и сразу бросилась вниз. Там вы, наверное, видели, кучи больших камней, бурлит вода... Вот так покончила с жизнью Даша, — сказала Валентина Алек-сандровна и горестно покачала головой.

— Что дальше было? — нетерпеливо спросил взвол-нованный Васюк.

— Ну... Видя скопившихся людей, подошел конво-ир. Посмотрел вниз и начал нас разгонять, ругаясь непотребными словами. Некоторое время спустя, разрешил он нам поднять окровавленное тело. Мы выры-ли могилу там же и похоронили ее. Так как нельзя было ставить кресты, мы воткнули туда выструган-ный ствол дерева. Говорят, плохие вести проносятся на коне. Это мерзкое происшествие тоже быстро рас-пространилось по Колыме. Оказалось, не только до Магадана, но и до Москвы дошло оно. Наверное, у Каламбурова были враги. Говорят также, что родствен-ники Егора занимали высокие посты и были знатны-ми людьми. Не прошло и недели — Каламбурова вызва-ли в Магадан. Он не вернулся оттуда. Позднее распрос-транился слух: его арестовали и судили. Были и такие, кто видел его за колючей проволокой среди осужден-ных в соседнем районе. Из-за того ли, что переступил край дозволенного? Может, нельзя было убивать лю-дей таким способом?..

— А камень с надписью? Кто его принес туда?

— Я не знаю, — сказала Валентина Александровна. — Через несколько дней, рядом с Дашиной могилой вы-рос большой продолговатый холмик. Об этом ходили

разные слухи. Одни говорили, что начальник лагеря разрешил похоронить тело Егора рядом с любимой девушкой, чтобы разрядить обстановку, другие считают, что такого не может быть, что начальник лагеря плюет на зеков. Были и такие, кто твердил, что рядом с любимой девушкой похоронили Егора его родственники. Ходит также молва, что какие-то люди с воли специально соорудили холмик и сделали такую надпись...

Женщина глубоко вздохнула и умолкла с поникшей головой. Подавленный услышанным Васюк тоже не нашел, что сказать... Их грустные мысли прервал Коноплянов, зашедший в дом.

— Валя, значит, наши Надюша и Юрочка выписываются из больницы завтра, — сказал он весело. — Эх! Хорошо. Скоро увидим внука. Нет, жизнь еще не кончилась... Есть она, все стремится вперед. Василий, не уходи сегодня. Оставайся с нами, посидим за столом. Ведь в этот дом завтра придет маленький человек, дорогой человек!

— На самом деле, — взглянула на гостя и хозяйка дома. — Подождите до завтра.

— Спасибо за приглашение. Понимаю вашу радость. Поздравляю. Завтра должен лететь вертолет. Когда еще будет другой.

— Ну, хорошо. Работа есть работа. Жизнь держится на труде, — пробормотал Коноплянов. — Валя, я должен показать Василию одно место. До вечера вернусь...

Попутная машина не заставила долго ждать. Васюк и Коноплянов вскочили в кузов. Вот выехали на главную трассу. За два-три километра до моста через Колыму Коноплянов постучал по кабине машины и остановился. Сошли, свернули с трассы, прошли двести-триста метров, и внимательно смотревший по сторонам Коноплянов остановился.

— Вот оно, одно из многих и многих кладбищ, появившихся на Колыме, — сказал он. — Там, возле той сопки, расстрелял конвоир Вячеслава. Наверняка, по-

хоронили его на этом кладбище... Возле какого-нибудь холма или горки бульдозер рыл неглубокую яму, голые тела клали туда рядами, покрывали землей. Потом на месте каждого трупа ставили бирки с указанием фамилии человека и даты его рождения. Вот они стоят рядами. Давай поищем, может, найдем...

Васюк наклонился и стал читать на тонких маленьких дощечках отчетливые буквы, написанные карандашом: «Дубов Я.И., 1903 г.», «Никодимов В.И., 1922 г.», «Чайкин Н.П., 1900 г.»...

— Нашел... Вот... «Ников В.И., 1921 г.» — раздался голос Коноплянова.

Васюк вздрогнул. Вскочил, прибежал и сел на камни перед белой деревянной биркой, воткнутой в землю...

Да... Правильно... «Ников... Вячеслав Ильич, 1921 г.»... Не заметил, как снял фуражку и сжал в руках, не имея сил подняться сразу на ноги, склонил голову, огрубевшими в работе руками потер несколько раз буквы на дощечке с именем любимого с детства, дорогого ему человека... Кто говорит, что мужчины не плачут? Нет, плачут, и мужчины плачут...

— Давай, помянем по обычаю дедов, — Коноплянов достал еду. — Вот Валя дала мешочек, чтобы положить туда землю с могилы. Пошлешь матери его, — сказал Николай Пантелеймонович, аккуратно собрав остатки еды.

Какие добрые люди... Находчивые. Не забыли и про еду, подумали и про землю с могилы. Если бы все на свете так поступали... Значит, расстреляли Вечу. Совсем без вины... Как бы шутя... Как сообщить об этом его матери? Как взять в руки бумагу и написать?..

Васюку, шагающему в сторону геолого-разведывательного управления, встретился Альфред Эдуардович.

— А-а, Митаев, — сказал он, довольно протягивая ему большую руку. — Поздравляю.

— С чем?

— Конечно, с поступлением на учебу.

— Откуда вы знаете?

— Я давно знал. Нисколько не сомневался.

— Спасибо... Альфред Эдуардович, я о вертолете...

— Опоздал. Он улетел сегодня уже в шесть часов.

— Как?..

— Так, пришлось изменить расписание. Ну, ты не печалься. Сейчас вот скоро полетит другой. Все уже собрались там, на аэродроме. И милиционеры, и врачи. Я жду инспектора по технике безопасности. Вот-вот должен выйти.

— А что там случилось?

— Эй! — махнул рукой Альфред Эдуардович. Его лицо помрачнело, недовольно нахмурились брови. — Причина одна — в водке. Напиваются и... Тяжело ранили одного шурфовщика. Кого? Доберемся, узнаем. Боже, почему люди напиваются так, до умопомрачения?..

— Откуда они нашли водку?

— Ну... Велели выдать...

Когда добрались до места, соскочившего с вертолета и торопливо идущего в сторону палатки Васюка окликнул Аким Авдеев.

— Подожди, Вася, нужно сказать... Несчастье у нас, — сказал полупьяный шурфовщик, подойдя поближе. — Кочетков Миша Тараса ножом...

Будто оглушенный, Васюк почувствовал, как земля качнулась под ногами.

— Живой? — спросил он и помчался вперед.

— Не беги... Полчаса назад успокоился... ага... ушел навеки...

— Умер?

— Ага... так...

— Где он? В палатке?

— Вон проводили на вертолете, — указал Аким рукой на поднимающуюся в воздух машину.

— Говоришь, Кочетков?.. Из-за чего? — спросил Васюк, почувствовав, как его голос охрип.

— По пьяни. Ревнуя к жене... Начал ссориться. Вначале Тарас старался его успокоить, потом махнул рукой и вышел из палатки. Мишка схватил нож со стола и за ним...

— А вы? Почему не остановили? Почему не вырвали нож у него?

— Мы-ы? Э-э... Не заметили вот... пьяными были. Лишь когда с криками прибежала Полина...

Почувствовав, как резко подкосились ноги, Васюк сел на бревно, дрожащими руками вытащил папиросу и затянулся, снова и снова глотая горький дым.

«Хочется жить. Любить. Видеть, как резвится детвора во дворе», — вспомнились недавние слова Тараса... Из палатки раздались пьяные голоса:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночь темная была.

Итак, над человеческой жизнью поднялась другая беда. Омрачая рассудок, грубо калеча здоровье, будущее человека, она стала быстро распространяться над великой страной...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В читальном зале сельской библиотеки многолюдно.

— Жаль, что роман «И мужчины плачут...» на этом заканчивается, — заметила, нарушив тишину, одна из посетительниц.

Все переглянулись.

— Хочется знать, как сложилась дальнейшая судьба Васюка Митаева, — продолжила она.

...Автор тут должен признаться, что ситуацию, возникшую в библиотеке, она предвидела своим художественным воображением. Если читателя как-то затронул образ Васюка, он, конечно, хочет знать, куда и какие пути-дороги повели нашего героя дальше. Скажу так, выполнить это мне совсем не сложно. По секрету хочу сообщить вам... Впрочем, об этом в самом конце данного повествования.

По широкой оживленной трассе мчится автобус. У неприметной остановки водитель нажал на тормоза.

Сердце Васюка, когда он вышел из автобуса, заколотилось: перед глазами предстали знакомые с детства места.

Узкая тропинка сворачивает в поле. Там, в нескольких километрах, его родная деревня. Как там мать, родные? Видимо, они уже потеряли надежду когда-нибудь увидеть Васюка.

Прибавив шаг, парень догнал девушку. Какая у нее легкая походка, какой гибкий стан!

— Далеко путь держите, красавица? — ласково заговорил он.

— Там моя деревня, — ответила девушка. Повернулась, посмотрела на Васюка и улыбнулась. — Оказывается, мы — односельчане. Вы — Васюк Митаев. Не так? Мы с вами жили по соседству. Вас дома долго не было. Теперь насовсем приехали?

— Как вам сказать... Родные места в далеких краях снились мне ночами. Соскучился очень...

— А я решила встретить Пасху в кругу родных. После лекции бегом на автовокзал... Ну, до свидания, мне сюда.

— Подождите, хотел спросить, увижу ли вас сегодня? Может быть, прогуляемся? Я жду.

Так познакомился Васюк с Катей, которую он любил с первого взгляда. Девушка ответила взаимностью. Скоро они сыграли свадьбу.

Уместно тут добавить, что счастье все-таки не отвернулось от Васюка. Дальнейшая его жизнь, хоть и была не совсем легкой, но не приносила горестей, уже не было причин роптать на Господа. Катя родила ему двух прелестных мальчиков, которые выросли на радость родителям и красивыми, и умными. Но это — отдельная история.

Полагаю, небезынтересно узнать, как автор собирал материал для книги, чья судьба положена в ее основу? Так вот, сообщу тебе по секрету, уважаемый читатель, что история эта невыдуманная. Автору посчастливилось не просто близко знать Васюка, по паспорту Нидаева Василия Алексеевича. Судьба свела нас на узкой тропе, связала семейными узами. До сих пор рука об руку идем с ним по длинной дороге жизни.

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Где доброе семя, там и хорошее племя, говорят в народе. Знатный крестьянин-хлебороб из рода Уби Нестер Васильевич, его сын Алексей Нестерович, работавший бригадиром колхоза и обходчиком местного лесхоза, были основательны во всем. Исправно вели свое хозяйство, душой чувствовали землю, за это имели уважение односельчан в деревне Нижние Кожары.

Шестеро детей было у Марии Ивановны и Алексея Нестеровича. Поэтому-то и дети все порядочные, умные, трудолюбивые, начитанные. И работа любая им не в тягость, и учеба приносит радость. Только вот доля выпала беспокойная: встали на ноги, вроде бы окрылились и с намерениями на будущее определились дети — и на тебе, началась война с Германией. Венедикт, старший сын, немедленно стал курсантом школы военных летчиков и, выучившись на штурмовика, храбро защищал Родину, участвовал во взятии Берлина. Дочери Манефа, Лена, Зоя продолжали учиться, несмотря на голод, холод и прочие лишения военной поры, все получили высшее образование. Их брат Виталий пошел еще дальше, стал кандидатом биологических наук, доцентом и преподавал в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева. Жаль, из-за тяжелого недуга слишком рано оборвалась жизнь младшего брата Вячеслава, преуспевающего студента того же института.

«Самая образованная семья» — так говорили о Нестеровых. А тяга к знаниям, видать, шла от матери,

Марии Ивановны. Они с Анастасией, девочки-близняшки, учились в Ишакской церковноприходской школе, учились весьма старательно, прилежно, а что касается дальнейшего образования, то родители разрешили ехать в Симбирскую чувашскую учительскую школу только Анастасии. Сначала Мария горевала, но потом, войдя в положение родителей, успокоилась. Училась самостоятельно, не было дня, чтобы она прожила без книги. Читала по-русски Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а по чувашской литературе была толковательницей творений Михаила Федорова, Константина Иванова, Михаила Сеспеля. Вот это стремление и передалось всем детям.

Теперь мы поподробнее остановимся на фактах жизни и литературного творчества Зои Алексеевны Нестеровой. Родилась она 24 декабря 1925 года в деревне Нижние Кожары Красноармейского района. Окончила Убеевскую среднюю школу и Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева по специальности «русский язык и литература». Более четверти века преподавала в школах Комсомольского, Красноармейского районов Чувашии и Магаданской области, куда она переехала по месту работы мужа. И везде, где бы ни была, Зоя Алексеевна выкраивала время для собственного творчества. «Первая любовь» — так называется ее ранний рассказ, опубликованный в журнале «Ялав» (Знамя) в середине пятидесятых годов двадцатого века. В то время наши газеты и журналы имели очень большие тиражи, потому что телевидения тогда не было и в помине, не было и электрического света, и радио. Поэтому книжные новинки и журнальная периодика были в центре внимания молодежи. В те годы я учился в школе и очень хорошо помню, какой живой, горячий отклик вызвал этот рассказ. Для его обсуждения в нашу школу был приглашен из Чебоксар сотрудник журнала «Ялав» писатель Иван Григорьев. Участвовали в непринужденном разговоре старшеклассники и учителя, и сам директор школы Ф.Н. Рекеев. Доспорились до того, что уча-

шиеся из дальних деревень вынуждены были ночевать прямо в школе. Вот какой ажиотаж вызвала первая же публикация молодой писательницы в литературном журнале.

Двадцать с лишним лет З.А. Нестерова преподавала русский язык и литературу на севере, вырастила двух прекрасных сыновей. Посетила ряд зарубежных стран по туристической путевке. Особенно произвели впечатление Япония и Куба. А по выходе на пенсию они с мужем обосновались в Чебоксарах. Зоя Алексеевна с новой силой принялась за литературную работу.

Выпустила книги «Хитрый заяц», «Приключения Ванюша», «Золотые россыпи», «Не целуй чужую жену», «Четыре волшебника», «Сторож» и другие. Но главной книгой ее литературной жизни, по-моему, является роман «И мужчины плачут...». Сначала он был опубликован в журнале «Ялав» и получил много читательских отзывов.

В 2003 году роман вышел отдельной книгой. Судьба человека, в силу обстоятельств оказавшегося в фашистском плену, но сохранившего чистую веру в свое Отечество, заинтересовала многих. Книга по итогам года была признана самой читаемой в республике. Для автора это — высшая награда. Грамоты, дипломы, почетные звания и нагрудные знаки — это только приложение к ней. Как редактор журнала, а редактор это — первый читатель, — я еще раз хочу выразить особую признательность Зое Алексеевне за роман, за повести, за рассказы и стихи, за высокий проникновенный слог.

Новых вам высот в художественном творчестве, Зоя аппа, славная дочь славного рода Уби.

Юрий СЕМЕНДЕР,
народный поэт Чувашии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	3
Часть вторая	155
Часть третья	275
Вместо эпилога	347
<i>Об авторе книги</i>	351

Литературно-художественное издание

Нестерова Зоя Алексеевна

И МУЖЧИНЫ ПЛАЧУТ...

Роман

Перевод с чувашского *С.А. Карповой*

Редакторы *Е.П. Семенова, В.Н. Алексеев*

Художник *С.А. Бритвина*

Художественный редактор *С.А. Бритвина*

Технический редактор *Л.К. Егорова*

Корректоры *Н.Г. Орлова, Н.Н. Маслова,*

Е.П. Казакова, Н.В. Вечеркина

Компьютерная верстка *Л.К. Егоровой*

Подписано к печати 27.03.09. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 16,97. Тираж 1000 экз. Заказ № К-507. Изд. №28.

ГУП Чувашской Республики «Чувашское книжное издательство»
Минкультуры Чувашии, 428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

**Зоя Алексеевна
Нестерова**

родилась в 1925 г. в д. Нижние Кожары Красноармейского района ЧАССР.

После окончания Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева много лет преподавала русский язык и литературу в школах Чувашии и Магаданской области.

Выпустила книги «Хитрый заяц» (1984), «Приключения Ванюшки» (1987), «Золотые россыпи» (1991), «Не целуй чужую жену» (1998), «И мужчины плачут...» (2003), «Четыре волшебника» (2005), «Сторож» (2006).

З.А. Нестерова — член Союза писателей России с 1991 г.

Чувашское
книжное
издательство